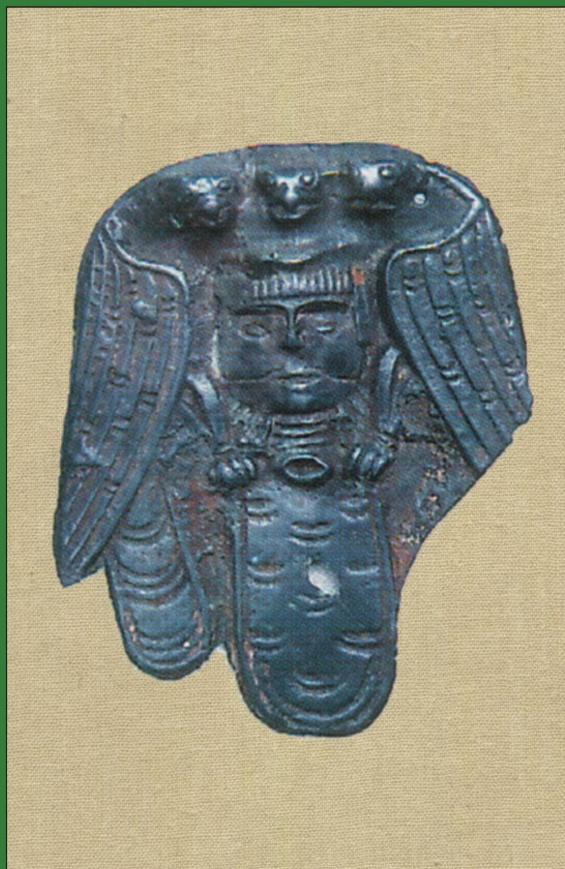

3 (46)
2019

ISSN 2071-0437 (Online)

ВЕСТНИК АРХЕОЛОГИИ, АНТРОПОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ

**ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ НАУКИ
ФЕДЕРАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ЦЕНТР
ТЮМЕНСКИЙ НАУЧНЫЙ ЦЕНТР
СИБИРСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК**

ВЕСТНИК АРХЕОЛОГИИ, АНТРОПОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ

Сетевое издание

**№ 3 (46)
2019**

ISSN 2071-0437 (online)

Выходит 4 раза в год

Главный редактор:

Багашев А.Н., д.и.н., ТюмНЦ СО РАН

Редакционный совет:

Молодин В.И. (председатель), акад. РАН, д.и.н., Ин-т археологии и этнографии СО РАН;
Бужилова А.П., акад. РАН, д.и.н., НИИ и музей антропологии МГУ им М.В. Ломоносова;
Головнев А.В., чл.-кор. РАН, д.и.н., Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого РАН (Кунсткамера);
Бороффка Н., PhD, Германский археологический ин-т, Берлин (Германия);
Васильев С.В., д.и.н., Ин-т этнологии и антропологии РАН; Лахельма А., PhD, ун-т Хельсинки (Финляндия);
Логвин В.Н., д.и.н., Сургутский госуниверситет; Миненко Н.А., д.и.н., Уральский госуниверситет;
Рындина О.М., д.и.н., Томский госуниверситет; Томилов Н.А., д.и.н., Омский госуниверситет;
Хлахула И., Dr. hab., университет им. Адама Мицкевича в Познани (Польша);
Хэнкс Б., PhD, ун-т Питтсбурга (США); Чиндина Л.А., д.и.н., Томский госуниверситет;
Чистов Ю.К., д.и.н., Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого РАН (Кунсткамера)

Редакционная коллегия:

Агапов М.Г., д.и.н., ТюмНЦ СО РАН; Валь Й., PhD, Общ-во охраны памятников Штутгарта (Германия);
Дегтярева А.Д., к.и.н., ТюмНЦ СО РАН; Зах В.А., д.и.н., ТюмНЦ СО РАН; Зимина О.Ю. (зам. главного редактора), к.и.н., ТюмНЦ СО РАН; Ключева В.П., к.и.н., ТюмНЦ СО РАН; Крийска А., PhD, ун-т Тарту (Эстония); Крубези Э., PhD, ун-т Тулузы, проф. (Франция); Кузьминых С.В., к.и.н., Ин-т археологии РАН;
Лискевич Н.А. (ответ. секретарь), к.и.н., ТюмНЦ СО РАН; Печенкина К., PhD, ун-т Нью-Йорка (США);
Пинхаси Р., PhD, ун-т Дублина (Ирландия); Рябогина Н.Е., к.г.-м.н., ТюмНЦ СО РАН;
Ткачев А.А., д.и.н., ТюмНЦ СО РАН

Утвержден к печати Ученым советом ФИЦ Тюменского научного центра СО РАН

Сетевое издание «Вестник археологии, антропологии и этнографии»
зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий
и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)
Свидетельство ЭЛ № ФС 77-171754 от 8 декабря 2017 г.

Адрес: 625026, Тюмень, ул. Малыгина, д. 86, телефон: (345-2) 406-360, e-mail: vestnik.ipos@inbox.ru

Адрес страницы сайта: <http://www.ipdn.ru>

© ФИЦ ТюмНЦ СО РАН, 2019

**FEDERAL STATE INSTITUTION
FEDERAL RESEARCH CENTRE
TYUMEN SCIENTIFIC CENTRE
OF SIBERIAN BRANCH
OF THE RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES**

VESTNIK ARHEOLOGII, ANTROPOLOGII I ETNOGRAFII

ONLINE MEDIA

**№ 3 (46)
2019**

ISSN 2071-0437 (online)

There are 4 numbers a year

Editor-in-Chief

Bagashev A.N., Doctor of History, Tyumen Scientific Centre SB RAS

Editorial board members:

Molodin V.I. (chairman), member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of History,
Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
Buzhilova A.P., member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of History,
Institute and Museum Anthropology University of Moscow
Golovnev A.V., corresponding member of the RAS, Doctor of History,
Museum of Anthropology and Ethnography RAS Kunstkamera
Boroffka N., PhD, Professor, Deutsches Archäologisches Institut, Germany
Chindina L.A., Doctor of History, Professor, University of Tomsk
Chistov Yu.K., Doctor of History, Museum of Anthropology and Ethnography RAS Kunstkamera
Chlachula J., Doctor hab., Professor, University of a name Adam Mickiewicz in Poznan (Poland)
Hanks B., PhD, Professor, University of Pittsburgh, USA
Lahelma A., PhD, Professor, University of Helsinki, Finland
Logvin V.N., Doctor of History, Professor, University of Surgut
Minenko N.A., Doctor of History, Professor, Ural federal university
Ryndina O.M., Doctor of History, Professor, University of Tomsk
Tomilov N.A., Doctor of History, Professor, University of Omsk
Vasilyev S.V., Doctor of History, Institute of Ethnology and Anthropology RAS

Editorial staff:

Agapov M.G., Doctor of History, Tyumen Scientific Centre SB RAS
Crubezy E., PhD, Professor, University of Toulouse, France
Degtyareva A.D., Candidate of History, Tyumen Scientific Centre SB RAS
Kluyeva V.P., Candidate of History, Tyumen Scientific Centre SB RAS
Kriiska A., PhD, Professor, University of Tartu, Estonia
Kuzminykh S.V., Candidate of History, Institute of Archaeology RAS
Liskevich N.A. (senior secretary), Candidate of History, Tyumen Scientific Centre SB RAS
Pechenkina K., PhD, Professor, City University of New York, USA
Pinhasi R. PhD, Professor, University College Dublin, Ireland
Ryabogina N.Ye., Candidate of Geology, Tyumen Scientific Centre SB RAS
Tkachev A.A., Doctor of History, Tyumen Scientific Centre SB RAS
Wahl J., PhD, Regierungspräsidium Stuttgart Landesamt für Denkmalpflege, Germany
Zakh V.A., Doctor of History, Tyumen Scientific Centre SB RAS
Zimina O.Yu. (sub-editor-in-chief), Candidate of History, Tyumen Scientific Centre SB RAS

Address: Malygin St., 86, Tyumen, 625026, Russian Federation; mail: vestnik.ipos@inbox.ru
URL: <http://www.ipdn.ru>

Содержание

Археология

Скочина С.Н., Ткачев А.А. Костяные орудия энеолитического комплекса поселения Оськино Болото	5
Корочкова О.Н., Федорова Н.В. Клады Урала и Западной Сибири эпохи бронзы — раннего железного века: состав, контексты, интерпретации.....	17
Илюшина В.В., Зах В.А., Еньшин Д.Н., Тигеева Е.В., Кисагулов А.В. Комплекс укрепленного поселения Марай 4 начала раннего железного века лесостепного Приишимья.....	29
Костомарова Ю.В. Производственная деятельность населения начала раннего железного века укрепленного поселения Марай 4 в Нижнем Приишимье (экспериментально-трассологический анализ).....	48
Берлина С.В. Жилища гороховской культуры Зауралья	62
Рассадников А.Ю. Археозоологические материалы (XIX век) из раскопок Екатеринбурга	75
Спиридонов И.А. Металл энеолитических комплексов Зауралья.....	86

Антропология

Худавердян А.Ю., Аветисян П.С., Меликян В.В., Арутюнян Т.Э., Енгибарян А.А., Оганесян А.А. Возможные причины неполного смыкания черепных швов у индивидов из памятников I в. до н.э. — III в. н.э. Мастара и Вардбах (Армения).....	96
Солодовников К.Н., Багашев А.Н., Тур С.С., Громов А.В., Нечвалода А.И., Кравченко Г.Г. Источники по палеоантропологии неолита — энеолита Среднего Прииртышья	116

Этнология

Адаев В.Н. Опыт описания экстремальной адаптации: чуваша-переселенцы XX века в урманной тайге	137
Богордаева А.А. Особенности кенотафов обских угров по этнографическим данным конца XIX — начала XXI в.	149
Бобров И.В., Черепанов М.С., Шишелякина А.Л. Православный ландшафт Тюменской области: места, численность и демографический состав городских молитвенных собраний	157
Лейбович О.Л. «Надо отбить лисьи повадки у нее...»: бестиарий в партийном дискурсе 1940– 1950-х гг.	170
Ширинкина Н.А. Как «сотик» здоровью вредит: пенсионеры Пермского края и новые технологии ...	176
Информация для авторов	181
Список сокращений	184

На передней стороне обложки: «ура хот» — поминальное место погибших людей, северные ханты, Шурьышкарский р-н Ямало-Ненецкого автономного округа, 2007 г. (фото А.А. Богордаевой); бронзовый кельт с укрепленного поселения Марай 4, Нижнее Приишимье; предмет из Холмогорского клада, Среднее Приобье, бронза.

Contents

Archaeology

Skochina S.N., Tkachev A.A. Eneolithic bone tools from the Oskino Boloto settlement	5
Korochkova O.N., Fedorova N.V. Ural and West Siberian hoards (Bronze Age — Early Iron Age): composition, context and interpretation	17
Ilyushina V.V., Zach V.A., Enshin D.N., Tigeeva E.V., Kisagulov A.V. The complex of the Maray 4 fortified settlement in the forest-steppe of Ishim area (beginning of the Early Iron Age)	29
Kostomarova Yu.V. Production activity of the Maray 4 fortified settlement of the Early Iron Age in the Lower Ishim area: use-wear analysis	48
Berlina S.V. Dwellings of the Gorokhovo culture in the Trans-Urals	62
Rassadnikov A.Yu. 19th-century archaeozoological materials from the excavations of Ekaterinburg	75
Spiridonov I.A. Metal in the Eneolithic complexes of the Trans-Urals	86

Anthropology

Khudaverdyan A.Yu., Avetisyan P.S., Melikyan V.V., Arutyunyan T.E., Yengibaryan A.A., Hovhannisyan A.A. Possible reasons for the incomplete closure of cranial sutures in individuals from Armenian monuments (Mastara and Vardbakh) of the 1st century BC — 3rd century AD	96
Solodovnikov K.N., Bagashev A.N., Tur S.S., Gromov A.V., Nechvaloda A.I., Kravchenko G.G. Neolithic-Eneolithic paleoanthropological sources from the Middle Irtysh area	116

Ethnology

Adaev V.N. Description of extreme adaptation: Chuvash settlers of the 20th century in deep Siberian forests	137
Bogordayeva A.A. Features of the Ob-Ugrian cenotaphs according to the ethnographic data of the late 19th — early 21st century	149
Bobrov I.V., Cherepanov M.S., Shisheliakina A.L. Orthodox landscape of the Tyumen Region: location, number and demographic composition of urban prayer meetings	157
Leibovich O.L. Bestiary in the party discourse of 1940–1950	170
Shirinkina N.A. Senior citizens of the Perm Territory and fears associated with new technologies	176
Memo to the authors	181
Abbreviations	184

АРХЕОЛОГИЯ

С.Н. Скочина, А.А. Ткачев

ФИЦ Тюменский научный центр СО РАН
ул. Малыгина, 86, Тюмень, 625026
E-mail: sveta_skochina@mail.ru;
sever626@mail.ru

КОСТЯНЫЕ ОРУДИЯ ЭНЕОЛИТИЧЕСКОГО КОМПЛЕКСА ПОСЕЛЕНИЯ ОСЬКИНО БОЛОТО

Представление о культуре и системе жизнеобеспечения энеолитического населения лесостепного Притоболья дает совокупный анализ данных исследования как поселенческих, так и культовых объектов. Однако практически полное отсутствие костяных орудий в комплексах лишает нас полной информации об аспектах хозяйственно-производственной деятельности в эту эпоху. В связи с этим важным дополнительным источником для ее характеристики могут считаться материалы поселения Оськино Болото, в ходе раскопок которого обнаружена небольшая серия костяных орудий. Е.Н. Волков материалы поселения Оськино Болото датировал временем между ранним (конец IV — начало III тыс. до н.э.) и поздним (первая треть — конец III тыс. до н.э.) этапами байрыкско-лыбаевской культуры. Несмотря на малочисленность костяного инвентаря типологические формы орудий отражают такие важные сферы деятельности, как изготовление глиняной посуды, обработка шкур и дерева, плетение.

Ключевые слова: лесостепное Притоболье, энеолит, байрыкско-лыбаевская культура, керамика, костяной инвентарь, трасологический анализ.

DOI: 10.20874/2071-0437-2019-46-3-005-016

Введение

Представление о материальной культуре и системе жизнеобеспечения энеолитического населения лесостепного Притоболья строится на совокупном анализе данных всех источников — как поселенческих, так и культовых комплексов [Волков, 2009; Мосин, 2014; Потемкина, 2001; Матвеев и др., 2015]. Однако в сферу внимания исследователей региона практически не попадали — в силу отсутствия — костяные орудия, характерные для данной эпохи, поэтому материалы поселения Оськино Болото, в ходе раскопок которого помимо керамики и камня обнаружена серия костяных орудий, способны дать важную дополнительную информацию о производственной деятельности в эпоху энеолита.

Основная часть (анализ источников)

Работы, проведенные на поселении Оськино Болото, расположенном на окраине с. Памятное Ялуторовского района Тюменской области, показали использование площадки памятника на протяжении нескольких исторических эпох, начиная от неолита и заканчивая исторической современностью [Ткачев, 2001; Ткачев, Волков, 2002, 2007; Ткачев, Ткачева, 2006]. Дневная поверхность мыса, перекрытая смешанным сосново-березовым лесом, ограничена с юга невысокой пологой кромкой поймы левого берега р. Исети, с севера — берегом древнего заболоченного озера. За 13 полевых сезонов (2000–2002, 2005–2015 гг.) в центральной, северной и западной частях памятника вскрыто 3632,5 м² (рис. 1).

Исследован культурный слой энеолитического времени, расположенный в северной части раскопа на участке, примыкающем к южному берегу озера. Вдоль кромки мыса находились остатки частично сохранившейся наземной постройки и двухкамерное углубленное жилище № 11, в заполнении которого обнаружены каменный инвентарь и керамика байрыкско-лыбаевской культуры [Ткачев, Волков, 2007, рис. 1; Волков, 2012]. В ходе последующих работ, вдоль склона и у подножия террасы, примыкающей к кромке южного берега озера, изучен участок, включающий сооружение 56, остатки рвов, хозяйственные и столбовые углубления (рис. 2). Придонные части выявленных сооружений углублены до подпочвенных грунтовых вод, напрямую связан-

ных с уровнем воды в древнем заболоченном озере. Повышенная влажность позволила сохраниться в песчаном грунте значительной серии костяных изделий.

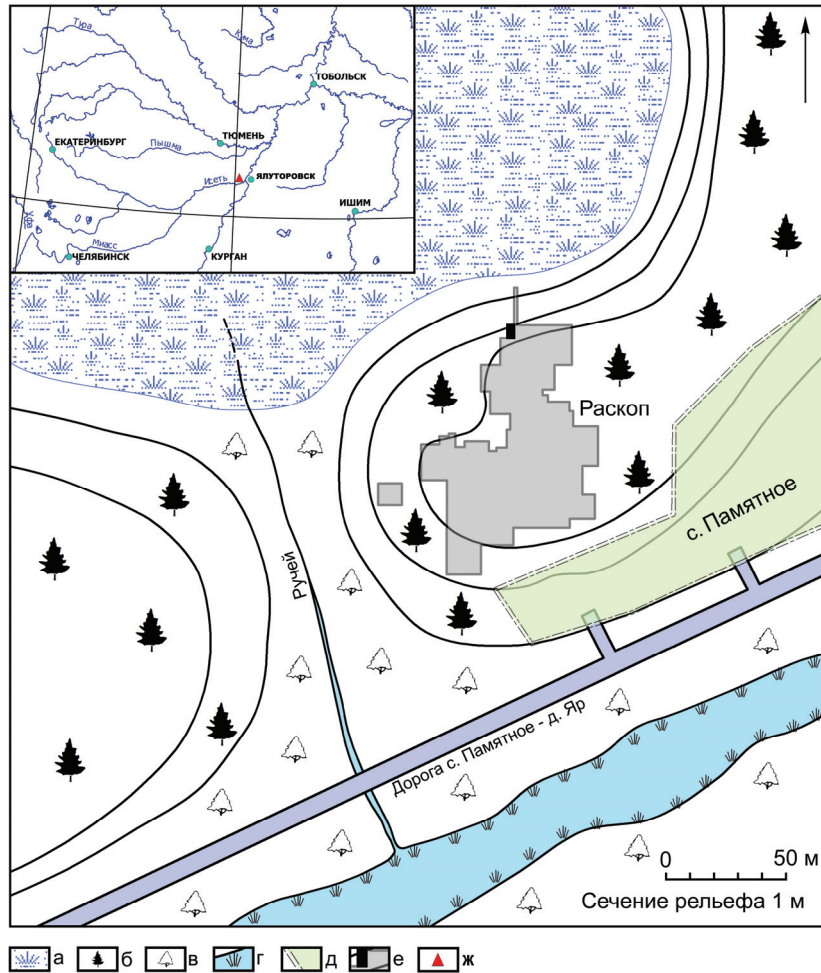

Рис. 1. Поселение Осыкино Болото. План местности:

а — заболоченное озеро; б — сосновый бор; в — кустарник; г — старица р. Исети; д — граница с. Памятное; е — местоположение исследованных конструкций в пределах изученного участка; ж — место расположения памятника.

Fig. 1. Settlement Oskino Boloto. Terrain plan:

а — marsh lake; б — pine forest; в — shrub; г — the site of the old bed of the river Iset; д — border village Pamyatnoe; е — location of the investigated structures within the studied area; ж — location of the monument.

Сооружения

Сооружение 56 располагалось на ровной площадке у подножия террасы и имело котлован неправильно-прямоугольной формы с закругленными углами размером 2,8×2,1 м, вытянутый по линии северо-восток — юго-запад (рис. 2). В северо-восточной стенке находился выход в виде короткого и узкого тамбура (0,9×0,5 м), направленный на северо-восток. Вход оформлен в виде ступеньки высотой 13–15 см, боковые стенки плавно понижались к ровному дну. Вероятно, в котлован с вертикальными стенками глубиной около 0,3 м был впущен бревенчатый сруб, сохранившийся в виде вертикальной прослойки черного гумусированного песка, оконтурившего прямоугольный участок размером 2,3×1,8 м. Пространство между стенками котлована и срубом засыпано коричневым песком, насыщенным рыбьей чешуей. Внутреннее пространство сооружения заполнено плотным коричневым суглинком, тогда как в придонной части выхода прослеживались отложения белого озерного песка. Южная часть котлована ниже «привходовой» на 0,1 м, вероятно, из-за подчистки данного участка дна. В заполнении котлована встречены обломки посуды (рис. 3, 14–16), изделия из камня (обломок каменного наконечника, скребок, отщеп из черного сланца, керамический скребок) и костяной инвентарь.

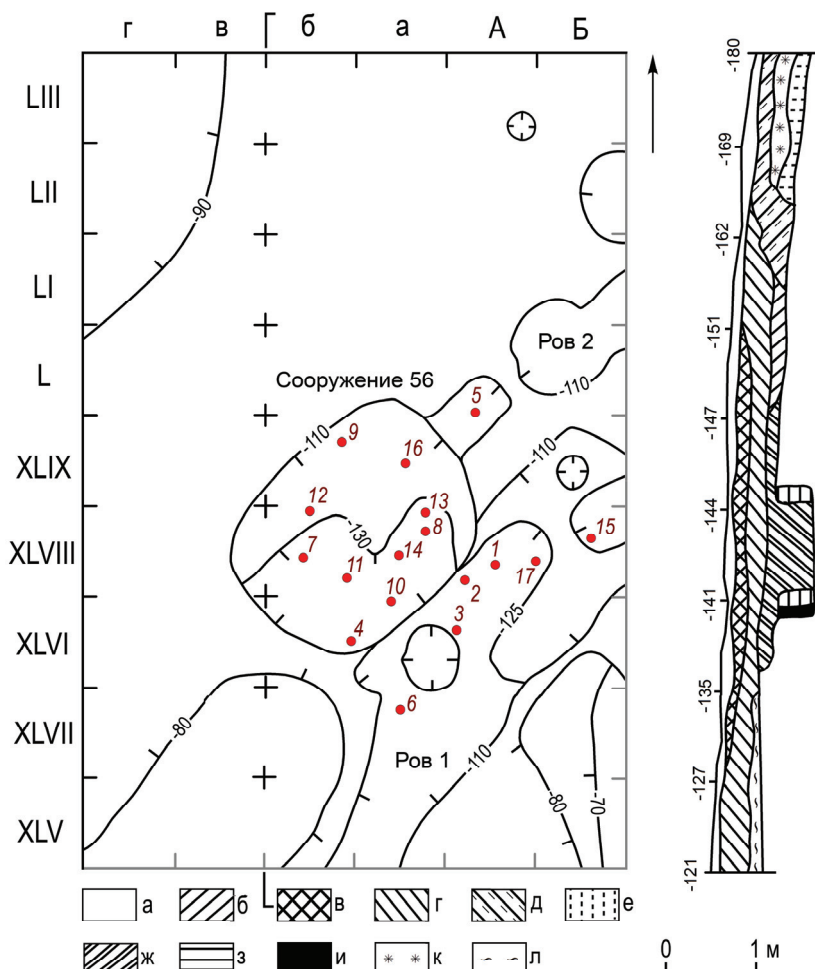

Рис. 2. Поселение Оськино Болото. План раскопа:

а — дерн; б — серый песок; в — светло-серый песок; г — темно-серый песок; д — серый илистый песок; е — рыжий ожелезненный песок; ж — коричневый песок; з — черный гумусированный песок; и — коричневый песок с примесью рыбьей чешуи; к — белый озерный песок; л — черный сажистый песок с примесью древесных угольков.
Костяной инвентарь: 1 — острие; 2, 3 — обломки рукоятей; 4 — стамеска; 5, 13 — наконечники стрелы; 6 — скол с тесла из рога; 7, 8 — проколка; 9 — кинжал; 10 — разминатель для шкур; 11 — проколка; 12, 16 — шпатель; 14 — обломок стрелевидного изделия; 15, 17 — кочедык.

Fig. 2. Settlement Oskino Boloto. Digging plan:

а — sod; б — gray sand; в — light gray sand; г — dark gray sand; д — gray silty sand; е — ginger ferrituous sand; ж — brown sand; з — black humus sand; и — brown sand mixed with fish scales; к — white lake sand; л — black black sand mixed with charcoal. Finds: 1 — point; 2, 3 — hilt from tools; 4 — chisel; 5, 13 — arrowheads; 6 — adze fragment; 7, 8, 11 — skin pusher; 9 — dagger; 10 — kneader for skins; 12, 16 — spatula; 14 — fragment from tools; 15, 17 — tool for weaving.

Ров 1 примыкал к юго-восточной стенке сооружения и представлял собой канавообразное углубление, располагавшееся по линии северо-восток — юго-запад вдоль подножия мыса, прорезая его кромку (рис. 2). Длина исследованного участка составляет около 7 м, ширина 0,75–1,1 м, глубина северной части 0,15 м, южной — до 0,3 м. Можно предположить, что первоначальная глубина конструкции достигала 0,8–0,9 м, причем основание углублено на 0,5 м в слой материковой глины. В северо-восточной стенке прослеживался прямоугольный выступ (3,9×0,5–0,8 м), частично прорезанный котлованом сооружения 56, что предполагает его более раннее происхождение. На дне рва расчищено два круглых углубления (диаметром 34 и 60 см, глубиной 19–12 см) и одно прямоугольное (1,5×0,65×0,21 м). В заполнении последнего и вокруг него собрано 7 фрагментов венчиков и 6 — орнаментированных стенок сосудов (рис. 3, 2, 6–8, 10–12). Кроме того, в заполнении рва обнаружены каменные (две кремневые пластинки, обломок изделия из черного сланца, аморфный обломок камня) и костяные изделия.

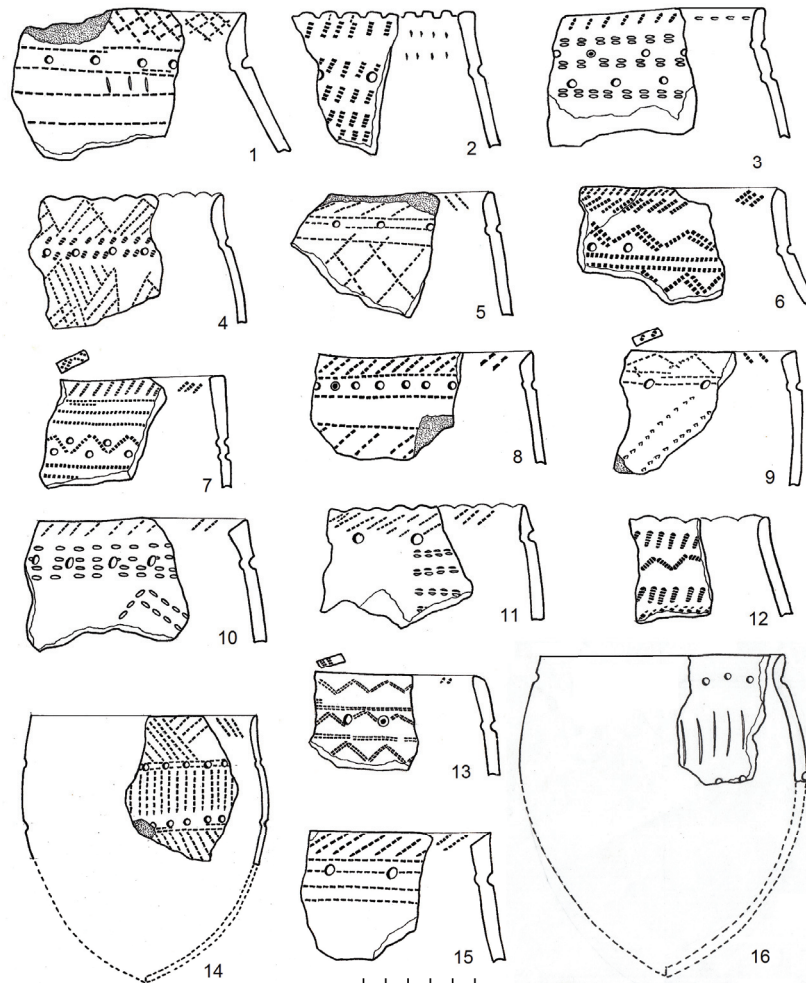

Рис. 3. Поселение Оськино Болото. Керамика:

1, 4 — ров 2; 2, 6–8, 10–12 — ров 1; 3, 5, 9, 11, 13 — межжилищное пространство; 14–16 — сооружение 56.

Fig. 3. Settlement Oskino Boloto. Ceramics:

1, 4 — ditch 2; 2, 6–8, 10–12 — moat 1; 3, 5, 9, 11, 13 — interstitial space; 14–16 — building 56.

Ров 2 начинается близ выхода сооружения 56 небольшим округлым расширением диаметром до 1 м. Ширина материковой перемычки между котлованом постройки 56 и углублением рва составляет около 0,2 м, тогда как проход между стенками рвов фиксируется в пределах 0,4–1,1 м (рис. 2). В процессе предыдущих исследований зафиксировано, что углубленная конструкция ориентирована с северо-запада на юго-восток с постепенным поворотом на юго-юго-запад. Длина исследованного участка не менее 28 м, ширина верхней оплывшей кромки рва — от 2 до 4 м, ширина сохранившихся придонных участков — в пределах 1,1–1,5 м, глубина от уровня современной дневной поверхности достигает 1,5 м, от уровня материка — 0,7–1,2 м. На неровном дне прослежены отдельные углубления, свидетельствующие о неоднократных подчистках [Ткачев, 2010]. В отложениях рва наблюдается чередование серого, темно-серого и светло-серого песка с примесью древесных угольков. В придонной части выявлены линзы черного углистого песка, насыщенного древесными угольками. Вдоль северной стенки отмечены затеки белого песка, отложившегося вследствие периодических паводков и подвергавшегося частичной подчистке при эксплуатации сооружения. В заполнении встречены отдельные изделия из камня и многочисленные обломки посуды (рис. 3, 1, 4).

Керамический комплекс

Культурная принадлежность неолитического комплекса определяется особенностями обнаруженной посуды, причем, несмотря на то что постройка «слегка» прорезает углубления рва,

Костяные орудия энеолитического комплекса поселения Оськино Болото

каких-либо принципиальных отличий в формах и орнаментике не отмечается. Скорее всего, хронологический разрыв был минимальный, и, возможно, постройка и рвы функционировали одновременно.

Коллекция посуды байрыкско-лыбаевской культуры, встреченная в заполнении углубленных конструкций и на прилегающих к ним площадках, представлена обломками 25–30 сосудов, имеющих следующие декоративно-морфологические признаки:

- сосуды отличаются приостренными или округло-приостренными днищами, о чем свидетельствуют обломки обнаруженных и реконструированных днищ;

- незначительная группа изделий имеет на внутренней стороне венчика небольшой наплыв;

- преобладает тонкостенная посуда, толщина которой варьируется в пределах 0,35–0,6 см;

- в глиняном тесте визуально фиксируется обильная примесь песка и органики, в единичных случаях — мелкодробленого шамота;

- большинство сосудов в зоне венчика украшены горизонтальными рядами ямочек (рис. 3, 1–11, 13–16), иногда горизонтальные ряды ямочек декорируют и тулово емкости (рис. 3, 14, 16). В то же время на отдельных образцах керамического производства ямочный декор полностью отсутствует (рис. 3, 12).

Керамика энеолитического времени поселения Оськино Болото орнаментировалась в трех основных манерах: отступающе-накольчатой, «короткогребенчатой» и в стиле «длинного, сплошного гребенчатого штампа». Значительная часть посуды, орнаментированной в отступающе-накольчатой технике, украшалась при помощи раздвоенной (расщепленной) на конце палочки (рис. 3, 3, 11). В коллекции также представлены отдельные сосуды, декорированные при помощи палочки, оставляющей каплевидные отпечатки (рис. 3, 10). Основными орнаментальными мотивами являются горизонтальные и наклонные линии (рис. 3, 9, 10). Вместе с ними представлены и геометрические элементы: треугольники, зигзаги и заштрихованные лесенки (рис. 3, 9, 10).

Посуда, декорированная в стиле короткого гребенчатого штампа, является наиболее многочисленной. Основными орнаментальными мотивами выступают: горизонтальные линии, прямые и наклонные оттиски короткого гребенчатого штампа (рис. 3, 2, 5, 8, 12, 13, 15). Геометрические элементы орнамента фиксируются редко, как правило, они представлены ромбической сеткой, треугольниками, зигзагом (рис. 3, 1, 4–6), иногда свободные зоны последних украшены дополнительно чередующимися вдавлениями (рис. 3, 7).

Посуда, орнаментированная в стиле длинного гребенчатого штампа, наиболее малочисленна. Основные мотивы — прямые горизонтальные линии, вертикальные и наклонные оттиски длинного гребенчатого штампа, дополненные рядами горизонтальных вдавлений (рис. 3, 14).

Характерной особенностью керамического комплекса являются широкое распространение волнистого среза венчика (рис. 3, 2, 4, 11, 12) и декорирование внутренней стороны емкостей под срезом венчика разнонаправленными наклонными линиями (рис. 3, 5–11, 14, 15), достаточно редко встречаются ромбическая сетка, каплевидные оттиски, «елочка», горизонтальные и вертикальные линии (рис. 3, 1–3).

Один сосуд в комплексе украшен рядами вдавлений, нанесенных под венчиком в виде слабо выраженного зигзага, по тулову — вдавлениями, образующими горизонтальную линию. Внутреннее пространство, обрамленное вдавлениями, заполнено вертикально-выпуклыми линиями, выполненными резной техникой (рис. 3, 16).

Костяной инвентарь

В результате исследований в заполнении сооружений были обнаружены изделия из кости и рога. Для определения их функционального назначения с помощью стереоскопического микроскопа «МСП-1», с увеличением от 15 до 60 раз, с фотокамерой Canon EOS-1100 проведен трапезологический анализ.

Коллекция костяного инвентаря насчитывает 18 экз., в том числе: наконечники метательных орудий (2), кинжал, кочедыки (2), острие (2), проколки (3), разминатель для шкур, обломок тесла, обломок стамески, шпатели (2), обломки орудий (2) и фрагмент рога (рис. 4–6). Небольшая, но представительная серия орудий отражает следующие аспекты хозяйственной деятельности обитателей поселка.

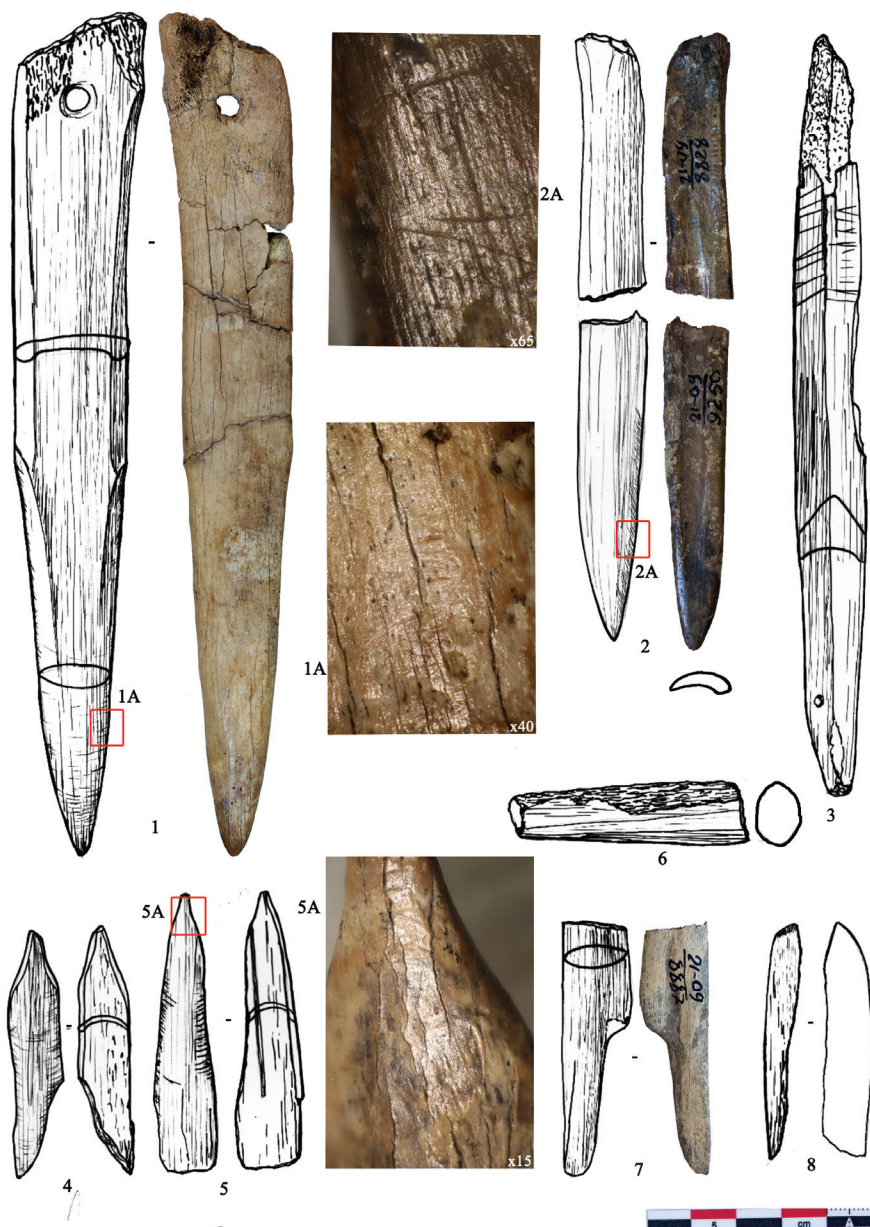

Рис. 4. Поселение Оськино Болото. Костяной инвентарь:

1 — кинжал; 2 — острие; 3, 7 — наконечники стрел; 4, 5 — проколки; 6 — обломок стержневидного изделия; 8 — скол с тесла из рога. А — микрофото следов сработанности на орудиях.

Fig. 4. Settlement Oskino Boloto. Bone tools:

1 — dagger; 2 — point; 3, 7 — arrowheads; 4, 5 — skin pusher; 6 — fragment tool rod; 8 — adze fragment from the horns.
A — microphoto traces on the tools.

Охота и рыболовство

Кинжал (19,4×2,5×0,7 см) вырезан из продольно расколотой выпрямленной кости крупного животного (рис. 4, 1). Поверхность рукояти длиной 10–10,5 см, оформлена с помощью грубого строгания, о чем свидетельствуют длинные продольные царапины от каменного предмета. Верхняя часть рукояти имеет неровное окончание, поверхность не обработана, поэтому видна пористая структура кости. Здесь расположено отверстие диаметром 0,7 см, оформленное в технике комбинирования сверления и прорезывания. Рукоять отделена от лезвия небольшими выступами, фиксирующимися на двух продольных краях. Лезвие длиной около 9 см, заострено

Костяные орудия энеолитического комплекса поселения Оськино Болото

с одной стороны пришлифовкой и имеет призматическое сечение. Основная масса линейных следов сосредоточена на одной плоской поверхности. Они представляют собой царапины, начинающиеся от продольных краев, короткие и длинные, расположенные поперек длинной оси орудия. Заполировка яркая, поверхностная, перекрытая многочисленными царапинами (рис. 4, 1A). Блок следов характерен для ножа для чистки рыбы, однако не исключаем его использование в других хозяйственных целях.

Рис. 5. Поселение Оськино Болото. Костяной инвентарь:

1, 2 — шпатели; 3, 4 — кочедыки; 5 — стамеска. А — микрофото следов сработанности на орудиях.

Fig. 5. Settlement Oskino Boloto. Bone tools:

1, 2 — spatulas; 3, 4 — tool for weaving; 5 — chisel. А — microphoto traces on the tools.

Наконечники метательных орудий представлены обломками. Первый (17,4×1,6×1,6 см) выполнен на крупной кости, стержневидной формы в плане и треугольной в сечении (рис. 4, 3). Одна сторона имеет тенденцию к вогнутости, помимо следов строгания на ней фиксируются массивные продольные грубые царапины от скобления концом каменного орудия. У насада округлой в сечении формы, толщиной около 1 см, на двух поверхностях присутствуют два не-

больших углубления диаметром около 0,3 см от встречного сверления. В средней части пера на двух гранях нанесены тонкие поперечные царапины. С одной стороны они расположены практически на равном расстоянии друг от друга, создавая впечатление орнаментированности, а с другой — поперечных царапин довольно много и нанесены они бессистемно. К сожалению, поверхность острия наконечника не сохранилась, поэтому установить, использовался ли он функционально, затруднительно. Второй наконечник представлен обломком — нижней частью пера и черешка, он изготовлен с использованием техники строгания. Перо линзовидной формы (толщина 0,6 см), имеет один выступ на границе с заостренным черешком длиной 3,2 см в сечении клиновидной формы (рис. 4, 7).

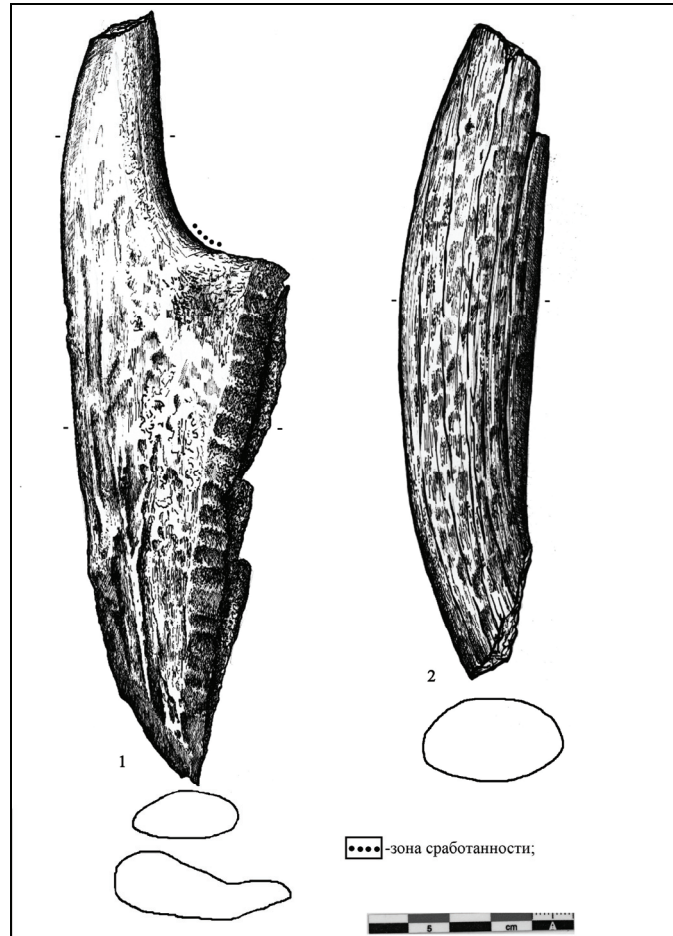

Рис. 6. Поселение Оськино Болото. Костяной инвентарь:

1 — разминатель для шкур; 2 — фрагмент рога.

Fig. 6. Settlement Oskino Boloto. Bone tools:

1 — crush the skin (horn); 2 — fragment of the horn.

Обработка шкур

Две проколки для шкур выполнены из расколотых трубчатых косточек (6,2×1,3 и 5,5×1,1 см), острия которых оформлены двумя сходящимися срезами (рис. 4, 4, 5). Рабочие концы прокопок скруглены, сильно заполированы от работы. В зоне острия локализуются линейные следы, расположенные поперечно продольной оси изделий и указывающие на круговые движения (рис. 4, 5А). Кроме того, в качестве проколки использовался расколотый обломок ребра животного, острый конец и края которого имеют сглаженный характер и жирную заполировку.

К данной группе отнесено орудие из фрагмента отростка рога размерами 18×6×2,8 см (рис. 6, 1), на одном из вогнутых краев которого фиксируются заполировка и незначительная сработанность в виде параллельных друг другу тонких частых царапин, характерных для обработки шкур. Скорее всего этот фрагмент использовался в качестве разминателя шкур [Семенов, 1968, с. 186].

Гончарное производство

Инструментами, использовавшимися в гончарном производстве, являлись шпатели (2 экз.). Первый (13,7×3,1×0,7 см) изготовлен на ребре животного, имеет в плане каплевидную форму, т.е. один скругленный конец и один заостренный, в профиле изогнут (рис. 5, 1). Острие оформлено неполным раскалыванием одной стороны, открывающим пористую структуру ребра. Продольные края и место слома острия пришлифованы, как и противоположный округлый конец. Многочисленные следы сработанности локализуются на одной поверхности у острия. Они начинаются от одного продольного края и покрывают поверхность. Представлены сгруппированными и пересекающимися длинными царапинами, расположенными перпендикулярно или наклонно к длинной оси изделия. Заполировка пятнистая, чуть жирная, местами яркая (рис. 5, 1А). Данный блок следов характерен для работы по глине с примесью песка в таких операциях, как формирование/заглаживание соединения жгутов между собой, а также заглаживание/лощение по подсушенной поверхности глиняного сосуда. Второй экземпляр представлен обломком заостренной части (8×2,5×0,3 см) худшей сохранности, чем предыдущий. На поверхности фиксируются пятнистая яркая заполировка и незначительные линейные следы, имеющие поперечную направленность к продольным краям изделия (рис. 5, 2).

Плетение

Кочедыки (2 экз.) — обломки плоских острий разных размеров (длина 9,4 и 4,6 см) (рис. 5, 3, 4). Изготовлены на расколотых ребрах, отчего одна из поверхностей пористая. Продольные края и острие оформлены пришлифовкой. Линейные следы фиксируются на одной поверхности в виде коротких хаотичных царапин без особой направленности, у острия имеются длинные тонкие продольные царапины. Заполировка яркая, пятнистая (рис. 5, 3А, 4А).

Острие (2 экз.) — два обломка размерами 6×1,5×0,5 см и 7,7×1,5×0,6 см (рис. 4, 2). Выполнено на расколоте фрагменте кости. В процессе обработки внутренняя пористая структура была срезана строгальным ножом, продольные края, один из которых округлый, а второй заострен, пришлифованы. Поперечный конец рукояточной части оформлен несколькими сколами. С внутренней стороны продольные края ближе к острию и само острие пришлифованы. Следы сработанности фиксируются на одном продольном заостренном рабочем крае. Линейные следы расположены перпендикулярно и разнонаправленно по отношению к продольному краю (рис. 4, 2А) и представляют собой короткие сгруппированные тонкие и грубые царапины. Заполировка яркая, блестящая, поверхностная. Исходя из анализа блока характерных следов орудия можно предположить, что это палочка для работы по волокнистым травяным (?) материалам, возможно, относится к типу кочедыков (?).

Обработка дерева

О присутствии рубящих орудий в коллекции поселения свидетельствует скол с боковой части рогового тесла и обломок рабочей части стамески. Скол с тесла — размерами 5,5×0,6 см, с пришлифованным асимметричным лезвием, боковой край которого оформлен в технике рубки (рис. 4, 8). Обломок стамески (длина 7,3 см) имеет выпуклое рабочее поперечное асимметричное лезвие (ширина 1 см, толщина 0,4 см) и пришлифованные с обратной (пористой) стороны продольные края (рис. 5, 5). У поперечного лезвия с двух сторон фиксируются продольные длинные и короткие, тонкие царапины, характерные для работы по дереву (рис. 5, 5А). Стамеска скорее всего была сломана в процессе работы, впоследствии ее обломок использовался для других целей, установить которые довольно трудно. О реутилизации свидетельствуют пришлифовка места слома и многочисленные поперечные следы на одной поверхности. Это короткие и длинные, грубые и тонкие, часто пересекающиеся царапины, оставшиеся от различных операций.

Обломки изделий

Один обломок из расколотой вдоль трубчатой косточки с пришлифованными продольными краями на абразиве скорее всего являлся рукояточной частью орудия типа острия (рис. 4, 6). Второй — стержневидной формы, со следами от строгания и пришлифовки (5,3×1,5×1,1 см). Кроме того, в коллекции имеется один фрагмент рога со следами рубки (рис. 6, 2).

Обсуждение. Итоги

В последнее время появился ряд работ, отражающих обобщенные результаты суммирования калиброванных радиоуглеродных дат энеолитических памятников Зауралья, в том числе шапкульской и байрыкско-лыбаевской культур (Чепкуль 21, Бузан 3, Сазык 9, Липихинское 5 и др.). Хронологические рамки периода охватывают диапазон 4300–3000 (4500–2200) гг. до н.э.,

т.е. относятся ко второй половине V — IV тыс. до н.э. (cal BC). Авторы констатируют полную или частичную синхронность большинства типов керамики [Мосин, 2014; Мосин и др., 2014; Епимахов, Мосин, 2015]. В другой работе уральские исследователи на основе 24 радиоуглеродных дат энеолитических памятников Зауралья определяют хронологию эпохи в интервале 4300–2800 гг. до н.э. cal BC [Chairkina et al., 2017, p. 517]. Таким образом, мы наблюдаем удревнение эпохи почти на полторы тысячи лет. Тюменские же исследователи хронологические рамки энеолита/раннего металла ограничивают концом IV — III тыс. до н.э. [Волков, 2012; Зах, Зиминова, 2018]. В противоречие с Е.Н. Волковым вступают Н.П. Матвеева и Ю.Б. Сериков, которые, проанализировав даты могильника Бузан 3 (опорного памятника раннего этапа байрыкско-лыбаевской культуры по Е.Н. Волкову), отнесли его к началу IV тыс. до н.э., а керамический материал и каменный инвентарь сопоставили с комплексами шапкульской культуры [Матвеев и др., 2015, с. 80]. Следует отметить, что к этому же периоду по датам принадлежат материалы могильника Чепкуль 21 [Зах и др., 2011].

Таким образом, хронологическую позицию энеолитического комплекса поселения Оськино Болото в свете последних исследований обозначить довольно сложно. Е.Н. Волков материалы поселения Оськино Болото ставил между ранним (конец IV — начало III тыс. до н.э.) и поздним (первая треть — конец III тыс. до н.э.) этапами байрыкско-лыбаевской культуры [2012, с. 13]. Энеолитический керамический комплекс поселения Оськино Болото характеризуется наличием трех основных групп посуды, декорированной в отступающе-накольчатом, «короткогребенчатом» и «длинногребенчатом» стилях, что свидетельствует в пользу байрыкско-лыбаевской культурной атрибуции. Отмечено орнаментальное своеобразие рассматриваемого комплекса, включающего несколько признаков, не характерных либо слабо характерных для байрыкско-лыбаевской декоративной практики. К ним относятся: распространение гребенчато-ямочной и отступающе-накольчато-ямочной традиции; репрезентативность сложного геометрических элементов декора; высокий процент отступающе-накольчатой посуды, декорированной «раздвоенной» палочкой; значительный процент керамики, орнаментированной в «длинногребенчатой» манере. Особенностью каменной индустрии являлось совместное залегание изделий из сланцевых пород с орудиями из яшмы. Ассортимент каменного инвентаря представлен шлифованным теслом подтрапециевидной в плане и в сечении формы, обломком обушной части топора, изделиями из кремня и черного плитчатого сланца: двухсторонне обработанным наконечником стрелы, ножом, скребками на отщепах, пластинами и отщепами. Кроме того, в материалах поселения обнаружен каменный «гусеничный» штамп [Ткачев, Волков, 2007, с. 236].

Состав костяного инвентаря поселения довольно малочислен, однако типологические формы орудий отражают практически весь спектр хозяйственно-производственной деятельности (обработка шкур, дерева, изготовление глиняной посуды, плетение). Наиболее яркими и выразительными находками данного комплекса являются наконечники метательных орудий и кинжал. Формы стабильны и не выбиваются из круга подобных изделий, характерных как для предшествующей неолитической эпохи [Скочина, 2010], так и для соседней ботайской культуры, хронологический диапазон которой — 3750–2900 гг. до н.э., т.е. начало IV тыс. — начало III тыс. до н.э. [Зайберт, 2009; Мосин и др., 2014, с. 41].

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Источники

Ткачев А.А. Охранные работы на поселении Оськино Болото // Отчет о полевых исследованиях в 2009 году. Тюмень, 2010. С. 43–44.

Список литературы

Волков Е.Н. К проблеме изучения энеолитических культур Тюменского Притоболья // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2009. № 11. С. 4–15.

Волков Е.Н. Хозяйство и система землепользования байрыкско-лыбаевского населения лесостепного и подтаежного Притоболья (эпоха энеолита) // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2012. № 1 (16). С. 12–21.

Дрябина Л.А. Пространственно-временная модель мира святилища Велижаны-2 // Вестник ТюмГУ. 2003. Вып. 3. С. 75–84.

Епимахов А.В., Мосин В.С. Хронология зауральского энеолита // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2015. № 4 (31). С. 27–37.

Зайберт В.Ф. Ботайская культура. Алматы: КазАкпарат, 2009. 576 с.

Костяные орудия энеолитического комплекса поселения Оськино Болото

- Зах В.А., Зими́на О.Ю. О взаимодействии андреевской и липчинской культур в Нижнем Притоболье // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2018. № 2 (41). С. 5–16.
- Зах В.А., Зими́на О.Ю., Рябогину Н.Е. Радиоуглеродные даты археологических и природных комплексов Тоболо-Ишимья (по материалам Тоболо-Ишимской экспедиции ИПОС СО РАН) // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2011. № 1 (14). С. 219–233.
- Матвеев А.В., Матвеева Н.П., Сериков Ю.Б., Скочина С.Н. Культурные памятники эпохи энеолита. Тюмень: Изд-во ТюмГУ, 2015. 156 с.
- Мосин В.С. Энеолит Урало-Сибирской лесостепи // Вестник НГУ. Сер. История, филология. 2014. Т. 13. Вып. 3: Археология и этнография. С. 44–37.
- Мосин В.С., Епимахов А.В., Выборнов А.А., Королев А.И. Хронология энеолита и эпохи ранней бронзы в Уральском регионе // Археология, этнография и антропология Евразии. № 4 (60). 2014. С. 30–42.
- Потемкина Т.М. Энеолитические круглоплановые святилища Зауралья в системе сходных культур и моделей степей Евразии // Мировоззрение древнего населения Евразии. М., 2001. С. 166–185.
- Семенов С.А. Развитие техники в каменном веке. Л.: Наука, 1968. 367 с.
- Скочина С.Н. Костяной и роговой инвентарь кошkinsкой культуры с поселения Мергень 6 // Археология, этнография и антропология Евразии. 2010. № 2 (42). С. 25–36.
- Ткачев А.А. Поселение поздней бронзы Оськино Болото: (Предварительное сообщение) // Проблемы взаимодействия человека и природной среды. 2001. Вып. 2. С. 24–28.
- Ткачев А.А., Волков Е.Н. Исследование раннего строительного горизонта поселения Оськино Болото // Проблемы взаимодействия человека и природной среды. Тюмень: ИПОС СО РАН, 2002. Вып. 3. С. 17–23.
- Ткачев А.А., Волков Е.Н. Энеолитический комплекс поселения Оськино Болото (по материалам раскопок 2007 г.) // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2007. № 8. С. 235–239.
- Ткачев А.А., Ткачева Н.А. Культурные комплексы поселения Оськино Болото (по материалам раскопок 2005 г.) // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2006. № 7. С. 241–248.
- Chairkina N.M., Kuzmin Y.V., Gregory W.L. Hodgins Radiocarbon Chronology of the Mesolithic, Neolithic, Aeneolithic, and Bronze Age Sites in the Trans-Urals (Russia): A General Framework // Radiocarbon. 2017. № 2. P. 505–518.

S.N. Skochina, A.A. Tkachev

Tyumen Scientific Centre of Siberian Branch RAS
Malygina st., 86, Tyumen, 625026, Russian Federation
E-mail: sveta_skochina@mail.ru;
sever626@mail.ru

ENEOLITHIC BONE TOOLS FROM THE OSKINO BOLOTO SETTLEMENT

The present article studies the Eneolithic complex of bone tools from the Oskino Boloto settlement. This settlement is located on the territory of the subtaiga Tobol area (Yalutorovsky District, Tyumen Region), on the left bank of the first floodplain terrace of the Iset River. The Eneolithic complex is dated to the time between the early (end of the 4th — beginning of the 3rd millennia B.C.) and late (first third — end of the 3rd millennium B.C.) stages in the development of the Bayryk-Lybayevo culture. Given the absence of tools made of bone and horn in many settlements, which could provide additional information on the production activities of the carriers of Eneolithic cultural traditions from the subtaiga Tobol area, this study is aimed at introducing a complex of bone tools from the above-mentioned settlement into scientific circulation. The planigraphic and stratigraphic analyses of the settlement's occupation layer indicate that the distribution of bone tools is restricted to the structure 56 and two adjacent ditches containing ceramics of the Eneolithic Era. Using typological and trace analyses, the authors determined the methods used for the production of these tools, their assortment and functional purpose. The trace analysis of bone tools from the Oskino Boloto settlement revealed that the predominant use of tools for hunting and fishing, as well as the presence of tools for processing of hides and wood, pottery making and braiding. The typological forms of bone tools from the Oskino Boloto settlement reflect almost the entire range of economic and production activities. A dagger and heads of throwing weapons constitute the most significant items of this complex. Their forms are consistent and fit into the range of similar items, characteristic of both the preceding Neolithic Era and the Eneolithic Era.

Key words: forest-steppe Tobol basin, Eneolithic, Bayryk-Lybayevo culture, ceramics, bone tools, use-wear analysis.

DOI: 10.20874/2071-0437-2019-46-3-005-016

REFERENCES

- Chairkina N.M., Kuzmin Y.V., Gregory W.L. (2017). Hodgins Radiocarbon Chronology of the Mesolithic, Neolithic, Aeneolithic, and Bronze Age Sites in the Trans-Urals (Russia): A General Framework. *Radiocarbon*, (2), 505–518.

- Driabina L.A. (2003). Spatio-temporal model of the world of the sanctuary Velizany-2. *Vestnik Tiumenskogo gosuniversiteta*, (3), 75–84. (Rus.).
- Epimakhov A.V., Mosin V.S. (2015). Chronology of the Ural Eneolithic. *Vestnik arheologii, antropologii i etnografii*, (4), 27–37. (Rus.).
- Matveev A.V., Matveeva N.P., Serikov Yu.B., Skochina S.N. (2015). *Religious monuments of the Eneolithic*. Tiumen': Izd-vo TiumGU. (Rus.).
- Mosin V.S. (2014). Aeneolithic of the Ural-Siberian forest-steppe. *Vestnik NGU*, 13(3), 44–37. (Rus.).
- Mosin V.S., Epimakhov A.V., Vybornov A.A., Korolev A.I. (2014). Chronology of the Aeneolithic and the Early Bronze Age in the Ural region. *Arkheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii*, 60(4), 30–42. (Rus.).
- Potemkina T.M. (2001). Eneolithic circular planar sanctuaries of Zauralye in the system of similar cultures and models of the Eurasian steppes. In: M. Devlet (Ed.). *Mirovozzrenie drevnego naseleniia Evrazii* (pp. 166–185). Moscow. (Rus.).
- Semenov S.A. (1968). *The development of technology in the Stone Age*. Leningrad: Nauka. (Rus.).
- Skochina S.N. (2010). Bone and horn equipment of Koshkino culture from the settlement of Mergen 6. *Arkheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii*, 42(2), 25–36. (Rus.).
- Tkachev A.A. (2001). Late Bronze settlement Oskino Boloto: (Preliminary report). *Problemy vzaimodeistviia cheloveka i prirodnoi sredy*, (2), 24–28. (Rus.).
- Tkachev A.A., Tkacheva N.A. (2006). Cultural complexes of the settlement Oskino Boloto (based on excavations of 2005). *Vestnik arheologii, antropologii i etnografii*, (7), 241–248. (Rus.).
- Tkachev A.A., Volkov E.N. (2002). Study of the early construction horizon of the Oskino Boloto settlement. *Problemy vzaimodeistviia cheloveka i prirodnoi sredy*, (3), 17–23. (Rus.).
- Tkachev A.A., Volkov E.N. (2007). The Eneolithic complex of the settlement Oskino Boloto (based on excavation materials of 2007). *Vestnik arheologii, antropologii i etnografii*, (8), 235–239. (Rus.).
- Volkov E.N. (2009). To the problem of studying the Eneolithic cultures of the Tyumen Tobol basin. *Vestnik arheologii, antropologii i etnografii*, (11), 4–15. (Rus.).
- Volkov E.N. (2012). The economy and land use system of the Bayryk-Lybayevo population of the forest-steppe and subtaiga Tobol basin (Eneolithic). *Vestnik arheologii, antropologii i etnografii*, (1), 12–21. (Rus.).
- Zaibert V.F. (2009). *Botay culture*. Almaty: KazAkparat. (Rus.).
- Zakh V.A., Zimina O.Yu. (2018). On the interaction of Andreevskaya and Lipchinskaya cultures in Lower Tobol basin. *Vestnik arheologii, antropologii i etnografii*, (2), 5–16. (Rus.).
- Zakh V.A., Zimina O.Yu., Riabogina N.E. (2011). Radiocarbon dates of archaeological and natural complexes of Tobol-Ishim basin (based on materials from the Tobol-Ishim expedition of the IPDN SB RAS). *Vestnik arheologii, antropologii i etnografii*, (1), 219–233. (Rus.).

This work is licensed under a [Creative Commons Attribution 4.0 License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/).

Submitted: 20.05.2019

Accepted: 10.06.2019

Article is published: 26.09.2019

О.Н. Корочкова, Н.В. Федорова

Уральский федеральный университет
ул. Мира, 19, Екатеринбург, 620002
Научный центр изучения Арктики
ул. Республики, 20, Салехард, 629008
E-mail: Olga.Korochkova@urfu.ru;
mvk-fedorova@mail.ru

КЛАДЫ УРАЛА И ЗАПАДНОЙ СИБИРИ ЭПОХИ БРОНЗЫ — РАННЕГО ЖЕЛЕЗНОГО ВЕКА: СОСТАВ, КОНТЕКСТЫ, ИНТЕРПРЕТАЦИИ

Анализ различных контекстов, состава и датировок позволяет усматривать общие и специфические черты динамики кладовой традиции в лесостепном и горно-лесном Зауралье, Среднем и Нижнем Приобье в эпоху бронзы и раннем железном веке. Ярко выраженный тотемный характер первых депонированных собраний II—I тыс. до н.э. соответствует иррациональному отношению к металлу на первых порах его внедрения в культуру населения. Обычай отчуждения металла в погребальную сферу также коррелируется с малым количеством кладов в лесостепном и степном регионах и является своего рода универсальным признаком. К рубежу эр в западно-сибирской тайге происходят существенные перемены, вызванные становлением оленеводства, пушной торговли, новых коммуникационных коридоров. Клады этого времени, ориентированные на сокрытие престижных и ценных вещей, включают импортные предметы прикамского, причерноморского и южно-европейского, а также ближневосточного — бактрийского и парфянского производства. «Оружейные клады» второй половины I тыс. до н.э. передают основные приоритеты эпохи, связанные с формированием военной верхушки и особым статусом военных занятий, отражают нарастание военной напряженности, обусловленной борьбой за контроль над промысловыми территориями и торговыми путями. Символический характер основных предметов кладов указывает на их невозвратность, а утилитарный, в нашем случае оружейный, говорит об их возвратности и ином уровне «отношений» человека с престижными предметами, собственностью. Если раньше они предназначались богам, то теперь — человеку, что является показателем существенных перемен в стратегиях жизнеобеспечения, социальном устройстве, мифологии и мировоззрении человека дописьменной поры севера Западной Сибири.

Ключевые слова: Урал, Западная Сибирь, эпоха бронзы, ранний железный век, тотемные клады, оружейные клады, торговые клады.

DOI: 10.20874/2071-0437-2019-46-3-017-028

Под кладами мы, вслед за авторами «Археологического словаря» [Брей, Трамп, 1990, с. 111], понимаем автономный набор предметов, преимущественно из металла, не относящихся к категории погребальных комплексов, спрятанных в земле в труднодоступном месте. Один из самых очевидных вопросов, возникающих при интерпретации кладовых комплексов, заключается в понимании причин сокрытия и выведения из обыденной жизни большого количества ценных металлических предметов. Возможные модели депонирования в продолжительной динамике бронзового — железного веков мы и попытаемся рассмотреть в нашей работе.

Территория, историко-культурный фон

Территория исследования включает лесостепное и горно-лесное Зауралье, Среднее и Нижнее Приобье (рис. 1). Это регионы, занимающие исключительное положение среди соседних зон присваивающей экономики. Отличительной чертой западно-сибирской тайги является обилие природных ресурсов. Они обусловили развитие высокопродуктивного хозяйства, основанного на стационарном рыболовстве в акватории малых и больших рек; охоты, которая приобрела к раннему железному веку в том числе характер пушного промысла; к рубежу эр в Субарктике происходит становление оленеводства [Гусев и др., 2016]. Эти обстоятельства обеспечили раннее и не характерное для присваивающих обществ формирование избыточного продукта, что послужило катализатором бурных процессов социальной дифференциации и милитаризации.

Иную модель демонстрируют археологические источники Среднего Зауралья. Здесь, в зоне, богатой медными месторождениями, в эпоху металла возникают самостоятельные горно-металлургические центры — коптяковско-сейминский эпохи бронзы [Савинов, 2013; Корочкова,

Спиридонов, 2015], иткульский раннего железного века [Бельтикова, 2005]. Их сложение и функционирование во многом было активизировано импульсами, которые исходили от соседних культур производящей экономики. В эпоху бронзы определяющее значение имели миграции на эту территорию носителей сейминско-турбинских традиций, а также интерес, проявленный к местным месторождениям со стороны групп степного населения андроновской общности. В раннем железном веке развитие иткульского горно-металлургического центра стимулировалось спросом на оружие у кочевников степной полосы. Особую роль играл «военный фактор». Уральские древнейшие центры производства были ориентированы прежде всего на изготовление оружия.

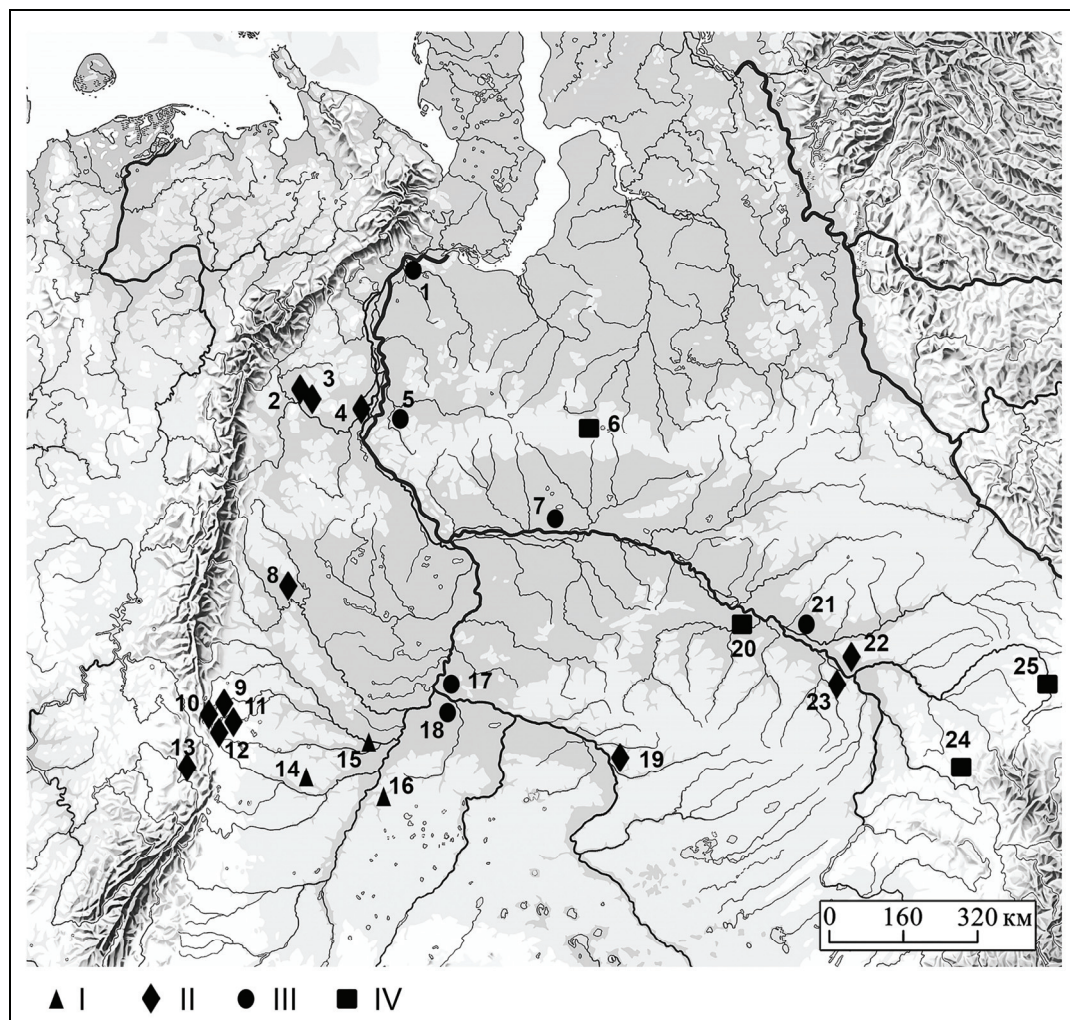

Рис. 1. Карта кладов Урала и Западной Сибири:

I — клады бронзового века; II — клады первой группы раннего железного века; III — клады второй группы раннего железного века; IV — клады третьей группы раннего железного века.

- 1 — Горноknязевский клад; 2 — Иипыг-ойки; 3 — Вуграсян-Вад; 4 — Ус-Нел; 5 — Казымский; 6 — Холмогорский; 7 — Барсов Городок 1/20; 8 — Лозьвинский; 9 — Адуи-Камень; 10 — Азов-Гора; 11 — гора Малая (Палкинская); 12 — гора Караульная; 13 — грот Сухореченский; 14 — Прыговский; 15 — Андреевский; 16 — Гладунинский; 17 — Сузгунский; 18 — Истяцкий; 19 — Мурлинский; 20 — Парабельский; 21 — Пиковские находки; 22 — Саровское культовое место; 23 — гора Кулайка; 24 — Елыкаевская коллекция; 25 — Ишимская коллекция.

Fig. 1. Map of hoards of the Urals and Western Siberia:

I — hoards of the Bronze Age; II — hoards of the first group of the Early Iron Age; III — hoards of the second group of the Early Iron Age; IV — hoards of the third group of the Early Iron Age.

- 1 — Gornoknyazevo hoard; 2 — Yipyg-oyki; 3 — Vugrasyan-Vad; 4 — Us-Nel; 5 — Kazym hoard; 6 — Kholmogor hoard; 7 — Barsov Gorodok 1/20; 8 — Lozva hoard; 9 — Aduy-Kamen; 10 — Azov-Gora; 11 — gora Malaya (Palkino); 12 — gora Karaulnaya; 13 — grot Sukhorechenskiy; 14 — Prygovo hoard; 15 — Andreyeevo hoard; 16 — Gladunino hoard; 17 — Suzgun; 18 — Istyatsk; 19 — Murlino; 20 — Parabel; 21 — Pikovskiye nakhodka; 22 — Sarov sacril place; 23 — gora Kulayka; 24 — Elykayev collection; 25 — Ishim collection.

Клады эпохи бронзы

1. *Андреевский клад*. Комплект из трех предметов попал в ковш экскаватора при выемке грунта на северном берегу Андреевского озера в Тюменской области [Стефанов, Корочкова, 2000, с. 89]. В его составе — кельт, долото и массивный стержень с заостренным концом (рис. 2, А).

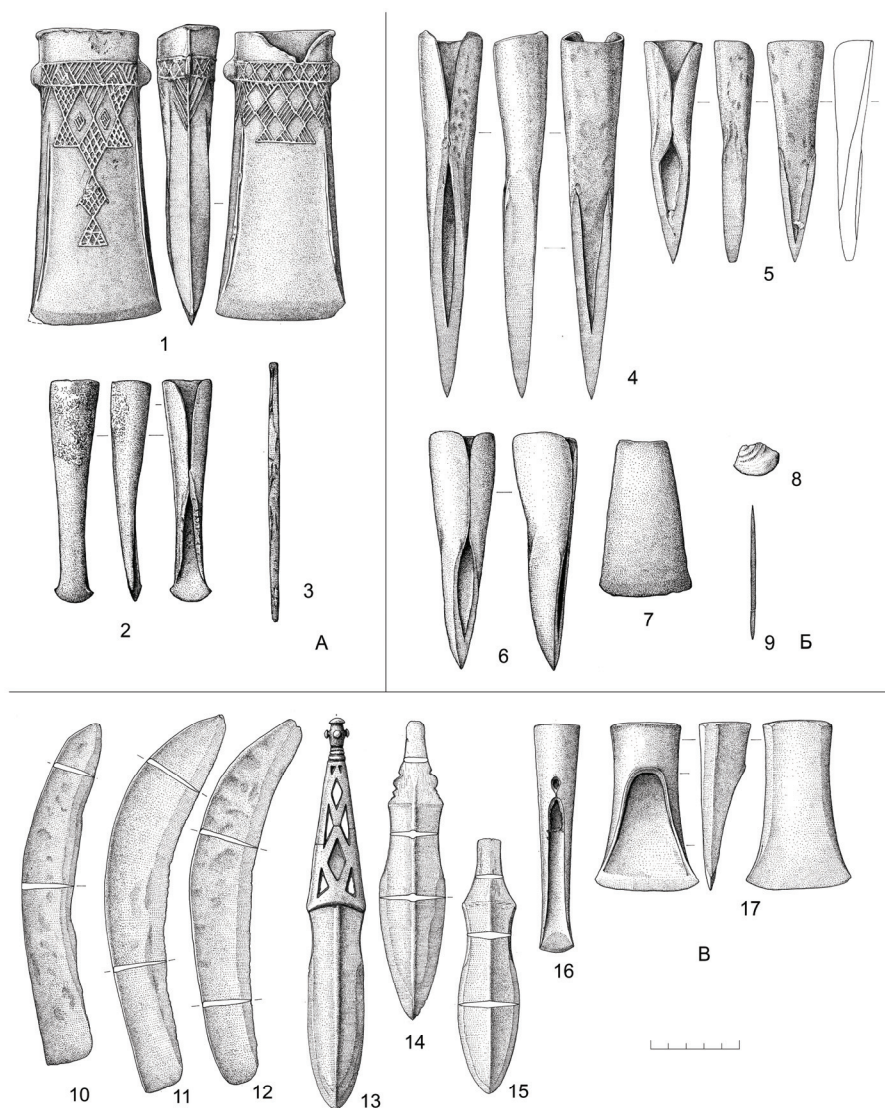

Рис. 2. Клады бронзового века:

А — Андреевский; Б — Прыговский [Корочкова и др., 2017, рис. 2]; В — Гладунинский [Корочкова и др., 2013, рис. 1, 2].
1–7, 9–17 — бронза; 8 — раковина.

Fig. 2. Hoards of the Bronze Age:

А — Andreevo; Б — Prygovo [Korochkova et al., 2017, fig. 2]; В — Gladunino [Korochkova et al., 2013, fig. 1, 2].
1–7, 9–17 — bronze; 8 — shell.

2. *Прыговский клад* [Корочкова и др., 2017] обнаружен на дюне в пойме р. Исеть около д. Прыгова в Курганской области. Представлял собой два автономных комплекта, закопанных в неглубокие ямки в 6 м друг от друга. Первый комплект включал два клиновидных орудия, вставленных друг в друга (рис. 2, Б — 4, 5). Второй — плоский топор-тесло, сломанное на две части шило, подвеску из створки раковины и массивное клиновидное орудие (рис. 2, Б — 6–9).

3. *Гладунинский клад* [Корочкова и др., 2013]. Восемь бронзовых и медных вещей обнаружены при расчистке окопа времен Гражданской войны около д. Гладунина Курганской области. Лежали на глубине 0,25–0,45 см в такой последовательности: сверху два ножа (рис. 2, В — 14,

15), под ними кинжал со сломанной пополам металлической рукоятью (обломок рядом) (рис. 2, В — 13), кельт (рис. 2, В — 17) и долото (рис. 2, В — 16), внизу три серпа (рис. 2, В — 10–12).

Типология предметов указывает на первую треть II тыс. до н.э. Это время в Зауралье характеризуют археологические памятники петровской и алакульской культур в лесостепной полосе и коптяковской в горно-лесном Зауралье. Клады абсолютно индивидуальны, но при этом их объединяют некие общие черты. В их составе присутствуют достаточно редкие для своего времени и своей территории изделия. Все орудия хорошей сохранности, а некоторые, похоже, даже не были в работе. Это солидные по урало-сибирским меркам собрания, составленные из металлоемких знаковых предметов той поры, которые имели высокую ценность. Комплекты не относятся к разряду наборов длительного накопления, составлены из вещей достаточно узкого хронологического горизонта.

Клады раннего железного века

В эпоху железа ситуация меняется кардинально. В настоящее время на исследуемой территории известно несколько десятков кладов (рис. 1). Они обладают весьма характерным составом и определенным хронологическим контекстом.

1. *Первую группу составляют «клады» так называемого культового литья* второй половины I тыс. до н.э. В ряде случаев им сопутствуют предметы вооружения — наконечники стрел, рубящее оружие. В горно-лесном Зауралье они представлены многочисленными находками иткульского типа. Назвать даже примерное количество подобных находок сложно, так как многие из них обнаружены случайно. По последним данным их количество приближается к 200 ед. [Чемякин, Кузьминых, 2011]. Достоверно известно, что некоторые из них представляли сложные комплекты, включающие собственно изображения (до 10–20), круглые бляхи [Викторова, 2004, с. 158–161]. Самые известные — находки с Азов-Горы, горы Караульной, из грота Сухореченский, с горы Малой (Палкинской). В западносибирской тайге подобных комплексов, которые точнее можно назвать сборами, известно немногим меньше 10: Лозьвинский клад [Чернецов, 1953, с. 156–162], сборы с городища Ус-Нел [Бауло, 2011, с. 62–65], из района пос. Вуграсян-Вад [Старков, 1973; Бауло, 2011, с. 48], со святилища Йипыг-ойки [Бауло, 2011, с. 47]. Вероятно, к сборам такого же типа можно отнести «клад» с горы Кулайки [Чиндина и др., 1990, с. 236–237] и материалы из раскопок на Саровском культовом месте [Яковлев, 2001, с. 274]. С известной долей сомнения сюда можно отнести Мурлинский клад [Чернецов, 1953, с. 151–156; Ширин, 2014]. В последнем преобладают бронзовые наконечники стрел, хотя есть и фигуры так называемого культового литья. Общим условием нахождения этих «кладов» является их размещение на небольшой глубине или вообще на поверхности, на площади в 1–2 м². В составе преобладают культовые отливки, вещи импортного происхождения отсутствуют.

2. *Клады второй группы рубежа эр* составляют пять местонахождений, обнаруженных случайно: Истяцкий клад — около 80 ед. [Лыткин, 1890; Чернецов, 1953, с. 162–171; Федорова и др., 2016, с. 55–56], Сузгунский клад — 31 ед. [Сыркина, 1973, с. 255–260], Казымский клад — более 230 ед. [Бауло, 2016, с. 121; Шульга, Оборин, 2017, с. 84], Горноknязевский клад — 25 предметов [Федорова и др., 2016, с. 80]. К этой же группе могут быть отнесены Пиковские находки [Могильников, 1969, с. 254–259]. Для этих кладов характерно наличие специальной упаковки (Истяцкий, Казымский и Горноknязевский), в составе преобладают предметы импорта, в том числе достаточно дальнего, и местные подражания импортным изделиям (рис. 3). Обязательным и наиболее многочисленным атрибутом были бронзовые диски, нередко с местными рисунками-гравировками. Знаковыми находками являются бронзовые котлы.

Автономное положение среди кладов этого времени занимает клад из 54 предметов, обнаруженный при раскопках на городище Барсов Городок 1/20 под Сургутом. По мнению специалистов, украшения были сняты с ритуального костюма или богатырского облачения и закопаны на руинах городища в статусе votivного комплекса в пределах II–III вв. н.э. [Бельтикова, Борзунов, 2017]. Эксклюзивность состава и местонахождения позволяет рассматривать его как следствие конкретной ситуации, вызванной какими-то экстремальными событиями.

3. *Клады третьей группы III–VIII вв. н.э.* представляют сложные комплекты, в которых преобладающим компонентом были разнообразные предметы вооружения: наконечники стрел, копий, топоры, сабли, палаши, боевые ножи. Сейчас известно пять подобных собраний: Парабельский клад, или культовое место [Чиндина и др., 1990, с. 66; Ширин, 1990, с. 157–159], Холмогорский клад (рис. 4), или коллекция, — 193 предмета, из них почти половина — оружие [Зыков, Фе-

дорова, 2001, с. 52–53], Ишимская коллекция [Ермолаев, 1914], Елыкаевская коллекция — 72 предмета, из них 61 — оружие [Могильников, 1968], возможно, Васюганский «клад» из 17 предметов [Могильников, 1964]. Общей чертой является наличие большого количества железного оружия (за исключением Васюганского клада) и небольшой процент вещей «дальнего» импорта (рис. 5). Все комплексы, относимые к «оружейным» кладам, обнаружены случайно, вне контекста с какими-либо археологическими объектами.

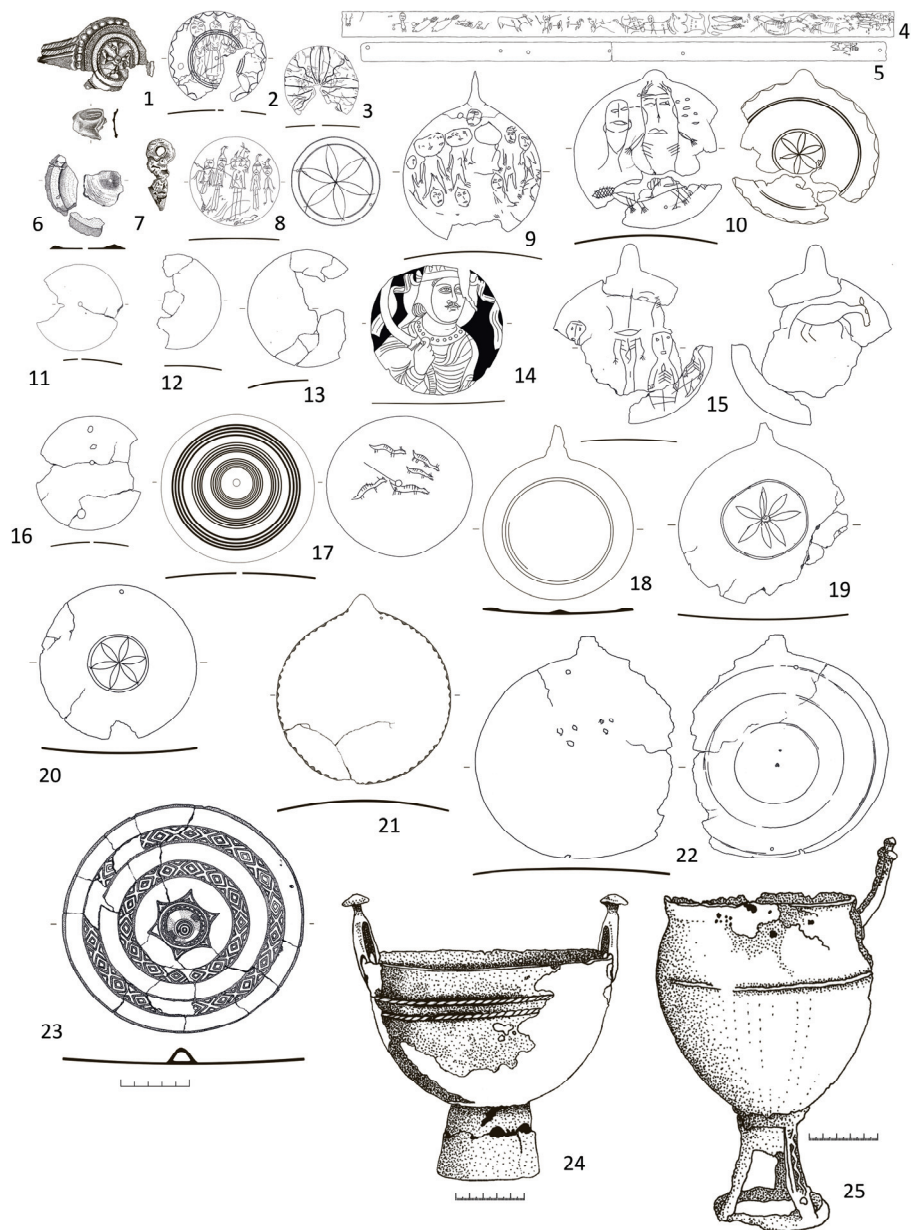

Рис. 3. Горнокнязевский клад [Федорова и др., 2016] (бронза).

Fig. 3. Gornoknyazevskiy hoard [Fedорова et al., 2016] (bronze).

Интерпретации

Все клады, несмотря на их очевидную индивидуальность, демонстрируют своеобразные серии, что указывает на некие универсалии этого феномена.

Клады бронзового века группируются в лесостепи, где в это время обитало население, оставившее памятники петровской и алакульской культур андроновской общности. Это типичные

скотоводческие культуры стабильной фазы развития Западноазиатской металлургической провинции (XVIII–XVI вв. до н.э.). Гладунинский и Андреевский клады вполне отвечают статусу «возвратных экономических кладов», хотя это лишь одна из возможных версий. Весьма не свойственное кладовой традиции собрание из двух автономных комплексов Прыговского клада, включающих вещи не утилитарного назначения (украшения, раковины) в качестве возможной модели позволяет предположить votивный характер данного собрания, соответствующего ранней поре внедрения металла в жизнь зауральских аборигенов. Усматриваются также некоторые параллели с практикой помещения votивных даров на территории святилища Шайтанское Озеро II [Корочкова и др., 2019, с. 92–93]. Редкость кладов бронзового века информирует об известной эгалитарности местных социумов, в рамках которых не произошло заметного имущественного расслоения и дифференциации. Об этом же, кстати, свидетельствуют и местные некрополи, которым не присущи трудозатратные сооружения и богатые захоронения.

Какую информацию несут клады раннего железного века? Заметим, что из сферы нашего внимания теперь выпадают лесостепные районы Зауралья. Здесь клады практически неизвестны, но известны «царские курганы» в которых аккумулировались исключительные богатства местной элиты¹. Подобная ситуация подтверждает универсальные тенденции в институализации богатства. В культурах степного пояса оно воплощается прежде всего в монументальных погребальных комплексах, клады на этих территориях неизвестны. А пример клада у с. Дианово показывает существование этой практики у лиц, не обладавших высоким социальным статусом.

В горно-лесном Зауралье, таежной и лесотундровой зонах Западной Сибири, где социальная дифференциация еще не приобрела столь очевидного характера, процессы депонирования развивались по иному сценарию.

В начале раннего железного века по всей лесной части Западной Сибири, от горно-лесного Зауралья на западе до Томско-Нарымского Приобья на востоке, появляются «клады» первой группы, состоящие в основном из медных/бронзовых отливок в виде антропо- и зооморфных фигур. Бронзовые фигурки не обрабатывались после отливки, не имеют следов креплений на одежду или иные предметы. Их появление связано с очередным всплеском бронзового металлопроизводства на Урале. Об этом свидетельствуют материалы иткульского горно-металлургического центра. В Западной Сибири под влиянием уральского/иткульского импульса местное население (белоярско-васюганский этап кулайской культуры) также осваивает плавку бронзы. При этом основные усилия таежных мастеров были направлены на изготовление символических изделий из дефицитного в условиях тайги металла. Общая черта «кладов» первой группы — доминирование изображений-«перевертышей». Подобная инверсия, когда в одном ракурсе это антропоморфное или древовидное изображение, а в другом — птицевидное, передает их насыщенную семантику [Викторова, 2004, с. 170–172]. Сведений о специальной упаковке вещей нет. Исследователи рассматривают их как приношения на святилища/жертвенные места. После I–II вв. до н.э. «клады» этой группы неизвестны, вплоть до этнографического времени, когда на святилища современных обско-угорских народов вновь начинают приносить отливки, но уже из свинца или олова, в виде зоо- и антропоморфных изображений [Бауло, 2002, с. 19, 26, 28, 32].

Клады второй группы (I в. до н.э. — II–III вв. н.э.) приурочены к низовьям Оби, Иртыша и Сургутскому Приобью. Для всех комплексов характерно наличие упаковки (медные котлы, деревянное вместилище), предметов дальнего импорта (серебряные медальоны парфянского или бактрийского производства, шлемы среднеазиатской работы, большое количество бронзовых зеркал «сарматского» и даже «китайского» круга).

«Клады» третьей группы (III–VIII вв. н. э.) можно назвать «оружейными» [Плотников, 1987, с. 122–124]. Они локализованы преимущественно в низовьях притоков Оби в ее среднем течении. Количество предметов в кладах от нескольких десятков до двух сотен. От 50 до 80 % составляли предметы рубяще-колющего оружия (мечи, палаши, сабли, кинжалы), наконечники копий и стрел. Кроме них во всех комплексах обнаружены бронзовые зеркала и бляхи с концентрическим орнаментом, зоо- и антропоморфные изображения, часть из которых уже имеют петли для крепления или подвешивания.

¹ Единственный известный клад в районе д. Дианово Курганской области, обнаруженный недалеко от городища гороховской культуры, представляет собой глиняный горшок, внутри которого лежали детали бронзового украшения — три цепочки на кожаных ремешках и три фигурки рыбок — типичные украшения той поры.

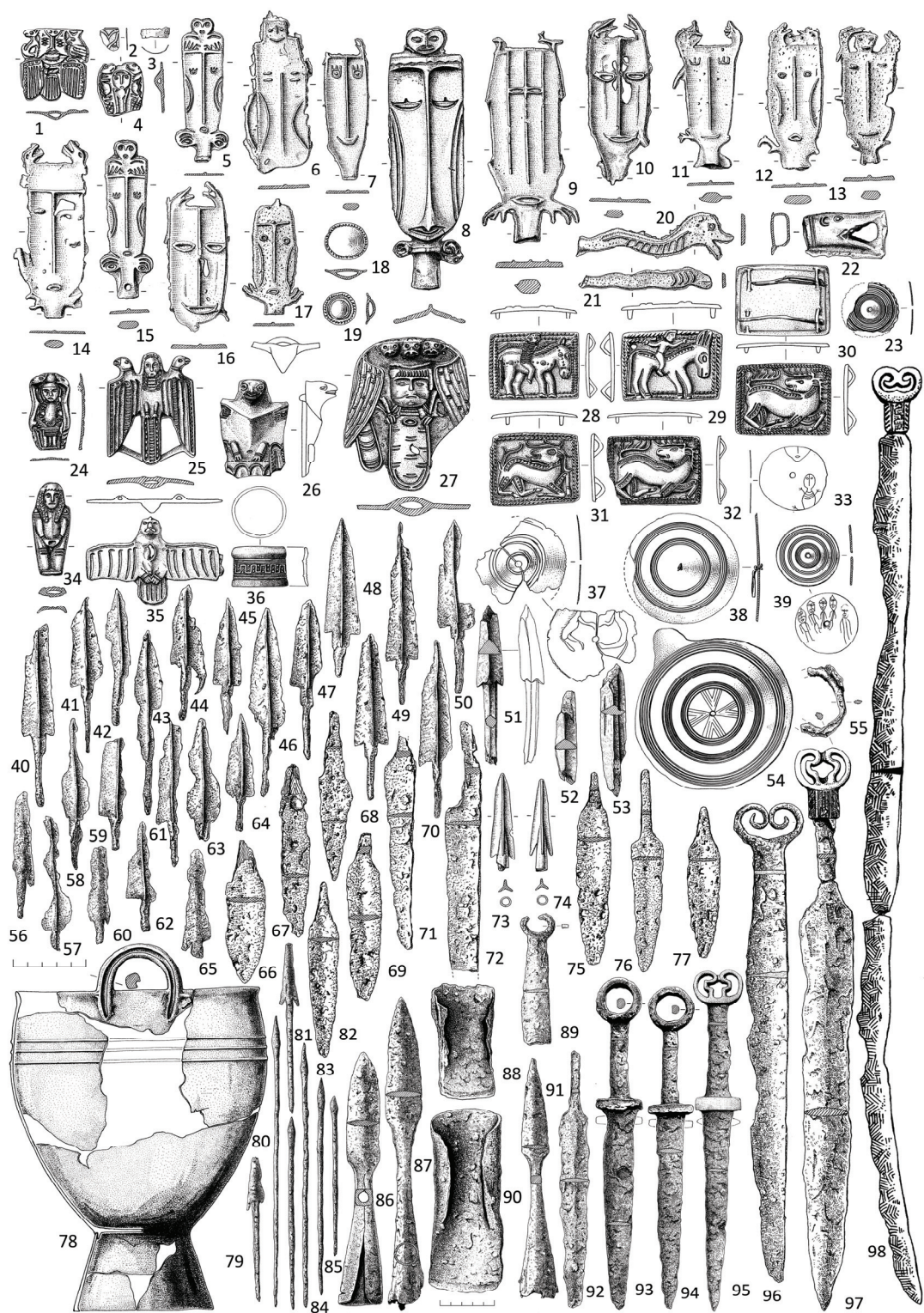

Рис. 4. Холмогорский клад [Зыков, Федорова, 2001]:
 1–39, 54, 73, 74, 78 — бронза; 40–53, 55–72, 75–77, 79–98 — железо.
Fig. 4. Kholmogor hoard [Zykov, Fedorova, 2001]:
 1–39, 54, 73, 74, 78 — bronze; 40–53, 55–72, 75–77, 79–98 — iron.

Все исследователи, занимавшиеся западно-сибирскими кладами раннего железного века, ставят вопрос об их «возвратности» и «невозвратности», а также о принадлежности — персонам или святилищам. Первая группа кладов единодушно трактуется в рамках вотивной версии. В отношении депозитариев второй группы мнения разные. В следах ям или обкладки предметов более плотным грунтом усматриваются параллели с сооружениями типа амбарчиков на современных святилищах хантов, где вотивные дары накапливались в течение длительного времени. Отсюда делается вывод об их исключительно культовом характере и о невозможности использования предметов в дальнейшем [Ширин, 1990, с. 152–153]. Аргументом в пользу этой версии является также традиция нанесения на привозные зеркала местных рисунков-гравировок. Другого взгляда на этот счет придерживается один из авторов настоящей статьи [Федорова, 2014], рассматривая подобные гравировки, широко представленные и на изделиях из рога, дерева, кости, в ином семантическом ракурсе, в том числе как своего рода исторические зарисовки персон и событий. Утверждение об исключительно культовом характере гравировок, по ее мнению, относится к всеобщему и глубокому заблуждению, обедняет интерпретации этой, столь характерной для западно-сибирского населения, изобразительной деятельности.

Удивительно единодушны исследователи в трактовке «оружейных» кладов третьей группы, считая их преимущественно невозвратными. Главным аргументом «невозвратности» является наличие большого количества железного оружия (50–80 %), которое в результате нахождения в земле может потерять свои качества. Они рассматриваются как «заместительные захоронения» (А.П. Зыков о Холмогорском комплексе — см.: [Зыков, Федорова, 2001, с. 56–63]), «потлачевидные жертвы» на святилище, связанные с различными культами: от культа бога-всадника Мир-Сусне-Хума до митраистских культов [Ширин, 1990, с. 162]. Основаниями для объяснений служат, как правило, этнографические свидетельства XVIII–XIX вв. о хранении и об использовании железного оружия на святилищах обских угров [Плотников, 1987, с. 125]. Исключительно культовый уклон в объяснении «оружейных» кладов представляется спорным. В качестве одной из версий может быть предложена гипотеза «священного арсенала», что отражает реакции местного социума на явное нарастание военной напряженности. Археологически это выразилось в появлении многочисленных городков и выделении специальной прослойки военной элиты, которая контролировала пушной промысел, обеспечивала сопровождение торговых операций. В этих условиях особое значение в системе жизнеобеспечения местных обществ приобретает военная подготовка. Важными были навыки владения оружием ближнего боя — мечами, палашами и т.д. Известно, что такая подготовка всегда и у всех народов занимала много времени, начинаясь буквально с «младых ногтей». Есть основания полагать, что передача ценной информации в такой форме приобретала статус эзотерической и проводилась на специальных площадках, которые обладали особым автономным статусом. Такая трактовка опирается на сведения авторов XVIII–XIX вв., упоминавших о размещении своего рода казны, в том числе оружейной, в «кумирнях» [Плотников, 1987, с. 135].

Подобный клад-арсенал был обнаружен при раскопках Надымского городка на р. Надым. Он включал 125 предметов, среди которых сабли, палаши, боевые ножи, клевец и копье, боевые топоры, втоки и фрагменты кольчуги [Кардаш, 2009, с. 154–160]. Приведенную параллель, несмотря на существенный хронологический разрыв, считаем вполне допустимой. Во-первых, это явно «возвратный» клад, а не жертва на святилище. Во-вторых, так же как и в средневековых кладах, почти все предметы вооружения без рукоятей. В-третьих, они были найдены через 300 лет после сокрытия, но имеют удовлетворительную сохранность и пригодны для использования. О том, что постоянные тренировки будущих и настоящих воинов были делом обычным, есть приводимые для селькупов данные Г.И. Пелих [1981, с. 141].

В дальнейшем кладовая традиция в Западной Сибири будет продолжена и станет отражением сложившихся в средние века торговых связей, новых предпочтений в престижности вещей, среди которых особое место займет серебряная посуда. Среднее Зауралье, судя по археологическим данным, в средние века было исключено из активных коммуникаций, здесь проживало крайне немногочисленное население, слабо представленное в археологических источниках.

Заключение

Анализ различных контекстов, состава, датировок позволяет усматривать некие общие и специфические черты динамики кладовой традиции за Уралом. Общей чертой является ярко выраженный вотивный характер первых депонированных собраний, что соответствует ирра-

циональному отношению к металлу на первых порах его внедрения в культуру населения. Хотя не исключено, что некоторые из них — индикатор наметившегося расслоения в локальных общинах. Обычай отчуждения металла в погребальную сферу также коррелируется с малым количеством кладов в лесостепном и степном регионах и выступает своего рода универсальной чертой. Так, подавляющая часть (96 %) известного металла синташтинской культуры сосредоточена в погребениях [Дебряева, 2010, с. 81].

Самые ранние клады эпохи железа также соответствуют взрывной поре внедрения металла в жизнь таежных охотников и рыболовов. После длительного периода стагнации Средний Урал переживает своего рода «металлургическую революцию», которая археологически документирована артефактами и контекстами иткульского горно-металлургического центра. Кардинальная смена образа жизни, в основе которого лежали преобразовательные технологии добычи руды и производства металла, изменили мифологическую картину мира уральских аборигенов. Это нашло отражение не только в появлении новых образов/символов, но и в мифоритуальной практике, воплощенной в святилищных комплексах/кладах. Западная Сибирь, которая, по сути, вступила в истинную эпоху металла в I тыс. до н.э., при отсутствии собственного сырья, также демонстрирует явное преобладание металла в символической сфере. Наиболее ярко этот феномен передает металлическая пластика сакрально-производственного центра Усть-Полуй [Федорова, 2017, с. 114–123].

К рубежу эр в западно-сибирской тайге происходят существенные перемены, вызванные становлением оленеводства, пушной торговли, новых коммуникационных коридоров. Заметное значение приобретают дальние меридиональные связи с южными землями, по которым проходили ответвления Великого шелкового пути, о чем незамедлительно сообщает состав кладов этого времени. Показательна своего рода символическая триада подобных кладов, включающих предметы прикамского, в меньшей степени причерноморского и южно-европейского, а также ближневосточного — бактрийского и парфянского производств. Это уже действительно клады, ориентированные на сокрытие престижных и ценных вещей. В их формировании могли принимать участие и представители аборигенного населения, и участники военно-торговых экспедиций, связанные своим происхождением с более отдаленными территориями. Повторяющиеся знаки — импортные вещи, а также местные подражания им сообщают об установлении протяженных и прочных трансконтинентальных торговых связей и о глубокой культурной интеграции.

«Оружейные клады» явственно передают основные приоритеты эпохи, связанные с формированием военной верхушки и особым статусом военных занятий, отражают нарастание военной напряженности, обусловленной борьбой за контроль над промысловыми территориями и торговыми путями.

Определенную информацию несет и география кладов раннего железного века. Так, торговые клады локализованы в местах слияния крупных сибирских рек. Позднее именно здесь возникнут знаменитые торговые ярмарки. Оружейные клады приурочены к определенным археологическим объектам, что указывает на их связь с конкретными социумами.

Символический характер основных предметов кладов говорит об их невозвратности, а утилитарный, в нашем случае оружейный, как раз является показателем их возвратности и иного уровня «отношений» человека с престижными предметами. Если раньше они предназначались богам, то теперь — человеку, что свидетельствует о существенных переменах в стратегиях жизнеобеспечения, социальном устройстве, мифологии и мировоззрении человека дописьменной поры севера Западной Сибири.

Финансирование. Работа выполнена при поддержке проекта РФФИ № 18-09-40011 «Урал и Западная Сибирь в археологической ретроспективе: важнейшие открытия, ритмы, феномены и парадоксы развития».

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Бауло А.В. Культурная атрибутика березовских хантов. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2002. 92 с.
- Бауло А.В. Древняя бронза из этнографических комплексов и случайных сборов. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2011. 260 с.
- Бауло А.В. «Старик священного города»: Иконография божества в облике медведя по археологическим и этнографическим данным // Археология, этнография и антропология Евразии. 2016. № 2 (44). С. 118–128.
- Бельтикова Г.В. Среда формирования и памятники зауральского (иткульского) очага металлургии // Археология Урала и Западной Сибири. Екатеринбург: Изд-во УрГУ, 2005. С. 162–186.

- Бельтикова Г.В., Борзунов В.А. Уникальный кулайский клад в Сургутском Приобье // РА. 2017. № 4. С. 124–141.
- Брей У., Трамп Д. Археологический словарь. М.: Прогресс, 1990. 368 с.
- Викторова В.Д. Клады на вершинах гор // Культурные памятники горно-лесного Урала. Екатеринбург: ИИА УрО РАН, 2004. С. 158–173.
- Гусев Ан.В., Плеханов А.В., Федорова Н.В. Оленеводство на севере Западной Сибири: Ранний железный век — средневековье // Археология Арктики. Калининград: ИД «РОС-ДООАФК», 2016. Вып. 3. С. 228–239.
- Деятарева А.Д. История металлопроизводства Южного Зауралья в эпоху бронзы. Новосибирск: Наука, 2010. 162 с.
- Ермолаев А. Ишимская коллекция. Красноярск: Тип. б. М.И. Абалакова, 1914. 20 с.
- Зыков А.П., Федорова Н.В. Холмогорский клад: Коллекция древностей III–IV веков. Екатеринбург: Сократ, 2001. 176 с.
- Кардаш О.В. Надымский Городок в конце XVI — первой половине XVIII веков: История и материальная культура. Екатеринбург; Нефтеюганск: Магеллан, 2009. 360 с.
- Корочкова О.Н., Спиридонов И.А. О судьбах инноваций в культурах присваивающего мира // УИВ. 2015. № 3 (48). С. 96–107.
- Корочкова О.Н., Спиридонов И.А., Стефанов В.И. Прыговские находки // Archaeoastronomy and Ancient Technologies. 2017. Т. 5. № 1. С. 63–72.
- Корочкова О.Н., Стефанов В.И., Спиридонов И.А. Среднее Зауралье в контексте Западноазиатской металлургической провинции: Феномен коптяковской культуры // Stratum plus. 2019. № 2. С. 61–107.
- Корочкова О.Н., Стефанов В.И., Усачев Е.В., Ханов С.А. Гладунинский клад эпохи бронзы // УИВ. 2013. № 2 (39). С. 129–136.
- Лыткин Н.А. Археологический отдел Тобольского губернского музея. Тобольск: Тип. Тоб. губ. правления, 1890. 17 с.
- Могильников В.А. Васюганский клад // СА. 1964. № 2. С. 227–231.
- Могильников В.А. Елыкаевская коллекция Томского университета // СА. 1968. № 1. С. 263–268.
- Могильников В.А. Находки из села Пиковка // СА. 1969. №3. С. 254–259.
- Пелих Г.И. Селькупы XVII века: (Очерки социально-экономической истории). Новосибирск: Наука, 1981. 175 с.
- Плотников Ю.А. «Клады» Приобья как исторический источник // Военное дело древнего населения Северной Азии. Новосибирск: Наука, 1987. С. 120–155.
- Савинов Д.Г. О двух путях распространения бронзовых изделий сейминского типа на восток // Теория и практика археологических исследований. Барнаул, 2013. № 2 (8). С. 5–16.
- Старков В.Ф. Новые находки плоского литья в Нижнем Приобье // Проблемы археологии Урала и Сибири. М.: Наука, 1973. С. 208–219.
- Стефанов В.И., Корочкова О.Н. Андроновские древности Тюменского Притоболья. Екатеринбург: Полиграфист, 2000. 108 с.
- Сыркина И.А. О бронзовых пластинах Истяцкого и Сузгунского кладов // СА. 1973. № 4. С. 255–260.
- Федорова Н.В. Рисунки на металле: Графическое искусство населения Севера Западной Сибири и Предуралья // Археология, этнография и антропология Евразии. 2014. № 1 (57). С. 90–99.
- Федорова Н.В. Зооморфный код Усть-Полуя // Археология Арктики. Вып. 4: Усть-Полуй: Материалы и исследования: Коллективная монография: В 2 т. Т. 2. Екатеринбург: Деловая пресса, 2017. С. 104–126.
- Федорова Н.В., Гусев Ан.В., Подосенова Ю.А. Горноknязевский клад. Калининград: РОС-ДООАФК, 2016. 80 с.
- Чемакин Ю.П., Кузьминых С.В. Металлические орнитоморфные изображения раннего железного века Восточной Европы, Урала и Западной Сибири (лесная и лесостепная зоны) // Твер. археол. сборник. Тверь: Твер. гос. объедин. ист.-архитектур. и лит. музей, 2011. С. 43–74.
- Чернецов В.Н. Бронза усть-полуйского времени // МИА. М.: Наука, 1953. № 35. С. 121–178.
- Чиндина Л.А., Яковлев Я.А., Ожередов Ю.И. Археологическая карта Томской области. Томск: Изд-во ТГУ, 1990. Т. 1. 339 с.
- Ширин Ю.В. К истории «культовых мест» Западной Сибири // Археологические исследования в Среднем Приобье. Томск: Изд-во ТГУ, 1990. С. 152–162.
- Ширин Ю.В. Мурлинский «клад» — состав находок и их аналогии // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. Томск; Ханты-Мансийск: Изд-во ТГУ, 2014. Вып. 12. С. 95–110.
- Шульга П.И., Оборин Ю.В. Бронзовые диски из Казымского клада и восточные зеркала-погремушки // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого: Изд-во ТГУ, 2017. Вып. 15. С. 84–123.
- Яковлев Я.А. Иллюстрации к ненаписанным книгам: Саровское культовое место. Томск: Изд-во ТГУ, 2001. 274 с.

O.N. Korochkova, N.V. Fedorova

Ural Federal University
Mira st., 19, Yekaterinburg, 620002, Russian Federation
Arctic Research Center
Republic st., 20, Salekhard, 629008, Russian Federation
E-mail: Olga.Korochkova@urfu.ru;
mvk-fedorova@mail.ru

URAL AND WEST SIBERIAN HOARDS (BRONZE AGE — EARLY IRON AGE): COMPOSITION, CONTEXT AND INTERPRETATION

The present article analyses the hoards of the Bronze Age – Early Iron Age discovered in the forest-steppe and mountain-forest of the Trans-Urals, as well as the Middle and Lower Ob areas. Only three hoards dating back to the Bronze Age have been discovered: Andreevo, Prygovsky and Gladunino. By the Ural-Siberian standards, these are considerable collections consisting of metal-intensive symbolic objects (celts, knives, sickles). The hoards are grouped in the forest-steppe area, where the population of the Petrovo and Alakul cultures of the Andronovo community lived at that time (first half of the 2nd millennium BC). Conversely, hoards dating back to the Early Iron Age are localised in the taiga zone. Being characterised by a distinctive composition and definite chronological contexts, these hoards reflect profound changes in the lifestyle of Siberian aborigines caused by the widespread introduction of metal, the development of reindeer herding, new communication corridors and fur trade. The first group is represented by hoards that comprise symbolic metal items dating back to the second half of the 1st millennium BC (Azov Mountain, Karaulnaya Mountain, Lozvinisky, etc.). Sometimes they are accompanied by arms (arrowheads and chopping weapons). This group of hoards is unanimously considered to be votive in character. The hoards of the second group (from the 1st century BC to the 2nd–3rd centuries AD) are confined to the lower reaches of the Ob and Irtysh, as well as the Surgut Ob area (Istyatsk, Kazym and Gornoknyazevsk). They are characterised by the presence of bronze cauldrons or other packaging, items of long-distance import (Parthian or Bactrian silver medallions; helmets made in Central Asia; a large number of Sarmatian and even Chinese bronze mirrors, often with engraved local images). Hoards of that period, aimed at hiding prestigious and valuable things, are seen as retrievable. Hoards belonging to the third group (3rd–8th centuries AD) can be referred to as weapon hoards (Parabel, Kholmogory, Ishim, etc.). They are localised mainly in the lower tributaries of the Ob in its middle course. They predominantly consisted of various weapons: arrowheads, spears, axes, sabres, broadswords, combat knives. In addition, bronze mirrors and plates having concentric ornaments, zoomorphic and anthropomorphic images were found in all complexes. Weapon hoards, interpreted as sacred arsenals, reflect the dominant priorities of that time (formation of the military elite; a special status of military practices) and growing military tensions caused by the struggle for control over the foraging territories and trade routes.

Key words: Ural, Western Siberia, Bronze Age, Early Iron Age, votive hoards, armory hoards, trade hoards.

DOI: 10.20874/2071-0437-2019-46-3-017-028

Funding. This work was supported by a grant from the Russian Foundation for Basic Research No. 18-09-40011.

REFERENCES

- Baulo A.V. (2002). *Cult symbols of Berezovsky Khanty*. Novosibirsk: Institut arkheologii i etnografii Sibirskogo otdeleniia Rossiiskoi akademii nauk. (Rus.).
- Baulo A.V. (2011). *The Ancient bronze of the ethnographic complexes and random fees*. Novosibirsk: Institut arkheologii i etnografii Sibirskogo otdeleniia Rossiiskoi akademii nauk. (Rus.).
- Baulo A.V. (2016) «The Old Man of the Sacred Town»: Ancient and Recent Representations of a Bear-like Deity from the Lower Ob, Northwestern Siberia. *Arkheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii*, 44(2), 118–128. (Rus.).
- Bel'tikova G.V. (2005). Environment of formation and sites of the Trans-Ural (Itkul) hearth of metallurgy. In: *Arkheologiya Urala i Zapadnoi Sibiri* (pp. 162–186). Ekaterinburg: Izdatel'stvo Ural'skogo universiteta. (Rus.).
- Bel'tikova G.V., Borzunov V.A. (2017). A Unique Kulay Hoard in the Surgut Ob Area. *Rossiiskaia arkheologiya*, (4), 124–141. (Rus.).
- Brei U., Tramp D. (1990). *Archaeological dictionary*. Moscow: Progress. (Rus.).
- Chemyakin Y.P., Kuz'minyh S.V. (2011). Metal ornithomorphic images of the early iron age of Eastern Europe, the Urals and Western Siberia (forest and forest-steppe zones). In: *Tverskoj arheologicheskij sbornik* (pp. 43–74). Tver': Tverskoj gosudarstvennyj ob"edinennyj istoriko-arhitekturnyj i literaturnyj muzej. (Rus.).
- Chernecov V.N. (1953). Bronzes of Ust-Poluy time. *Materialy i issledovaniya po arheologii SSSR*, (35), 121–178. (Rus.).
- Chindina L.A., YAKovlev Ya.A., Ozheredov Yu.I. (1990). *Archaeological map of the Tomsk region*. Tomsk: Tomskii universitet. (Rus.).
- Degtyareva A.D. (2010). *History of metal production in the Southern Trans-Urals in the Bronze Age*. Novosibirsk: Nauka. (Rus.).

- Ermolaev A. (1914). *Ishim collection*. Krasnoyarsk: Tipografiya M.I. Abalakova. (Rus.).
- Fedorova N.V. (2014). Drawings on metal: Graphic art of the population of the North of Western Siberia and the Urals. *Arheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii*, 57(1), 90–99.
- Fedorova N.V. (2017). Zoomorphic code of Ust-Poluy. In: O.N. Korochkova (Ed.). *Arheologiya Arktiki*, (4). *Ust'-Poluy: Materialy i issledovaniya*, 2 (pp. 104–126). Ekaterinburg: Delovaya pressa. (Rus.).
- Fedorova N.V., Gusev An.V., Podosenova Yu.A. (2016). *Gornoknyazevo hoard*. Kaliningrad: ROS-DOAFK. (Rus.).
- Gusev An.V., Plekhanov A.V., Fedorova N.V. (2016). Reindeer Herding in the North of Western Siberia: The Early Iron Age — the Middle Ages. In: *Arkheologiya Arktiki*, (3) (pp. 228–239). Kaliningrad: ROS-DOAFK. (Rus.).
- Kardash O.V. (2009). *Nadym Town in the end of XVI — first half of XVIII centuries. History and material culture*. Yekaterinburg; Nefteyugansk: Magellan. (Rus.).
- Korochkova O.N., Spiridonov I.A. (2015). On the innovations in the subsistence harvesting cultures of the Ural and Western Siberia. *Ural'skij istoricheskij vestnik*, (48), 96–107. (Rus.).
- Korochkova O.N., Spiridonov I.A., Stefanov V.I. (2017). The Prygovo Finds. *Archaeoastronomy and Ancient Technologies*, (5), 63–72. (Rus.).
- Korochkova O.N., Stefanov V.I., Spiridonov I.A. (2019). The Central Trans-Urals in the Context of the Western Asian Metallurgical Province: The Koptiyaki Culture Phenomenon. *Stratum plus*, (2), 61–107. (Rus.).
- Korochkova O.N., Stefanov V.I., Usachev E.V., Khanov S.A. (2013). Gladunino hoard of the Bronze Age. *Ural'skij istoricheskij vestnik*, 2(39), 129–136. (Rus.).
- Lytkin N. A. (1890). *Archaeological Department of the Tobolsk provincial Museum*. Tobol'sk: Tip. Tobol'skogo Gub. Pravleniya. (Rus.).
- Mogil'nikov V.A. (1964). Vasyugan hoard. *Sovetskaya arheologiya*, (2), 227–231. (Rus.).
- Mogil'nikov V.A. (1968). Elykaev collection of Tomsk University. *Sovetskaya arheologiya*, (1), 263–268. (Rus.).
- Mogil'nikov V.A. (1969). Finds from the village Pikovka. *Sovetskaya arheologiya*, (3), 254–259. (Rus.).
- Pel'ih G.I. (1981). *Selkups of the XVII century: (Essays on socio-economic history)*. Novosibirsk: Nauka. (Rus.).
- Plotnikov Yu.A. (1987). «Hoards» of the Ob Area as a historical source. In: *Voennoe delo drevnego naseleniya Severnoj Azii* (pp. 120–155). Novosibirsk: Nauka. (Rus.).
- Savinov D.G. (2013). Two ways of bronze products type Seima on the East. *Teoriya i praktika arheologicheskikh issledovaniy*, (8), 5–16. (Rus.).
- Shirin Yu.V. (1990). To the history of «cult places» of Western Siberia. In: *Arheologicheskie issledovaniya v Srednem Priob'e* (pp. 152–162). Tomsk: Tomskij universitet. (Rus.).
- Shirin Yu.V. (2014). Murlino «hoard» — the composition of finds and their analogues. In: *Hanty-Mansijskij avtonomnyj okrug v zerkale proshlogo*, (12) (pp. 95–110). Tomsk; Hanty-Mansijsk: Tomskij universitet. (Rus.).
- Shul'ga P.I., Oborin Yu.V. (2017). Bronze disks from the Kazym Hoard and Eastern mirrors-rattles. In: *Hanty-Mansijskij avtonomnyj okrug v zerkale proshlogo*, (15) (pp. 84–123). Tomsk; Hanty-Mansijsk: Tomskij universitet. (Rus.).
- Starkov V.F. (1973). New findings of flat casting in the Lower Ob area. In: *Problemy arheologii Urals i Sibiri* (pp. 208–219). Moscow: Nauka. (Rus.).
- Stefanov V.I., Korochkova O.N. (2000). *Andronovo antiquities of Tyumen's Tobol*. Yekaterinburg: Poligrafist. (Rus.).
- Syrkina I.A. (1973). On bronze plates of Istyackogo and Suzgun'skogo hoards. *Sovetskaya arheologiya*, (4), 255–260. (Rus.).
- Viktorova V.D. (2004). Hoards on the mountain tops. In: V.D. Viktorova, N.V. Fedorova, V.N. Shirokov (Eds.). *Sacral monuments of mountain-forest Urals* (pp. 158–173). Yekaterinburg: Institut istorii i arheologii UrO RAN. (Rus.).
- Yakovlev Ya.A. (2001). *Illustrations to unwritten books: Sarov sacral place*. Tomsk: Tomskij universitet. (Rus.).
- Zykov A.P., Fedorova N.V. (2001). *Kholmogorsky hoard: Collection of antiquities III–IV centuries*. Yekaterinburg: Sokrat. (Rus.).

This work is licensed under a [Creative Commons Attribution 4.0 License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/).

Submitted: 15.04.2019

Accepted: 10.06.2019

Article is published: 26.09.2019

В.В. Илюшина *, В.А. Зах *, Д.Н. Еньшин *, Е.В. Тигеева *, А.В. Кисагулов **

* ФИЦ Тюменский научный центр СО РАН
ул. Малыгина, 86, Тюмень, 625026

E-mail: vika_tika@mail.ru; viczakh@mail.ru;
dimetrius666_72@mail.ru; flena84@mail.ru

** Институт экологии растений и животных УрО РАН
ул. 8 Марта, 202, Екатеринбург, 620144
E-mail: akis9119@gmail.com

КОМПЛЕКС УКРЕПЛЕННОГО ПОСЕЛЕНИЯ МАРАЙ 4 НАЧАЛА РАННЕГО ЖЕЛЕЗНОГО ВЕКА ЛЕСОСТЕПНОГО ПРИИШИМЬЯ

Исследование укрепленного поселения Марай 4 начального этапа раннего железного века в лесостепном Приишимье имеет большое значение для понимания исторических процессов в период формирования в лесостепи Западной Сибири скотоводческих культур раннего железного века, позволяет реконструировать домостроительные традиции, рассмотреть особенности керамического комплекса, виды домашних производств и хозяйственную деятельность группы предсаргатского населения, оставившей поселок. Хронологические рамки существования поселения по данным радиоуглеродного датирования определяются VII–V вв. до н.э. Исходя из всего комплекса полученных материалов предложены варианты интерпретации культурно-исторических процессов на рубеже переходного от бронзы к железу времени — начала раннего железного века в рассматриваемом регионе.

Ключевые слова: лесостепное Приишимье, укрепленное поселение Марай 4, ранний железный век, керамика, производственная деятельность, хозяйство, радиоуглеродное датирование.

DOI: 10.20874/2071-0437-2019-46-3-029-047

Введение

Формирование культурного облика населения начального этапа эпохи раннего железного века — периода становления новых стандартов во всех сферах жизни древних обществ является одним из спорных вопросов в археологии подтаежного и лесостепного Приишимья. Все известные к концу прошлого столетия материалы начала раннего железного века, происходящие из памятников Нижнего Приишимья, весьма незначительная часть которых изучена раскопками, были включены в ареал баитовской и богочановской (журавлевский этап) культур [Стоянов, 1970, с. 226–231; Матвеева, 1994, с. 6–11; Данченко, 1996]. В настоящее время существуют две основные концепции относительно культурогенеза в рассматриваемый период на указанной территории. Согласно первой, территория лесостепного Приишимья входила в ареал баитовской культуры, сформировавшейся на основе позднебронзовой бархатовской [Матвеев, Аношко, 2009, с. 350], датирующейся VII–V (IV–III) вв. до н.э. [Корякова, 1991, с. 28; Матвеева, 1994, с. 9]. При сходстве керамических комплексов Тоболо-Ишимья исследователями отмечено своеобразие коллекций Приишимья, проявляющееся в наличии большого количества сосудов, на тулове которых нанесены ряды ямочных вдавлений. Данная особенность приишимской керамики связывается с влиянием декоративных традиций сузгунской культуры [Матвеева, 1994, с. 9; Волков, 2001, с. 220–221].

Иной точки зрения придерживается С.И. Цембалюк, поставившая вопрос о правомерности включения приишимских комплексов в баитовскую культуру [2017]. По мнению исследователя, на основе красноозерской культуры, сформировавшейся в процессе синтеза сузгунских и пришлых северных (атлымских) традиций, к началу раннего железного века сложились комплексы журавлевского типа. В результате развития последних в подтаежной зоне Приишимья и Прииртышья складываются богочановские древности, а в лесостепном Приишимье — близкие к баитовским Притоболья [Цембалюк, Берлина, 2014], которые предложено назвать «лихачевскими» [Цембалюк, 2017]. Отличия «лихачевского» керамического комплекса от баитовского притобольского проявляются в значительном количестве закрытых форм сосудов, высокой доле ямочных узоров, покрывающих в том числе тулово изделий [Там же]. В то же время нельзя не отметить, что в последней работе, посвященной одному из опорных памятников начала раннего железного века — городищу Марай 1, комплекс обозначен как «баитовский» [Зиняков, Цембалюк, 2019, с. 17–18].

В связи с неоднозначностью интерпретаций как самих комплексов начала раннего железного века, так и процессов их формирования в лесостепной зоне Приишимья значительный интерес представляют материалы укрепленного поселения Марай 4. Репрезентативный керамический комплекс, коллекция глиняного, каменного и бронзового инвентаря, палеозоологический материал позволяют в том числе рассмотреть направления хозяйственной деятельности и виды домашних производств у коллектива, оставившего памятник. Кроме того, полученные радиоуглеродные даты дают возможность дополнить и уточнить представления о культурно-исторической ситуации на начальном этапе раннего железного века в регионе.

Результаты полевых исследований

Укрепленное поселение Марай 4 находится в Казанском районе Тюменской области, расположено на останце II надпойменной террасы левого берега р. Ишим в урочище Борки недалеко от безымянной старицы р. Ишим, поблизости от изученных ранее городищ раннего железного века Марай 1 и 5 (рис. 1, 1, 2) [Рафикова 2013; Цембалюк, 2014]. Памятник открыт С.Н. Скочиной в 2014 г. [Скочина, 2016]. Укрепленное поселение размерами 53,9×55,1 м околонуено слабо выраженной в рельефе двойной линией обороны — валом и рвом (рис. 1, 3). На современной дневной поверхности ширина вала составляет от 2,5 до 3,5 м, высота — 0,1–0,25 м, ширина рва, примыкающего к валу с внешней стороны, — от 2,0 до 3,0 м, глубина — 0,1–0,2 м. Оборонительная система разомкнута с северо-восточной стороны на расстояние 20 м. На площади поселения выявлены остатки сооружений двух типов. Первый тип представлен четырьмя западинами, их размеры варьируют от 4,0×4,0 до 5,5×7,0 м, глубина — от 0,2 до 0,36 м. Второй тип — семь слабо выраженных в рельефе наземных сооружений, представляющих собой приподнятые невысокие площадки округлой и овальной форм, их размеры от 7,5×8,5 до 11,5×13,0 м, высота 0,1–0,3 м. Площадки окружены по периметру 1–4 внешними ямами округлой формы диаметром от 1,5 до 3,0 м, глубиной 0,1–0,25 м. В центральной части сооружений № 1, 2 и 5 зафиксированы ямы диаметром до 1,5–6,0 м. Жилища примыкают к оборонительной системе, центральная зона поселения свободна от построек.

В южной части памятника обнаружен курган размером 7,0×7,5 м, высотой 0,2 м, с грабительской ямой в центре размером 2,5×2,5 м, глубиной 0,4 м. По всей видимости, это сооружение относится к курганному могильнику Марай 9, расположенному в непосредственной близости от поселения [Скочина, 2016].

С целью получения информации об особенностях жилых конструкций и системы укреплений, а также выявления связи зафиксированных западин с основными объектами в 2015 г. в северной части памятника заложен раскоп площадью 327 м². В него вошли остатки наземного сооружения № 6, двух западин (№ 3 и 4) и небольшой участок оборонительной системы. В процессе работ выявлено, что в площадь раскопа попали остатки еще одного наземного жилища, не выраженного в рельефе. Культурный слой в пределах сооружений и рва представлен супесями темно-коричнево-серого и коричневого (в придонной части) оттенков, а в межжилищном пространстве и на валу — коричнево-серой и коричневой супесями. На их фоне фиксировались линзы различной конфигурации, сложенные супесью других оттенков (серой, темно-серой, темно-серой с включениями угля, темно-коричневой, светло-серой), которые являлись, в том числе, остатками конструкции построек. Материк — светло-коричневая супесь с участками суглинистого грунта — выявлен на уровне 0,5–0,75 м от поверхности. Общая мощность культурного слоя составила 0,5–0,75 м, во рву — 0,65 м, в ямах — до 0,8–1,4 м.

В процессе работ на площади раскопа выявлены 60 ям различных размеров, конфигурации и глубины, а также остатки рва (рис. 2). В результате планиграфических и стратиграфических наблюдений признаков котлованов сооружений, которые можно было бы соотнести с выявленными западинами и объектами, вошедшими в площадь раскопа и первоначально интерпретированными как жилищные впадины, не обнаружено. С полностью изученным наземным сооружением № 1 без котлована (№ 6 согласно плану памятника) связаны ямы № 2, 5–8, 11, 22, 25, 30–45, 47, 60, 61. С остатками частично изученного сооружения № 2, возможно, соотносятся ямы № 13, 50, 51. Конструкции, возведенные на валу, вероятно, могут документироваться ямами № 54–59. В кв. АБ/22–24 выявлена яма № 4, размеры изученной части которой составляют 0,3–1,55×2,75, глубина — 0,13–0,35 м; полагаем, что она могла представлять небольшую конструкцию, с выступом-нишей в одной из стен, возможно, хозяйственного назначения. Сочетание на поселениях построек без котлована наземных и слабо углубленных в материк известно на городище Борки 1, где получены материалы журавлевского типа [Зах и др., 2015]. Обнаруженные в

Комплекс укрепленного поселения Марай 4 начала раннего железного века лесостепного Приишимья

кв. в-г/8, 9 и д-ж/8, 9 ямы № 12 и 14, судя по находкам в их заполнении керамики, в том числе целого миниатюрного сосуда, принадлежащих к саргатской культуре, вероятно, могут относиться ко времени функционирования могильника Марай 9. Достаточно четкая интерпретация назначения и связи с выявленными сооружениями остальных ям (№ 1, 3, 9, 10, 12, 14–21, 23, 24, 26–29, 49, 52, 53), расположенных на межжилищном пространстве, затруднительна.

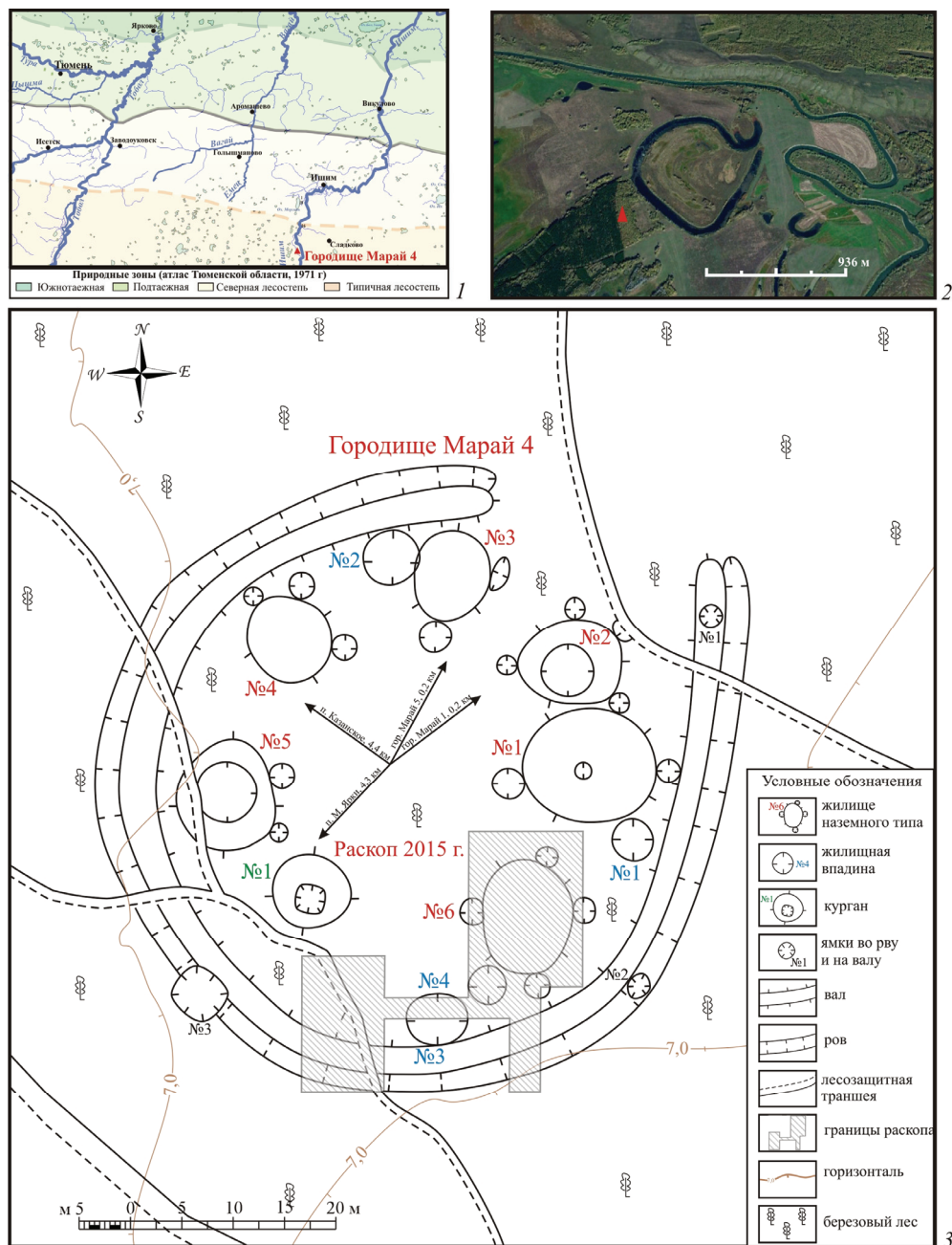

Рис. 1. Карта-схема (1), космоснимок (2) месторасположения и план-схема (3) укрепленного поселения Марай 4.

Fig. 1. The map-scheme (1), landscape image (2) of location and scheme (3) of the settlement Maray 4.

Коллекция находок, полученная при раскопках памятника, составляет 7574 ед., представлена в основном керамикой (7227 экз.), палеозоологический материал незначителен (208 экз.), орудийный набор немногочислен (139 экз.). Основная масса отдельных фрагментов, скоплений обломков и развалов сосудов, орудия и коллекция костных остатков соотносится с комплексом начального эта-

па раннего железного века. Кроме того, в культурном слое обнаружено незначительное количество фрагментов сосудов эпохи энеолита, красноозерской культуры переходного времени от бронзового века к железному и саргатской культуры раннего железного века.

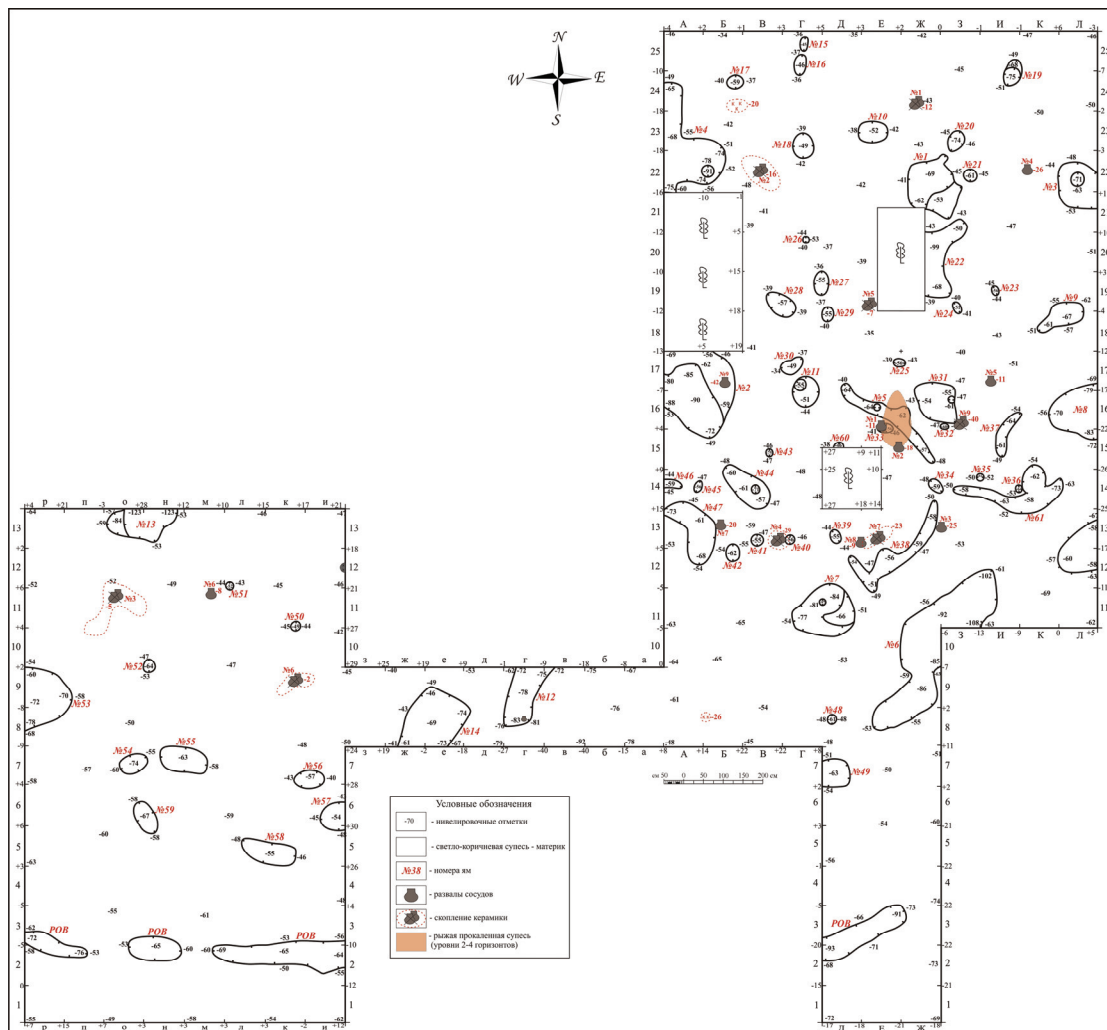

Рис. 2. План раскопа на укрепленном поселении Марай 4.

Fig. 2. General plan of excavation on the hillfort Maray 4.

В итоге исследований получены материалы, позволяющие охарактеризовать специфику домостроительных традиций, хозяйственно-производственной деятельности, особенности керамического комплекса проживавшей на поселении группы древнего населения. В результате радиоуглеродного датирования выявлена хронологическая позиция памятника. Таким образом, совокупность сведений дает возможность подойти к решению вопросов становления культур раннего железного века на территории Нижнего Приишмья и своеобразия культурного облика населения этого периода.

Сооружения и система укреплений

В результате работ на площади укрепленного поселения Марай 4 выявлены остатки предположительно трех сооружений — двух наземных и одной слабо углубленной в материк конструкции. Наиболее информативным из исследованных жилищных объектов является наземное сооружение без котлована № 1.

На дневной поверхности сооружение фиксировалось в виде приподнятой площадки овальной формы размерами 8,5×11 м, высотой 0,2 м. По периметру объекта читались четыре ямы округлой формы диаметром 2,0–2,5 м, глубиной до 0,25 м. Очертания объекта в виде овального

Комплекс укрепленного поселения Марай 4 начала раннего железного века лесостепного Приишимья

пятна темно-коричнево-серой супеси фиксировались уже на уровне 1-го горизонта. Со 2-го горизонта на его фоне прослеживались углистые прослойки округлых и вытянутых форм — маркеры деревянной конструкции жилища.

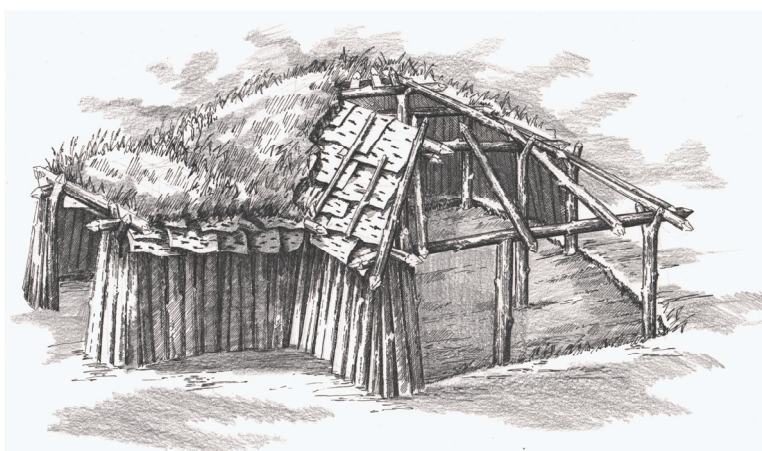
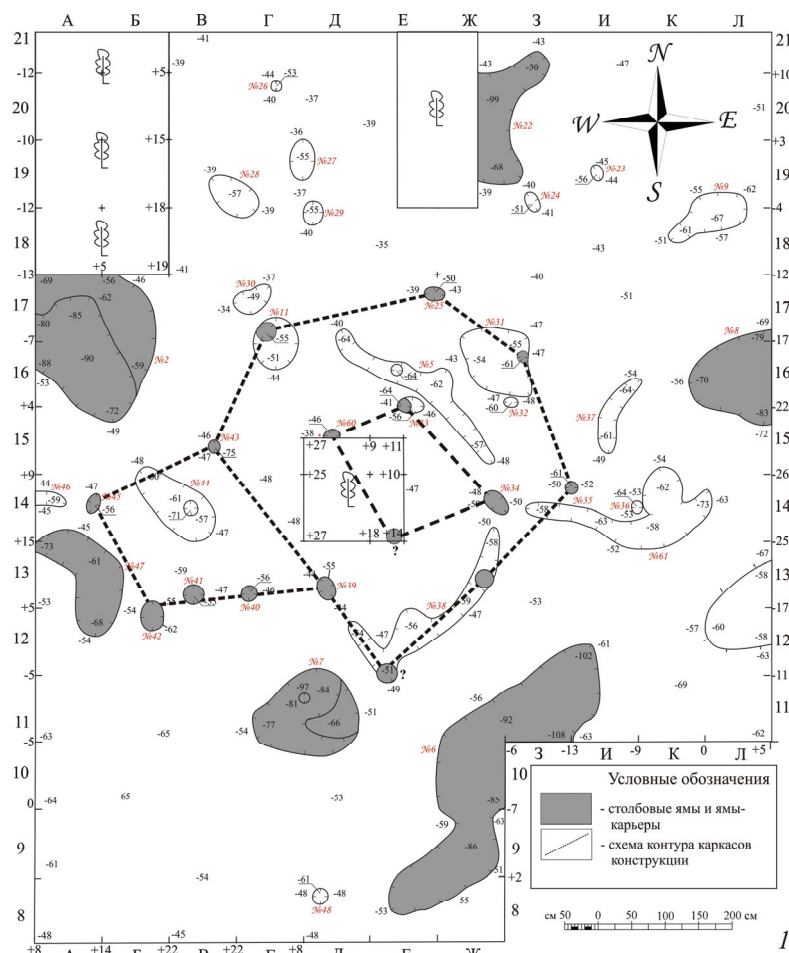

Рис. 3. Схема каркасно-столбовой конструкции сооружения № 1 на укрепленном поселении Марай 4 (1) и графическая реконструкция возможного варианта его внешнего вида (2).

Fig. 3. The scheme of the frame-and-pillar structure of construction 1 on the settlement Marai 4 (1) and a graphic reconstruction of the possible variant of its appearance (2).

На уровне материка фиксировалась система столбовых ям округлой и овальной форм диаметром от 0,15 до 0,45 м, глубиной от 0,07 до 0,29 м. В северо-восточной и юго-восточной части

жилищной площадки располагались две вытянутые канавки длиной от 1,25 до 3,5 м, шириной в основном 0,2–0,3 м, глубиной от 0,1 до 0,23 м.

Анализ расположения столбовых ям позволил предположить в качестве наиболее вероятной двухкаркасную конструкцию — с центральным и периферийным сегментами (рис. 3, 1). Первый маркирован тремя выявленными ямами — № 33, 34, 60 и одной предположительной, второй — ямами № 5, 11, 25, 32, 35, 38, 39, 43. Основание жилищной конструкции в плане имело, скорее всего, многоугольную форму и было сориентировано по линии СЗ–ЮВ. Вероятно, с юго-западной стороны к жилищу примыкал пристрой в виде небольшой ниши, фиксируемой по столбовым ямам № 40–42, 44, 45 (рис. 3, 1, 2). Не исключено, что данная конструкция маркирует коридорообразный выход из жилища.

Наиболее оптимальные параметры конструкции кровли сооружения, принятые с учетом функциональности, возможных нагрузок и доступности для ремонта и не противоречащие этнографическим данным, следующие: угол наклона крыши — 20–40° с некоторыми допусками; высота каркасной конструкции и всей постройки от пола до верхней точки — преимущественно не более 2,0–2,2 м [Никитин, 2002; Берлина, 2010, с. 46; Еньшин, 2014; Соколова, 1959, с. 15–16; Адаев, Зими́на, 2016]. В представленной вероятной схеме каркасно-столбовой конструкции длина пролетов между столбами также является оптимальной и не превышает отметки в 2,7 м при средних значениях 1,5–2,0 м.

Таким образом, исследованное сооружение могло состоять из вертикально установленных столбов (опоры центрального каркаса чуть выше опор периферийного), соединенных поверх балками. Расстояние между балками могло заполняться колотыми плахами, жердями, тесинами. Полагаем, что поверх деревянных конструкций кровли и стен жилище дополнительно утеплялось слоями бересты, коры, травы и присыпалось грунтом, что и создавало в процессе археологизации сооружения видимость приподнятой округлой площадки. Данное предположение, на наш взгляд, документируется как морфологией сооружения в рельефе (приподнятая площадка), так и планиграфической ситуацией на уровне 1–4-го горизонтов: сооружение сначала фиксировалось в виде монолитного пятна темно-коричнево-серой супеси подовальной формы (1–2-й горизонты), а при приближении к матерiku этот слой оконтуривал жилищную площадку полосой, достигающей ширины 3,0 м (3–4-й горизонты). Подобная схема сооружения и утепления крыши и стен наземных жилищ отмечена исследователями, например, у тазовских селькупов (таежная зона Западной Сибири) [Адаев, Зими́на, 2016]. Грунт для присыпки стен таежные строители брали вокруг постройки, отчего по периферии образовывались ямы-карьеры, использовавшиеся впоследствии как хозяйственные/мусорные [Там же]. Этот же принцип прослеживается и по археологическим материалам. Вокруг исследованного жилища в качестве ям-карьеров могли выступать объекты № 2, 6–8, 22, в заполнении которых также фиксировались кухонные остатки в виде обломков посуды, в том числе развала в яме № 2 (рис. 5, 14), керамических скребков, фрагментов лепных глиняных пряслиц, обломков костей животных. В целом наклонные стены, плавно переходящие в достаточно покатую кровлю, создавали эффект купола, при котором, как отмечают исследователи, снеговетровые потоки обтекали конструкцию, заметая ее снегом в зимний период, что, в свою очередь, существенно снижало теплопотери [Матвеева и др., 2005, с. 117].

Интерьер — всегда наиболее сложно реконструируемая часть сооружений. В данном случае можно лишь отметить две канавки, протянувшиеся по дуге, повторяющей общий контур жилища в его восточной половине (рис. 3, 1). Эти углубления могли «отделять» центральную очажную зону от вероятной спальни, которая, в свою очередь, располагалась, скорее всего, в дальней от вероятного выхода части жилища. Непосредственно сам очаг зафиксирован не был. Пятно прокаленной супеси отмечалось на уровне 2–4-го горизонтов в районе одного из опорных столбов центрального каркаса и одной из канавок (Е, Ж/15–17) (рис. 2), что затрудняет его интерпретацию в качестве признака очага. Данное пятно скорее может свидетельствовать об интенсивном горении самой деревянной конструкции (жилище погибло в результате пожара).

Общая площадь комфортного перемещения внутри данного реконструируемого жилища должна была составлять около 30 м² (с учетом пристроя/выхода). Исходя из того что для одного человека исследователи отводят 3,5 м², предполагаем, что в данной постройке могло проживать до 8 чел.

На площади второй наземной постройки, изученной частично, зафиксировано всего три ямы, две из которых (№ 50, 51), вероятно, являлись столбовыми, а яма № 13 могла служить карьером

для забора грунта, шедшего на присыпку стен. Вследствие того что изучена лишь часть данного сооружения, можно только предположить его аналогичную вышеописанной конструкцию.

В результате исследований участка укреплений выявлено, что достаточно хорошо фиксирующийся в рельефе ров в действительности представлял собой прерывающуюся канавку шириной от 0,3–0,5 до 0,6–0,8 м, глубиной всего 0,09–0,25 м от уровня материка. В разных частях раскопа заполнение рва составляла супесь темно-коричнево-серого, серого и светло-серого оттенков, находок в его заполнении не было. На некоторых участках слабо выраженного вала, сложенного супесью темно-коричнево-серого оттенка, шириной около 3 м, высотой не более 0,2 м, на протяжении нескольких горизонтов фиксировались линзы темно-серого оттенка с включениями угля. Под его насыпью в кв. и–л/5–7, н–о/5, 6 зафиксированы шесть ям размерами от 0,45×0,75 до 0,5×1,4 м, незначительной глубины, составляющей 0,08–0,19 м. Ввиду невыразительности остатков конструкции, оконтуривающей поселок, какая-либо их интерпретация затруднительна. Можно предположить, что на валу располагался забор или плетень, а из канавок, образовавших ров, забирался грунт для его присыпки.

Традиция возведения построек наземного типа без котлованов и конструкций вокруг поселков получает распространение на территории Нижнего Приишимья в переходное от бронзы к железу время и на начальном этапе раннего железного века [Зах, Зими́на, 2014; Цембалюк, Берлина, 2014; Зах и др., 2015; Илюшина, Рафикова, 2018].

Керамический комплекс

Коллекция керамики, соотносящаяся с начальным этапом раннего железного века, насчитывает 7190 ед. не менее чем от 172 сосудов (по шейкам). В пределах наземных сооружений и на межжилищном пространстве отмечено 7 развалов и 9 скоплений керамики, а также одно целое изделие (обнаружено в сооружении № 1). Некоторые сосуды реконструированы полностью.

По морфологическим признакам керамика неоднородна и находит аналогии в журавлевских комплексах памятников Ишимо-Иртышского междуречья, а также баитовской культуры. В коллекции достаточно четко выделяются четыре основные группы сосудов, различающиеся по форме и в некоторых случаях по технике нанесения и композиционному построению узоров (табл. 1). Диаметр устья сосудов варьирует в пределах от 12,0 до 36,0 см.

Группа I. Представлена слабопрофилированными сосудами со слегка вогнутой (дуговидной, «молчановской») шейкой (рис. 4, 1–7). Срез венчика округлый или уплощенный, в некоторых случаях скошенный внутрь, у части изделий орнаментирован насечками. В коллекции насчитывается 19 таких сосудов, при статистической обработке учтены шейки 17 изделий. Сосуды орнаментированы гладким штампом в технике штампования, реже — вдавления. Основным элементом узора выступают наклонные оттиски. Единично представлены сетка, вертикальный зигзаг (многорядная елочка) и ряды подковообразных вдавлений (рис. 4, 5), нанесенные, возможно, естественным орнаментом. На одном из сосудов зафиксирован узор, составленный из ямочных вдавлений (рис. 4, 7). На большинстве изделий отмечены ряды ямок и/или «жемчужин». Во всех случаях «жемчужины» располагаются на шейке изделий и лишь на одном из сосудов — на тулове, в то время как ямки чаще фиксируются в переходной зоне от шейки к плечу. Нередко ряды ямок или «жемчужин» выступают единственным элементом декора (35,4 % сосудов), а один сосуд совсем не имеет орнамента.

Группа II. Изделия закрытой формы, так называемые банки (рис. 4, 8–14). Срез венчика округлый или уплощенный, в ряде случаев скошенный внутрь или наружу, единично — приострен, у половины сосудов орнаментирован насечками. В коллекции насчитывается 63 сосуда, при статистической обработке учтено 34 изделия. Орнамент, нанесенный в верхней части сосудов, представлен в основном рядами наклонных оттисков гладкого, единично — гребенчатого штампа, редко — горизонтальной елочкой и вертикальным зигзагом (многорядная елочка). На значительной части изделий нанесены ряды ямочных вдавлений, реже — ряды «жемчужин». Чередование ямок и «жемчужин» зафиксировано единично. Пояски ямок или «жемчужин» зачастую представляют единственный элемент узора (35,3 % сосудов данной группы).

Группа III. В керамической коллекции городища представлена хорошо профилированными сосудами. По особенностям оформления верхней части сосудов данная группа может быть разделена на две основные подгруппы — IIIa и IIIб.

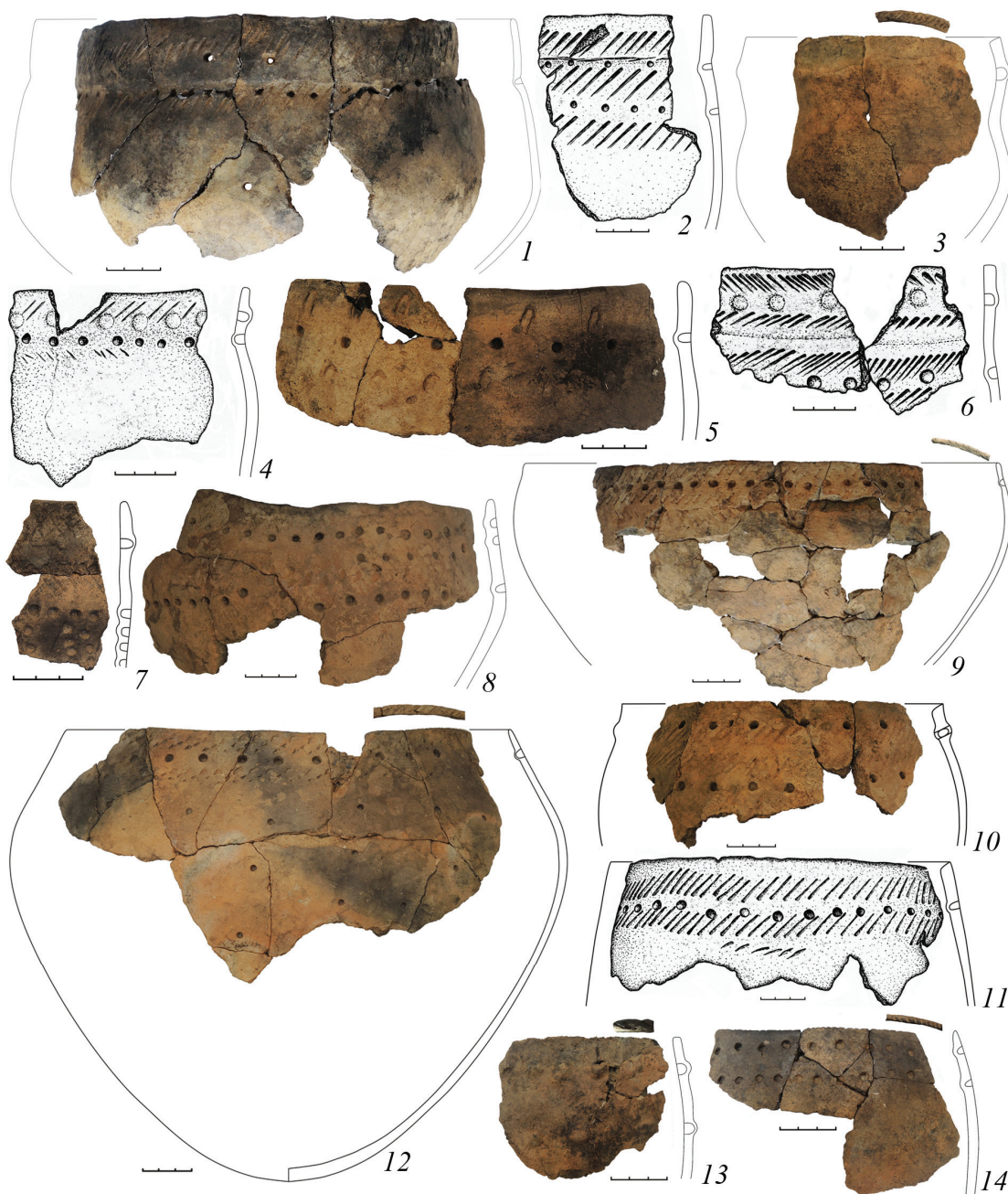

Рис. 4. Керамический комплекс укрепленного поселения Марай 4:
1–7 — сосуды с дуговидными шейками (группа I); 8–14 — сосуды закрытой формы (группа II).
Fig. 4. The ceramics complex of the settlement Maray 4:
1–7 — vessels with arcuate necks (group I); 8–14 — vessels of closed form (group II).

В подгруппу IIIa включены сосуды с отогнутой или прямой хорошо выраженной шейкой высотой до 2,5–3,0 см (в коллекции насчитывается 51 сосуд, для статистического анализа использованы шейки 41 изделия) (рис. 5, 1–8). Срез венчика округлый или уплощенный, реже — приострен, зачастую орнаментирован оттисками гребенчатого штампа или насечками. Орнамент в основном наносился гребенчатым штампом, оттиски гладкого штампа редки. Среди элементов узора преобладают ряды наклонных или вертикальных оттисков (последними украшалась исключительно шейка изделий), горизонтальные линии из оттисков штампа, подчеркивающих переходную зону от шейки к плечу, горизонтальные зигзаги, наносившиеся на плечике. Велика доля «жемчужин», локализованных на шейке. Характерны и ямочные вдавления, которые чаще

всего располагались в переходной зоне от шейки к плечу и на плече. Единично отмечено чередование ямок и «жемчужин».

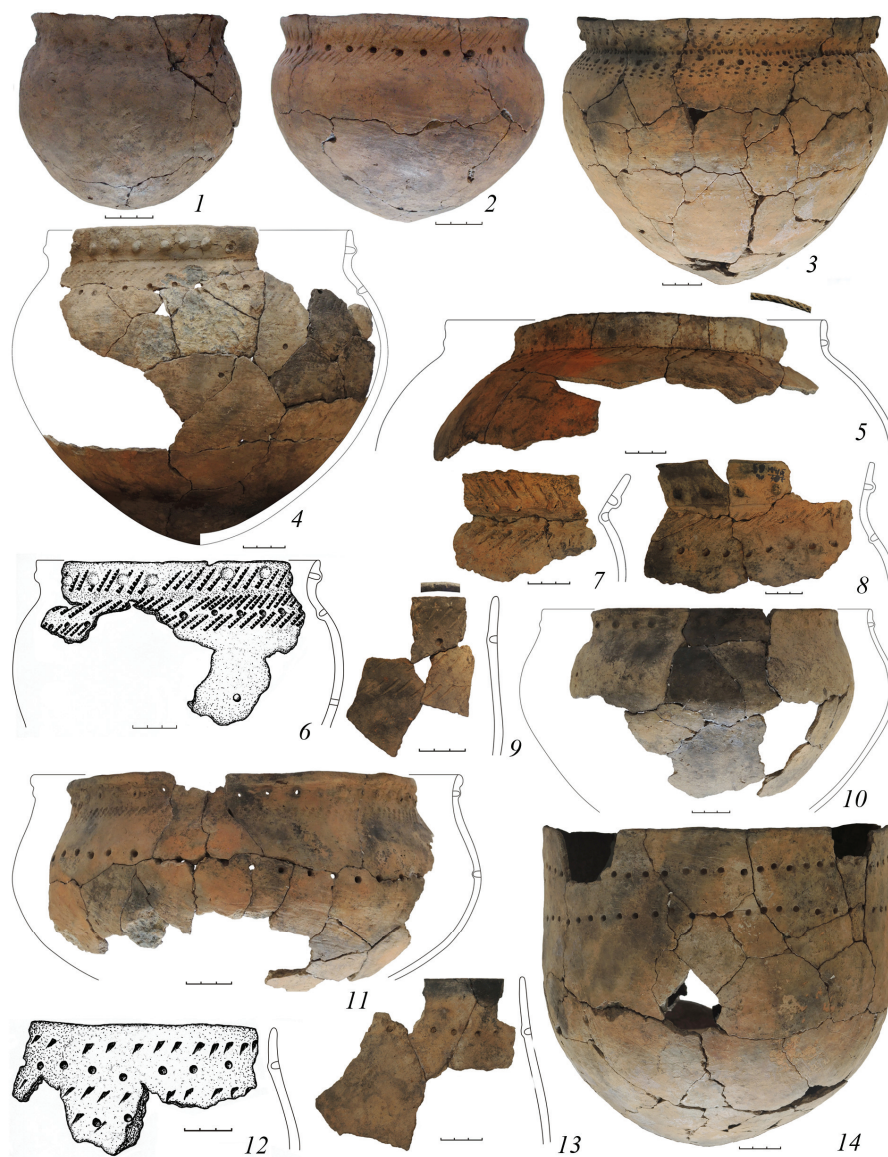

Рис. 5. Керамический комплекс укрепленного поселения Марай 4:

1–8 — хорошо профилированные сосуды с отогнутыми или прямыми высокими шейками (группа IIIa);
10, 11 — хорошо профилированные сосуды с отогнутыми или прямыми короткими шейками (группа IIIб);
9, 12–14 — сосуды группы IV.

Fig. 5. The ceramics complex of the settlement Maray 4:

1–8 — well profiled vessels with deflected or straight high necks (group IIIa); 10, 11 — well profiled vessels with deflected or straight short necks (group IIIb); 9, 12–14 — weakly profiled vessels (group IV).

Подгруппа IIIб объединяет изделия с короткой отогнутой или прямой шейкой (19 сосудов) (рис. 5, 10, 11). Срез венчика округлый или уплощенный (иногда скошен наружу), зачастую — приострен, орнаментирован насечками у трети изделий. Орнаментация сосудов осуществлялась гребенчатым или гладким штампом. Половина изделий имеет орнамент только в виде ряда «жемчужин» или ямочных вдавлений. Ряд «жемчужин» локализован в основном на шейке, реже — в переходной зоне от шейки к плечу. Ряд ямочных вдавлений наносился чаще всего в переходной зоне от шейки к плечу, реже — на плече, единично — на шейке. Среди других элементов орнамента преобладают ряды наклонных оттисков.

Группа IV. В данную группу вошли 20 изделий коллекции, которые объединяет слабая профилированность формы (рис. 5, 9, 12–14). Шейка у части изделий не выражена совсем. В целом сосуда данной группы занимают промежуточное положение между изделиями баночной и горшечной форм. Срез венчика округлый или уплощенный, единично — приострен, у большинства сосудов орнаментирован насечками. Орнамент, нанесенный на изделия гладким, реже — гребенчатым штампом, представлен рядами наклонных оттисков, вдавлениями краем штампа, а также ямочных вдавлений, расположенных в основном на шейке, редко — «жемчужин».

Отдельную группу гончарных изделий представляют неорнаментированные миниатюрные чашечки (12 экз.) (рис. 6, 2, 3) и блюдца (2 экз.) (рис. 6, 1). Миниатюрные изделия в основном круглодонные, три экземпляра имеют уплощенное дно. Диаметр горловины варьирует от 7,0 до 11,0 см, высота — от 2,0 до 5,0 см. Округлодонные блюдца представлены двумя фрагментами, орнаментированными с внутренней стороны оттисками гребенчатого штампа. Одно из блюд имело овальную форму. Аналогичное, но украшенное на внутренней поверхности рядами наколов изделие обнаружено на городище Ласточкино Гнездо 1 [Зах, 2009]. Блюда двух типов также найдены в богочановских памятниках Прииртышья, однако по форме существенно отличаются от приишимских экземпляров [Данченко, 1996, с. 67–68, 83, рис. 57].

В целом полученный при исследовании укрепленного поселения Марай 4 керамический комплекс своеобразен, сосуды находят аналогии как в журавлевских, так и в подобных баитовским коллекциях Приишмья. Невыразительная орнаментация, сглаженность «молчановского» профиля сосудов группы I обнаруживают сходство с материалами городища Ласточкино Гнездо 1 [Зах, 2009; Илюшина, Рафикова, 2018]. Сосуды закрытой формы также представлены в «классических» журавлевских коллекциях — на поселении Боровлянка 2 и городище Борки 1 [Панфилов и др., 1991; Илюшина, 2018], но чаще повторяют элементы и композиционное построение узора на группе сосудов с дуговидными шейками, а количество изделий, украшенных исключительно рядами ямочных вдавлений иногда в сочетании с «жемчужинами», незначительно. В то же время сосуды баночной формы со столь бедной орнаментацией зафиксированы на городище Ласточкино Гнездо 1, отмечены и в комплексах, подобных баитовским, — на поселении Озеро Ченчерь 6, городищах Лихачевское и Марай 5 [Волков, 2001; Рафикова, 2013; Цембалюк, Берлина, 2014].

Особый интерес представляют сосуды, включенные в группу III. Морфология некоторых изделий и орнаментация, выполненная гладким штампом, соответствует части изделий, происходящих из городищ Борки 1 и Ласточкино Гнездо 1 [Илюшина, 2018; Илюшина, Рафикова, 2018]. Часть сосудов, включенных в подгруппу IIIa, обнаруживает значительное сходство с керамикой баитовской культуры Притоболья, комплексах, подобных баитовским, в Приишмье, а некоторые экземпляры — идентичны [Волков, 2001; Рафикова, 2013].

Слабо профилированные изделия известны в журавлевских комплексах Приишмья, богочановских Прииртышья [Данченко, 1996]. Подобная форма изделий распространена и в подтаежной зоне Притоболья в комплексах вак-куровского этапа восточного варианта иткульской культуры, а также «лесных» баитовских [Зими́на, Зах, 2009; Зими́на, Цембалюк, 2012].

Инвентарный комплекс

Коллекция инвентаря, полученная в процессе работ на городище, невелика. Представлена 85 фрагментами не менее чем 78 скребковидных изделий на обломках сосудов (рис. 6, 13–16), двумя целыми экземплярами и 11 фрагментами глиняных пряслиц (рис. 6, 4–6), двумя изделиями из глины неясного назначения, 36 обломками камней как со следами использования, так и без таковых, в том числе фрагментов пряслица (рис. 6, 7), выточенного из талькового сланца, и литейной формы (рис. 6, 8)¹. В единственном экземпляре найдено изделие из кости, предположительно проколка. Имеются в коллекции и бронзовые изделия — 3 фрагмента ножа и шильев, а также кельт.

Обломок *однолезвийного бронзового ножа*, подтреугольного в сечении, длиной 3,4 см, с шириной лезвия 0,07 см, с шириной спинки 0,2 см (рис. 6, 10). Обломки *бронзовых шильев* — представлены 2 экз. Первый экземпляр четырехугольный в сечении, длиной 2,3 см, шириной 0,35–0,5 см, толщиной 0,2–0,3 см (рис. 6, 11). Второй экземпляр также четырехугольный в сечении, имеет приостренный конец, длина фрагмента изделия 3,65 см, ширина 0,2–0,3 см (рис. 6, 12).

¹ Детальный анализ керамического, каменного и костяного инвентаря представлен в работе Ю.В. Костомаровой «Производственная деятельность населения начала раннего железного века укрепленного поселения Марай 4 в Нижнем Приишмье (экспериментально-трассологический анализ)» в настоящем номере журнала.

Особенности орнаментации на сосудах городища Марай 4

Table 1

Features of ornamentation on vessels of the settlement Maray 4

Особенности формы венчика и орнаментации сосудов		Группа I (17 экз.)	Группа II (34 экз.)	Группа IIIa (41 экз.)	Группа IIIb (19 экз.)	Группа IV (20 экз.)	Всего (131 сосуд)
Форма среза венчика	Округлый	10/58,8	18/53	18/44	7/36,8	11/55	64/48,8
	Уплощенный	4/23,5	8/23,5	17/41,4	4/21	8/40	41/31,3
	Приостренный	—	1/3	6/14,6	6/31,6	1/5	14/10,7
	Уплощенный, скошенный наружу	—	4/11,7	—	2/10,5	—	6/4,6
	Уплощенный, скошенный внутрь	3/17,6	3/8,8	—	—	—	6/4,6
Орнаментир	Гладкий штамп	10/58,8	20/58,8	7/17,1	5/26,3	9/45	51/39
	Гребенчатый штамп	—	2/5,9	31/75,6	5/26,3	4/20	42/32,1
	Естественный орнаментир	—	1/3	—	1/5,2	1/5	3/2,3
	Орнаментир с неясным рабочим краем	1/5,8	—	1/2,4	—	—	2/1,5
Техника нанесения	Штампование	10/58,8	17/50	37/90,2	9/47,3	7/35	80/61
	Вдавление	2/11,7	5/14,7	1/2,4	1/5,2	6/30	15/11,5
	Ямки	12/70,6	28/82,3	24/58,5	8/42,1	15/75	87/66,4
	«Жемчужины»	7/41,2	6/17,6	23/56,1	12/63,1	4/20	52/39,7
	Чередование «жемчужина»-ямка	—	1/2,9	1/2,6	—	—	2/1,5
Элементы орнамента	Без орнамента	1/5,8	—	—	—	—	1/0,7
	«Жемчужины» на шейке или в верхней части сосуда	7/41,2	6/17,6	23/56,1	9/47,3	4/20	49/37,4
	«Жемчужины» в переходной зоне от шейки к плечу	—	—	—	3/16,6	—	3/2,3
	«Жемчужины» на плечике/тулове	—	1/2,9	—	—	—	1/0,7
	Ямки на шейке, в верхней части на баночных изделиях	3/17,6	27/79,4	3/7,3	1/5,2	15/75	49/37,4
	Ямки в переходной зоне от шейки к плечу	9/53	—	14/34,1	5/26,3	—	28/21,4
	Ямки на плечике/ тулове	2/11,7	4/11,7	9/21,9	4/21	2/10	21/16
	Елочка горизонтальная (гладкий штамп)	—	2/5,9	—	—	1/5	3/2,3
	Елочка горизонтальная (гребенчатый штамп)	—	—	4/9,7	1/5,2	1/5	6/4,6
	Ряд наклонных оттисков гладкого штампа	8/47	11/32,3	6/14,6	3/15,8	4/20	32/24,4
	Ряд наклонных оттисков гребенчатого штампа	—	3/8,8	22/53,6	3/15,8	2/10	30/23
	Ряд вертикальных оттисков гладкого штампа	—	—	—	1/5,2	—	1/0,7
	Ряд вертикальных оттисков гребенчатого штампа	—	—	17/41,5	1/5,2	—	18/13,7
	Вертикальный зигзаг (гладкий штамп)	1/5,8	1/3	—	—	—	2/1,5
	Вертикальный зигзаг (гребенчатый штамп)	—	—	2/4,9	1/5,2	—	3/2,3
	Горизонтальные линии из оттисков гладкого штампа	—	—	1/2,6	—	—	1/0,7
	Горизонтальные линии из оттисков гребенчатого штампа	—	—	22/53,6	1/5,2	—	23/17,5
	Горизонтальный зигзаг (гребенчатый штамп)	—	—	10/24,4	—	—	10/7,6
	Вдавления краем гладкого штампа	—	2/5,9	—	1/5,2	4/20	7/5,3
	Угловые вдавления	—	1/3	1/2,6	—	2/10	4/3,1
	Сетка (гладкий штамп)	1/5,8	1/3	—	—	—	2/1,5
	Подковообразные вдавления	1/5,8	—	—	—	—	1/0,7
	Композиция из ямочных вдавлений	1/5,8	—	—	—	—	1/0,7
	Насечки на срезе венчика	5/ 29,4	18/53	9/22	6/31,6	16/80	54/41,2
	Оттиски гребенки на срезе венчика	—	—	8/19,5	—	—	8/6,1

Рис. 6. Инвентарь укрепленного поселения Марай 4:

1 — фрагмент глиняного блюда; 2, 3 — миниатюрные чашечки; 4–6 — глиняные пряслица; 7 — пряслице из талькового сланца; 8 — фрагмент каменной литейной формы; 9 — бронзовый кельт; 10 — обломок бронзового ножа; 11, 12 — фрагменты бронзовых шильев; 13–16 — скребковидные изделия на обломках керамики.

Fig. 6. Equipment from the settlement Maray 4:

1 — a fragment of the clay dish; 2, 3 — miniature cups; 4–6 — clay spindle whorl; 7 — spindle whorl of talc shale; 8 — a fragment of a stone mold; 9 — the bronze celt; 10 — a fragment of a bronze knife; 11, 12 — fragments of bronze awls; 13–16 — scrapers on fragments of ceramics.

Бронзовый кельт — представлен целым экземпляром (рис. 6, 9). Его длина составляет 7,4 см, ширина в лезвийной части 6,2 см. Размер устья по длинной оси 6,3 см, по короткой — 3,6 см. Глубина втулки 6 см, внутри имеется перегородка. Изделие имеет прямоугольную в плане форму, овальное сечение по устью втулки и линзовидное по тулову, клиновидный профиль. Лезвие дуго-видной формы, один край сточен больше другого, что характерно для рубящего орудия — топора. Кельт орнаментирован, элементы декора были вырезаны на литейной форме. Втулка оформлена в виде достаточно широкого горизонтального валика (высота 0,6–0,9 см). От него вниз спускается 14 (по 7 с каждой стороны кельта) вертикальных узких валиков шириной 0,3 см. Длина их различна,

Комплекс укрепленного поселения Марай 4 начала раннего железного века лесостепного Приишимья

у боковых граней кельта — 3,4 см, ближе к центру фаски — 2,8 см. На каждой из лицевой сторон кельта имеется по сквозному отверстию, их форма с внутренней стороны отличается от наружной. Внутри они прямоугольные, снаружи одно из отверстий также прямоугольное, но меньшего размера, второе имеет округлую форму и очень маленький диаметр — 0,3 см.

Аналогичные изделия известны в материалах баитовской, воробьевской, богочановской, саргатской, гороховской культур [Матвеева, 1989, с. 94; 1993; 1994, рис. 1, 2, 3; Могильников, 1992, с. 279; Цембалюк, Берлина, 2014, с. 63, рис. 3, 10]. Фрагмент такого кельта обнаружен на поселении Боровлянка 2 и, по всей видимости, относится ко времени пребывания здесь носителей журавлевских традиций [Панфилов и др., 1991]. Данный тип кельтов связан с иткульским очагом металлургии на Урале, где обнаружены формы для их отливки [Бельтикова, 1993, с. 46, 48, рис. 3, 1]. Один из кельтов, найденный на городище Шатанов 1, считается иткульско-гамаюнским, датируется V–IV вв. до н.э. [Наумов, 2016, рис. 86, 10]. В целом такие изделия имеют широкие хронологические рамки бытования, с конца эпохи бронзы и до начала раннего железного века (конец IX — III в. до н.э.). В Тоболо-Ишимском междуречье, судя по контексту обнаруженных экземпляров, подобные кельты были распространены в VII–IV вв. до н.э.

В целом анализ инвентаря позволяет говорить, что группа населения, проживавшая на укрепленном поселении Марай 4, занималась традиционными для начального этапа раннего железного века Тоболо-Иртышского междуречья видами домашних производств — прядением, обработкой шкур, дерева, изготовлением посуды, а также бронзолитейным производством.

Палеозоологическая коллекция

Коллекция костных остатков укрепленного поселения Марай 4 насчитывает 208 экз. Определение их таксономической принадлежности производилось с помощью атласов [Громова, 1950] и эталонной коллекции музея ИЭРиЖ УрО РАН. Всего до вида или рода определено 87 костей, что составляет 42 % всех костных остатков. Определено пять таксонов млекопитающих (мелкий рогатый скот не разделялся на овцу и козу в силу плохой сохранности костей) (табл. 2).

Таблица 2

Видовой состав и количество костных остатков из городища Марай 4

Table 2

The species composition of bone remains from the settlement Maray 4

	Количество	%
Крупный рогатый скот — <i>Bos taurus</i>	31	36
Мелкий рогатый скот — <i>Capra et Ovis</i>	1	1
Лошадь — <i>Equus caballus</i>	34	39
Собака — <i>Canis familiaris</i>	2	2
Лось — <i>Alces alces</i>	19	22
Определимые	87	100
Неопределимые	121	—
Всего	208	—

Примечание. Остеологическая коллекция поселения Марай 4 хранится в музее ИЭРиЖ УрО РАН РАН под № 2808.

Подавляющую долю (97 %) составляют костные остатки трех видов копытных млекопитающих — лошади, крупного рогатого скота и лося. Все костные остатки, за исключением единичных зубов и мелких костей конечностей, представлены фрагментами. Подобная сохранность характерна для кухонных отходов. Все кости и зубы крупного рогатого скота принадлежат взрослым особям. Из 22 зубов лошади лишь 4 (18 %) принадлежат молодым особям. Костные остатки мелкого рогатого скота представлены фрагментом бедренной кости взрослой особи.

Собаке принадлежат фрагмент нижней челюсти и затылочная часть черепа (кость обгорела). Костные остатки лося представлены фрагментами костей и рога, зубами.

Хотя фаунистическая коллекция весьма незначительна, все же можно предположить, что основу хозяйственной деятельности жителей поселка составляло скотоводство. Судя по всему, разводили в основном крупный рогатый скот и лошадей. Возрастной анализ домашнего скота указывает на мясомолочную направленность животноводческого хозяйства. Присваивающие отрасли экономики коллектива представлены охотой. Из промысловых видов животных определен только лось.

Видовой состав изученных костных остатков обнаруживает сходство с материалами журавлевского городища Борки 1, различия проявляются в более низком проценте доли костей КРС и, напротив, высоком — костей лошади, а также в более бедном составе диких млекопитающих на укрепленном поселении Марай 4 [Рябогина и др., 2015]. В целом же сравнение полученных данных с известными на сегодняшний день определениями палеозоологической коллекции городища Марай 1 [Цембалюк, 2015, с. 51–52] показывает традиционный для периода раннего железного века хозяйственный уклад у населения, оставившего исследованный нами памятник.

Результаты радиоуглеродного датирования

С целью абсолютной датировки времени функционирования укрепленного поселения Марай 4 были отобраны образцы древесного угля из заполнения сооружения 1, ямы № 13, соотнесенной с сооружением № 2, а также из углистой прослойки на валу. В результате получено шесть радиоуглеродных дат (табл. 3, рис. 7). Анализы образцов проводились в лаборатории археологической технологии Института истории материальной культуры РАН (г. Санкт-Петербург).

Таблица 3

Радиоуглеродные даты укрепленного поселения Марай 4

Table 3

Radiocarbon dates of the settlement Maray 4

№	Квадрат, глубина от поверхности (см), материал, объект	Индекс образца	Абсолютная дата, л.н.	Калиброванная дата	
				$\pm 1\sigma$ (68,2 %)	$\pm 2\sigma$ (95,4 %)
1	Кв. Д/4, заполнение вала, глубина от поверхности — 30–35 см (2-й усл. гор.), древесный уголь	Ле-11800	2380 \pm 60	730–690 BC 540–390 BC	760–680 BC 670–370 BC
2	Кв. Г/15, заполнение сооружения № 1, глубина от поверхности — 35–37 см (3-й усл. гор.), древесный уголь	Ле-11801	2480 \pm 25	760–720 BC 700–680 BC 670–530 BC	770–500 BC 440–410 BC
3	Кв. З/16, заполнение сооружения № 1, глубина от поверхности — 50–55 см (4-й усл. гор.), древесный уголь	Ле-11802	2495 \pm 40	770–720 BC 700–540 BC	790–480 BC 470–410 BC
4	Кв. Г/16, заполнение сооружения № 1, глубина от поверхности — 35 см (3-й усл. гор.), древесный уголь	Ле-11803	2420 \pm 25	520–400 BC	740–680 BC 670–640 BC 550–400 BC
5	Кв. Г/11, заполнение сооружения № 1, глубина от поверхности — 35 см (3-й усл. гор.), древесный уголь	Ле-11804	2300 \pm 70	420–340 BC 320–200 BC	750–650 BC 550–150 BC
6	Кв. О/13, заполнение ямы, сооружение № 2, глубина от поверхности — 70–80 см, древесный уголь	Ле-11805	3270 \pm 50	1620–1490 BC	1670–1430 BC

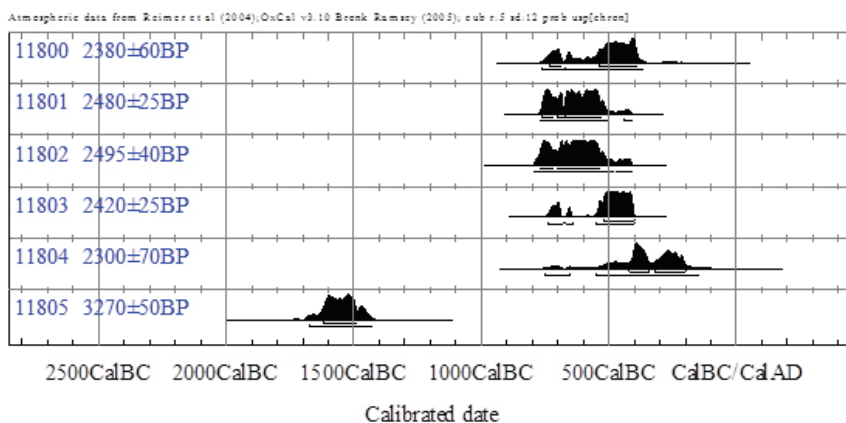

Рис. 7. Калибровка дат, полученных с укрепленного поселения Марай 4 (выполнена в программе OxCal 3.10).
Fig. 7. Calibration of dates obtained from the settlement Maray 4 (executed in the program OxCal 3.10).

Одну из полученных дат (Ле-11805) интерпретировать сложно. Данный образец был отобран из заполнения ямы, предположительно связанной с конструкцией сооружения № 2. Дата указыва-

ет на XVII–XV вв. до н.э. Этот хронологический отрезок соотносится со временем существования на территории лесостепной зоны Западной Сибири носителей федоровской культуры, однако на площади раскопа не обнаружено ни одного фрагмента керамики эпохи поздней бронзы.

Остальные пять из полученных образцов с учетом калибровки укладываются в VIII — середину II в. до н.э. Опираясь на данные относительного и абсолютного датирования, наиболее вероятным периодом существования укрепленного поселения Марай 4 считаем VII–V вв. до н.э.

Обсуждение результатов

В итоге исследований на укрепленном поселении Марай 4 получены данные о традициях домостроительства, об экономической деятельности, особенностях керамического комплекса группы населения, оставившей поселок. В результате радиоуглеродного датирования выявлена хронологическая позиция памятника, соответствующая периоду между существованием красноозерской культуры переходного от эпохи бронзы к железу времени и, вероятно, его заключительной фазой, представленной материалами журавлевского типа и древностями, подобными баитовским, начала раннего железного века в лесостепном Приишимье. Своеобразие полученного на городище Марай 4 комплекса, особенно ярко проявившееся в керамической коллекции, определяется сочетанием черт уходящей и наступающей эпох, в связи с чем затруднительна и достаточно четкая культурная атрибуция его материалов.

Традиция организации жилого пространства в виде слабо укрепленного поселка с жилыми сооружениями наземного типа каркасно-столбовой конструкции без котлована появляется в Притоболье у населения восточного варианта иткульской культуры второго типа, фиксируется на раннем этапе баитовской культуры [Зими́на, Зах, 2009; Цембалюк, 2010]. В Приишимье наземные жилища без котлована отмечаются у носителей красноозерских традиций [Зах, Зими́на, 2014], хотя на поселениях, оставленных этими коллективами, изучены в основном углубленные в материк сооружения полуземляночного типа [Цембалюк, 2015; Матвеев, Горелов, 1993; и др.]. Известно на данной территории и городище этого периода — Ефимово 1 [Матвеев, Горелов, 1993]. Более широкое распространение в Приишимье сходные с притобольскими «городища», по всей видимости, получают несколько позднее, в VII–VI вв. до н.э. и связаны с формированием журавлевских традиций (городища Борки 1, Ласточкино Гнездо 1), а также комплексов, подобных полученным на Лихачевском городище и представленному в настоящем исследовании.

Хозяйственно-производственная деятельность коллектива, проживавшего на поселении, реконструируемая по результатам анализа фаунистических остатков и инвентаря, в целом соответствует традициям завершающего этапа переходного периода — начала раннего железного века в Тоболо-Ишимском междуречье [Зими́на, Зах, 2009; Зах, 2009; Костомарова, 2018; Цембалюк, 2015].

Основная масса сосудов по морфологическим особенностям соотносима с известными в Приишимье журавлевскими древностями (городище Борки 1, поселение Боровлянка 2) и в большей степени с коллекцией городища Ласточкино Гнездо 1. В то же время выделяется группа хорошо профилированных изделий, в большинстве случаев орнаментированных гребенчатым штампом, что не характерно для журавлевской традиции. По форме и композиционному построению орнамента эти сосуды аналогичны баитовским с памятников Притоболья, керамическим комплексам поселения Озеро Ченчерь 6, городищ Марай 1, 5 и ряда других памятников Приишимья, культурная принадлежность которых до сих пор четко не определена. Опираясь на анализ морфологических признаков гончарных изделий, происходящих с перечисленных приишимских памятников, можно высказать следующие предположения.

По представлениям В.В. Илюшиной, материалы памятника отражают взаимодействие местных групп населения, которые на данном уровне исследования могут быть атрибутированы как «позднежуравлевские», и пришлых с территории Притоболья баитовских коллективов. По всей вероятности, местное население впоследствии было ассимилировано мигрантами. По-иному интерпретирует комплекс Марая 4 В.А. Зах, считая его отражающим развитие журавлевских традиций на территории лесостепного Приишимья. По его мнению, говорить о баитовских мигрантах и последующем растворении «позднежуравлевского» населения в их составе нет оснований. Лесостепное Приишимье является западной границей ареала красноозерского культурного массива (поселения Боровлянка 2, Борки 1, Ефимово 1, Мергень 2, 6, Марай 1), послужившего субстратом для журавлевских комплексов. «Баитовцы» продолжают бархатовскую и впоследствии — восточную иткульскую линию развития. Хронологически же рассматриваемые и другие подобные комплексы в лесостепи Западной Сибири близки. Что касается подробного

анализа позиции комплексов Марая 4 в контексте развития журавлевских и красноозерских материалов, то это тема отдельной работы.

Так или иначе, вне зависимости от отсутствия единства в интерпретации полученных материалов, результаты исследования городища Марай 4 существенно дополняют и обогащают представления о культурно-исторических процессах, происходящих на начальном этапе раннего железного века на территории лесостепного Приишимья.

Финансирование. Работа выполнена по госзаданию — проект № АААА-А17-117050400147-2. Исследование костных остатков выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-04-00982а.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Архивные источники

Рафикова Т.Н. Отчет об археологических раскопках городища Марай 5 в Казанском районе Тюменской области в 2012 году. Тюмень, 2016 // Архив ТюмНЦ СО РАН.

Скочина С.Н. Отчет о НИР: Археологическая разведка в Казанском и Пуровском районах Тюменской области в 2014 году. Тюмень, 2016 // Архив ТюмНЦ СО РАН.

Цембалюк С.И. Отчет о НИР: Продолжение охранных исследований поселения Марай 1 в Казанском районе Тюменской области. Тюмень, 2014 // Архив ТюмНЦ СО РАН.

Литература

Адаев В.Н., Зимина О.Ю. Каркасно-столбовые жилища наземного типа в Западной Сибири: Археолого-этнографические параллели // Археология, этнография и антропология Евразии. 2016. № 3. Т. 44. С. 63–71.

Бельтикова Г.В. Развитие иткульского очага металлургии // ВАН. 1993. Вып. 21. С. 93–106.

Берлина С.В. Жилая и оборонительная архитектура населения Западносибирской лесостепи в раннем железном веке (по материалам саргатской культуры): Дис. ... канд. ист. наук. Тюмень, 2010. С. 402.

Волков Е.Н. Археологические исследования в Казанском районе Тюменской области в 1998–1999 гг. // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2001. Вып. 3. С. 226–231.

Громова В.И. Определитель млекопитающих СССР по костям скелета (по крупным трубчатым костям). М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950. 240 с.

Данченко Е.М. Южнотаежное Прииртышье в середине — второй половине I тыс. до н.э. Омск: Изд-во ОмГПУ, 1996. 212 с.

Еньшин Д.Н. Неолитические жилища поселений озера Мергенъ // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2014. № 1 (24). С. 14–23.

Зах В.А. Городище Ласточкино Гнездо 1 в Нижнем Приишимье // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2009. № 11. С. 67–80. URL: http://www.ipdn.ru/_private/a11/67-80.pdf.

Зах В.А., Зимина О.Ю. Ранний комплекс красноозерской культуры поселения Мергенъ 2 в Приишимье // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2014. № 4 (27). С. 49–60. URL: http://www.ipdn.ru/_private/a27/47-57.pdf.

Зах В.А., Илюшина В.В., Тигеева Е.В., Еньшин Д.Н., Костомаров В.М. Закрытый журавлевский комплекс городища Борки 1 в Нижнем Приишимье // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2015. № 2 (29). С. 4–14. URL: http://www.ipdn.ru/_private/a29/4-14.pdf.

Зимина О.Ю., Зах В.А. Нижнее Притоболье на рубеже бронзового и железного веков. Новосибирск: Наука, 2009. 232 с.

Зимина О.Ю., Цембалюк С.И. Памятники баитовской культуры подтаежной зоны Притоболья // АВ ORIGINE. 2012. Вып. 4. С. 22–37.

Зиняков Н.М., Цембалюк С.И. Металлографическое исследование железных изделий городища Марай 1 // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2019. № 1 (44). С. 41–52. DOI: 10.20874/2071-0437-2019-44-1-015-024.

Илюшина В.В. Журавлевский керамический комплекс раннего этапа эпохи железа городища Борки 1 (по результатам работ 2013–2014 гг.) // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2018. № 3 (42). С. 41–52. DOI: 10.20874/2071-0437-2018-42-3-041-052.

Илюшина В.В., Рафикова Т.Н. Комплекс раннего этапа эпохи железа городища Ласточкино Гнездо 1 в Нижнем Приишимье // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2018. № 4 (43). С. 61–73. DOI: 10.20874/2071-0437-2018-43-4-061-073.

Корякова Л.Н. Культурно-исторические общности Урала и Западной Сибири: (Тоболо-Иртышская провинция в начале железного века). Препринт. Екатеринбург: Изд-во УрО АН; УрГУ, 1991. 53 с.

Костомарова Ю.В. Инвентарный комплекс журавлевского населения Нижнего Приишимья (по материалам исследований 2012–2013 гг. городища Борки 1) // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2018. № 4. С. 51–60. DOI: 10.20874/2071-0437-2018-43-4-051-060.

Комплекс укрепленного поселения Марай 4 начала раннего железного века лесостепного Приишимья

Матвеев А.В., Аношко О.М. Зауралье после андроновцев: Бархатовская культура. Тюмень: Тюменский дом печати, 2009. 416 с.

Матвеев А.В., Горелов В.В. Городище Ефимово 1. Препринт. Тюмень: Изд-во ИПОС СО РАН, 1993. 76 с.

Матвеева Н.П. Начальный этап раннего железного века в Тоболо-Ишимской лесостепи // Западносибирская лесостепь на рубеже бронзового и железного веков. Тюмень: Изд-во ТюмГУ, 1989. С. 77–102.

Матвеева Н.П. Саргатская культура на Среднем Тоболе. Новосибирск: Наука, 1993. 175 с.

Матвеева Н.П. Ранний железный век Приишимья. Новосибирск: Наука, 1994. 152 с.

Матвеева Н.П., Ларина Н.С., Берлина С.В., Чукунова И.Ю. Комплексное изучение условий жизни древнего населения Западной Сибири: (Проблемы социокультурной адаптации в раннем железном веке). Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2005. 228 с.

Могильников В.А. Лесостепь Зауралья и Западной Сибири // Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время. М., 1992. С. 274–312.

Наумов А.М. Фортификация и планиграфия Иртышских городищ иткульской культуры // Археология Южного Урала. Лес, лесостепь (Проблемы культурогенеза). Челябинск: Рифей, 2016. С. 184–314. URL: https://ipae.uran.ru/sites/default/files/publications/ipae/1219_2016_ArheologiyaYuUrala.pdf.

Никитин В.В. Эволюция жилищ эпох камня и раннего металла в Марийском Поволжье // Твер. археол. сборник: Материалы 6-го и 7-го заседания научного семинара «Тверская земля и сопредельные территории в древности». Тверь. 2002. С. 363–369.

Панфилов А.Н., Зах Е.М., Зах В.А. Боровлянка 2 — памятник неолита и переходного от бронзы к железу времени в Нижнем Приишимье // Источники этнокультурной истории Западной Сибири. Тюмень, 1991. С. 25–50.

Рябогина Н.Е., Иванов С.И., Афонин А.С., Кисагулов А.В. Палеоботанические и археозоологические исследования на городище Борки 1: (Приишимье в начале I тыс. до н.э.) // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2015. № 4 (31). С. 157–164. URL: http://www.ipdn.ru/_private/a31/157-164.pdf.

Соколова З.П. К вопросу о развитии обско-угорской землянки // Ежегодник ТОКМ-1959. Тюмень, 1960. Вып. 1. С. 9–26.

Стоянов В.Е. Классификация и периодизация западносибирских лесостепных памятников раннего железного века // Проблемы хронологии и культурной принадлежности археологических памятников Западной Сибири. Томск: Изд-во ТГУ, 1970. С. 238–254.

Цембалюк С.И. О хронологической дифференциации древностей байтовской культуры начала раннего железного века Зауралья // III Сев. археол. конгресс: Тез. докл. 8–13 ноября 2010. Ханты-Мансийск; Екатеринбург: ИздатНаукаСевер, 2010. С. 155–156.

Цембалюк С.И. Хозяйство и быт населения красноозерской культуры (по материалам поселения Марай 1 в Нижнем Приишимье) // РА. 2015. № 3. С. 43–54.

Цембалюк С.И. Начало раннего железного века в Приишимье // V (XXI) Всерос. археол. съезд. Барнаул: Изд-во АлтГУ, 2017. С. 1107.

Цембалюк С.И., Берлина С.В. Комплекс раннего железного века городища Лихачевское в Приишимье // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2014. № 3 (26). С. 55–65. URL: http://www.ipdn.ru/_private/a26/55-65.pdf.

V.V. Ilyushina *, V.A. Zach *, D.N. Enshin *, E.V. Tigeeva *, A.V. Kisagulov **

* Tyumen Scientific Centre of Siberian Branch RAS
Malygina st., 86, Tyumen, 625003, Russian Federation
E-mail: vika_tika@mail.ru; viczakh@mail.ru;
dimetrius666_72@mail.ru; flena84@mail.ru

** Institute of Plant and Animal Ecology of Ural Branch RAS
March 8 st., 202, Ekaterinburg, 620144, Russian Federation
E-mail: akis9119@gmail.com

THE COMPLEX OF THE MARAY 4 FORTIFIED SETTLEMENT IN THE FOREST-STEPPE OF ISHIM AREA (BEGINNING OF THE EARLY IRON AGE)

The article introduces new materials from the Maray 4 fortified settlement (beginning of the Early Iron Age) into scientific circulation. This settlement, located in the forest-steppe of the Ishim area (south-west of Western Siberia), had a ring defence system including a shallow ditch and a rampart. The planigraphic and stratigraphic analyses of a 327 m² excavation area revealed the remnants of three structures: two above-ground structures and one structure slightly dug into in the mainland. The remnants of the burnt above-ground dwelling provided the basis for reconstructing its appearance, which is in good agreement with the ethnographic analogues of such structures. The collection includes approximately 172 vessels; clay, stone and bronze tools; as well as osteological material (208 specimens of animal bones). These materials were analysed using comparative-typological and statistical methods. Six radiocarbon dates of charcoal found in the occupation layer in residential and defensive

structures helped establish the chronology of the complex — 7th–5th centuries BC. The reconstructed dwelling had a post-frame construction with vertically installed posts connected by beams at the top. The space between the beams was filled with half-logs, poles or planks. The roof and walls were additionally insulated with a layer of bark (including birch bark), grass and soil, which was obtained from pits surrounding the structure. The total area of the house was approximately 30 m², which was enough to accommodate up to eight people (at a rate of 4 m² per person). The study of the defensive works revealed a discontinuous shallow ditch from which the soil for the structure located on a small rampart must have been taken. In form and ornamentation, the ceramic collection comprising four main morphological groups of vessels bears resemblance to the Zhuravlevo traditions and ceramics similar to that of the Baitovo culture of the Early Iron Age. Judging by the age and species composition of the paleozoological materials, cattle breeding dominated the economic activity of the inhabitants, with hunting playing a minor role. In terms of household productions, the population engaged in spinning, processing of hides and wood, ware making, as well as bronze casting. The authors expressed two points of view on the cultural affiliation of the materials from the fortified settlement in question. According to one of them, the obtained material indicates the interaction of the local late-Zhuravlevo group and the newly-arrived groups of Baitovo culture from the Tobol area. According to the other, the complex of the Maray 4 settlement is considered to have carried on Zhuravlevo traditions, which resulted in the Early Iron Age complexes (different from the Baitovo complexes of the Tobol area) forming in the forest-steppe of the Ishim area.

Key words: forest steppe Ishim basin, the settlement Maray 4, the Early Iron Age, ceramics, production activity, economy, radiocarbon dating.

DOI: 10.20874/2071-0437-2019-46-3-029-047

Funding. The article has been written within the State Project No. AAAA-A17-117050400147-2. The study of archaeological collections was conducted under the Russian Foundation for Basic Research project No. 18-04-00982a.

REFERENCES

- Adaev V.N., Zimina O.Iu. (2016). Above-Ground Frame Buildings in Western Siberia: Archaeological and Ethnographic Parallels. *Arkheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii*, 44(3), 63–71. (Rus.).
- Bel'tikova G.V. (1993). Development of the Itkul center of metallurgy. *Voprosy arkheologii Urala*, (21), 93–106. (Rus.).
- Danchenko E.M. (1996). *South forest Irtysh basin in the middle — the second half of the 1st millennium BC*. Omsk: Izdatel'stvo OmGPU. (Rus.).
- En'shin D.N. (2014). Neolithic dwellings of the settlements of Lake Mergen. *Vestnik arheologii i antropologii i etnografii*, (1), 14–23. (Rus.). Retrieved from: http://www.ipdn.ru/_private/a24/14-23.pdf.
- Gromova V.I. (1950). *The determinant of mammals of the USSR by the bones of the skeleton (by large tubular bones)*. Moscow; Leningrad: AN SSSR. (Rus.).
- Iliushina V.V. (2018). Zhuravlevo ceramics assemblage of the early Iron Age from the Borki 1 settlement (according to the 2013–2014 study). *Vestnik arheologii, antropologii i etnografii*, (3), 41–52. (Rus.). DOI: 10.20874/2071-0437-2018-42-3-041-052.
- Iliushina V.V., Rafikova T.N. (2018). Early Iron Age complex of the Lastochkino Gnezdo 1 settlement in the Lower Ishim river basin. *Vestnik arheologii, antropologii i etnografii*, (4), 61–73. (Rus.). DOI: 10.20874/2071-0437-2018-43-4-061-073.
- Koriakova L.N. (1991). *Cultural and historical communities of the Urals and Western Siberia (Tobol-Irtysh Province at the beginning of the Iron Age)*. Preprint. Ekaterinburg: Izdatel'stvo UrO AN; Ural'skogo universiteta. (Rus.).
- Kostomarova Iu.V. (2018). Inventory complex of the Zhuravlevo culture in the Lower Ishim river areas (based on the 2012–14 research at the Borki 1 site). *Vestnik arheologii, antropologii i etnografii*, (4), 51–60. (Rus.). DOI: 10.20874/2071-0437-2018-43-4-051-060.
- Matveev A.V., Anoshko O.M. (2009). *Trans-Urals after Andronovo people: Barkhatovo culture*. Tiumen': Tiumenskii dom pečati. (Rus.).
- Matveev A.V., Gorelov V.V. (1993). *The hillfort Efimovo 1*. Preprint. Tiumen': Izdatel'stvo IPOS SO RAN. (Rus.).
- Matveeva N.P. (1989). The initial stage of the Early Iron Age in the forest steppe Tobol and Ishim basin. In: *Zapadnosibirskaya lesostep' na rubezhe bronzovogo i zheleznogo vekov* (pp. 77–102). Tiumen': Izdatel'stvo Tiumenskogo gosudarstvennogo universiteta. (Rus.).
- Matveeva N.P. (1993). *The Sargatka culture in the Middle Tobol river basin*. Novosibirsk: Nauka. (Rus.).
- Matveeva N.P. (1994). *The Early Iron Age in the Ishim river basin*. Novosibirsk: Nauka. (Rus.).
- Matveeva N.P., Larina N.S., Berlina S.V., Chikunova I.Iu. (2005). Comprehensive study of the living conditions of the ancient population of Western Siberia: (Problems of sociocultural adaptation in the Early Iron Age). Novosibirsk: Izdatel'stvo SO RAN. (Rus.).
- Mogil'nikov V.A. (1992). Forest steppe of Trans-Ural and Western Siberia. In: B.A. Rybakov (Ed.). *Stepnaia polosa Aziatskoi chasti SSSR v skifo-sarmatskoe vremia* (pp. 274–312). Moscow: Nauka. (Rus.).
- Naumov A.M. (2016). Fortification and planigraphy of Irtyash fortified settlements of an Itkul culture. In: S.G. Botalov, A.D. Tairov, N.A. Berseneva, N.O. Ivanova (Eds.). *Arkheologiya luzhnogo Urala. Les, lesostep': (Problemy*

kul'turogeneza) (pp. 184–314). Cheliabinsk: Rifei. (Rus.). Retrieved from: https://ipae.uran.ru/sites/default/files/publications/ipae/1219_2016_ArheologiyaYuUrala.pdf.

Nikitin V.V. (2002). Evolution of Houses of the Stone and Early Metal Epochs in the Mari Volga Basin. In: I.N. Chernykh (Ed.). *Tverskoi arkheologicheskii sbornik: Materialy 6-go i 7-go zasedaniia nauchnogo seminara «Tverskaia zemlia i sopredel'nye territorii v drevnosti»* (pp. 363–369). Tver'. (Rus.).

Panfilov A.N., Zakh E.M., Zakh V.A. (1991). Borovlyanka 2 — Neolithic site and the transition time from Bronze to Iron in Lower Ishim basin. In: N.P. Matveeva (Ed.). *Istochniki etnokul'turnoi istorii Zapadnoi Sibiri* (pp. 25–50). Tiumen'. (Rus.).

Riabogina N.E., Ivanov S.I., Afonin A.S., Kisagulov A.V. (2015). Palaeobotanical and archaeozoological research at the ancient settlement of Borki 1 (Ishim river basin at the beginning of the I Millennium BC). *Vestnik arheologii, antropologii i etnografii*, (4), 157–164. (Rus.). Retrieved from: http://www.ipdn.ru/_private/a31/157-164.pdf.

Sokolova Z.P. (1960). To the question of development of the Ob-Ugrian dugout. In: P.I. Roshchevskii (Ed.). *Ezhegodnik TOKM-1959* (pp. 9–26). Tiumen'. (Rus.).

Stoianov V.E. (1970). Classification and periodization of sites of forest steppe West Siberian of the Early Iron Age. In: V.I. Matiushchenko (Ed.). *Problemy khronologii i kul'turnoi prinalozhnosti arkheologicheskikh pamiatnikov Zapadnoi Sibiri* (pp. 238–254). Tomsk: Izdatel'stvo Tomskogo universiteta. (Rus.).

Tsembaliuk S.I. (2010). Chronology of the Baitovo culture antiquities of the Early Iron Age in the Trans-Urals. In: *III Severnyi arkheologicheskii kongress: Tezisy dokladov 8–13 noiabria 2010* (pp. 155–156). Khanty-Mansiisk; Ekaterinburg: IzdatNaukaSever. (Rus.).

Tsembaliuk S.I. (2015). Household and everyday life of the Krasnoozersk culture population (on the materials of the settlement Marai 1 in Lower Ishim region). *Rossiiskaia arkheologiya*, (3), 43–54. (Rus.).

Tsembaliuk S.I. (2017). Beginning of the Early Iron Age in Ishim basin In: A.P. Derevianko, A.A. Tishkin (Eds.). *V (XXI) Vserossiiskii arkheologicheskii s"ezd* (p. 1107). Barnaul: Izdatel'stvo Altaiskogo gosudarstvennogo universiteta. (Rus.).

Tsembaliuk S.I., Berlina S.V. (2014). The complex of the Early Iron Age fortifications of the settlement of Likhachevskoe in Ishim basin. *Vestnik arheologii, antropologii i etnografii*, (3), 55–65. (Rus.). Retrieved from: http://www.ipdn.ru/_private/a26/55-65.pdf.

Volkov E.N. (2001). Archaeological research in the Kazan district of the Tyumen region in 1998–1999. *Vestnik arheologii, antropologii i etnografii*, (3), 226–231. (Rus.).

Zakh V.A. (2009). An ancient settlement of Lastochkino Gnezdo 1 in Lower Ishim basin. *Vestnik arheologii, antropologii i etnografii*, (11), 67–80. (Rus.). Retrieved from: http://www.ipdn.ru/_private/a11/67-80.pdf.

Zakh V.A., Iliushina V.V., Tigeeva E.V., En'shin D.N., Kostomarov V.M. (2015). Indoor Zhuravlevsky complex of the settlement Borki 1 in Lower Ishim basin. *Vestnik arheologii, antropologii i etnografii*, (2), 4–14. (Rus.). Retrieved from: http://www.ipdn.ru/_private/a29/4-14.pdf.

Zakh V.A., Zimina O.Iu. (2014). The early complex of the Krasnoozersk culture of the settlement Mergen 2 in Ishim basin. *Vestnik arheologii, antropologii i etnografii*, (4), 49–60. (Rus.). Retrieved from: http://www.ipdn.ru/_private/a27/47-57.pdf.

Zimina O.Iu., Zakh V.A. (2009). *The Lower Tobol basin at the turn the Bronze and Iron Ages*. Novosibirsk: Nauka. (Rus.).

Zimina O.Iu., Tsembaliuk S.I. (2012). Archaeological sites of Baitovo culture of the forest zone Tobol basin. *AB ORIGINE*, (4), 22–37. (Rus.).

Ziniakov N.M., Tsembaliuk S.I. (2019). Metal forge products at the Maray 1 hillfort. *Vestnik arheologii, antropologii i etnografii*, (1), 41–52. (Rus.). DOI: 10.20874/2071-0437-2019-44-1-015-024.

This work is licensed under a [Creative Commons Attribution 4.0 License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/).

Submitted: 20.05.2019

Accepted: 10.06.2019

Article is published: 26.09.2019

Ю.В. Костомарова

ФИЦ Тюменский научный центр СО РАН
ул. Малыгина, 86, Тюмень, 625026
E-mail: jvkostomarova@yandex.ru

ПРОИЗВОДСТВЕННАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ НАСЕЛЕНИЯ НАЧАЛА РАННЕГО ЖЕЛЕЗНОГО ВЕКА УКРЕПЛЕННОГО ПОСЕЛЕНИЯ МАРАЙ 4 В НИЖНЕМ ПРИИШИМЬЕ (ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНО-ТРАСОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ)

Представлены итоги экспериментально-трассологического изучения журавлевского орудийного комплекса укрепленного поселения Марай 4 в Нижнем Приишимье. Выделены инструменты бронзолитейного дела, прядения, обработки шкур, дерева, изготовления посуды. Отмечено значительное преобладание скребков из обломков посуды. Планиграфический анализ позволил зафиксировать их приуроченность к сооружению 1, тогда как каменные предметы тяготели к постройке 2. Типы орудий и основные производства, с которыми они связаны, полностью соответствуют традициям начального этапа раннего железного века и отражают комплексный характер экономики этого периода.

Ключевые слова: Нижнее Приишимье, укрепленное поселение Марай 4, начальный этап эпохи железа, орудийный комплекс, трассологический анализ, функционально-планиграфический анализ.

DOI: 10.20874/2071-0437-2019-46-3-048-061

Введение

Изучение материальной культуры населения Нижнего Приишимья, оставившего журавлевские памятники, которые на культурно-хронологической шкале занимают место между красноозерскими комплексами переходного от бронзы к железу времени и баитовскими древностями раннего железного века, является актуальной задачей. За последнее время на рассматриваемой территории изучен ряд памятников, где обнаружены журавлевские материалы: городища Ласточкино Гнездо 1, Борки 1, укрепленное поселение Марай 4¹ [Зах, 2009; Зах и др., 2015; Илюшина, Рафикова, 2018]. На основании различий керамических комплексов этих объектов сделан вывод об их хронологической дифференциации. К более ранним отнесены городище Борки 1 и поселение Боровлянка 2, к поздним — Ласточкино Гнездо 1 и Марай 4 [Зах, 2009; Рафикова, Илюшина, 2018]. Удалось получить дополнительные аргументы в пользу точки зрения о складывании журавлевских традиций при участии красноозерской культуры и дальнейшей их трансформации в богочановскую культуру в Прииртышье и, по мнению С.И. Цембалюк, комплексы, близкие баитовским, в Приишимье [Данченко, 1996; Зах, 2009; Цембалюк, Берлина, 2014, с. 64; Шерстобитова, 2018; Илюшина, 2018]. Не противоречат этим выводам данные об их относительной и абсолютной датировках, а также результаты палеозоологических определений костных останков с красноозерских, журавлевских, баитовских и богочановских памятников, которые отражают динамику хозяйственной деятельности от приоритета ее присваивающих форм у красноозерского населения к доминированию скотоводства с преобладанием крупного рогатого скота и лошади у журавлевских, а затем баитовских и богочановских групп [Косинцев, Стефанов, 1989; Данченко, 1996, с. 74, 210; Зимина и др., 2012, с. 75–78; Цембалюк, 2015, с. 7; Зах и др., 2015; Рябогина и др., 2015, с. 163].

На этом фоне недостаточно изученной является производственная деятельность населения переходного от бронзы к железу времени — начального этапа раннего железного века Нижнего Приишимья. Исследование инвентаря красноозерских, журавлевских и баитовских памятников рассматриваемой территории позволит получить данные о его функциональной принадлежности, технологических особенностях, выявить сходные и отличающиеся характери-

¹ Подробные сведения о месте расположения, результатах исследования, датировке журавлевских комплексов, археозоологических определениях костных останков укрепленного поселения Марай 4 приведены в публикации В.В. Илюшиной, В.А. Заха, Д.Н. Еньшиной, Е.В. Тигеевой, А.В. Кисагулова «Результаты исследований укрепленного поселения Марай 4 начала раннего железного века в Нижнем Приишимье» в настоящем номере журнала.

ки разнокультурных предметных комплексов. Данная работа представляет собой один из этапов этого процесса. Ее цель — представить результаты изучения инвентарного набора с журавлевского городища Марай 4. В задачи входили типологический, трасологический и в некоторых случаях технологический анализ изделий из камня, кости, глины и бронзы; классификация комплекса по функциональному признаку; выявление его характерных черт и особенностей планиграфии.

Укрепленное поселение Марай 4 находится на территории Казанского сельского поселения Казанского района Тюменской области. Оно расположено в 4,4 км к СВ от с. Казанское и в 3,3 км к ЮВ от моста через р. Алабугу, в 4,1 км к СВ от моста через р. Ишим, в 4,35 км к СВ от с. Малые Ярки на останце II надпойменной террасы левого берега р. Ишим в урочище Борок, в 0,2 км к ЮЗ от западного берега безымянной старицы р. Ишим. В 2015 г. было изучено В.В. Илюшиной раскопом площадью 327 м². Установлено, что памятник однослойный и относится к кругу позднежуравлевских древностей².

Исследование орудийного комплекса основано на применении экспериментально-трасологического метода, предполагающего изучение следов сработанности на поверхности орудий и их функциональную атрибуцию. Для ее верификации привлечены результаты экспериментальных работ по вторичному использованию фрагментов посуды. При анализе каменных предметов рассмотрены их технологические особенности. Кроме того, проведен планиграфический анализ орудийного комплекса, выявивший особенности его залегания. Трасологическое изучение и микрофотографии следов сработанности на орудиях выполнены с помощью панкратического микроскопа MC-2 ZOOM с увеличением от 10 до 50× с камерой Canon EOS-1100.

Результаты исследования

Коллекция изделий из камня, кости, глины и бронзы, обнаруженная на памятнике, насчитывает около 140 ед. Предметов из камня 34 экз. Девять из них — разных размеров обломки, чаще аморфной формы, без признаков обработки и использования, отщепы. Фрагментов со следами пришлифовки, скорее всего, являвшихся частями орудий, — 13 шт. Однако из-за небольших размеров установить сферу их применения затруднительно. Одно из них является фрагментом (часть поперечного скола) пестообразного инструмента (рис. 1, 1).

Пять предметов — плитки длиной от 3,8 до 6,7 см, толщиной 0,5–1,5 см (рис. 1, 2, 5). На боковых продольных гранях или уплощенных сторонах отмечены участки сработанности. Поверхность выглядит истертой, следы утилизации представлены тонкими длинными рисками, расположенными параллельно друг другу (рис. 1, А, Б). Плитки использовались в качестве абразивов для подправки/заточки металлических изделий. С бронзолитейным производством связан обломок формы, предназначенной для отливки неатрибутированного уплощенного изделия. В плане и сечениях она прямоугольная, размеры 3,4×33×1,2 см (рис. 1, 4). Три орудия являются фрагментами пассивных плиток, служивших рабочими площадками (рис. 1, 7). На их поверхности отмечена сглаженность на выступающих участках, иногда тусклая мерцающая заполировка (рис. 1, В). Точная сфера их использования не ясна.

Одно изделие из крупной кварцитовой гальки размерами 5,5×3×2,1 см (рис. 1, 10). Следы сработанности наблюдаются на небольшом участке продольного скола предмета. Это яркая, блестящая заполировка, в зоне которой отмечены линейные следы, расположенные хаотичными группами (рис. 1, Г). Вероятно, использовалось в керамическом производстве на стадии выравнивания и уплотнения поверхности сосудов.

На одном из торцевых участков обломка плитки черного сланца размерами 5,1×3,7×0,9 см имеются признаки утилизации, характерные для орудий по обработке шкур. В плане рабочее лезвие скруглено, в поперечном сечении плавно скошено на одну сторону. Фиксируются линейные следы, расположенные параллельно друг другу, но под углом к продольной оси предмета.

Присутствует в коллекции орудие с двумя блоками следов сработанности. Оно представляет собой плитку прямоугольной в плане и сечениях формы размерами 10,5×5×1,8 см (рис. 2, 1). На ее торцевых сторонах наблюдается истирание, тонкие риски линейных следов, кое-где металлический блеск (рис. 2, А). Эти характеристики свидетельствуют о применении предмета в качестве абразива для подправки металлических изделий. На одной из сторон фиксируется

² См. работу В.В. Илюшиной, В.А. Заха, Д.Н. Еньшина, Е.В. Тигеевой, А.В. Кисагулова «Результаты исследований укрепленного поселения Марай 4 начала раннего железного века в Нижнем Приишимье» в настоящем номере журнала.

сглаженность и даже шлифовка выступающих участков и мерцающая заполировка, от применения ее как рабочей площадки (рис. 2, Б).

Рис. 1. Инвентарь укрепленного поселения Марай 4

(здесь и далее стрелочками на рисунках обозначены места микрофотографий):

- 1 — обломок орудия; 2, 5 — обломки абразива; 3 — проколка; 4 — фрагмент литейной формы; 6, 8, 9 — пряслица;
7 — обломок пассивной плитки; 10 — орудие для выравнивания и уплотнения поверхности посуды;
А, Б — следы сработанности на абразивах по металлу, ×40; В — следы сработанности на пассивной плитке;
Г — следы сработанности на орудии для выравнивания и уплотнения поверхности посуды, ×40:

1, 2, 4, 5, 7, 9, 10 — камень; 3 — кость; 6, 8 — глина.

Fig. 1. The equipment of the settlement Maray 4

(here and further arrows in the figures indicate the place of microphotography):

- 1 — fragment of the tool; 2, 5 — abrasives; 3 — piercer; 4 — fragment of the casting mold; 6, 8, 9 — spindle whorls; 7 — fragment of the passive tiles; 10 — tool for leveling and compacting the surface of dishes;
А, Б — traces of wear on the abrasives on metal, ×40; В — traces of wear on the passive tiles;
Г — traces of wear on the tool for leveling and compacting the surface of dishes, ×40: 1, 2, 4, 5, 7, 9, 10 — stone; 3 — bone; 6, 8 — clay.

Рис. 2. Инвентарь укрепленного поселения Марай 4:

1 — комбинированное орудие; 2–5 — пряслица; 6 — кельт; А — следы сработанности от абразивной обработки металла, $\times 40$; Б — следы сработанности на пассивной плитке, $\times 40$; В — следы сработанности на кельте, $\times 50$:
1 — камень; 2–5 — глина; 6 — бронза.

Fig. 2. The equipment of the settlement Maray 4:

1 — combined tool; 2–5 — spindle whorl; 6 — celt; А — traces of wear on the abrasive on metal, $\times 40$; Б — traces of wear on the passive tiles, $\times 40$; В — traces of wear on the celt, $\times 50$: 1 — stone; 2–5 — clay; 6 — bronze.

Из белого талькового сланца изготовлено пряслице, представленное обломком размерами 4,2 \times 3 \times 0,6 см. В центре сквозное цилиндрическое отверстие диаметром 0,5 см (рис. 1, 9).

В целом каменный инвентарь немногочислен, использовался преимущественно в металлообработке, единично в керамическом и кожевенном производствах, прядении. Заготовками для орудий были уплощенные, овальные и прямоугольные в поперечном сечении плитки, окатанные гальки естественных форм. Отмечено раскалывание породы. Вторичная обработка в виде абразивной техники присутствует на четырех изделиях, на одном предмете зафиксировано сверление.

Особенности культурного слоя памятника, сложенного супесчаными почвами, предопределили крайне плохую сохранность кости. По этой причине костяной инвентарь представлен лишь одним изделием — проколкой, изготовленной из локтевой кости лошади³ длиной 9 см (рис. 1, 3). Изделие сужается к одному из окончаний, оно скруглено. Функционально атрибутировано предположительно по внешним признакам.

Керамические изделия представлены лепными цилиндрическими предметами с отверстием в центре, которые большинством исследователей интерпретируются как пряслица (13 экз.) [Мыльникова, Чемякина, 2002, с. 62–70; Чикунова, 2002, с. 119–128; Бородовский, Бородовская, 2013, с. 67–68; и др.]. По морфологическим характеристикам они делятся на четыре группы.

К первой относятся шесть изделий, в сечении они прямоугольные, иногда с чуть скругленными углами, имеют разный диаметр — от 2,5 до 4,3 см и толщину — от 1 до 1,9 см (рис. 2, 3,

³ Определения А.В. Кисагулова.

5). Два предмета целые, остальные в обломках. У четырех пряслиц можно говорить о наличии цилиндрических отверстий. Одно, самое крупное, изделие орнаментировано с двух сторон и сбоку рядами круглых наколов, расходящихся крестообразно от отверстия (рис. 2, 2). Узор, судя по характеру отпечатков, наносился тонкой (около 0,2 см в диаметре) поллой трубочкой. Другое пряслице орнаментировано рядами радиально расходящихся от отверстия наколов с одной из сторон и на боковой части.

Ко второй группе относятся два изделия с биконическим продольным сечением (рис. 2, 5). Одно имеет диаметр 3,8 см, точную высоту установить затруднительно. Второе диаметром 3,2 см, высотой 2,5 см. Оба пряслица с одной стороны орнаментированы радиально расходящимися от отверстия рядами наколов.

К третьей группе отнесено четыре пряслица с овальным поперечным сечением или чуть выпуклым на одну из сторон (рис. 1, 8; 2, 3). Диаметр 3,2–4,2 см, толщина 0,8–1 см. Изделия этой группы не орнаментированы.

Одно пряслице (группа 4) в поперечном сечении трапецевидной формы размерами 3,3×2,4 см (рис. 1, 6).

Два глиняных изделия функционально не атрибутированы, одно из них напоминает фрагмент литейной формы.

Спецификой орудийного комплекса укрепленного поселения Марай 4 является значительное преобладание в нем скребковидных инструментов, изготовленных из обломков посуды (78 шт., или 56 % от всего инвентарного набора). В качестве заготовок использованы неорнаментированные стенки — 52 экз. (66,6 % от общего количества скребков) (рис. 3, 2, 5–9); орнаментированные — 15 экз. (19,2 %); венчики — 10 экз. (12,8 %); придонная часть — 1 экз. (1,3 %) (рис. 3). Орнаментированные фрагменты преимущественно журавлевские (рис. 3, 3, 4), пять по своим орнаментально-морфологическим признакам вызывают байтовские ассоциации (рис. 3, 1). Форма скребков в плане подквадратная или прямоугольная (39 экз.) (рис. 3, 1–3, 7, 8), аморфная (25 экз.) (рис. 3, 4, 6, 9), реже овальная (8 экз.) (рис. 3, 5), треугольная (2 экз.), трапецевидная (3 экз.), округлая (1 экз.). Размеры разные, от небольших, 2,5×3,2 см, до 9,7×8,5, 9,4×5 см; толщина стенок сосудов 0,6–0,7 см, реже 0,5 см и меньше. Рабочее лезвие у 35 орудий располагается на одном из краев, чаще удлиненном; у 27 — на двух прилегающих друг к другу кромках; у 16 — следы сработанности разной степени выраженности фиксируются по всему периметру. Кромка лезвия в плане чаще дугообразная, ее рельеф волнистый или прямой.

Весь массив скребков по поперечному сечению рабочего лезвия можно разделить на четыре группы. К первой отнесено 22 изделия с арочной в разрезе кромкой лезвия (рис. 3, 3, 4); ко второй — 18 предметов, их кромка в поперечном сечении сильно скошена на внешнюю/внутреннюю сторону или сразу на обе (рис. 3, 2, 8); к третьей — 14 скребков, их сечение П-образное, иногда с легким наклоном (рис. 3, 2, 9); 25 предметов характеризуются тем, что их кромка по всему периметру имеет разное сечение и сочетает характеристики двух (21 экз.) или даже трех (4 экз.) из описанных групп (рис. 3, 1, 5). Эти изделия отнесены к отдельной, четвертой группе со смешанными признаками. Какой-либо взаимосвязи между формой скребковидных орудий, их размерами, характером кромки лезвия не зафиксировано.

Рассматриваемая категория инвентаря довольно широко распространена хронологически и территориально. По этой причине в научной литературе орудиям из обломков посуды посвящено значительное количество работ, в том числе подкрепленных экспериментальными данными, из которых следует, что эти изделия применялись при обработке шкур, дерева, заточке металлических изделий, изготовлении посуды [Скакун, 1977; Семенов, Коробкова, 1983; Пряхин, 1996; Шаманаев, Зырянова, 1998; Бородовский, 1996; 2002; Зимина, Скочина, 2008; Чикунова, Скочина, 2009; Молодин и др., 2012].

Трасологический анализ скребковидных керамических инструментов с укрепленного поселения Марай 4 позволил выделить микропризнаки сработанности, которые оказались схожи на 73 предметах. Их рабочая кромка в плане скруглена, в поперечном сечении арочная, П-образная, скошенная на одну или две стороны, комбинированная, рельеф извилистый или прямой. На ней фиксируются сглаженные поверхности, иногда тусклая проникающая в микро-рельеф заполировка и линейные следы, представленные тонкими параллельными друг другу рисками, расположенными перпендикулярно кромке или под небольшим углом с ней (рис. 3). Степень сработанности изделий разная — у некоторых орудий был задействован небольшой участок кромки и следы концентрируются на выступающих ее частях; у других кромка сработана

Производственная деятельность населения начала раннего железного века укрепленного поселения...

на по всему периметру до ровного рельефа. Одинаковые микропризнаки присутствуют на скребках с разными признаками кромки, на основании этого можно сделать вывод, что характеристики рабочего лезвия (форма, рельеф, поперечное сечение) в большей степени отражают степень сработанности, твердость сырья и кинематику движения орудием, нежели функциональное назначение.

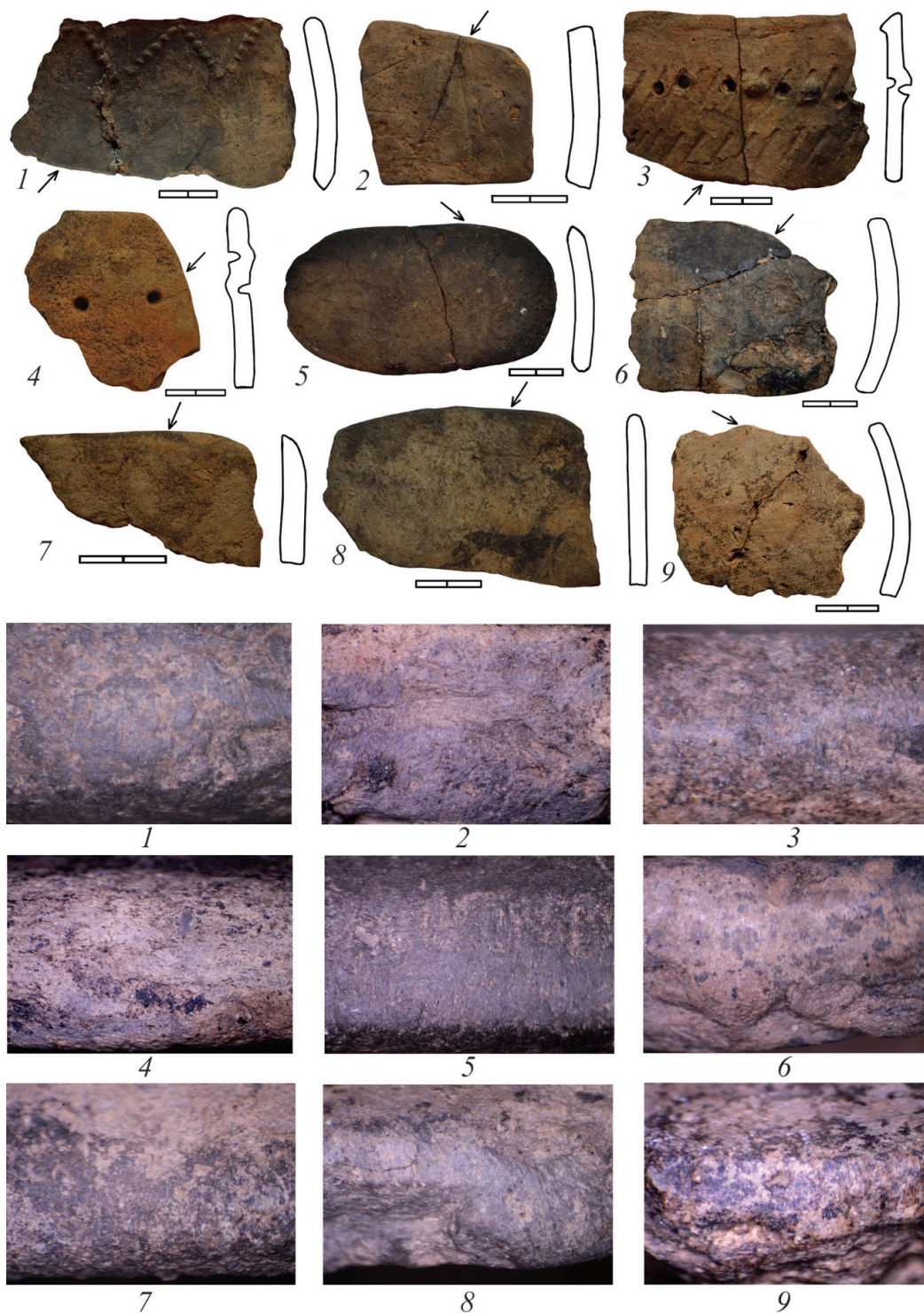

Рис. 3. Скребки из фрагментов посуды и следы сработанности на них, ×40. Глина.
Fig. 3. The scrapers from of pottery fragment and traces of wear on the blade scrapers, ×40. Clay.

Для верификации данных трасологического анализа были привлечены опубликованные результаты экспериментальных работ, представленные их описанием. С целью его уточнения и выполнения серии микрофотографий использованы эталоны орудий, полученные в ходе экспериментов, проведенных сотрудниками ТюмНЦ СО РАН в 2008 и в 2017 гг. Отобраны подходящие по формам и размерам фрагменты керамики раннего железного века, которыми производились следующие операции: заточка бронзовой пластины; снятие коры с подсушенных жердей сосны; удаление мездрыного слоя со свежей и в подсушенном состоянии шкуры, выравнивание поверхности глиняной посуды (рис. 4)⁴.

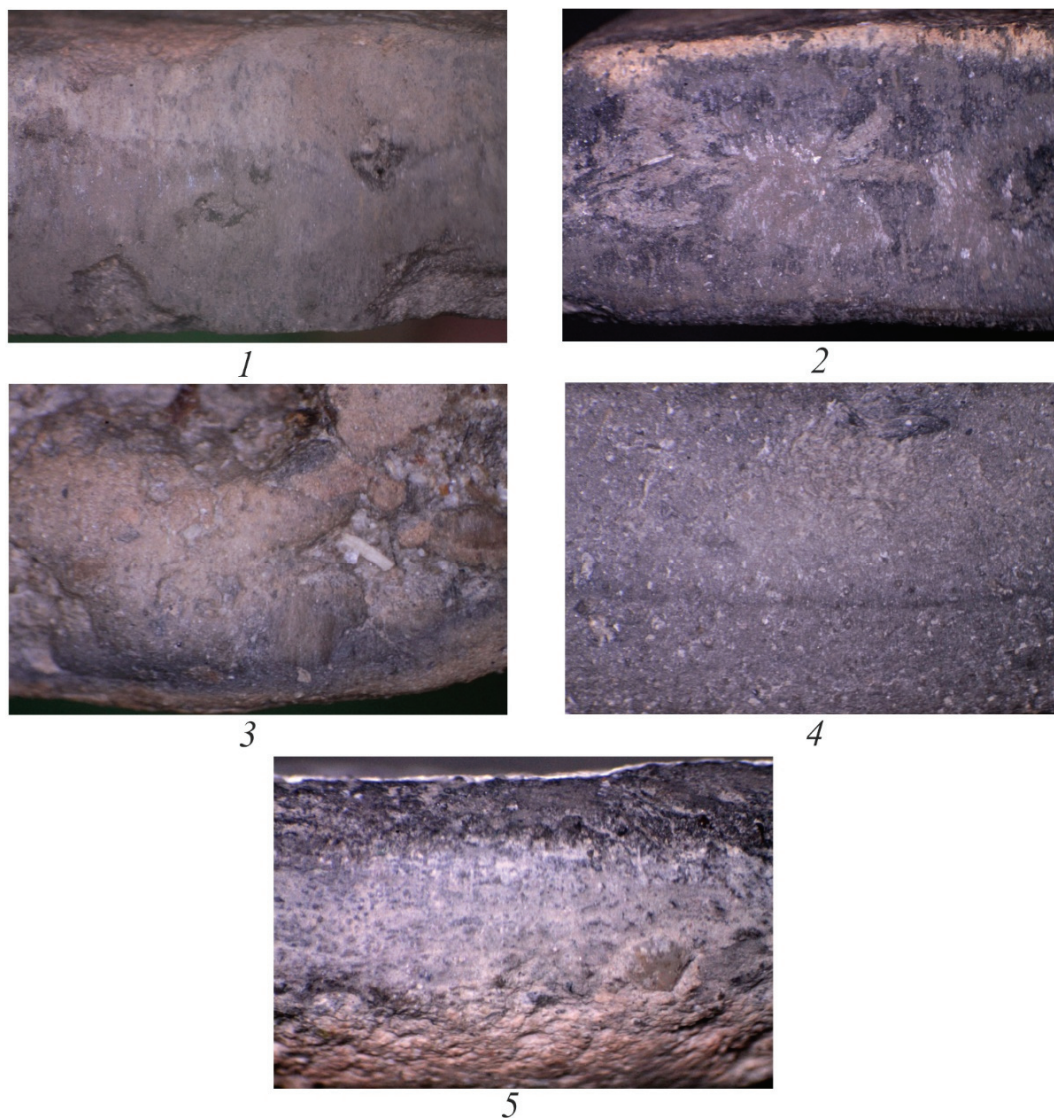

Рис. 4. Следы сработанности на экспериментальных скребковидных керамических орудиях:
1, 2 — абразивная обработка бронзовой пластины, t — 20 мин, 40 мин, $\times 40$; 3 — снятие мездры со свежей шкуры, t — 45 мин, $\times 40$; 4 — снятие мездры со шкуры в подсушенном состоянии, t — 60 мин, $\times 40$; 5 — выравнивание поверхности глиняного сосуда, t — 20 мин, $\times 40$.

Fig. 4. The traces of wear on the ceramic experimental scrapers:
1, 2 — abrasive treatment of bronze plate, t — 20 min, 40 min, $\times 40$; 3 — processing of the inner side of fresh skin, t — 45 min, $\times 40$; 4 — processing of the inner side of the skin in the dried state, t — 60 min, $\times 40$; 5 — leveling the surface of the clay vessel, t — 20 min, $\times 40$.

⁴ Эксперимент по использованию скребковидного керамического инструмента в керамическом производстве в качестве шпателя проведен в экспериментальной экспедиции ИПОС СО РАН в 2008 г. под руководством С.Н. Скочиной.

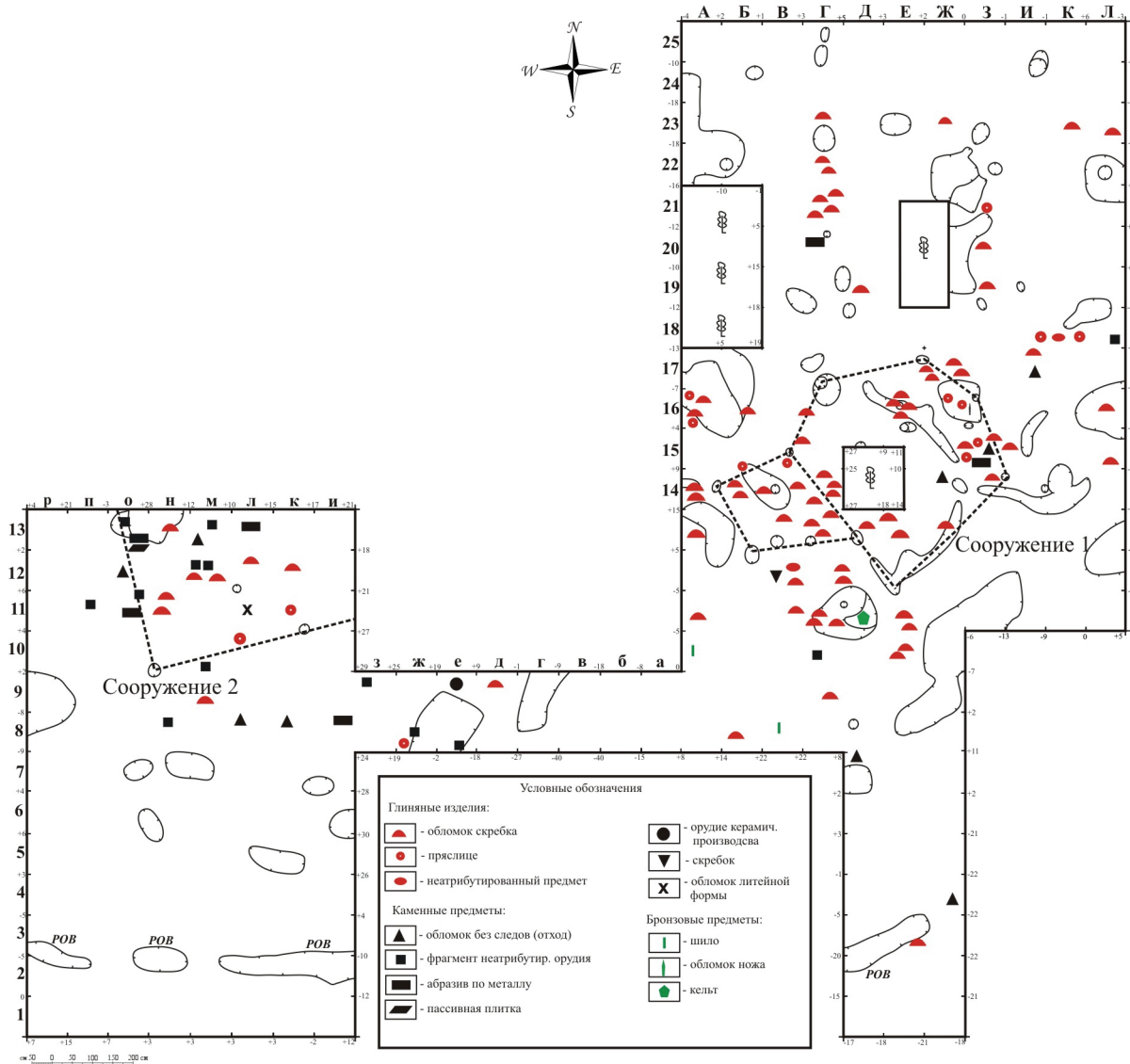

Рис. 5. План распространения орудийного комплекса и отходов производств на площади раскопа укрепленного поселения Марай 4.

Fig. 5. Planigraphy of the weapons complex and waste production on the area of the excavation of a settlement of Maray 4.

Сравнивая скребковидные орудия с укрепленного поселения Марай 4 и экспериментальные образцы, можно сделать ряд наблюдений (рис. 4). Подавляющее большинство археологических инструментов по микропризнакам соотносятся с эталонами, использовавшимися при обработке шкур. Разница в характеристике кромки (арочная, скошенная или треугольная) была обусловлена характером обрабатываемого сырья — свежая шкура или подсушенная, временем работы и кинематикой движения. Вместе с тем отметим, что на сегодняшний день отсутствуют серийные экспериментальные работы по применению скребковидных орудий в керамическом производстве. Имеющийся в нашем распоряжении единственный эталон использовался недолго, по мягкой влажной глине, в силу чего следы сработанности выражены слабо, они напоминают признаки износа на скребках по шкуре. Возможно, дальнейшие экспериментальные работы, прежде всего по использованию подобных орудий в керамическом производстве, позволят скорректировать эти выводы.

У пяти изделий следы сработанности выражены очень слабо: выступающие участки кромки рабочего лезвия слегка сглажены, линейные следы отсутствуют. Определить сферу их применения затруднительно.

На укрепленном поселении Марай 4 обнаружено незначительное количество изделий из бронзы⁵. Это обломки ножа, двух шильев и кельт. Обломок однолезвийного ножа 3,4 см в длину, имеет треугольное поперечное сечение и ширину спинки 0,2 см. Шилья четырехугольные в сечении, первое длиной 2,3 см и 0,3–0,5 см толщиной; второе, с приостренным концом, длиной 3,6 см, шириной 0,2–0,3 см. Кельт подпрямоугольной формы со скругленным в плане лезвием, овальным сечением в основании втулки, с внутренней перегородкой. Размеры изделия 7,4×6,2 см. На стенках имеются сквозные отверстия. У основания втулки фиксируется широкий горизонтальный валик, от него с обеих сторон изделия спускаются более узкие вертикальные валики по семь с каждой стороны (рис. 2, б). Предмет отличается очень хорошей сохранностью, благодаря чему на его лезвии удалось зафиксировать следы использования (рис. 2, в). Кельты входят в инструментарий деревообработки, шилья широко применялись в изготовлении изделий из шкур и кож.

Важные наблюдения были сделаны при планиграфическом анализе особенностей залегания орудийного комплекса (рис. 5). Установлено, что большая часть керамических скребков и пряслиц сконцентрированы в культурном слое над заполнением сооружения 1, в его заполнении или в непосредственной близости от него, здесь же обнаружены все бронзовые предметы. Каменные изделия, как обломки орудий и различные фрагменты без следов сработанности, так и обломки орудия — абразива, пассивные плитки, обломок литейной формы и другие сосредоточены у сооружения 2. Отметим, что последнее исследовано не полностью, что не позволяет сделать однозначный вывод о наличии производственных площадок и специализации построек.

Обсуждение результатов

Орудийный комплекс укрепленного поселения Марай 4 характеризуется значительным преобладанием скребковидных изделий из обломков посуды, которые, судя по имеющимся на сегодняшний день экспериментальным данным, могли использоваться при обработке шкур на стадии мездрения и кож. Шкура обрабатывалась как во влажном, так и в подсушенном состоянии. У керамических скребков отсутствуют какие-либо стандарты в размерах, форме, заготовками могли быть части тулова и горловина сосудов, но крайне редко придонные части. Сравнивая ассортимент орудий с памятников Марай 4 и Борки 1, отметим, что использование фрагментов посуды на втором памятнике выражено в значительно меньшей степени (14 орудий) [Костомарова, 2018, с. 65]. Традиция вторичного употребления обломков посуды на территории Тоболо-Ишимья характерна для начала раннего железного века: карагай-аульского и вак-куровского этапа восточного варианта иткульской культуры, баитовской культуры [Зими́на, Зах, 2009, с. 162, 173; Зими́на, Костомаров, Цембалюк, 2012, с. 78]. Учитывая указанные аналогии, а также результаты относительной и абсолютной хронологии рассматриваемых журавлевских городищ, можно высказать предположение, что применение скребковидных керамических инструментов в значительной степени характерно для более поздних журавлевских памятников, коим является укрепленное поселение Марай 4, что соответствует общей тенденции экономики культур начального этапа раннего железного века западно-сибирской лесостепи.

При изготовлении изделий из шкур и кож использовались универсальные для культур широкого хронологического и территориального диапазона костяные проколки и бронзовые шилья.

Данные о занятиях бронзолитейным производством у журавлевского населения Марая 4 немногочисленны. Это даже не столько сами металлические предметы, сколько обломки каменной и глиняной литейных форм, а также абразивные инструменты. Возможно, это объясняется выбранным для исследования участком памятника. Для сравнения, в нашем распоряжении имеется представительный бронзолитейный комплекс городища Борки 1, датируемый журавлевским временем и подтверждающий важность рассматриваемой отрасли в хозяйственной деятельности, обеспечивающей инструментарием другие ее направления. Характерной чертой инвентарного набора журавлевских памятников Борки 1 и Марай 4 является отсутствие кузнечных инструментов, что соотносится с данными изучения иткульских и красноозерских бронз Тоболо-Ишимья, засвидетельствовавшими использование преимущественно литейных технологий [Кузьминых и др., 2017, с. 47]. Обнаруженный на памятнике бронзовый кельт имеет широкий круг аналогий в комплексах раннего железного века [Бельтикова, 1993].

⁵ Подробное описание металлических изделий с городища Марай 4 приведены в публикации В.В. Илюшиной, В.А. Заха, Д.Н. Еньшина, Е.В. Тигеевой, А.В. Кисагулова «Результаты исследований укрепленного поселения Марай 4 начала раннего железного века в Нижнем Приишимье» в настоящем номере журнала.

Еще одной значимой чертой хозяйственно-производственной сферы у населения заключительного этапа переходного от бронзы к железу времени — начального этапа раннего железного века достаточной обширной территории от Тобола до Оби становится развитие прядения и ткачества, что документируется материалами иткульской, богочановской, большереченской культур, а в последующем саргатскими комплексами; только на памятниках Горного Алтая эти изделия практически не встречаются [Данченко, 1996, с. 37, 64; Мыльникова, Чемякина, 2002, с. 62–70; Зимина, Зах, 2009, с. 163; Троицкая, Бородовский, 1994, с. 59–60; Бородовский, Бородовская, 2013, с. 67–68; и др.]. Эта тенденция отражена в журавлевских материалах городища Борки 1 в Нижнем Приишимье [Костомарова, 2018, с. 54] и находит подтверждение в орудийном комплексе укрепленного поселения Марай 4, на котором обнаружено 15 пряслиц, отмечено их морфологическое разнообразие, все они имеют в центре цилиндрическое отверстие, что может указывать на более примитивный вариант их крепления на веретено [Мыльникова, Чемякина, 2002, с. 67–68]. В плане дальнейшего более детального изучения прядения у журавлевского населения Нижнего Приишимья интерес представляет опыт выделения пряслиц, предназначенных для скручивания шерстяных нитей и растительных волокон, предпринятый по материалам саргатского городища Омь-1 [Там же, с. 69–70].

Остальные отрасли: обработка дерева, кости и др. — представлены единичными инструментами. К сожалению, сохранность костного материала не позволяет оценить ассортимент костяных изделий и охарактеризовать технологию их изготовления. С уверенностью можно сказать, что незначительную роль в производственной деятельности населения укрепленного поселения Марай 4 играла обработка камня, о чем свидетельствует малое количество предметов из этого сырья со следами вторичной обработки; обитатели городища в хозяйственных целях использовали обломки пород — плитки и гальки в большинстве случаев подходящей природной формы. Каменный инструментарий применялся преимущественно в металлообработке.

Однослойный характер памятника и его ненарушенный культурный слой дали возможность провести функционально-планиграфический анализ орудийного комплекса и отходов различных производств. Подобного рода исследования осуществлялись неоднократно и дают значимые результаты, позволяющие судить о присутствии на памятнике производственных площадок [Коробкова, 2001; Коробкова, Шапошникова, 2005; Поплевко, 2007; Бородовский, 2009, 2013]. Отмеченная на укрепленном поселении Марай 4 приуроченность скребковидных керамических орудий к границам сооружения 1, а каменных предметов — к сооружению 2 ставит проблему о наличии специализированных мест для разных хозяйственных занятий у журавлевского населения Приишимья. Однако интерпретировать в таком ключе полученные данные нужно с осторожностью, учитывая относительно небольшую площадь исследованного участка памятника и частичную изученность постройки 2.

Заключение

Экспериментально-трассологический анализ орудийного комплекса укрепленного поселения Марай 4 позволил дополнить данные о комплексной скотоводческой экономике журавлевского населения. Установлена функция большей части инвентаря, что дало возможность соотнести его с различными отраслями: обработкой шкур, дерева, кости, металла, изготовлением посуды, прядением. Ассортимент и технологические особенности орудий находят аналогии, во-первых, в материалах журавлевского городища Борки 1. Отличия заключаются в количественном показателе того или иного инструментария. Однако, сравнивая их, следует учитывать разную площадь исследованных на памятниках участков: на городище Борки 1 она значительно больше, но даже несмотря на это в культурном слое укрепленного поселения Марай 4 преобладают керамические скребки, сконцентрированные у границ сооружения 1. Коллекция инвентаря памятника в большей степени характерна для начального этапа раннего железного века Тобола-Ишимья и Обь-Иртышья, что подтверждается поздними иткульскими, баитовскими, богочановскими, большереченскими материалами и свидетельствует о сложившейся комплексной экономике у населения рассматриваемого периода на обширной территории.

Можно отметить, что сравнительный анализ полученных результатов с привлечением материалов других комплексов раннего железного века осложнен отсутствием данных трассологического изучения последних. Поэтому перспективными являются дальнейшие исследования в этом направлении, а также экспериментальная работа прежде всего по использованию скребковидных керамических инструментов в гончарном производстве.

Финансирование. Работа выполнена по госзаданию — проект № AAAA-A17-117050400147-2.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Бельтикова Г.В.* Развитие иткульского очага металлургии // ВАУ. Свердловск: Изд-во УрГУ, 1993. Вып. 21. С. 93–106.
- Бородовский А.П.* Вторичное использование керамических фрагментов в Западносибирской лесостепи эпохи палеометалла: (Фактология и эксперимент) // Керамика как исторический источник. Тобольск: ТобГПУ, 1996. С. 49–53.
- Бородовский А.П.* Керамические скребки для обработки кожи из ирменского поселения Милованово-3 // Древности Алтая. 2002. № 8. С. 28–36.
- Бородовский А.П.* Обработка кости и рога на городище Чича 1 // Чича — городище переходного от бронзы к железу времени в Барабинской лесостепи. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2009. Т. 3. 248 с.
- Бородовский А.П.* Проблемы реконструкции специализации производств по обработке органических материалов на Юге Западной Сибири в эпоху палеометалла // Вестник ТГУ. История. 2013. № 3 (23). С. 18–23.
- Бородовский А.П., Бородовская Е.Л.* Археологические памятники горной долины Нижней Катунь в эпоху палеометалла. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН. 2013. 220 с.
- Зах В.А.* Городище Ласточкино Гнездо 1 в Нижнем Приишимье // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2009. № 11. С. 67–80.
- Зах В.А., Илюшина В.В., Тигеева Е.В., Еньшин Д.Н., Костомаров В.М.* Закрытый журавлевский комплекс городища Борки 1 в Нижнем Приишимье // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2015. № 2 (29). С. 4–14.
- Зимина О.Ю., Зах В.А.* Нижнее Притоболье на рубеже бронзового и железного веков. Новосибирск: Наука, 2009. 232 с.
- Зимина О.Ю., Костомаров В.М., Цембалюк С.И.* Палеоэкономика населения Тоболо-Ишимья на рубеже бронзового и железного веков // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2012. № 3 (18). С. 73–81.
- Зимина О.Ю., Скочина С.Н.* О назначении керамических орудий поселения раннего железного века Вак-Кур-2 // Северный археологический конгресс: Тез. докл. 9–14 сент. 2002 г. Ханты-Мансийск; Екатеринбург: Академкнига, 2002. С. 225–227.
- Данченко Е.М.* Южнотаежное Прииртышье в середине — второй половине I тыс. до н.э. Омск: Изд-во ОмГПУ, 1996. 212 с.
- Илюшина В.В., Рафикова Т.Н.* Комплекс раннего этапа эпохи железа городища Ласточкино Гнездо 1 в Нижнем Приишимье // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2018. № 4 (43). С. 61–74.
- Косинцев П.А., Стефанов В.И.* Особенности хозяйства населения лесного Зауралья и приишимской лесостепи в переходное время от бронзового века к железу // Становление и развитие производящего хозяйства на Урале. Свердловск: УрО РАН, 1989. С. 105–119.
- Костомарова Ю.В.* Инвентарный комплекс журавлевского населения Нижнего Приишимья (по материалам исследований 2012–2014 гг. городища Борки 1) // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2018. № 4 (43). С. 51–61.
- Коробкова Г.Ф.* Функциональная типология орудий труда и других неметаллических изделий на Алтын-депе: Материалы Южно-Туркменистанской археологической комплексной экспедиции // Особенности производства поселения Алтын-депе в эпоху палеометалла. СПб., 2001. Вып. 5. С. 146–209.
- Коробкова Г.Ф., Шапошникова О.Г.* Поселение Михайловка — эталонный памятник древнейшей культуры: (Экология, жилища, орудия труда, системы жизнеобеспечения, производственная структура). СПб.: Европейский дом, 2005. 316 с.
- Кузьминых С.В., Дегтярева А.Д., Тигеева Е.В.* Металлопроизводство красноозерской и иткульской культур Тоболо-Ишимья // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2017. № 4 (39). С. 37–50.
- Молодин В.И., Мыльникова Л.Н., Нестерова М.С.* Вторичное использование фрагментов керамики на поселении кротовской культуры Венгерово-2 (Барабинская лесостепь) // Вестник НГУ. Сер. История, филология. 2012. Т. 11. Вып. 7: Археология и этнография. С. 91–109.
- Мыльникова Л.Н., Чемякина М.А.* Традиции и новации в гончарстве древних племен Барабы (по материалам поселенческого комплекса Омь-1). Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2002. 200 с.
- Панфилов А.Н., Зах Е.М., Зах В.А.* Боровлянка 2 — памятник неолита и переходного от бронзы к железу времени в Нижнем Приишимье // Источники этнокультурной истории Западной Сибири. Тюмень: Изд-во ТюмГУ, 1991. С. 25–55.
- Поплевко Г.Н.* Методика комплексного исследования каменных индустрий. СПб.: Дм. Буланин, 2007. 388 с.
- Пряхин А.Д.* Мосоловское поселение металлургов-литейщиков эпохи поздней бронзы. Воронеж: Изд-во ВГУ, 1996. Кн. 2. 176 с.
- Рябогина Н.Е., Иванов С.Н., Афонин А.С., Кисагулов А.В.* Палеоботанические и археозоологические исследования на городище Борки 1: (Приишимье в начале I тыс. до н.э.) // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2012. № 4 (19). С. 157–164.
- Семенов С.А., Коробкова Г.Ф.* Технология древнейших производств (мезолит — энеолит). Л.: Наука. 1983. 255 с.

Производственная деятельность населения начала раннего железного века укрепленного поселения...

Скакун Н.Н. Экспериментально-трасологические исследования керамических орудий труда эпохи палеометалла // СА. 1977. № 1. С. 264–268.

Троицкая Т.Н., Бородавский А.П. Большеберенская культура лесостепного Приобья. Новосибирск: Наука, 1994. 184 с.

Цембалюк С.И. Хозяйство и быт населения красноозерской культуры (по материалам поселения Марай 1 в Нижнем Приишимье) // РА. 2015. № 3. С. 43–54.

Цембалюк С.И., Берлина С.В. Комплекс раннего железного века городища Лихачевское в Приишимье // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2014. № 3 (26). С. 55–65.

Чикункова И.Ю. Пряслица Рафайловского селища как источник по изучению прядения у саргатцев // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2002. Вып. 4. С. 119–128.

Чикункова И.Ю., Скочина С.Н. Керамические изделия с поселения Муллашинские Юрты 7 // Вестник археологии, антропологии и этнографии. Тюмень. 2009. № 10. С. 49–56.

Шаманаев А.В., Зырянова С.Ю. Вторичное использование фрагментов керамики населением ташковской культуры (по материалам археологических находок и экспериментов) // ВАУ. Екатеринбург, 1998. Вып. 23. С. 196–204.

Шерстобитова О.С. Керамика журавлевского типа в Ишимо-Иртышском междуречье: Сравнительный анализ // Человек и Север: Антропология, археология, экология: Материалы всерос. науч. конф., г. Тюмень, 2–6 апреля 2018 г. Тюмень: ФИЦ ТюмНЦ СО РАН, 2018. Вып. 4. С. 280–284.

Yu.V. Kostomarova

Tyumen Scientific Centre of Siberian Branch RAS
Malygina st., 86, Tyumen, 625026, Russian Federation
E-mail: jvkostomarova@yandex.ru

PRODUCTION ACTIVITY OF THE MARAY 4 FORTIFIED SETTLEMENT OF THE EARLY IRON AGE IN THE LOWER ISHIM AREA: USE-WEAR ANALYSIS

The present paper is aimed at studying a tool collection from the Maray 4 fortified settlement dating back to the beginning of the Early Iron Age. The settlement is located in the Lower Ishim area (Kazansky District, Tyumen Region). Its materials, which culturally belong to Zhuravlevo antiquities, date back to the 7th–5th centuries BC. The relevance of this work is determined by the lack of data, as well as little knowledge of the production activities of different archaeological cultures having lived on the territory in question at the beginning of the 1st millennium BC. In this study, the author employs use-wear analysis, which involves examining the surface of tools and identifying their functions. For their verification, the author employed the results of experimental works on the use of tools from ware fragments in the processing of hides and wood, abrasive treatment of bronze and making pottery vessels. When studying the stone items, their technological characteristics were considered. In order to identify production sites, a functional and planigraphic analysis was used. A traceological analysis and micrographs of use-wear traces were produced using a MS-2 ZOOM microscope with a magnification range of 10–40× and a Canon EOS-1100 camera. The use-wear analysis of the tool collection from the Maray 4 settlement allowed the data on the integrated livestock paleo-economy of the Zhuravlevo population to be supplemented. Judging by the number of tools ceramic hide scrapers stands out. They could be applied in the processing of hides and skins or ceramic ware making. These tools are established to be related to the boundaries of structure 1, whereas stone items were concentrated near structure 2. Data on to which extent Zhuravlevo population from the ancient settlement of Maray 4 was engaged in bronze casting are scarce. The development of spinning and weaving is another significant feature of the economic and production activities of the population (final stage of the Bronze Age to Iron Age transition — beginning of the Early Iron Age), which is confirmed by the tool complex from the Maray 4 settlement. The rest of the industry is represented by occasional tools. The collection of tools from the Maray 4 settlement is more typical of the beginning of the Early Iron Age in the Tobol-Ishim and Ob-Irtysh areas, which is evidenced by the late Itkul, Baitovo and Bogochanovo materials, as well as the results of radiocarbon dating for the materials from the Maray 4 settlement. In addition, this collection of tools indicates that the population of the period under study, which occupied a vast territory, had a developed integrated economy.

Key words: Lower Ishim river areas, the beginning stage of the Iron Age, the Maray 4 site, instrument of labour, the use-wear analysis, functional-planigraphics analysis.

DOI: 10.20874/2071-0437-2019-46-3-048-061

Funding. The article has been written within the State Project No. AAAA-A17-117050400147-2.

REFERENCES

Bel'tikova G.V. (1993). The development of the Itkul metallurgy center. *Voprosy arkheologii Urala*, (21), 93–106. Sverdlovsk: Izdatel'stvo Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. (Rus.).

- Borodovskii A.P. (1996). Reuse of pottery fragments in the West Siberian forest-steppe of the Paleometal period (facts and experiment). In: I.G. Glushkov (Ed.). *Keramika kak istoricheskii istochnik* (pp. 49–53). Tobol'sk: Tobol'skii gosudarstvennyi pedagogicheskii universitet. (Rus.).
- Borodovskii A.P. (2002). Ceramic scrapers for skin treatment on the Irmen settlement Milovanovo-3. *Drevnosti Altaia*, (8), 28–36. (Rus.). Retrieved from: <http://e-lib.gasu.ru/da/archive/2002/08/08.html>.
- Borodovskii A.P. (2009). Treatment of bone and horn on the site of Chicha 1. In: V.I. Molodin, H. Parzinger (Eds.). *Chicha — gorodishche perekhodnogo ot bronzы k zhelezu vremeni v Barabinskoi lesostepi*, 3 (pp. 177–199). Novosibirsk: Izdatel'stvo Instituta arkheologii i etnografii SO RAN. (Rus.).
- Borodovskii A.P. (2013). The problem of reconstruction of specialization of plants for processing of organic materials in the South of Western Siberia in the Era of Paleometal. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istorii*, (3), 18–23. (Rus.).
- Borodovskii A.P., Borodovskaia E.L. (2013). *Archaeological sites of the mountain valley of the Lower Katun during the Epoch of Paleometal*. Novosibirsk: Izdatel'stvo Instituta arkheologii i etnografii Sibirskogo otdeleniia Rossiiskoi akademii nauk. (Rus.).
- Chikunova I.Yu. (2002). The spindles of the Rafajlovo settlements as a source for the study of sargat spinning. *Vestnik arheologii, antropologii i etnografii*, (4), 119–128. (Rus.).
- Chikunova I.Iu., Skochina S.N. (2009). The ceramic object of the Mullashinskii Yurty 7 site. *Vestnik arheologii, antropologii i etnografii*, (10), 49–56. (Rus.). Retrieved from: http://ipdn.ru/_private/a10/49-56-chikunova.pdf.
- Danchenko E.M. (1996). *Southern taiga of Irtysh river basin in the middle — the second half of I thousand BC*. Omsk: Izdatel'stvo Omskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. (Rus.).
- Iliushina V.V., Rafikova T.N. (2018). Early Iron Age complex of the Lastochkino Gnezdo 1 settlement in the Lower Ishim river basin. *Vestnik arheologii, antropologii i etnografii*, (4), 61–74. (Rus.). doi: 10.20874/2071-0437-2018-43-4-061-073.
- Korobkova G.F. (2001). Functional typology of tools and other nonmetallic products at Altyn-Depe: The materials of the South-Turkmenistan archeological complex expedition. In V.M. Masson (Ed.). *Osobennosti proizvodstva poseleniia Altyn-depe v epokhu paleometalla*, (5) (pp. 146–209). St. Petersburg. (Rus.).
- Korobkova G.F., Shaposhnikova O.G. (2005). *Settlement Mikhailovka — the site of the Yamnaya culture: (Ecology, dwellings, tools, life support systems, production structure)*. St. Petersburg: Evropeiskii dom. (Rus.).
- Kosintsev P.A., Stefanov V.I. (1989). The economic specificity of the population of the Trans-Urals forest-steppe and Ishim river basin in this time of transition from the Bronze Age to the Iron. In: V.D. Viktorova, N.G. Smirnov (Eds.). *Stanovlenie i razvitie proizvodnogo khoziaistva na Urale* (Russia) (pp. 105–119). Sverdlovsk: Ural'skoe otdelenie Rossiiskoi akademii nauk. (Rus.).
- Kostomarov Yu.V. (2018). Inventory complex of the Zhuravlevo culture in the Lower Ishim river areas (based on the 2012–14 research at the Borki 1 site). *Vestnik arheologii, antropologii i etnografii*, (4), 51–61. (Rus.). DOI: 10.20874/2071-0437-2018-43-4-051-060.
- Kuz'minykh S.V., Degtyareva A.D., Tigeeva E.V. (2017). Metal production of Krasnozverska and Itkul cultur of the Tobol and Ishim rivers. *Vestnik arheologii, antropologii i etnografii*, (4), 37–50. (Rus.). DOI: 10.20874/2071-0437-2017-39-4-037-050.
- Molodin V.I., Myl'nikova L.N., Nesterova M.S. (2012). Reuse of pottery fragments on the settlement Krotovo cultures Vengerovo-2 site (Baraba forest-steppe). *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya Istorii, filologiya*, 11(7), 91–109. (Rus.).
- Myl'nikova L.N., Chemiakina M.A. (2002). *Traditions and innovations in pottery of the ancient tribes from the territory of Baraba (based on the materials of the settlement complex Om-1)*. Novosibirsk: Izdatel'stvo Instituta arkheologii i etnografii SO RAN. (Rus.).
- Panfilov A.N., Zakh E.M., Zakh V.A. (1991). Borovlyanka 2 — the settlement of the Neolithic and the Transition from Bronze to Iron Time in the Lower Ishim river. In: N.P. Matveyeva (Ed.). *Istochniki etnokul'turnoi istorii Zapadnoi Sibiri* (Russia) (pp. 25–55). Tiumen': Izdatel'stvo Tiumenskogo gosudarstvennogo universiteta.
- Priakhin A.D. (1996). *Mosolovo settlement of metallurg-foundry of the Late Bronze Age*, 2. Voronezh: Izdatel'stvo Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. (Rus.).
- Riabogina N.E., Ivanov S.I., Afonin A.S., Kisagulov A.V. (2015). Palaeobotanical and archaeozoological research at the ancient settlement of Borki 1 (Ishim river basin at the beginning of the I Millennium BC). *Vestnik arheologii, antropologii i etnografii*, (4), 157–164. (Rus.). Retrieved from: http://ipdn.ru/_private/a31/157-164.pdf.
- Popl'evko G.N. (2007). *The metodics of integrated research into stones industry*. St. Petersburg: Dmitrii Bulanin. (Rus.).
- Semenov S.A., Korobkova G.F. (1983). *Technology of ancient production (Mesolithic — Eneolithic)*. Leningrad: Nauka. (Rus.).
- Shamanaev A.V., Zyrianova S.Yu. (1998). Reuse of pottery fragments of the population Tashkovo culture (on materials of archaeological finds and experiments). *Voprosy arkheologii Urala*, (23), 196–204. Ekaterinburg: Izdatel'stvo Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. (Rus.).

Sherstobitova O.S. (2018). Pottery of Zhuravlevo type in the Ishim-Irtys interfluvium: Comparative analysis. In: A.N. Bagashov (Ed.). *Chelovek i Sever: Antropologiya, arkheologiya, ekologiya: Materialy vserossiiskoi nauchnoi konferentsii, g. Tiumen', 2–6 aprelya 2018 goda*, (4) (pp. 264–284). Tiumen': Federal'nyi issledovatel'skii tsentr Tiimenskii nauchnyi tsentr SO RAN. (Rus.).

Skakun N.N. (1977). Use-wear analysis of ceramic tools in the Era of Paleometal. *Sovetskaya arkheologiya*, (1), 264–268. (Rus.).

Troitskaya T.N., Borodovskii A.P. (1994). *Bolsherechye culture of the forest-steppe Ob region*. Novosibirsk: Nauka. (Rus.).

Tsembaliuk S.I. (2015). The economy and life of the population Krasnozerska culture (on materials of the settlement Maray 1 in the Lower Ishim river areas). *Rossiyskaya arkheologiya*, (3), 43–54. (Rus.).

Tsembaliuk S.I., Berlina S.V. (2014). The complex of the Early Iron Age of Likhachevskoye site in the Ishim river areas. *Vestnik arheologii, antropologii i etnografii*, (3), 55–65. (Rus.). Retrieved from: http://ipdn.ru/_private/a26/55-65.pdf.

Zakh V.A. (2009). The Lastochkino Gnezdo 1 site in the Lower Ishim river. *Vestnik arheologii antropologii i etnografii*, (11), 67–80. (Rus.). Retrieved from: http://ipdn.ru/_private/a11/67-80.pdf.

Zakh V.A., Iliushina V.V., Tigeeva E.V., En'shin D.N., Kostomarov V.M. (2015). Closed Zhuravlevo complex of the settlement Borki 1 in Lower Ishim basin. *Vestnik arheologii, antropologii i etnografii*, (2), 4–14. (Rus.). Retrieved from: http://ipdn.ru/_private/a29/4-14.pdf.

Zimina O.Yu., Kostomarov V.M., Tsembaliuk S.I. (2012). The paleoeconomic of the Tobolo-Ishim population at the turn of the Bronze and Iron Ages. *Vestnik arheologii antropologii i etnografii*, (3), 73–81. (Rus.). Retrieved from: http://ipdn.ru/_private/a18/73-81.pdf.

Zimina O.Yu., Skochina S.N. (2002). About appointment of ceramic tools of the settlement of the Early Iron Age Vak-Kur-2. *Severnyi arkheologicheskii kongress: Tezisy dokladov 9–14 sentyabrya 2002 goda* (pp. 225–227). Khanty-Mansiik; Ekaterinburg: Akademkniga.

Zimina O.Yu., Zakh V.A. (2009). *Lower Tobol river basin at the turn of the Bronze and Iron Ages*. Novosibirsk: Nauka (Rus.).

This work is licensed under a [Creative Commons Attribution 4.0 License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/).

Submitted: 20.05.2019

Accepted: 10.06.2019

Article is published: 26.09.2019

С.В. Берлина

ФИЦ Тюменский научный центр СО РАН
ул. Малыгина, 86, Тюмень, 625026
E-mail: svb82@mail.ru

ЖИЛИЩА ГОРОХОВСКОЙ КУЛЬТУРЫ ЗАУРАЛЬЯ

Обобщены результаты исследований жилищ гороховской культуры эпохи раннего железного века Зауралья. Проведена реконструкция ряда построек, выделены три типа жилищ по особенностям строения стен (со стенами в заплот, каркасными и срубными). Результаты проанализированы с точки зрения социальной структуры общества и особенностей хозяйства, отмечены технические особенности строения жилищ, поставлен вопрос взаимовлияния традиций зодчества в эпоху раннего железа.

Ключевые слова: Зауралье, ранний железный век, гороховская культура, жилища.

DOI: 10.20874/2071-0437-2019-46-3-062-074

Введение

Изучение памятников гороховской культуры началось еще в 30–40-х гг. XX в., когда К.В. Сальниковым были проведены раскопки на городище Чудаки (Гороховском); позже, в разные годы, исследовались курганные могильники и отдельные поселения (Мало-Казакбаевское, Воробьевское, Павлиново, Марьино Ущелье 4 городища, Катайское, Речкино 1, Ботниковское 1, Нечунаевское 2, Хрипуновское 1 поселения) [Сальников, 1940, 1947, 1951; Стоянов, 1961, 1962, 1964; Бельтикова, 1976, 1977; Козеко, Кузнецова, 1998; Корякова и др., 2009; Берлина, 2014; Костомарова и др., 2011; Матвеева, 1984, 1993, 2000].

Несмотря на то что памятники изучаются более полувека, описаны лишь основные черты культуры и погребальный обряд [Могильников, 1992; Булдашев, 1998; Матвеева, 2000]. Не в полной мере освещены генезис культуры, внешние связи, экономика, домостроительство, социальная структура гороховского населения, многие вопросы актуальны из-за отсутствия датировок большинства комплексов.

Домостроительные традиции гороховского населения охарактеризованы в основном по материалам городищ Чудаки и Павлиново [Сальников, 1947, 1951; Корякова и др., 2009]. Так, К.В. Сальниковым при публикации первых результатов раскопок жилищ с городища Чудаки был описан каркасно-столбовой характер построек, проведены этнографические параллели — сравнение с жилищами гиляков с таким же строением и с жилищами индейцев-манданов, имевшими отличие в форме, но не в каркасном принципе строительства [1947, с. 224–226]. В качестве утеплителя стен помимо жердей предполагался грунт. Данные наблюдения подтверждены ученым при последующих работах на городище [Сальников, 1951, с. 88–89]. Раскопки были продолжены Г.И. Бельтиковой, ею изучены жилища 10 и 11, также отмечено наличие углистых полос вдоль стен, фрагментов деревянных конструкций [1976, 1977].

По материалам исследования Павлиновского археологического комплекса коллективом авторов описаны вскрытые объекты и предложены словесные и графические реконструкции большинства из них. Описательная реконструкция жилищ Павлинова городища и культурные особенности строений представлены А.А. Ковригиным [Корякова и др., 2009]. Слой гороховской культуры был более ранним на городище, и постройки саргатского населения разрушили часть жилищ гороховцев, тем не менее по оставшимся элементам конструкции авторы восстановили форму и строение жилищ — это слабо углубленные или наземные сооружения, каркасом которых были вертикальные столбы, скрепленные поперек балками-стропилами. Часть построек, вероятно, являлась навесами, хозяйственными сооружениями. Постройки были в основном прямоугольных форм, каркас дополнительно утеплялся жердями, расколотыми бревнами, травой, дерном [Там же].

Помимо указанных выше исследования проводились на городищах Воробьевском, Марьино Ущелье 4, Мало-Казакбаевском. На неукрепленных поселениях исследованы постройки на памятниках Хрипуновское-1, Речкино-1, Ботниковское-1, Нечунаевское 2, Катайское. Материалы раскопок ряда поселений не опубликованы.

Недостаточная информативность в отношении реконструкции домостроительных традиций связана с периодом изучения. Так, в 40–60-х гг. XX в. поселения (городище Чудаки, поселения Катайское, Речкино-1 Воробьевское) исследовались зачастую без точной привязки материала к контексту, не фиксировались планиграфические разрезы и точные глубины отдельных элементов, многие моменты охарактеризованы общими фразами, отсутствуют датировки объектов, что не позволяет выявить хронологические рамки существования построек, развитие и динамику домостроительных традиций, описать строительные приемы.

Представление о жилой среде гороховцев может быть составлено по материалам 10 поселений. Для сравнения отметим, что, например, постройки саргатской культуры были исследованы на 42 поселениях; жилища баитовской культуры изучены на 15 поселениях, как укрепленных, так и неукрепленных. Это позволяет охарактеризовать традиции зодчества на объектах, различных по социальной значимости и длительности функционирования.

Таким образом, обобщение и изучение построек гороховской культуры актуально как в плане реконструкции, выделения основных типов построек, так и для понимания вклада и участия гороховского населения в формировании и развитии домостроительных традиций населения раннего железного века.

Объекты исследования

Всего удалось собрать сведения о 38 постройках гороховской культуры, из них 29 изучено на городищах и только 9 на селищах. Описание морфологических признаков жилищ гороховской культуры приведено в табл.

Большая часть изученных построек происходит с укрепленных поселений, что, полагаем, сказывается на представлении о домостроительстве носителей гороховской культуры, так как постройки на городищах, как правило, более крупные, основательные, имеют четкие прямоугольно-трапециевидные очертания. Дальнейшие исследования на неукрепленных поселениях позволят получить более полную информацию о типах жилищ и традициях зодчества гороховского населения.

Большая часть жилищ однокамерные — 28 ед., остальные двухкамерные — 10 ед. Вторая камера, как правило, хозяйственная, меньше по площади, соединяется коридором с основной, помещения расположены по одной оси. Двухкамерных жилищ, вероятно, было больше, но ввиду обычно легкого каркаса и меньшей углубленности в грунт хозяйственная камера вследствие процессов археологизации могла не фиксироваться. Так, на Воробьевском городище у части построек в рельефе читались две западины, однако при раскопках обнаруживалось только одно помещение. Каких-либо закономерностей в ориентации жилищ не отмечено — на это больше влияло их положение на поселении и размещение относительно других жилищ: так, на городище Чудаки жилища расположены радиально вдоль фортификаций, на селище Ботниковское-1 — полукругом.

По форме котлованы жилищ в основном прямоугольные или трапециевидные (табл.). Неправильную форму, как правило, имеют жилища на неукрепленных поселениях — Речкино-1, Хрипуновское-1 и часть жилищ раннего периода на городище Павлиново (что может объясняться уничтожением части следов позднейшей строительной деятельностью). По степени углубленности в грунт выделяются камеры слабо углубленные (не более 20 см, не врезаются в материк), их насчитывается около 11, основная часть построек углублены в материк на 20–30 см. Только четыре камеры имеют значительную углубленность в материк — 0,6–0,9 м (жил. 8 гор. Чудаки, жил. 1, 10а, 11 Павлинова гор.).

Из следов конструкции на площади жилищ отмечены ямки от вертикальных стоек, у части построек — соединяющие эти ямки канавки. Местами исследователи фиксировали полосы углистой супеси, канавки, заполненные углем. Эти следы позволили высказать гипотезу о существовании двух типов построек — каркасно-столбовых и со стенами, построенными в заплот [Сальников, 1947; Матвеева, 2000; Корякова и др., 2009].

Для детальной характеристики жилых сооружений следует большое внимание уделять технике строительства, в частности различным приемам соединения бревен, расположению балок. С одной стороны, это влияло на форму кровли, а с другой — именно сочетание различных приемов образует домостроительные традиции населения. Рассматривая комплекс гороховских построек в плане конструкции стен, следует отметить, что преобладают жилища, построенные в каркасно-столбовой технике: из 48 исследованных камер жилищ в этой технике сооружено 35 построек, в технике заплота — только 5, в срубной — 7. Отсутствие следов конструкции на

территории пос. Речкино и наличие только котлована аморфной формы оставляет открытым вопрос относительно конструкции данного жилища.

Характеристика морфологических особенностей жилищ гороховской культуры

Characteristics of morphological features of Gorokhovo culture dwellings

№ п/п	№ жил. и памятник	Тип поселения		Форма камеры	Площадь, м ²	Степень углубленности	Характер и элементы конструкции			Ориентировка камеры	Очаг	Сохранность, изученность	Автор раскопок, публикации
		Укрепл.	Неукрепл.				Ямки		Примечания				
							По краям постр.	В центре					
1	Чудаки жил.	+	-	Прямоуг.	≈ 36	0,4–0,5 от уров. древн. поверх.	+	+	Выход в центр площадки, по краям и в центре ямки	СЗ–ЮВ	+	Полностью	Сальников, 1937, 1947
2	Чудаки жил. 2	+	-	Прямоуг.	> 22	0,3 от уровн. древ. поверх.	+	+	Вплотную пристроено к жил. 1 с юга	СЗ–ЮВ	+	ЮВ часть не иссл.	Сальников, 1937, 1947
3	Чудаки жил. 3	+	-	Прямоуг.	≈ 33	0,3 от уров. древн. поверх.	+	+	Выход в центр площадки	ССЗ–ЮЮВ	+	Полностью	Сальников, 1937, 1947.
4	Чудаки жил. 4 кам. 1	+	-	Прямоуг.	128	0,25 от уров. древн. поверх.	+	+	Вдоль стен между ямками канавки. Очаг оконтурен канавками с двух сторон	ССЗ–ЮЮВ	+	Полностью	Сальников, 1938, 1940
	жил. 4 кам. 2	+	-	Прямоуг.	75	0,25 от уров. древн. поверх.	+	+	По краю камеры фиксируются канавки	ССЗ–ЮЮВ	-	Вост. часть не иссл.	Сальников, 1938, 1940
5	Чудаки жил. 5	+	-	Прямоуг.	20	Наземное, на уров. материка	+	+	В Ю стенке два выступа	С–Ю	-	Полностью	Сальников, 1938, 1940
6	Чудаки жил. 6 кам. 1	+	-	Прямоуг.	150	0,25 от уров. древн. поверх.	+	+	В СЗ углу выступ-нары. Между ямками фиксируются канавки	ССЗ–ЮЮВ	+	Полностью	Сальников, 1939, 1940
	жил. 6 кам. 2	+	-	Прямоуг.	115	0,25 от уров. древн. поверх.	+	+	Границы фиксируются по рядам ямок	ССЗ–ЮЮВ	-	Полностью	Сальников, 1939
7	Чудаки жил. 7	+	-	Прямоуг.	65	Слабо углубл.	+	+	Со скругленными углами	СЗ–ЮВ	-	Полностью	Сальников, 1949
8	Чудаки жил. 8	+	-	Трапезиевид.	110	0,6–0,7 от уров. древн. поверх.	+	+	Очаг оконтурен с двух сторон канавками. Выход в центр площадки	ЗСЗ–ВЮВ	+	Полностью	Сальников, 1949, 1951
9	Чудаки жил. 9	+	-	Прямоуг.	25	0,3 от уров. материка	+	+	Выход в центр площадки, соединялось с кам. 1 жил. 8	ЗЮЗ–ВСВ	-	Полностью	Сальников, 1949, 1951
10	Чудаки жил. 10 кам. 1	+	-	Прямоуг.	65	0,1–0,3 м в материк	+	+	Между ямками канавки	СВ–ЮЗ	+	Полностью	Бельтикова, 1976
	Чудаки жил. 10 кам. 2	+	-	Прямоуг.	30	0,15–0,2 м в материк	+	+	Фиксир. по столбовым ямкам, слабо углублено в материк	СВ–ЮЗ	-	Полностью	Бельтикова, 1976
11	Чудаки жил. 11 кам. 1	+	-	Прямоуг.	30	0,1–0,3	+	+	С СЗ стороны пристрой-выступ. Между ямками канавки	СВ–ЮЗ	+	Полностью	Бельтикова, 1975
	Чудаки жил. 11 кам. 1	+	-	Прямоуг.	20	0,14–0,2	+	-	С СВ дополнительный выступ-пристрой?	СВ–ЮЗ	-	Полностью	Бельтикова, 1975
12	Павлиново жил. 1	+	-	Под-прямоуг.	28	0,3–0,4 у стен, 0,5–0,6 в центре	+	+	Возле 3 угла постройки расположен небольшой прямоуг. выступ. Ямки фиксировались и за пределами котлована	СВ–ЮЗ	+	Полностью	Корякова и др., 2009
13	Павлиново жил. 2	+	-	Трапезиевид.	63	Не углубл. в материк	+	+	Небольшая постройка почти полностью занята очагом	?	+	Полностью	Корякова и др., 2009
14	Павлиново жил. 6	+	-	Под-овальная	10–12	0,4–0,75	+	+	Постройка имела полуовальный выступ в южную часть ЮЗ угла	З–В	+	Полностью	Корякова и др., 2009
15	Павлиново жил. 7	+	-	Овальная	?	0,05–0,2	+	+		С–Ю	-	Изучена только ЮЗ часть	Корякова и др., 2009
16	Павлиново жил. 8	+	-	Прямоуг.	12,5	0,2–0,4	-	+		ЮЗ–СВ	-	СВ часть срезана	Корякова и др., 2009
17	Павлиново жил. 10а	+	-	Неровный прямо-угольник	≈ 32	0,8–0,9	+	+	У ЮВ границы котлована 3 небольших нишеобразных выступа	ЮЗ–СВ	-		Корякова и др., 2009
18	Павлиново жил. 10б	+	-	Прямоуг.	≈ 42	0,2–0,25	+	+	Очаг был оконтурен Г-образной канавкой с Ю и З	С–Ю, З–В	+	ЮЗ угол не зафикс.	Корякова и др., 2009
19	Павлиново жил. 11	+	-	Под-прямоуг.	5,5	0,5–0,7	+		В В углу зафиксирован полуовальный выступ	ЮВ–СЗ		Зап. стенка иссл. не полн.	Корякова и др., 2009
20	Павлиново жил. 12	+	-	Аморф.	12–13	Не углубл.	+	+	На площади жилища фиксируются 2 большие ямы	?	+	Полностью	Корякова и др., 2009
21	Павлиново жил. 13	+	-	Под-прямоуг.	?	Не углубл.	+	+	Фиксировались канавки, ложбинообразные углубления	СЗ–ЮВ	+	ЮЗ часть не изучена	Корякова и др., 2009
22	Воробьевское раск. 4 жил. кам. 1	+	-	Квадрат.	32	0,3–0,45 от кромки	-	-	По периметру котлована следы угля	С–Ю	-	Полностью	Стоянов, 1962
	раск. 4 жил. кам. 2	+	-	Квадрат.	64	0,4–0,55 от кромки	-	-		С–Ю	+	Полностью	Стоянов, 1962

Жилища гороховской культуры Зауралья

Окончание табл.

№ п/п	№ жил. и памят-ник	Тип поселения		Форма камеры	Пло-щадь, м²	Степень углубленности	Характер и элементы конструкции			Ориенти-ровка камеры	Очаг	Сохран-ность, изучен-ность	Автор раскопок, публикации
		укрепл.	Неук-репл.				Ямки		Примечания				
							По краям постр.	В центре					
23	Воробье- вское раск. 8 жил. кам. 1	+	-	Прямоуг.	?	?	+	+	По краям котлована жилища зафиксированы взаимо-пересекающиеся канавки	СЗ-ЮВ	+	Полностью	Стоянов, 1961
24	Воробье- вское раск. 2 жил.	+	-	Прямоуг.	84	?	+	+	В СВ стенке выход? переход в другую камеру?	СЗ-ЮВ	+	Полностью	Стоянов, 1961
25	Воробье- вское раск. 7 жил.	+	-	Прямоуг.	8×7,4	0,2–0,25–0,55	+	-	По периметру котлована зафиксирована канавка, 2 камера не изучалась?	СВ-ЮЗ	-	Полностью	Стоянов, 1962
26	Речкино 1 жил. 1	-	+	Многоуг.	≈ 23	0,45	+	+		С-Ю	+	Полностью	Стоянов, 1961
27	Ботников- ское жил. 1 кам. 1	+		Прямоуг.	15	?	+			ЮЗ-СВ		Полностью	Матвеева, 1984
	жил. 1 кам. 2	+		Прямоуг.	≈ 7?	?	+			ЮЗ-СВ		Частично	Матвеева, 1984
28	Ботников- ское жил. 1 кам. 1		+	Прямоуг.	42	?	+	+	Переход-коридор	СЗ-ЮВ	+	Полностью	Матвеева, 1984
	жил. 1 кам. 2		+	Прямоуг.	12	?	-	-	Выход-коридор	СЗ-ЮВ	-	Полностью	Матвеева, 1984
29	Ботников- ское жил. 2 кам. 1		+	Прямоуг.	42	?	+	+	Выход-коридор	ЮЗ-СВ	+	Полностью	Матвеева, 1993
	жил. 2 кам. 2		+	Прямоуг.	12	?	-	-	Выход-коридор	ЮЗ-СВ	-	Полностью	Матвеева, 1993
30	Ботни- ков.-1 сел. жил. 3 кам. 1		+	Прямоуг.	38	?	+	+		ЮЗ-СВ	+	Полностью	Матвеева, 1993
	жил. 3 кам. 1		+	Под- прямоуг.	6,5	?	+	-		ЮЗ-СВ	-	Полностью	Матвеева, 1993
31	Нечуна- евское 2 жил. 1	-	+	Под- прямоуг.	≈ 70	0,2	+	+	Выход-коридор в ЮЗ углу, прокал? в СВ углу постройки	С-Ю	+	Полностью	Матвеева, 2000
32	Марьино ущелье 4 жил. 1	+	-	Под- прямоуг.	?	0,3–0,4	+	+		З-В		Изучен только ЮВ угол	Берлина, 2010
33	Марьино ущелье 4 постр. 2	+		Под- прямоуг.	≈ 8	0,1	-	-				Не исследо- вана северная часть	Берлина, 2010
34	Хрипу- новское 1	-	+	Под- прямоуг.	13	0,1–0,25 от материка	+	+	Выход в северной стене	СЗ-ЮВ	+	Полностью	Костомарова, 2006
35	Мало- Казахба- евское жил. 1 кам. 1	+		Под- прямоуг.									Сальников, 1951
	жил. 1 кам. 2	+		Под- прямоуг.					Наземная постройка				Козеко, Кузнецова, 1998
36	Катай- ское, жил. 1		+	Прямоуг.	18,5	0,35–0,5	-	-	Выход-коридор 2,5×0,75, вдоль стен остатки деревян-ных конструкций	ССЗ-ЮЮВ	+	Полностью	Стоянов, 1961
37	Катай- ское жил. 2		+	Под- прямоуг.	27	0,25–0,65	-	-	Выход-коридор	З-В	+	Полностью	Стоянов, 1961
38	Катай- ское жил. 3		+	Пятиуг.	≈ 18	0,5	-	-	Вдоль стен фиксировались остатки деревянных конструкций	З-В	+	Полностью	Стоянов, 1961

Строго говоря, обе техники (каркасно-столбовая и в заплот) относятся к каркасным, однако мы здесь и далее разделяем их, так как в стенах, построенных в технике заплота, горизонтальные бревна частично также являются несущими. Данная техника более трудоемкая, а конструкция более долговечная. Жилища же с каркасом из вертикальных стоек и соединяющих их горизонтальных балок, с пространством между ними, утепленным более тонкими элементами (жердями, расколотыми бревнами, травой, грунтом), мы относим к простым классическим каркасным постройкам, в которых каркас играл роль опоры, а остальные элементы — роль утеплителя, опирающегося на каркас.

Обсуждение результатов

Жилища гороховской культуры возводились главным образом в каркасно-столбовой технике. Данная техника отмечена для 35 построек (75 %). Они представлены одно- и двухкамерными жилищами прямоугольно-квадратных форм; жилая камера (с очагом), как правило, углублена в грунт, хозяйственная (при ее наличии) несколько меньше по размерам, наземная. По краям котлована жилищ расположены ямки от столбов, что ясно указывает на каркасно-столбовую конструкцию. Внешний вид жилищ восстановлен по материалам гор. Чудаки. К каркасно-столбовым постройкам были отнесены жилища 1, 2, 3, 5, кам. 2 жил. 6, жилища 7, 8, 9, 10 (?), 11 (?). Расположение ямок от столбов вдоль стен и в центре жилищ позволяет говорить о каркасно-столбовой технике строительства, при которой вертикально установленные бревна-стойки и соединяющие их поперек балки образовывали каркас жилища. Пространство же между каркасными элементами заполнялось наклонными жердями/расколотыми пополам бревнами, установленными нижней частью на землю, а верхней — на балку стены. Поверх данная конструкция могла утепляться травой, землей, что, по этнографическим данным, было широко распространено у коренного населения Сибири. Кровля оформлялась различно. В основном все помещения имели двухскатную кровлю, причем коньковая балка располагалась не по центру, а была смещена к входу или задней стене жилища (рис. 1, 1б, 3б, 4б; 5, 3, 4). Только у жил. 3 реконструируется четырехскатная кровля. Полагаем, что оно подверглось перестройке путем увеличения его площади с востока, у пристроя был один скат кровли (рис. 1, 2б).

Расстояние между коньковой балкой и боковыми стенами скреплялось стропилами-переводинами. В случае если жилище было большим по площади и пролеты между балками были значительными, внизу под переводины устанавливались дополнительные стойки, как правило, расположенные по одной линии. На примере жилища 8 мы можем проследить момент ремонта постройки и переноса этой линии: фиксируются две линии ямок от столбов перпендикулярно осевой линии жилища, при этом у входа отмечены два ряда ям от конструкции стены, расположенных очень близко, — видимо, жилище подвергалось серьезному ремонту. Косвенно об этом говорит и факт расположения рядом постройки 9, с которой оно соединялось переходом (рис. 1, 3а, 4а, 4б).

Для примера опишем более подробно жилище 1 каркасно-столбовой конструкции. Оно прямоугольной формы, выход его ориентирован в центр площадки (рис. 1, 1а, 1б, 1в). В его котловане четко фиксируются три ряда ям, расположенных перпендикулярно оси жилища и выходу. Вероятно, это ямы от стоек каркаса, которые были поперек скреплены балками. При этом коньковая балка находилась ближе к противоположной от входа стене жилища, и скат кровли в этом месте был круче. Пространство между коньковой балкой и балками, расположенными у края стен, могли «связываться» дополнительными каркасными жердями-переводинами, а пространство между ними — утепляться мелкими жердями, тесинами, хворостом, травой, дерном. Утеплителем стен являлись наклонные бревна, жерди, которые одним концом упирались в землю, а другим — на боковую балку кровли. Они могли дополнительно утепляться слоем травы, присыпаться землей.

Таким образом, эта постройка внешне выглядела как сооружение с немного наклонными стенами, двухскатной кровлей, конек которой был смещен к противоположной от входа стене (рис. 1, 1в). Сходное устройство имели жилища 2, 5, 7 (?), 8, 9, 10 (кам. 2), 11 (кам. 2) (рис. 1, 1в, 2в, 3в, 4в).

С использованием таких же приемов были возведены постройки гороховской культуры Павлиновского археологического комплекса. Детальная характеристика объектов представлена авторами исследования [Корякова и др., 2009], поэтому не будем повторять их выводы, отметим лишь, что преобладала также каркасно-столбовая техника сооружения стен, но формы жилищ имели большую вариативность — от прямоугольных до аморфных очертаний (это может быть связано как с малой углубленностью объектов, так и с тем, что часть следов конструкций (ямки от столбов) не прослеживалась в материке). В целом же отметим, что площадь построек могла быть больше, чем фиксируемая по котлованам. Следует обратить внимание и на наличие длинных коридоров. По материалам Павлиновского археологического комплекса был сделан ряд следующих наблюдений относительно строительной техники: употребление в углах конструкции более мощных столбов, а между ними — столбов меньшего размера, установка столбов в предварительно выкопанные ямы с последующей утрамбовкой свободного пространства грунтом, следы ремонта отдельных участков стен, грунтовая подсыпка с внешней стороны стены в качестве утеплителя и дополнительной опоры для стен, подтесывание концов бревен с краев на конус для крепления в пазу вертикального столба, дополнительный выход (жил. 5, 9), навесы у стен жилищ [Там же].

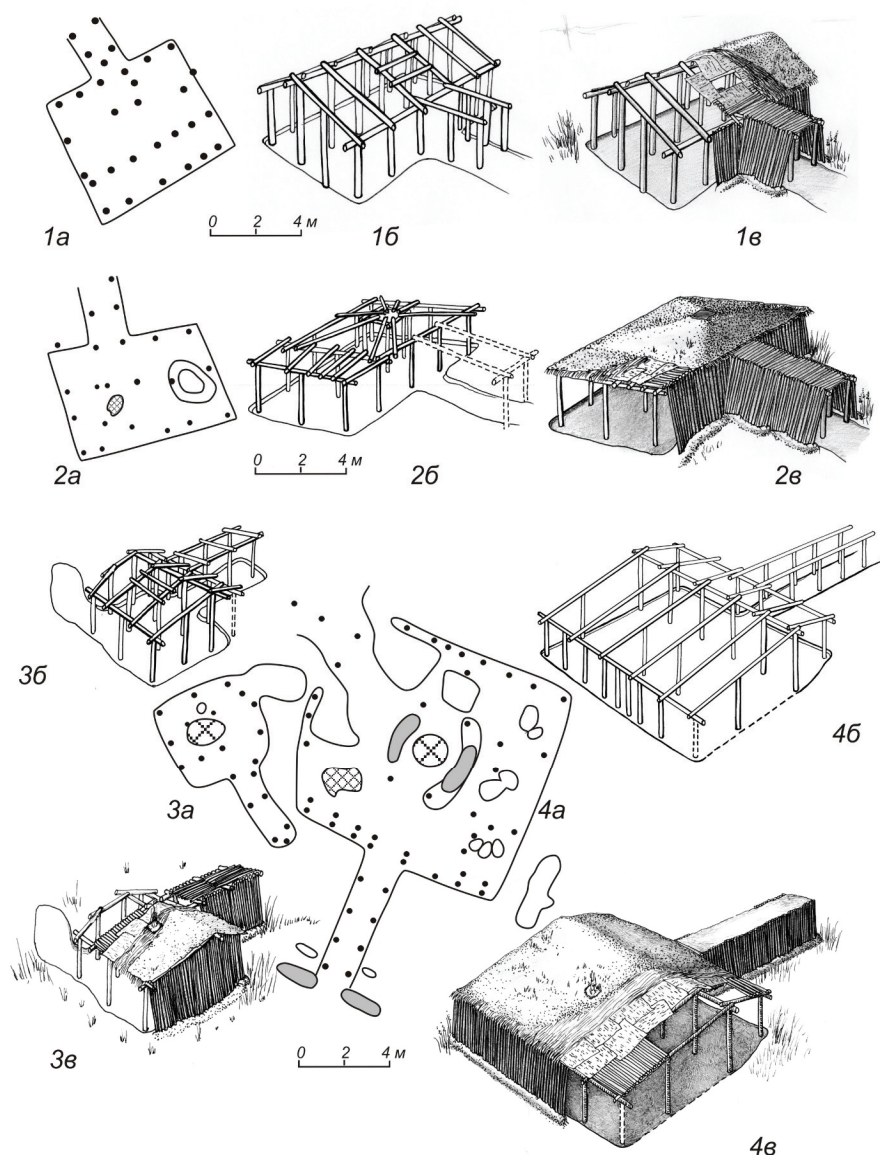

Рис. 1. Городище Чудаки. План и реконструкция жилищ 1, 3, 8, 9:

a — план по материке; *б* — реконструкция каркаса жилища; *в* — реконструкция внешнего вида;

1 — жилище 1; 2 — жилище 3; 3 — жилище 9; 4 — жилище 8.

Fig. 1. Hillfort Chudaki. Plan and reconstruction of dwellings 1, 3, 8, 9:

a — plan for the mainland; *b* — reconstruction of the frame of the dwelling; *e* — reconstruction of the appearance;

1 — dwelling 1; 2 — dwelling 3; 3 — dwelling 9; 4 — dwelling 8.

К каркасно-столбовому типу жилищ по совокупности признаков относятся и жилище раскопа 2 Воробьевского городища [Стоянов, 1961, 1962], постройки на городище Марьино Ущелье 4 (2 ед.) [Берлина, 2014] и жилища, изученные на территории Ботниковского комплекса (4 ед.) [Матвеева, 1984, 1993]. В Ботниковском комплексе жилища двухкамерные, прямоугольных очертаний, жилая камера по площади больше хозяйственной, из следов конструкции фиксировались ямки от столбов-стоек, расположенные как у стен котлована, так и в центре. Реконструировано жилище 1, расположенное на селище [Матвеева, 1984]. Оно имеет прямоугольные очертания и ямки вдоль стен, свидетельствующие о каркасно-столбовой технике возведения стен. По отмеченным по центральной линии постройки ямкам кровля реконструируется как двухскатная, выход-коридор расположен по оси жилища, однако хозяйственная камера и выход из нее смещены в юго-западную сторону и стена хозяйственной камеры находится на одной линии с юго-западной стороной жилого помещения (рис. 2, 1, 4).

Интересной особенностью жилищ этого комплекса является плотное примыкание их углов (ЮВ у жил. 3 и СЗ у жил. 2). Можно высказать предположение, что в этом месте существовал проем в стене и жилища сообщались между собой. Об этом свидетельствуют и следующие факты: у жилища 3 в СЗ углу не прослежена стенка котлована, создается впечатление, что здесь был переход в другое помещение (кам. 3?, другое жил?), а у жилища 2 в ЮВ стороне фиксировался переход еще в одну камеру, из которой вел отдельный выход (рис. 2, 1–3). Такое расположение жилищ и система переходов находит аналогии на гор. Чудаки, часть жилищ которого также соединялась переходами в углах помещений. Общее же расположение жилищ 1–3 на Ботниковском селище позволяет усмотреть их радиальную планировку.

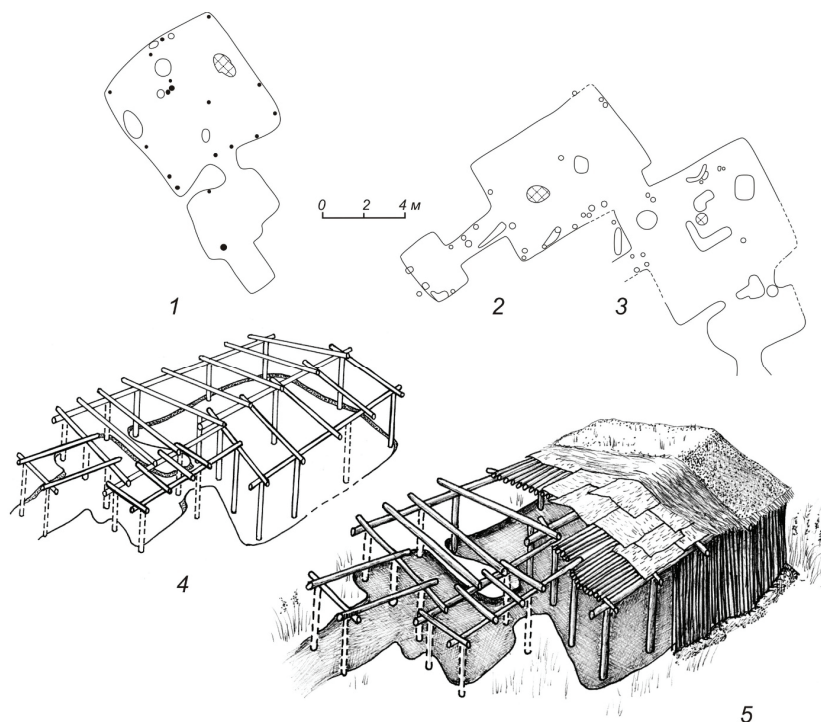

Рис. 2. Ботниковское-1 поселение План и реконструкция жилищ:

1–3 — план жилищ по материке; 4, 5 — реконструкция каркаса и внешнего вида жилища 1.

Fig. 2. Botnikovskoe-1 settlement. Plan and reconstruction of dwellings:

1–3 — plan dwelling on the mainland; 4, 5 — reconstruction of a frame and appearance of the dwelling 1.

К каркасно-столбовым отнесено и жилище на Нечунаевском поселении. Полагаем, часть ямок вне котлована осталась от конструкции стен и размеры постройки были чуть больше. Она имела двухскатную кровлю и смещенный к линии одной из стен выход, при этом вторая стена выхода была ориентирована вдоль осевой линии жилища, где проходила коньковая балка кровли (рис. 3, 2, 3).

Такой прием фиксируется и в других постройках населения раннего железного века — на городище Дикая яма, на Воробьевском городище. Схожее строение отмечено у жилищ на городище Мало-Казакбаевское, поселении Хрипуновское-1: они имели котлованы аморфной формы, которые сформировались, видимо, в результате более активной хозяйственной деятельности в центре помещения, следы ямок от стоек позволяют отнести данные постройки к каркасно-столбовым, однако форма их восстанавливается с трудом из-за процессов археологизации и, возможно, особенностей крепления конструкций (не все стойки могли достаточно сильно углубляться в грунт и не отпечатывались в материке).

Таким образом, каркасно-столбовые постройки зафиксированы как на укрепленных, так и на неукрепленных поселениях. В основном представлены однокамерными жилищами. Двухкамерные постройки имеют разные размеры и соотношение хозяйственной и жилой камер, отмечены факты объединения нескольких построек в общую систему. Для построек на городищах характерна правильность и четкость линий. Жилища на неукрепленных поселениях имеют не такие четкие формы, следы конструкции и планировку, как постройки на городищах. Полагаем,

Жилища гороховской культуры Зауралья

это следствие возведения менее капитальных сооружений; часть их, вероятно, использовалась сезонно, что отразилось на их строении.

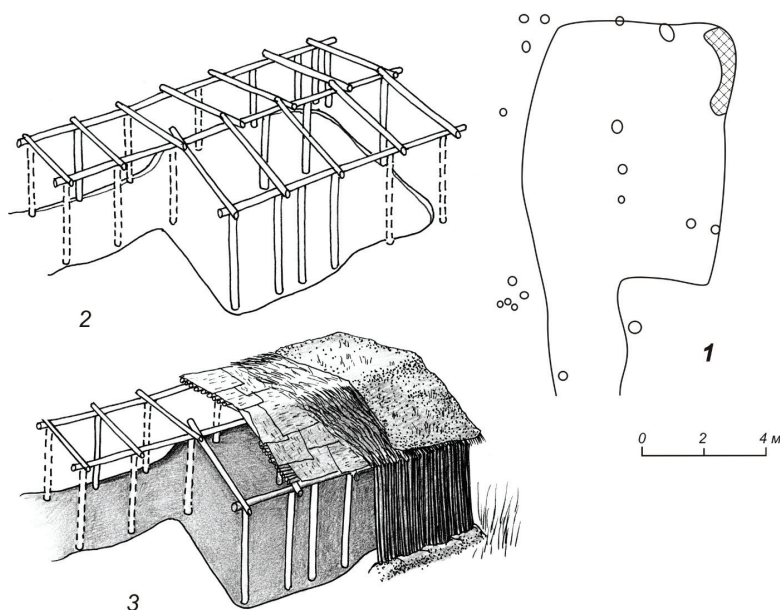

Рис. 3. Нечунаевское поселение:

1 — план жилища по матерiku; 2 — реконструкция каркаса; 3 — реконструкция внешнего вида жилища.

Fig 3. Necunaev settlement:

1 — plan dwelling on the mainland; 2 — for the reconstruction of frame; 3 — reconstruction of the external appearance of the dwelling.

Использовалась гороховским населением и срубная техника возведения жилищ. Так, при исследованиях на Воробьевском городище зафиксированы насыщенные углем полосы вдоль стенок котлована жилищ раскопов 4 и 7 при практически полном отсутствии столбовых ямок. Аналогичный характер стен реконструируется и для жилища раскопа 8. Однако оно имеет некоторые особенности, а именно — стены, возведенные в срубной технике, с внешней и внутренней сторон местами поддерживались и укреплялись столбами-стойками (в том числе по линии коньковой балки). Жилище имело значительные размеры — 8,0×9,0 м и делилось перегородками на три помещения, в одном из которых был обустроен отдельный выход (рис. 4, 1, 2). Интересно и устройство проема основного выхода: одна его сторона была оформлена в срубной технике, а другая представлена вертикальной стойкой, в которой закреплены бревна стены и коридора. Возможно, на столбе-стойке крепилась и дверь (?). Кровля постройки двухскатная, при этом коньковая балка была смещена в западную сторону и проходила по одной линии со стеной выхода (рис. 4, 1, 2).

Жилища на Катайском селище, изученные в 1961 г. В.Е. Стояновым, фиксировались в виде котлованов подпрямоугольной формы с выходом в центре (жил. 1, 2) и на углу (?) (жил. 3). Отсутствие следов конструкции, скругленные стенки котлована позволяют предположить, что стены располагались выше и за пределами котлована и были сложены также в срубной технике (рис. 4, 3, 4).

Практиковали гороховские зодчие также технику возведения стен в заплот; пока известно только пять построек с подобными стенами — на городище Чудаки. В данной технике были возведены помещения двухкамерных жилищ: жил. 4, жил. 6 (кам. 1), жил. 10 (кам. 1), возможно, жил. 11 (кам. 1). Из следов конструкции фиксируются ямки от вертикальных стоек, их соединяют канавки от горизонтальных бревен, концы которых крепились в пазы стоек (рис. 5, 1, 2). Рассмотрим подробнее конструкцию жилищ 4 и 6.

По краям котлована жилища 4 фиксировались ямки от стоек и соединяющие их канавки, заполненные вкраплениями угля, что свидетельствует об употреблении техники заплота. Очертания стен постройки подквадратные, однако в СЗ углу фиксируются закругление, скос общих очертаний, большее количество ямок — видимо, стена в этом месте ремонтировалась. В ЮЗ углу камеры 1 был устроен коридор, ведущий в камеру 1 жилища 6, — судя по канавке и столбовым ямкам, оформлявшим крытый переход (рис. 5, 2). У этого жилища также реконструируется

двухскатная кровля, коньковая балка была расположена ближе к входу. В этой же технике была построена и вторая, хозяйственная камера. Интересно, что ее ЮЗ угол был сложен предположительно в срубной технике: в этом месте прослеживаются только взаимопересекающиеся канавки, нет столбовой ямки (подобный технический прием зафиксирован и в саргатском домостроительстве). Кровля этой постройки была двухскатная, коньковая балка располагалась ближе к выходу (рис. 5, 3).

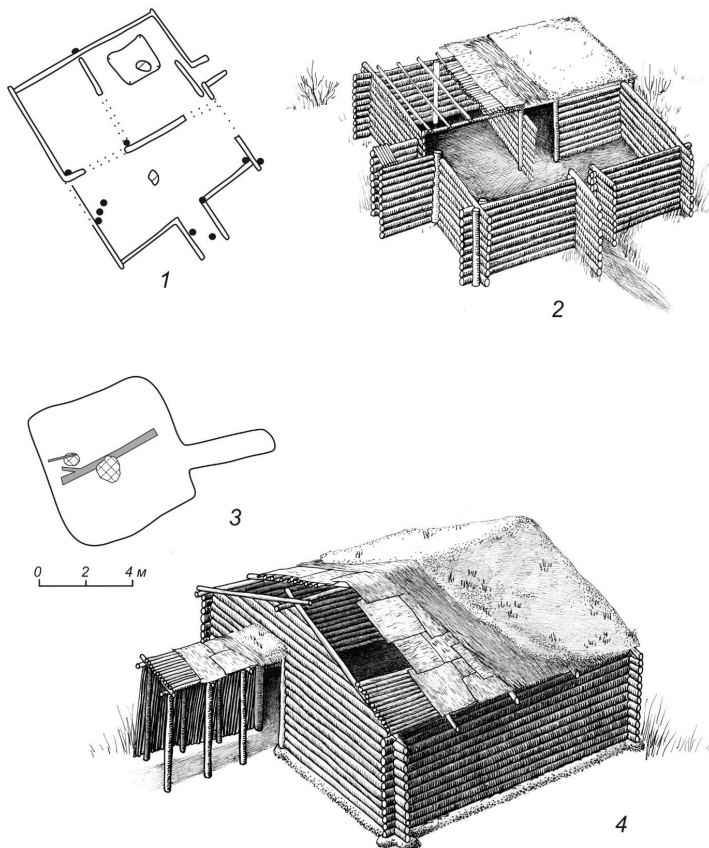

Рис. 4. Воробьевское городище (1, 2) и Катайское селище (3, 4):

1 — план по матерiku жилища раск. 8; 2 — реконструкция внешнего жилища раск. 8; 3 — план жилища по матерiku; 4 — реконструкция внешнего вида.

Fig 4. Vorobyovo hillfort (1, 2) and Katayskoe settlement (3, 4):

1 — plan on the mainland dwelling excav. 8; 2 — reconstruction of the external dwelling excav. 8; 3 — plan dwelling on the mainland; 4 — reconstruction of appearance.

У камеры 1 жилища 6 стены также были возведены в технике заплота, при этом СЗ и ЮЗ углы постройки были немного скошены, как и у постройки 4. Кровля этого жилища четырехскатная, опиралась на четыре стойки в его центре (вокруг очага) и на боковые стены. В технике заплота был устроен и коридор, ведущий в камеру 2. В СЗ углу фиксируется материковый выступ, на котором предположительно были устроены нары (рис. 5, 1, 4). О ремонте помещения свидетельствует линия ямок от столбов и соединяющих их канавок вдоль восточной стороны.

В такой же технике были построены и камера 1 жилища 10 и, возможно, жилище 11: по наблюдениям автора раскопок Г.В. Бельтиковой, вдоль стен фиксировались более темные углистые полосы от деревянных конструкций, под некоторыми обнаружены канавки, найдены и куски обмазки (!) [1976, 1977].

При строительстве жилой камеры со стенами в заплот на городище Чудаки хозяйственная камера в двухкамерных жилищах всегда сооружалась в каркасно-столбовой технике (исключение — жил. 4), однако она была либо не углублена в грунт, либо углублена меньше, чем основная, соединялась с ней коридором, расположенным по осевой линии жилища. При этом коридор как бы «вклинивался», глубоко вдавался в хозяйственную камеру. В нескольких случаях

Жилища гороховской культуры Зауралья

отмечены канавки у конца коридора, которые исследователи связывают с конструкцией дверей (раздвижные двери — по К.В. Сальникову, Л.Н. Коряковой). Возможно, хронологически вторая камера строилась позднее и вписывалась в уже существующую планировку поселения — этим можно объяснить ее трапециевидную форму.

Наличие больших по площади построек, со стенами, возведенными в технике заплота — довольно трудоемкой по сравнению с другими приемами и требующей больше ресурсов (больше качественной древесины одинакового диаметра и длины), свидетельствует о их принадлежности, скорее всего, элитной прослойке населения. Большое их количество, в том числе на памятниках саргатской культуры, фиксируется в поздних горизонтах поселений и отражает, видимо, расцвет материальной культуры населения и одновременно социальное расслоение общества (городища Чудаки, Павлиново, Колово, Дикая яма).

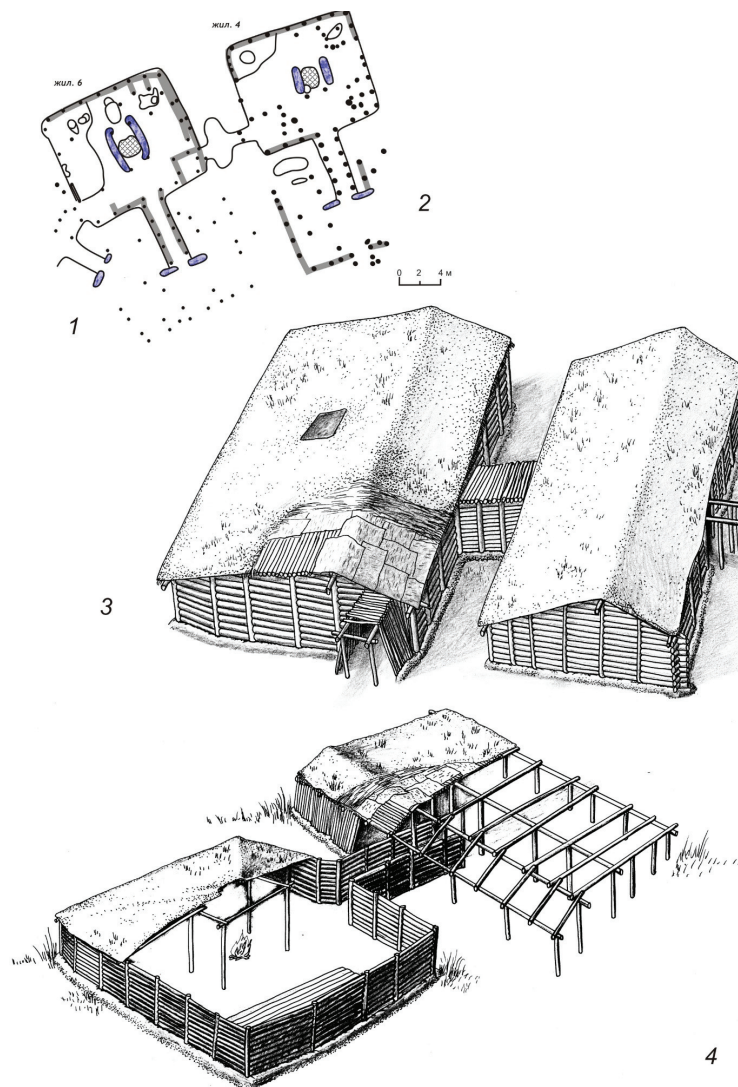

Рис. 5. Городище Чудаки:

1 — план по материку жилища 6; 2 — план по материку жилища 4; 3 — реконструкция внешнего вида жилища 4;
4 — реконструкция внешнего вида жилища 6.

Fig 5. Hillfort Chudaki:

1 — plan for the mainland dwelling 6; 2 — plan for the mainland dwelling 4; 3 — reconstruction of the appearance
of the dwelling 4; 4 — reconstruction of the appearance of the dwelling 6.

В поздний период существования Павлиново городища функционировали большие постройки со стенами в заплот, в которых сочетались черты как саргатского, так и гороховского домостроительства.

Заключение

Таким образом, в гороховском домостроительстве мы фиксируем следующие устойчивые черты. Сооружались жилища квадратных или подпрямоугольных (трапециевидных) очертаний, преобладала каркасно-столбовая техника, хотя практиковалось и возведение стен в заплот и в сруб. Жилища менее углублены в материк, чем, например, саргатские. При строительстве во многих случаях срезался только верхний слой почвы, иногда жилища не углублялись в материк. Фиксируется четырех- и двухскатная кровля, причем в последнем варианте ее конек зачастую был смещен либо ближе к входу, либо к противоположной от входа стене, встречается и расположение коньковой балки на одной линии с со стеной входа. Одной из характерных черт является взаиморасположение камер — они сооружались по одной оси, соединялись длинным коридором. На городище Чудаки отмечен факт соединения нескольких построек в один комплекс путем устройства дополнительных переходов в углу жилой камеры; такой же прием предположительно использован и на поселении Ботниковское-1. Из элементов планировки жилищ обращает на себя внимание расположение одной из стен части хозяйственных камер на одной линии с основной — таким образом между камерами образовывалось прямоугольное помещение, закрытое с трех сторон, вероятно, типа навеса.

Отличительной чертой гороховского домостроительства исследователи считают наличие канавок в концах коридора-выхода, отмечается она и в саргатских жилищах. Если в гороховской культуре жилищ в заплот немного, то у носителей саргатской культуры их большое количество.

В целом же выделяются группы гороховских построек не только по принципу строения стен (в заплот, каркасно-столбовые, срубные), но и по качеству исполнения. Можно предварительно говорить о существовании трех групп сооружений: элитарных, больших построек прямоугольных форм, со стенами, часто сложенными в технике заплота; средних по размерам построек прямоугольных форм, с пристроями, хозяйственными камерами; и построек с неровными очертаниями, легких, каркасных. Еще раз отметим, что основной комплекс изученных жилищ происходит с укрепленных поселений, жилища с селищ имеют другие характеристики — они меньше по площади, с котлованами неправильных форм. В дальнейшем, при накоплении новой информации, наши представления о домостроительных традициях могут корректироваться.

Из особенностей строения и технических приемов, встреченных при изучении материала, следует отметить прием смещения выхода в сторону и совмещение одной из стенок дверного проема с коньковой балкой (жил. Нечунаевского пос., раск. 8 Воробьевского поселения, жил. 1 Ботниковского-1 пос.). Кроме того, зафиксирован случай дополнительного укрепления сруба жилища вертикальными стойками (жил. раск. 8 Воробьевского гор.). Выявлены и факты совмещения в одной постройке двух техник соединения стен — срубной и в заплот: так, один из проемов выхода жилища раскопа 8 Воробьевского городища был оформлен в технике заплота, а второй — в срубной, на городище Чудаки зафиксирован срубный характер соединения одного из углов жилища при технике возведения стен в заплот для помещения в целом (у жил. 4).

Пока остается открытым вопрос о существовании традиции обмазки каркасных элементов глиной или глиной с примесью травы — Г.В. Бельтиковой при раскопках жилищ 10 и 11 городища Чудаки отмечено наличие нескольких фрагментов обмазки. Однако неясно, что это — результат целенаправленной деятельности или же спекшийся при пожаре (?) грунт, насыпанный к стене в качестве утеплителя. Если на поселении не случался пожар, то обмазка могла высыпаться из пазов между бревнами и разложиться, не оставив следов, хотя и при пожаре фиксируется большое количество глиняного крошева, а фрагменты обмазки — частично (такие наблюдения были сделаны при раскопках оборонительных линий на городище Ласточкино Гнездо в 2013 г.).

Из способов обработки дерева у носителей гороховской культуры исследователями отмечено стесывание бревен на конус для закрепления в столб-стойку [Корякова и др., 2009]. Эти сведения подтверждаются и данными из могильников: так, К.В. Сальников при раскопках Царева кургана отметил, что концы бревен были округло затесаны, а в плахах имелись поперечные пазы [1947].

В целом, с одной стороны, выявленные типы построек — элитарные и рядовые позволяют говорить о социальном расслоении общества, с другой — выделяются стационарные жилища и временные, сезонные, использовавшиеся, вероятно, при выпасе скота.

Исследователи считают, что традиции гороховского домостроительства оказали большое влияние на саргатское зодчество: это ярко проявилось в возведении больших многокамерных построек, соединенных длинными коридорами. Вывод вполне закономерный ввиду совместного проживания племен на одной территории и схожей материальной культуры. Так, «гороховскими» чертами в данных постройках считаются соединение жилой и хозяйственной камер по од-

ной оси коридором, глубоко вдающимся в хозяйственную камеру, наличие глубоких овальных ям (от конструкции дверей) на концах коридора. Подобные жилища с саргатской керамикой фиксируются на Павлиновском городище и селище, на городищах Коловском и Дикая яма. К «саргатским» чертам исследователи относят наличие пристроев-ниш, соединение камер Г-образным коридором, большую вариабельность в соединении камер [Корякова и др., 2009].

В связи с вышесказанным необходимо обратить внимание на такой момент. При отсутствии датировок большинства изученных комплексов гороховской культуры трудно в полной мере оценить вклад гороховского населения в формирование домостроительных традиций населения раннего железного века. Как уже указывалось выше, доминирует точка зрения, что гороховское население оказало большое влияние на саргатское домостроительство. Однако эта идея получила распространение скорее ввиду того, что гороховские комплексы (а именно яркие материалы гор. Чудаки) были исследованы раньше, чем саргатские, и все впоследствии изученные материалы сравнивались с гороховскими. Вместе с тем с городища Чудаки нет радиоуглеродных дат, которые более точно определяли бы время его существования. Поэтому следует задаться вопросом — какое население привнесло традицию возведения многокамерных жилищ в технике заплота в раннем железном веке? Возможно, наоборот, саргатское население оказало влияние на гороховские традиции зодчества, что выразилось в появлении у носителей последних жилищ в технике заплота с длинными коридорами, тем более что подобные постройки встречаются в ранних слоях эпохи железа Коловского городища. Дальнейшее изучение и датирование гороховских комплексов позволит решить этот дискуссионный вопрос.

Финансирование. Работа выполнена по госзаданию — проект № АААА-А17-117050400147-2.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Берлина С.В. Городище гороховской культуры Марьино ущелье IV // Вопросы истории Сибири. Омск: Изд-во ОмГПУ, 2014. Вып. 9. С. 96–101.

Булдашев В.А. Погребальная обрядность гороховской культуры: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 1998.

Козеко О.Е., Кузнецова А.Е. Мало-Казакбаевское городище гороховской культуры // Поселения: Среда, культура, социум: Материалы тематич. науч. конф. СПб., 1998. С. 117–119.

Корякова Л.Н., Дэйер М.И., Ковригин А.А., Шаралова С.В., Берсенеева Н.А., Пантелеева С.Е., Ражев Д.И., Курто П., Хэнкс Б., Ефимова Е.Г., Каздым А.А., Микрюкова О.В. Среда, культура и общество лесостепного Зауралья во второй половине I тыс. до н.э. (по материалам Павлиновского археологического комплекса). Екатеринбург; Сургут: Магеллан, 2009. 298 с.

Костомарова Ю.В., Костомаров В.М., Зевайкина И.С. Результаты исследования селища Хрипуновское 1 — нового памятника эпохи поздней бронзы и раннего железного века на территории лесостепного Притоболья // Ab Origine: Археол.-этногр. сборник ТюмГУ. Вып. 3. 2011. С. 4–32.

Матвеева Н.П. Начальный этап раннего железного века в Тоболо-Ишимской лесостепи // Западносибирская лесостепь на рубеже бронзового и железного веков. Тюмень: ТюмГУ, 1989. С. 77–103.

Матвеева Н.П. Социально-экономические структуры населения Западной Сибири в раннем железном веке (лесостепная и подтаежная зоны). Новосибирск: Наука, 2000. 399 с.

Могильников В.А. Лесостепь Зауралья и Западной Сибири // Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время. М., Наука, 1992. Т. 10. С. 274–291.

Сальников К.В. Три года работы на городище Чудаки // КСИИМК. 1940. Вып. V.

Сальников К.В. Городище «Чудаки» Челябинской области по раскопкам 1937 г. // СА. 1947. IX. С. 221–238.

Сальников К.В. Археологические исследования в Курганской и Челябинской областях // КСИИМК. 1951. Вып. XXXVII. С. 88–96.

Источники

Бельтикова Г.В. Отчет о раскопках на Гороховском городище (Чудаки) в 1975 г. Свердловск, 1976 // Архив ИА РАН. Р-1. № 6325.

Бельтикова Г.В. Отчет о раскопках гороховского городища летом 1976 г. Свердловск, 1977 // Архив ИА РАН. Р-1. № 6259.

Матвеева Н.П. Отчет о работах первого отряда лесостепной археологической экспедиции Тюменского университета в 1984 г. Ч. 1. Тюмень, 1985 // Архив ТюмНЦ. № 3/8.

Матвеева Н.П. Отчет о полевых исследованиях Исетского отряда Западносибирской археологической экспедиции ИПОС СО РАН в 1993 г. Тюмень, 1994 // Архив ТюмНЦ СО РАН. № 3/16.

Стоянов В.Е. Отчет об археологических исследованиях Курганского отряда в 1963 г. Свердловск, 1964 // Архив УАЭ. Ф II. № 44.

Стоянов В.Е. Отчет об археологических исследованиях в Катайском, Шадринском и Белозерском районах Курганской области в 1961 г. Свердловск, 1961 // Архив УАЭ. Ф II. № 24.

Стоянов В.Е. Отчет об археологических раскопках Воробьевского городища. Свердловск, 1962 // Архив УАЭ. Ф II. № 43.

DWELLINGS OF THE GOROKHOVO CULTURE IN THE TRANS-URALS

This article generalizes data on the previously studied dwellings of the Gorokhovo culture of the Early Iron Age 7th and 2nd centuries BC (Chelyabinsk, Kurgan, Tyumen regions), as well as gives their description and characteristics. Following the analysis of the remnants and the features of wall construction, the author distinguishes three types of buildings: walls erected using a post-frame, «zaplot» (blind pole-and-board construction) and log stacking techniques. A number of buildings from fortified and unfortified settlements were graphically reconstructed. Post-frame dwellings constituted buildings of a rectangular shape with walls made of vertical poles connected by beams at the top. The space between the frame elements was insulated with vertical poles, half-logs, grass and soil. Dwellings with walls erected using a «zaplot» technique repeated the construction of post-frame houses; however, the space between the frame elements was insulated with horizontal logs fixed between the frame posts. The log houses had a rectangular shape; the walls and roof could have been supported by vertical posts. The roof of the houses did not depend on the wall construction and was represented by gables and hipped roofs. Three groups of buildings were identified: large elite buildings of a rectangular shape with their walls frequently being made using a «zaplot» technique; medium-sized buildings of a rectangular shape having extensions and utility rooms; as well as light-frame houses with uneven outlines. The presence of elite and ordinary buildings, stationary dwellings and temporary ones, which were probably used during cattle grazing, suggests a social stratification of the society. Due to the absence of radiocarbon dates for the majority of settlement complexes, a question was raised about the degree to which the Gorokhovo tradition of house-building affected the Sargat architecture. A hypothesis has been put forward that the influence of the Sargat population on the Gorokhovo traditions consisted in the appearance of «zaplot» dwellings with long corridors. Such structures were common for the Sargat population in both fortified and unfortified settlements during the existence of this cultural formation. Further study and age determination of the Gorokhovo complexes will allow this issue to be resolved.

Key words: Trans-Urals, Early Iron Age, Gorokhovo culture, dwellings.

DOI: 10.20874/2071-0437-2019-46-3-062-074

Funding. The article has been written within the State Project No. AAAA-A17-117050400147-2.

REFERENCES

- Berlina S.V. (2014). Hillfort of Gorokhovo culture Maryino Ushchel'e IV. *Voprosy istorii Sibiri*, (9), 96–101. (Rus.).
- Koriakova L.N., Deier M.I., Kovrigin A.A., Sharapova S.V., Berseneva N.A., Panteleeva S.E., Razhev D.I., Kurto P., Khenks B., Efimova E.G., Kazdym A.A., Mikriukova O.V., Sakharova A.O. (2009). *Environment, culture and society of the forest-steppe Trans-Urals in the second half of I thousand BC (on materials of Pavlinovo archaeological complex)*. Ekaterinburg; Surgut: Magellan. (Rus.).
- Kostomarov Yu.V., Kostomarov V.M., Zevaykina I.S. (2011). The results of the study of the village Khripunovskoe 1 — a new site of the Late Bronze Age and the Early Iron Age on the territory of the forest-steppe Tobol region. *AB ORIGINE: Arkheologo-etnograficheskii sbornik Tyumenskogo gosudarstvennogo universiteta*, (3), 4–32. (Rus.).
- Kozeko O.E., Kuznetsova A.E. (1998). Hillfort Malo-Kazakbaevskoe of Gorokhovo culture. In: *Poseleniia: sreda, kul'tura, sotsium: Materialy tematicheskoi nauchnoi konferentsii* (pp. 117–119). St. Petersburg. (Rus.).
- Matveeva N.P. (1989). The initial stage of the Early Iron Age in the Tobolo-Ishim forest-steppe. In: *Zapadnosibirskaiia lesostep' na rubezhe bronzovogo i zheleznogo vekov* (pp. 77–103). Tiumen': TiunGU. (Rus.).
- Matveeva N.P. (2000). *Socio-economic structures of the population of Western Siberia in the Early Iron Age (forest-steppe and subtaiga zones)*. Novosibirsk: Nauka. (Rus.).
- Mogil'nikov V.A. (1992). Forest-steppe of Trans-Urals and Western Siberia. In: *Stepnaia polosa Aziatskoi chasti SSSR v skifo-sarmatskoe vremia* (pp. 283–291). Moscow: Nauka. (Rus.).
- Sal'nikov K.V. (1940). Three years of work on the hillfort Chudaki. *Kratkie soobshcheniia Instituta istorii material'noi kul'tury*, (5). (Rus.).
- Sal'nikov K.V. (1947). Hillfort Chudaki in Chelyabinsk region on the excavations in 1937. *Sovetskaia arkhologiia*, (9), 221–238. (Rus.).
- Sal'nikov K.V. (1951). Archaeological research in the Kurgan and Chelyabinsk regions. *Kratkie soobshcheniia Instituta istorii material'noi kul'tury*, (37), 88–96. (Rus.).

This work is licensed under a [Creative Commons Attribution 4.0 License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/).

Submitted: 20.05.2019

Accepted: 10.06.2019

Article is published: 26.09.2019

А.Ю. Рассадников

Институт истории и археологии УрО РАН
ул. Ковалевской, 16, Екатеринбург, 620990
E-mail: ralu87@mail.ru

АРХЕОЗООЛОГИЧЕСКИЕ МАТЕРИАЛЫ (XIX ВЕК) ИЗ РАСКОПОК ЕКАТЕРИНБУРГА

Статья посвящена анализу и обсуждению результатов обработки костного материала из трех раскопов жилого участка XIX в. г. Екатеринбурга. Приводятся основные параметры костной коллекции и ряд характеристик забитого на мясо скота. Особое внимание уделено анализу различных видов модификационных изменений костей. Подробно рассматриваются патологические изменения на костях домашних животных, служащие важным источником данных об уровне животноводческих навыков населения, условиях содержания скота и о состоянии здоровья животных. Наиболее значимыми видами сельскохозяйственных животных в мясном питании жителей являлись крупный и мелкий рогатый скот. Результаты анализа патологий на костях не свидетельствуют о неудовлетворительных условиях содержания домашнего скота.

Ключевые слова: Екатеринбург, XIX век, археозоология, палеопатология, депрессии суставной поверхности, липпинг, *Laesio circumscripta tali*.

DOI: 10.20874/2071-0437-2019-46-3-075-085

Введение

В 2017 г. группой охранных археологических исследований Института истории и археологии Уральского отделения Российской академии наук (ИИиА УрО РАН) г. Екатеринбурга были проведены спасательные раскопки в г. Екатеринбурге по адресу ул. Куйбышева, 41. В XIX в. изучаемый участок был занят усадьбами. В ходе разборки культурного слоя было обнаружено относительно большое количество фрагментов керамики, обуви, домашней утвари, кованых гвоздей, остатков деревянных перекрытий и костей домашних животных.

В изучении костей животных из слоев Екатеринбурга и других городов прежде всего севера Урала и Западной Сибири существует определенный задел. Основное внимание в предыдущих работах уделено анализу и обсуждению видового состава, возраста забоя и соотношению элементов скелета домашнего скота, а также реконструкции состава стада [Бачура и др., 2011; Бачура, Лобанова, 2017; Визгалов, Лобанова, 2017].

Целью статьи являются введение в научный оборот археозоологических материалов и интерпретация некоторых аспектов повседневной жизни Екатеринбурга XIX в. с акцентом на анализе патологий костной системы скота и модификационных изменений костей. Другая цель работы — создание цифрового ресурса, обеспечивающего доступ к первичным данным, сведениям о размерах костей скота и фотографиям всех выявленных патологических изменений на костях домашних животных, а также к информации о различных модификационных изменениях костного материала. Приводим ссылки на депозитарий, где можно ознакомиться со всеми перечисленными видами данных: первичные данные, размеры костей и список патологий — <http://dx.doi.org/10.17632/hpwyd436z5.1>; таблицы и изображения — <http://dx.doi.org/10.17632/nr5znsdjg6.1>. Такой формат позволяет получить относительно полное представление о коллекции в условиях строго ограниченного объема работы.

Материал и методика

Кости животных происходят из трех раскопов общей площадью 200 м². Культурный слой представлен супесчано-суглинистыми отложениями с прослойками торфа и навоза. Коллекция насчитывает 1499 костей. Собирались все кости способом ручной переборки культурного слоя, просев не производился. На костях зафиксировано относительно большое количество следов рубки, что позволяет отнести материал к категории отходов кухонной разделки, произведенных жителями изучаемого участка города в XIX в. Точное хронологическое разделение материалов затруднено по причине сильной перемешанности слоев. Среди костного материала зафиксированы две концентрации костей. Одна приурочена к колодцу раскопа 2, другая является частью скопления

черепов крупного рогатого скота в раскопе 3. При обработке коллекции обнаружено небольшое количество костей птиц и рыб, в статье они не анализируются.

Возраст забоя свиньи, крупного и мелкого рогатого скота определялся по смене зубов верхней и нижней челюстей и по состоянию эпифизов [Silver, 1969]. Видовое разделение костей мелкого рогатого скота на овцу и козу проводилось по нескольким методикам [Zeder, Pilaar, 2010; Zeder, Lapham, 2010]. Измерение костей посткраниального скелета крупного и мелкого рогатого скота выполнялось по методике А. Driesch [1976]. Нижние концы метаподий крупного рогатого скота измерялись по трем методикам [Driesch, 1976; Telldahl et al., 2012; Lin et al., 2016]. Это позволило получить максимальное количество параметров нижнего блока метаподий, для того чтобы можно было применить методику по выявлению рабочего использования скота. Ввиду ограниченного объема статьи эти параметры не обсуждаются, но они могут быть востребованы другими специалистами. Половая принадлежность метаподий и других костей крупного рогатого скота определялась визуально по причине сильно выраженного полового диморфизма костей коров и быков (рис. 1–2, депозитарий). Реконструкция роста в холке крупного рогатого скота производилась с помощью коэффициентов для таранной кости [Цалкин, 1970]. Фиксация, описание и интерпретация патологических изменений осуществлялись на основании палеопатологической литературы. Различной патологии присваивалась стадия от 1 до 4, где стадия 1 соответствует нормальному состоянию, стадия 2 — началу патологического изменения, стадии 3–4 — сильно выраженной патологии и экстремальному изменению соответственно [Bartosiewicz et al., 1997, р. 20]. Такая система использовалась для оценки экзостоз, деформации и расширения суставной поверхности (далее — липпинг). Патологический индекс не применялся из-за небольшого объема коллекции. Депрессии суставной поверхности (ямки) классифицировались согласно работам R. Thomas и N. Johannsen [2011] и Y. Telldahl [2012]. Все выявленные депрессии разделялись на три основных типа — 1, 2 и 4 (тип 3, выделяемый для третьих фаланг, не выявлен). Характер раздробленности костного материала фиксировался по методике, используемой археозоологами из Института экологии растений и животных УрО РАН г. Екатеринбурга [Ерохин, Бачура, 2011]. Степень естественной сохранности костного материала оценивалась по шкале K. Behrensmeyer [1978]. В разделе соотношения отделов скелета использовались следующие значения. В отдел головы входят кости черепа, нижней челюсти и изолированные зубы; туловища — позвонки и ребра. Отдел проксимальных частей конечностей составляют лопатка, таз, плечевая, лучевая, бедренная и берцовая кости. Отдел дистальных частей конечностей включает кости карпального и тарзального суставов, метаподии, фаланги и сесамовидные кости.

Результаты

Особенности тафономии и степень естественной сохранности

Одной из особенностей культурного слоя раскопов 1–3 стало то, что кости из нижнего заполнения и предматериковых горизонтов находились в слое, состоящем из влажного суглинка, глины и навоза с торфом. Это обеспечило условия для отличной степени естественной сохранности материала. Подавляющая часть находок ничем не отличается от свежих костей (рис. 3, депозитарий). Исключение составляют лишь верхние концы метаподий и ряд других костей крупного рогатого скота, у которых сбита суставная поверхность и оголено губчатое вещество (рис. 4–8, депозитарий).

Остеологический спектр

Основу коллекции составляют кости домашних животных (табл. 1). Костей диких видов не зафиксировано. Среди костей домашних видов преобладают остатки домашнего скота. Основа комплекса определимых костей — остатки крупного рогатого скота. Практически вдвое меньше костей мелкого рогатого скота. Из определимых до видового уровня костей мелкого рогатого скота преобладают остатки овец. Костей лошади не обнаружено (табл. 1). Из единичных костей других видов домашних животных обнаружены остатки свиньи, собаки и кошки. Комплекс неопределимых до видового уровня костей состоит преимущественно из фрагментов категории крупное копытное. Среди немногочисленных костей свиньи обнаружены фрагменты останков новорожденных особей.

Возраст забоя домашнего скота

Среди фрагментов нижних и верхних челюстей крупного рогатого скота более 80 % экземпляров происходят от особей старше 2–2,5 года (табл. 2, депозитарий). Единичные фрагменты принадлежат телятам в возрасте до полугода. Соотношение возрастных групп мелкого рогатого

Археозоологические материалы (XIX век) из раскопок Екатеринбурга

скота иное. Среди забитых овец и коз незначительно преобладает группа животных в возрасте 2–2,5 года (табл. 2, депозитарий).

Таблица 1

Таксономический состав и основные количественные показатели остеологической коллекции из раскопов 1–3

Table 1

Taxonomic composition and main quantitative indicators of the osteological collection
from excavations 1–3

Виды животных и неопределимых костей	NISP		NISP %	
Крупный рогатый скот/ <i>Bos taurus</i>	1000		66,7	
Мелкий рогатый скот/ <i>Ovicapridae</i>	328	417	21,8	27,8
Овца/ <i>Ovis aries</i>	85		5,6	
Коза/ <i>Capra hircus</i>	4		0,2	
Свинья/ <i>Sus scrofa</i>	10		0,6	
Собака/ <i>Canis familiaris</i>	18		1,2	
Кошка/ <i>Felis catus</i>	3		0,2	
Птицы неопределимые/ <i>Aves indet.</i>	10		0,6	
Рыбы неопределимые/ <i>Piscis indet.</i>	1		0,06	
Крупное копытное/ <i>Mammalia indet.</i>	37		2,4	
Мелкое копытное/ <i>Mammalia indet.</i>	3		0,2	
NISP/NISP %	1499		100	

Таблица 2

Возраст забоя крупного и мелкого рогатого скота по зубной системе (раскопы 1–3) по I. Silver [1969]

Table 2

Age of slaughter of cattle and small cattle by the dental system (excavations 1–3) by I. Silver (1969)

Возраст, мес.	Крупный рогатый скот	Мелкий рогатый скот
Более 30	48	8
18–30	4	12
6–18	2	0
Менее 6	2	0
NISP	56	20

Данных по состоянию эпифизов немного. При определении возрастного интервала, в который чаще всего забивали скот, нас интересуют самые многочисленные серии костей с наиболее ранним и поздним прирастанием эпифизов. Для определения раннего порога забоя доступны серии первых фаланг и метаподий. Анализ показывает, что раньше 2–2,5 года крупный рогатый скот почти не забивали. Серии костей с наиболее поздним слиянием эпифизов показывают, что большинство особей скота забивали до наступления 4 лет. Небольшое количество животных забивалось после 5–6 лет (табл. 3, депозитарий). Анализ состояния эпифизов для мелкого рогатого скота показывает в целом похожую картину — забой большинства особей в промежутке между 1,5 и 3,5 года. Небольшое количество овец и коз забивалось после 4–5 лет (табл. 3, депозитарий).

Соотношение элементов и отделов скелета

Крупный рогатый скот. Присутствуют все элементы скелета (табл. 4, депозитарий). В коллекции отсутствуют только сесамовидные кости. Среди отделов скелета наиболее полным образом представлены кости туловища (табл. 5, депозитарий). Относительно многочисленными также являются кости головы и проксимальных частей конечностей. Костей дистальных частей конечностей меньше всего.

Мелкий рогатый скот. Скелет представлен практически всеми элементами (табл. 4, депозитарий). Отсутствуют лишь некоторые позвонки, мелкие кости тарзального и карпального суставов, а также вторые и третьи фаланги. Среди отделов скелета наиболее многочисленными являются кости туловища и проксимальных частей конечностей. Остальные отделы существенно уступают по количеству костей (табл. 5, депозитарий).

Модификационные изменения костного материала

Всего зафиксировано 265 костей с различными модификационными изменениями (17,6 % всех костей). Большая часть костей модифицирована человеком (табл. 3 и 6, депозитарий). По-

давяющее число модификаций представлено различными следами от рубящего предмета (табл. 6, депозитарий). Главной особенностью кухонной разделки является разруб даже костей тарзального сустава (центральные кости заплюсны и таранные), которые не имеют полостей для костного мозга, как, например, у трубчатых костей или первых фаланг. В коллекции присутствуют фаланги со срубленными участками для доступа к костному мозгу (рис. 9–17, депозитарий). Типичен и разруб тела позвонков (рис. 18, депозитарий). Также присутствуют семь следов пореза и две кости с отверстиями (в частности, локтевая крупного рогатого скота и лопатка овцы — рис. 19, депозитарий).

Таблица 3

Соотношение видов и типов модифицированных костей из раскопов 1–3

Table 3

The ratio of sorts and types of modified bones from the excavations 1–3

Модификации костей	Раскопы 1–3, ул. Куйбышева, 41	
	NISP	NISP, %%
Изделие/заготовки	4	1,5
Рубка	152	57,3
Порезы	7	2,6
Горелая	20	7,5
Погрыз собакой	78	29,4
Погрыз грызунами	2	0,7
Модификации неясного происхождения	2	0,7
Всего модифицированных костей	265	
Всего модифицированных человеком	183	69,9
Всего модифицированных животными	80	30,1

Свидетельства косторезного ремесла представлены обработанными первыми фалангами быков. Одна из фаланг имеет следы рубки и залощенный диафиз с дорзальной стороны (рис. 20, депозитарий). Другой экземпляр является игровой костью (бабка) и представлен расколотой фалангой, с залитым через проксимальную суставную поверхность свинцом. На дорзальной поверхности диафиза нанесено несколько черточек (рис. 21–26, депозитарий). Особый интерес вызывает нижняя челюсть собаки со следами воздействия режущим орудием. На левой части с внешней стороны присутствуют двойной порез в области последнего премоляра и срезанный участок вокруг нижнего клыка и первого премоляра. На другой челюсти есть срез на дистальном участке коренной части тела (рис. 27–28, депозитарий). Единичность модификации не позволяет однозначно отнести эту челюсть ни к результатам ритуальных действий, ни к отходам косторезного ремесла.

Вторым по количеству видом модификации является погрыз собакой (табл. 6, депозитарий; рис. 9, 29, депозитарий). Из костей, которые модифицированы животными, также следует упомянуть несколько экземпляров со следами погрыза крысами (рис. 30, депозитарий).

В коллекции есть группа модифицированных костей со сбитой суставной поверхностью. Прежде всего это касается серии пястных и плюсневых костей крупного рогатого скота, у которых как будто содрана проксимальная суставная поверхность (рис. 4–8, депозитарий). Кроме того, зафиксированы несколько таранных костей и одна плечевая кость с такими же участками на поверхности (рис. 31, депозитарий). В большинстве случаев суставная поверхность отсутствует полностью или частично. Оставшиеся участки суставной поверхности крошатся, а область в районе сустава имеет следы выветривания. Небольшие участки сохранившейся суставной поверхности несут следы воздействия высокой температурой (рис. 4, депозитарий). Именно благодаря этому удалось определить источник модификации. Сравнение этих костей с фотографиями из других археозоологических работ позволяет предположить, что источником локального повреждения суставной поверхности является жарка частей туши на открытом огне или временное нахождение в золе или углях [Albarella, Serjeantson, 2002, с. 42; Parker-Pearson et al., 2011, с. 87]. Отличная степень сохранности остальной части кости объясняется тем, что она была покрыта мясом и кожей, в то время как сустав был оголен из-за рубки и подвергался воздействию огня.

Фотографии всех видов модификационных изменений доступны по ссылке <http://dx.doi.org/10.17632/nr5znsdjg6.1>.

Биометрический анализ костей крупного рогатого скота

Несмотря на значительную степень искусственной раздробленности для промеров доступно относительно много костей (прежде всего фаланги, таранные кости и нижние концы метаподий). В силу ограниченного объема статьи кратко рассмотрим только некоторые биометрические особенности крупного рогатого скота как вида копытного, который мог использоваться для физических работ и чье мясо было основой мясного питания.

На костях крупного рогатого скота хорошо выражен половой диморфизм (рис. 1–2, депозитарий). Метаподии и фаланги были разделены на быков и коров визуально. В коллекции присутствуют кости не только взрослых быков и коров, но и молодых крупных бычков. Кости быков преобладают. У метаподий доступны все измерения кроме общей длины и верхнего конца (Gl/Bp). Реконструкция роста в холке возможна только по таранным костям. Выделяются две основные размерные группы животных — коровы и быки. К коровам относятся особи с ростом в холке 102–105 см, к быкам — особи с показателями 120–126 см. Для анализа также доступна относительно многочисленная серия первых фаланг (26 экз.), которые подтверждают наличие среди забитого скота быков и в меньшей степени коров. В коллекции присутствует несколько очень массивных фаланг, происходящих от крупных взрослых быков (ширина диафиза 29–32 мм).

Выявление костей волов оказалось более сложным, чем половое разделение костей. В коллекции есть всего пять пястных костей с доступными шириной диафиза и нижним концом. Предположительно две пястные кости могут происходить от волов. Ширина диафиза этих костей чуть меньше, а ширина нижнего конца несколько больше, чем у остальных пястных костей с более широким диафизом, но меньшей шириной нижнего конца. В условиях отсутствия параметра общей длины именно ширину диафиза можно использовать для оценки строения костей. Как известно, метаподии волов отличаются большей грацильностью и нижним концом, который примерно такой же, как у быков, либо чуть шире [Telldahl et al., 2012, p. 127]. Сведения обо всех размерах костей крупного и мелкого рогатого скота доступны по ссылке <http://dx.doi.org/10.17632/hpwyd436z5.1>.

Патологии костей домашних животных

Всего зафиксировано 117 различных видов патологических изменений на 92 костях крупного рогатого скота (55 костей/77 изм.), овцы (23 кости/25 изм.), козы (2 кости/2 изм.), мелкого рогатого скота (9 костей/9 изм.) и собаки (3 кости/4 изм.).

В данном разделе отсутствует разделение рассматриваемых случаев на патологические и субпатологические изменения. Как известно, в группу патологических случаев попадают изменения, вызванные травмой и возрастом. Субпатологические изменения являются формой ремоделирования костей в ответ на чрезмерную нагрузку в виде экзостоз и липпинга суставной поверхности [Bartosiewicz, 2008, с. 162; Gaastra et al., 2018, с. 1464]. Собственная коллекция костей современного нерабочего крупного рогатого скота показывает, что субпатологические деформации полностью совпадают с возрастными и травматическими изменениями. В условиях отсутствия неоспоримых не остеологических свидетельств тяглового использования скота в Екатеринбурге XIX в. зафиксированный липпинг суставов конечностей разных стадий и экзостозы не могут рассматриваться как группа субпатологических изменений.

По причине относительно большого количества выявленных изменений и ограниченного объема статьи кратко опишем наиболее характерные патологические и субпатологические изменения. Список и изображения всех выявленных случаев доступны по ссылке: <http://dx.doi.org/10.17632/hpwyd436z5.1> и <http://dx.doi.org/10.17632/nr5znsdjg6.1>.

Крупный рогатый скот. Из 55 костей, на которых выявлены различные изменения, 49 — кости нижнего отдела конечностей (метаподии, тарзальный сустав и фаланги). Почти половина всех выявленных случаев принадлежит фалангам (23 экз./36 изм.).

Среди патологий зубочелюстной системы выявлены два суставных отростка с остеохондротическими изменениями, пористостью и экзостозами 2 стадии. На другом фрагменте зубного ряда наблюдается смещение первого премоляра (рис. 32–35, депозитарий). Среди патологий посткраниального скелета на проксимальном фрагменте бедренной кости взрослой особи обнаружены эбурнеация и околосуставные экзостозы 2 стадии (рис. 36–37, депозитарий). На одном неприросшем дистальном эпифизе берцовой кости быка зафиксированы дефекты суставной поверхности в виде небольшого участка с депрессиями неизвестного типа (рис. 38, депозитарий). На суставной поверхности лопатки отмечена комбинация типов депрессий (предположительно типы 2 и 4) вместе с липпингом 2 стадии (рис. 3, депозитарий). На пяточной кости взрослого быка зафиксированы проксимальная, латеральная и дистальная экзостозы 2 стадии

(рис. 39–42, депозитарий). На одной первой фаланге быка в дистальной области выявлена экзостоза в 3 стадии (рис. 43–44, депозитарий). На этой же фаланге присутствует незначительный липпинг проксимального сустава (рис. 45, депозитарий). На внутренней поверхности медиального гребня четырех таранных костей зафиксированы артропатии *Laesio circumscripta tali* [Zimmermann et al., 2018] в стадиях от 2 до 4 (рис. 46–50, депозитарий). На шести таранных костях обнаружены депрессии на дистальной и проксимальной суставной поверхности 2 типа (рис. 51–53, депозитарий). На одной карпальной кости зафиксировано несколько депрессий 4 типа (рис. 54, депозитарий). Относительно большое количество депрессий типов 1 и 2 также выявлено на первых, вторых и третьих фалангах быков (рис. 55–65, депозитарий). В некоторых случаях наблюдается комбинация разных типов депрессий на одной фаланге (рис. 66, депозитарий). Среди метаподий и фаланг быков выявлено несколько случаев липпинга суставных поверхностей. Прежде всего речь идет о липпинге 2 стадии латерального и медиального суставных блоков пястных и плюсневых костей (рис. 67–70, депозитарий). В единичных случаях зафиксирован липпинг 3 стадии метаподий и проксимального сустава первой фаланги (рис. 71–73, депозитарий). На ряде первых и третьих фаланг быков наблюдается проксимальный липпинг 3 стадии (рис. 74–75, депозитарий). Большая же часть зафиксированного проксимального липпинга фаланг относится к стадии 2 (рис. 76–79, депозитарий). Необходимо также упомянуть дистальный конец пясти молодого быка со значительной асимметрией блока (рис. 80–81, депозитарий).

Мелкий рогатый скот. Среди патологий зубочелюстной системы выявлены остеохондротические изменения суставного отростка в виде депрессий на одной нижней челюсти молодой особи (рис. 82, депозитарий). На нескольких лопатках зафиксированы дефекты неизвестного типа (рис. 83–84, депозитарий). На двух грудных, одном поясничном позвонках и фрагменте крестца зафиксированы незначительные искривления остистых и боковых отростков (рис. 85–87, депозитарий). Все позвонки кроме крестца происходят от особей в возрасте до 4–5 лет.

Овца. Среди изменений зубочелюстной системы выявлены выраженные экзостозы в месте крепления жевательной мышцы на одной нижней челюсти взрослой особи (рис. 88, депозитарий). Самым многочисленным элементом скелета, на котором обнаружены различные изменения, оказалась лопатка. На 3 из 15 костей зафиксировано искривление акромиального отростка (рис. 89–90, депозитарий). На остальных лопатках присутствуют депрессии неизвестных типов и липпинг суставной поверхности 2 стадии (рис. 91–102, депозитарий). В ряде случаев депрессии сложно отнести к какому-либо типу по R. Thomas, N. Johannsen [2011]. На проксимальном суставе двух лучевых костей (рис. 103–104, депозитарий) и дистальном суставе четырех плечевых костей зафиксированы различные дефекты суставной поверхности в виде депрессий неизвестного типа (рис. 105–108, депозитарий). На двух таранных костях взрослых особей зафиксированы артропатии *Laesio circumscripta tali* 3 и 3–4 стадий (рис. 109–110, депозитарий).

Коза. На суставной поверхности одной лопатки зафиксированы остеохондротические дефекты неизвестного типа. На пяточной кости взрослой особи наблюдается латеральная экзостоза 2 стадии.

Собака. Все кости происходят от одной взрослой особи. На проксимальной суставной поверхности плечевой кости наблюдаются липпинг 2 стадии и участки с дегенеративным поражением. На суставной поверхности лопатки зафиксирован липпинг 2 стадии. На нескольких грудных позвонках выявлены искривление остистого отростка и околосуставные экзостозы в 4 стадии (рис. 111–114, депозитарий).

Среди всех выявленных изменений лишь в двух случаях можно говорить о негативном влиянии на жизнь животных. Речь идет об эбурнеации тазобедренного сустава крупного рогатого скота и дегенеративном поражении суставной поверхности плечевой кости собаки. Патологии костей собаки, скорее всего, ограничивали подвижность животного. Дегенеративное поражение тазобедренного сустава ведет к хромоте, трудностям передвижения и последующей потере веса при развитии поражения сустава [Barbosa et al., 2014, p. 847]. Эта патология может быть вызвана множеством факторов, включающих рабочее использование [Groot, 2005, p. 55; Greenfield, 2010, p. 41], возраст, хроническую травму, минеральную недостаточность и неправильную постановку стопы [Barbosa et al., 2014, p. 849]. Все остальные выявленные изменения не оказывали негативного влияния на жизнь животных и, скорее всего, никак не отражались на состоянии их здоровья. Обнаруженные в большом количестве депрессии типов 1, 2 и 4, а также дефекты неизвестных типов считаются остеохондротическими изменениями. Они представляют собой патологические очаги, которые возникли в период формирования хрящевой ткани по

причине сбоя в эндохондральном окостенении в субхондральной ткани [Tryon, Farrow, 1999, p. 265]. Их точная этиология до сих пор неизвестна, но предполагается, что на их появление и развитие влияет большой список факторов. Дефекты суставной поверхности могут быть обусловлены наследственностью, весом и возрастом животного, факторами окружающей среды, быстрым ростом, кормами большой питательности, ограничением работы сустава из-за стойлового содержания и физической нагрузкой [Tryon, Farrow, 1999, p. 267; Thomas, Johannsen, 2011, p. 52; Telldahl, 2012, p. 215]. Учитывая тот факт, что большинство костей происходит от молодых животных, выращенных для продажи на мясо, причиной дефектов суставной поверхности может быть слишком быстрый рост животных из-за специального откорма [Tryon, Farrow, 1999, p. 267]. Следует отметить, что депрессии суставной поверхности — обычное явление для костей домашнего скота. Они присутствуют на костях животных из памятников бронзового века, средневековья и современного периода. Считается, что депрессии в последующем могут служить причиной легкой хромоты [Tryon, Farrow, 1999, p. 267].

Другой большой группой изменений является липпинг метаподий и фаланг крупного рогатого скота в стадиях 2 и, реже, 3, а также немногочисленные экзостозы фаланг. Традиционно различные экзостозы и липпинг суставной поверхности в палеопатологической литературе используются как возможные маркеры рабочего использования скота при условии наличия других свидетельств такого рода эксплуатации [Isaakidou, 2006, p. 104; Galindo-Pellicena et al., 2017, p. 3, 8; Gaastra et al., 2018, p. 1469]. Однако практически все специалисты отмечают полиэтиологичность липпинга и экзостоз [Telldahl, 2012, p. 208; Markovic et al., 2014, p. 85; Galindo-Pellicena et al., 2017, p. 2]. Они могут быть вызваны относительно большим количеством факторов. Прежде всего такие изменения являются ответом костной системы на собственный вес животного и возраст [Telldahl, 2012, p. 208; Galindo-Pellicena et al., 2017, p. 2]. Собственная коллекция костей нерабочего крупного рогатого скота, который выращивается на мясо примерно в том же районе, откуда поступал скот в Екатеринбург в XIX в., подтверждает отсутствие связи между липпингом и рабочим использованием. Липпинг суставной поверхности метаподий и фаланг, а также экзостозы на них в стадиях 2 и даже 3 обычны для нерабочего скота. Пяточная кость быка с экзостозами, скорее всего, не может служить прямым свидетельством рабочего использования. У копытных тарзальный сустав и пяточная кость как его часть традиционно подвергаются различным травмам и ушибам, что ведет к шпату (анкилоз) и образованию экзостоз [Markovic et al., 2014, p. 84]. Для выявления физической эксплуатации быков требуется рентгенологический анализ.

Отдельного внимания заслуживают мезоскопические изменения суставной поверхности таранных костей крупного и мелкого рогатого скота (*Laesio circumscripta tali*). Ранее такие изменения фиксировались только на костях овец и коз. Специалисты, которые занимаются подобными случаями у мелких домашних копытных, полагают, что причиной локального остеонекроза на участках медиального гребня таранных костей могут быть повторяющиеся травматические повреждения, заражение паразитами и повышенная нагрузка. Все перечисленные факторы ведут к дефициту кровоснабжения на отдельных участках сустава [Zimmermann et al., 2018, p. 20–21]. Основной причиной может являться повышенная нагрузка на отдельные участки суставной поверхности из-за ограничения работы сустава. Стойловое содержание может оказывать такой стресс на суставы конечностей [Ibid., p. 22].

Обсуждение и заключение

Результаты анализа позволяют реконструировать ряд аспектов, связанных с питанием и повседневной жизнью жителей Екатеринбурга XIX в. Патологический анализ костей домашних копытных дает возможность осветить вопросы, относящиеся к состоянию здоровья и условиям содержания скота, забитого на мясо.

Костный материал является преимущественно отходами кухонной разделки туш крупного и мелкого рогатого скота. Говядина и в меньшей степени баранина представляли основные компоненты мясной пищи жителей города в XIX в. Такие же выводы получены в более ранних работах [Бачура, Лобанова, 2017]. Мясо поступало в основном от относительно молодых животных (не старше 4 лет). Употребление мяса свиньи было редким. Кости домашнего скота использовались жителями города для игр. В частности, в качестве игровых костей широко применялись первые фаланги быков, залитые свинцом. Об этом виде развлечений известно очень немного [Микитюк, 2018а, с. 53]. В коллекции присутствует относительно большое количество разрубленных костей. Часто разрублены даже мелкие кости, в которых нет обширных полостей

для костного мозга. Скорее всего, это свидетельствует о том, что части туш крупного рогатого скота активно использовались для варки бульонов.

Зафиксированное при разборе культурного слоя в раскопе 3 скопление черепов коров и быков может быть мусорной выкладкой, которой заполнили яму или неровность поверхности. Весьма вероятно, что это отголосок традиции, существовавшей в некоторых древнерусских городах, когда костями заполняли неровности и подсыпали дороги [Антипина, Яворская, 2017, с. 360]. Сами же черепа, скорее всего, являются отходами от вываривания голов крупного рогатого скота. Раскопки велись рядом с местом, где в XIX в. находился Обжорный ряд в пределах Хлебной площади. Помимо прочей еды там варили и продавали бульон из бычьих голов для городской бедноты и учащихся [Микитюк, Яхно, 2014, с. 163]. Скот для забоя закупался у казахов около современной границы с Казахстаном [Микитюк, 2018b, с. 182]. Длительный перегон может быть причиной множественных незначительных деформаций суставной поверхности, выявленных на костях крупного рогатого скота. Из немногочисленных источников известно, что для мяса и салотопенной промышленности скот массово закупался в Оренбургской и Тобольской губерниях и в значительно меньшей степени у местных крестьян. В условиях отсутствия железнодорожного сообщения с южными областями в XIX в. именно перегон стад был единственным способом доставить в Екатеринбург большое количество скота из отдаленных районов [Мозель, 1864, с. 75, 152].

Биометрический анализ костей крупного рогатого скота позволяет с осторожностью предположить наличие небольшого количества волов в Екатеринбурге. Волы традиционно считаются рабочими животными. Однако степень и характер выявленных патологических изменений на костях животных не дают оснований для однозначной реконструкции тяглового или иного другого рабочего использования быков и волов жителями города в XIX в. Проблема интерпретации тяглового использования скота усложняется отсутствием неостеологических свидетельств подобной эксплуатации. В упоминаниях историков и на редких фотографиях конца позапрошлого века в качестве тяглового животного фигурирует только лошадь [Микитюк, Яхно, 2014, с. 138; Яхно, 2017, с. 9]. В этиологии ряда зафиксированных изменений может присутствовать повышенная физическая нагрузка на суставы.

За исключением единичных случаев, в результате анализа патологий не обнаружено тяжелых случаев изменений костной системы, которые негативно влияли на качество жизни скота. Большая часть зафиксированных деформаций суставной поверхности представляют собой обычные возрастные изменения и остеохондротические дефекты суставов, возникшие при их формировании. Свидетельств неблагоприятных условий содержания и жестокого отношения к животным не выявлено.

Благодарность

Выражаю признательность сотрудникам группы охранных археологических исследований ИИиА УрО РАН г. Екатеринбурга за предоставление возможности обработки коллекции и консультации при подготовке работы, а также рецензентам статьи. Отдельная благодарность В.П. Микитюку за консультации по вопросу способа доставки скота в Екатеринбург из южных губерний в XIX в.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Антипина Е.Е., Яворская Л.В. Археозоологические исследования средневекового города: Контексты и интерпретации // Археология и история Пскова и Псковской земли. М.: ИА РАН; СПб: Нестор-История, 2017. С. 358–366.

Бачура О.П., Лобанова Т.В. Кости животных из кухонных отходов русского населения Екатеринбурга в XVIII–XX веках // Культура русских в археологических исследованиях. Омск: Наука, 2017. С. 363–368.

Бачура О.П., Лобанова Т.В., Бобковская Н.Е. Животноводство русского населения в городах на севере Урала и Сибири в XVII–XIX веках // Культура русских в археологических исследованиях: междисциплинарные методы и технологии. Омск: Изд-во Омск. ин-та (филиала) РГТЭУ, 2011. С. 271–275.

Визгалов Г.П., Лобанова Т.В. Хозяйство населения русских городов севера Сибири в XVII–XIX веках: Скотоводство, рыбный промысел, охота // Культура русских в археологических исследованиях. Омск: Наука, 2017. С. 368–374.

Ерохин Н.Г., Бачура О.П. Новый подход к компьютерной формализации раздробленности костных остатков млекопитающих в археологических исследованиях // Методика междисциплинарных археологических исследований. Омск: Наука, 2011. С. 62–69.

Микитюк В.П. Екатеринбургские «спорты». Екатеринбург: Универсальная Типография «Альфа Принт», 2018а. 88 с.

Археозоологические материалы (XIX век) из раскопок Екатеринбурга

Микитюк В.П. Роль екатеринбургских предпринимателей в развитии салотопенной отрасли Пермской губернии (конец XVIII — начало XX в.) // Урал индустриальный. Бакунинские чтения. Индустриальная модернизация России в XVIII–XXI вв.: Материалы XIII Всерос. науч. конф., Екатеринбург, 18–19 окт. 2018 г.: В 2 т. Екатеринбург: УрО РАН, 2018b. Т. 1. С. 179–189.

Микитюк В., Яхно О. Повседневная жизнь Екатеринбурга на рубеже XIX–XX веков: Очерки городского быта. Екатеринбург: АМБ, 2014. 488 с.

Мозель Х. Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами генерального штаба. Пермская губерния. Ч. II. СПб.: Тип. Ф. Персона, 1864. 746 с.

Цалкин В.И. Древнейшие домашние животные Восточной Европы. М.: Наука, 1970. 279 с.

Яхно О.Н. Повседневная жизнь Екатеринбурга: Очерки. Летний сезон в городе. Екатеринбург: Универсальная Типография «Альфа Принт», 2017. 100 с.

Albarella U., Serjeantson D. A passion for pork: meat consumption at the British Late Neolithic site of Durrington Walls // Consuming Passions and Patterns of consumption. Cambridge: Monographs of the McDonald Institute, 2002. P. 33–49.

Barbosa J.D., Lima D.H.S., Belo-Reis A.S., Pinheiro C.P., Sousa M.G.S., Silva J.B., Salvarani F.M., Oliveira C.M.C. Degenerative joint disease in cattle and buffaloes in the Amazon region: A retrospective study // Pesq. Vet. Bras. 2014. № 34 (9). P. 845–850. URL: https://www.researchgate.net/publication/289075542_Degenerative_joint_disease_in_cattle_and_buffaloes_in_the_Amazon_region_A_retrospective_study.

Bartosiewicz L. Bone structure and function in draft cattle // Limping together through the ages. Joint afflictions and bone infections. Documenta Archaeobiologiae 6. Verlag Marie Leidorf, Rahden/Westf., 2008. P. 153–164.

Bartosiewicz L., Van Neer W., Lentacker A. Draught Cattle: Their Osteological Identification and History. Annales du Musée Royal de l'Afrique Centrale, Sciences Zoologiques, Tervuren, 1997. 281 p.

Behrensmeyer K. Taphonomic and ecologic information from bone weathering // Paleobiology. 1978. № 4 (2). P. 150–162. URL: <https://www.jstor.org/stable/2400283>.

Driesch A. A guide to the measurement of animal bones from archaeological sites. Peabody Mus. Bull, 1976. Vol. 1. 137 p.

Gaastra J.S., Greenfield H.J., Linden M.V. Gaining traction on cattle exploitation: Zooarchaeological evidence from the Neolithic Western Balkans // Antiquity. 2018. Vol. 92. Iss. 366. P. 1462–1477. URL: <https://doi.org/10.15184/aqy.2018.178>.

Galindo-Pellicena M.A., Martin-Frances I., Gracia A., Gaspar I. Evidences of the use of cattle as draught animals in Chalcolithic of El Portalon (Sierra de Atapuerca, Burgos) // Quaternary International. 2017. № 438. P. 1–10. URL: <https://doi.org/10.1016/j.quaint.2015.11.052>.

Greenfield H. The Secondary Products Revolution: The past, the present and the future // World Archaeology. 2010. № 42 (1). P. 29–54. DOI: 10.1080/00438240903429722.

Groot M. Palaepathological evidence for draught cattle on a roman site in the Netherlands // Diet and health in past animal populations. Current research and future directions. Oxford: Oxbow Book, 2005. P. 52–57.

Issakidou V. Ploughing with cows: Knossos and the «Secondary Products Revolution» // Animals in the Neolithic of Britain and Europe. Oxford: Oxbow, 2006. P. 95–112.

Lin M., Miracle P., Barker G. Towards the identification of the exploitation of cattle labour from distal metapodials // Journal of Archaeological Science. 2016. № 66. P. 44–56. <http://dx.doi.org/10.1016/j.jas.2015.12.006>.

Markovic N., Stevanovic O., Nesic V., Marinkovic D., Krstic N., Nedeljkovic D., Radmanovic D., Janeczek M. Palaepathological study of Cattle and Horse bone remains of the Ancient Roman city of Sirmium (Pannonia/Serbia) // Revue Méd. Vét. 2014. № 165 (3–4). P. 77–88.

Parker-Pearson M., Pollard J., Richards C., Thomas J., Welham K., Albarella U., Chan B., Marshalland P., Viner S. Feeding Stonehenge: Feasting in Late Neolithic Britain // Guess Who's Coming to Dinner. Feasting rituals in the prehistoric societies of Europe and the Near East. Oxford: Oxbow Books, 2011. P. 73–90.

Silver I. The ageing of domestic animals // Science in archaeology: A survey of progress and research. L.: Thames and Hudson, 1969. P. 283–302.

Telldahl Y. Skeletal changes in lower limb bones in domestic cattle from Eketorp ringfort on the Oland Island in Sweden // International Journal of Paleopathology. 2012. № 2. P. 208–216. URL: <http://dx.doi.org/10.1016/j.ijpp.2012.09.002>.

Telldahl Y., Svensson E., Gotherstrom A., Stora J. Osteometric and molecular sexing of cattle metapodia // Journal of Archaeological Science. 2012. № 39. P. 121–127. DOI: 10.1016/j.jas.2011.09.009.

Thomas R., Johannsen N. Articular depressions in domestic cattle phalanges and their archaeological relevance // International Journal of Paleopathology. 2011. № 1. P. 43–54. DOI: 10.1016/j.ijpp.2011.02.007.

Tryon K.A., Farrow C.S. Osteochondrosis in Cattle // Veterinary Clinics of North America: Food Animal Practice. 1999. Vol. 15. Iss. 2. P. 265–274. URL: [https://doi.org/10.1016/S0749-0720\(15\)30182-1](https://doi.org/10.1016/S0749-0720(15)30182-1).

Zeder M., Lapham H. Assessing the reliability of criteria used to identify postcranial bones in sheep, Ovis, and goats, Capra // Journal of archaeological science. 2010. № 37. P. 2887–2905. DOI: 10.1016/j.jas.2010.06.032.

Zeder M., Pilaar S. Assessing the reliability of criteria used to identify mandibles and mandibular teeth in sheep, Ovis, and Goats, Capra // Journal of archaeological science. 2010. № 37. P. 225–242. DOI: 10.1016/j.jas.2009.10.002.

Zimmermann M.I., Pollath N., Ozbasaran M., Peters J. Joint health in free-ranging and confined small bovids — Implications for early stage caprine management // Journal of Archaeological Science. 2018. № 92. P. 13–27. URL: <https://doi.org/10.1016/j.jas.2018.02.004>.

A.Yu. Rassadnikov

Institute of History and Archeology of Ural Branch RAS
Kovalevskoy st., 16, Ekaterinburg, 620990, Russian Federation
E-mail: ralu87@mail.ru

19TH-CENTURY ARCHAEOZOOLOGICAL MATERIALS FROM THE EXCAVATIONS OF EKATERINBURG

The present article analyses the bones of slaughtered animals obtained from a 19th-century residential area of Ekaterinburg in order to reconstruct the meat diet, livestock housing conditions, as well as a number of aspects associated with the daily life of citizens at that time. Most of the archaeozoological complex dates back to different periods of the 19th century. Part of the material characterises the diet of city residents at the end of the 18th century. The excavations conducted at peripheral estates and their farm buildings uncovered approximately 1.5 thousand bones of cattle and caprids, which constituted the kitchen waste generated by the citizens. When processing the osteological material, the author employed both standard archaeological methods, as well as a relatively new method for Russian archaeology — the analysis of livestock bone pathologies. The bones of cattle and caprids were measured using standard methods as well. Special attention was paid to the analysis of draught-related pathologies and the bone modification changes. The article contains links to additional materials including all the obtained data: primary data; bone measurements of cattle and caprids; images of pathologies and phenotypic plasticity of bones. The study ascertained the dominant role of beef in the meat diet of Ekaterinburg residents in the 19th century. The analysis of pathologies did not reveal unsatisfactory housing conditions and hard treatment of animals. According to the analysis, osteochondrotic bone changes predominate in the domestic ungulates. Age-related deformations of leg joints in cattle constitute another large group of recorded changes. Articular surface deformities and exostoses detected in the cattle bones provides no basis for the unambiguous reconstruction of animals being used for work. The biometric analysis of cattle bones suggests the presence of oxen among livestock slaughtered for meat.

Key words: Ekaterinburg, 19th century, archaeozoology, paleopathology, articular depressions, lip-ping, *Laesio circumscripta tali*.

DOI: 10.20874/2071-0437-2019-46-3-075-085

REFERENCES

- Albarella U., Serjeantson D. (2002). A passion for pork: Meat consumption at the British Late Neolithic site of Durrington Walls. In: P. Miracle, N. Milner (Eds.). *Consuming Passions and Patterns of consumption* (pp. 33–49). Cambridge: Monographs of the McDonald Institute.
- Antipina E.E., Iavorskaia L.V. (2017). Archaeozoological studies of a medieval city: Contexts and interpretations. In: N.V. Lopatin (Eds.). *Arkheologiya i istoriya Pskova i Pskovskoi zemli* (pp. 358–366). Moscow: IA RAN; St. Petersburg: Nestor-Istoriya. (Rus.).
- Bachura O.P., Lobanova T.V. (2017). Bones of animals from kitchen waste of the Russian population of Yekaterinburg in the 18–19th centuries. In: L.V. Tataurova (Eds.). *Kul'tura russkikh v arkheologicheskikh issledovaniyakh* (pp. 363–368). Omsk: Nauka. (Rus.).
- Bachura O.P., Lobanova T.V., Bobkovskaia N.E. (2011). Livestock of the Russian population in cities in the North of the Urals and Siberia in the 17–19th centuries. In: L.V. Tataurova (Eds.). *Kul'tura russkikh v arkheologicheskikh issledovaniyakh: Mezhdistitsiplinarnye metody i tekhnologii* (pp. 271–275). Omsk: Izdatel'stvo Omskii institut (filial) RGTEU. (Rus.).
- Barbosa J.D., Lima D.H.S., Belo-Reis A.S., Pinheiro C.P., Sousa M.G.S., Silva J.B., Salvarani F.M., Oliveira C.M.C. (2014). Degenerative joint disease in cattle and buffaloes in the Amazon region: A retrospective study. *Pesq. Vet. Bras.* (9), 845–850.
- Bartosiewicz L. (2008). Bone structure and function in draft cattle. In: G. Grupe, G. McGlynn, J. Peters (Eds.). *Limping together through the ages. Joint afflictions and bone infections* (pp. 153–164). Documenta Archaeobiologiae 6. Verlag Marie Leidorf, Rahden/Westf.
- Bartosiewicz L., Van Neer W., Lentacker A. (1997). *Draught Cattle: Their Osteological Identification and History*. Tervuren: Annales du Musée Royal de l'Afrique Centrale, Sciences Zoologiques.
- Behrensmeyer K. (1978). Taphonomic and ecologic information from bone weathering. *Paleobiology*, (2), 150–162.
- Driesch A. (1976). *A guide to the measurement of animal bones from archaeological sites*, 1, Peabody Mus. Bull.
- Erokhin N.G., Bachura O.P. (2011). A new approach to computer formalization of the fragmentation of bone remains of mammals in archaeological research. In: L.V. Tataurova (Eds.). *Metodika mezhdistitsiplinarnykh arkheologicheskikh issledovaniy* (pp. 62–69). Omsk: Nauka. (Rus.).

- Gaastra J.S., Greenfield H.J., Linden M.V. (2018). Gaining traction on cattle exploitation: Zooarchaeological evidence from the Neolithic Western Balkans. *Antiquity*, 92(366), 1462–1477. <https://doi.org/10.15184/aqy.2018.178>.
- Galindo-Pellicena M.A., Martin-Frances I., Gracia A., Gaspar I. (2017). Evidences of the use of cattle as draught animals in Chalcolithic of El Portalon (Sierra de Atapuerca, Burgos). *Quaternary International*, (438), 1–10. Retrieved from: <https://doi.org/10.1016/j.quaint.2015.11.052>.
- Greenfield H. (2010). The Secondary Products Revolution: The past, the present and the future. *World Archaeology*, (1), 29–54. DOI: 10.1080/00438240903429722.
- Groot M. (2005). Palaeopathological evidence for draught cattle on a roman site in the Netherlands. In: J. Davies, M. Fabiš, I. Mainland, M. Richards, R. Thomas (Eds.). *Diet and health in past animal populations. Current research and future directions* (pp. 52–57). Oxford: Oxbow Book.
- Iakhno O.N. (2017). *Daily life of Yekaterinburg: Essays. Summer season in the city*. Ekaterinburg: Universal'naia Tipografiia «Al'fa Print». (Rus.).
- Issakidou V. (2006). Ploughing with cows: Knossos and the «Secondary Products Revolution». In: D. Serjeantson, D. Field (Eds.). *Animals in the Neolithic of Britain and Europe* (pp. 95–112). Oxford: Oxbow Books.
- Lin M., Miracle P., Barker G. (2016). Towards the identification of the exploitation of cattle labour from distal metapodials. *Journal of Archaeological Science*, (66), 44–56. Retrieved from: <http://dx.doi.org/10.1016/j.jas.2015.12.006>.
- Markovic N., Stevanovic O., Nesic V., Marinkovic D., Krstic N., Nedeljkovic D., Radmanovic D., Janeczek M. (2014). Palaeopathological study of Cattle and Horse bone remains of the Ancient Roman city of Sirmium (Pannonia/Serbia). *Revue Méd. Vét.*, (3–4), 77–88.
- Mikitiuk V. (2018a). *Ekaterinburg «sports»*. Ekaterinburg: Universal'naia Tipografiia «Al'fa Print». (Rus.).
- Mikitiuk V.P. (2018b). The role of Ekaterinburg businessmen in the development of salotopen industry of the Perm province (the end of the 18th — the beginning of the 20th century). *Ural industrial'nyi. Bakuninskie chteniia. Industrial'naia modernizatsiia Rossii v XVIII–XXI vv.: Materialy XIII Vserossiiskoi nauchnoi konferentsii, Ekaterinburg, 18–19 oktiabria 2018 g.: V 2 t. T. 1* (pp. 179–189). Ekaterinburg: UrO RAN. (Rus.).
- Mikitiuk V., Iakhno O. (2014). *The daily life of Yekaterinburg at the turn of the 18th–20th centuries: Essays on urban life*. Ekaterinburg: Izdatel'stvo AMB. (Rus.).
- Mozel' Kh. (1864). *Materials for geography and statistics of Russia, collected by officers of the General Staff. Perm province. Part II*. St. Petersburg: Tipografiia F. Persona. (Rus.).
- Parker-Pearson M., Pollard J., Richards C., Thomas J., Welham K., Albarella U., Chan B., Marshalland P., Viner S. (2011). Feeding Stonehenge: feasting in Late Neolithic Britain. In: G. Aranda Jiménez, S. Montón-Subías, M. Sánchez Romero (Eds.). *Guess Who's Coming to Dinner. Feasting rituals in the prehistoric societies of Europe and the Near East* (pp.73–90). Oxford: Oxbow Books.
- Silver I. (1969). The ageing of domestic animals. In: D.R. Brothwell, E.S. Higgs, G. Clark (Eds.). *Science in archaeology: A survey of progress and research* (pp. 283–302). London: Thames and Hudson.
- Telldahl Y. (2012). Skeletal changes in lower limb bones in domestic cattle from Eketorp ringfort on the Oland Island in Sweden. *International Journal of Paleopathology*, (2), 208–216. URL: <http://dx.doi.org/10.1016/j.ijpp.2012.09.002>.
- Telldahl Y., Svensson E., Gotherstrom A., Stora J. (2012). Osteometric and molecular sexing of cattle metapodia. *Journal of Archaeological Science*, (39), 121–127. DOI: 10.1016/j.jas.2011.09.009.
- Thomas R., Johannsen N. (2011). Articular depressions in domestic cattle phalanges and their archaeological relevance. *International Journal of Paleopathology*, (1), 43–54. DOI: 10.1016/j.ijpp.2011.02.007.
- Tsalkin V.I. (1970). *The oldest livestock of Eastern Europe*. Moscow: Nauka. (Rus.).
- Tryon K.A., Farrow C.S. (1999). Osteochondrosis in Cattle. *Veterinary Clinics of North America: Food Animal Practice*, 15(2), 265–274. Retrieved from: [https://doi.org/10.1016/S0749-0720\(15\)30182-1](https://doi.org/10.1016/S0749-0720(15)30182-1).
- Vizgalov G.P., Lobanova T.V. (2017). The economy of the population of the Russian cities of the North of Siberia in the 17–19th centuries: Cattle breeding, fishing, hunting. In: L.V. Tataurova (Ed.). *Kul'tura russkikh v arkheologicheskikh issledovaniakh* (pp. 368–374). Omsk: Nauka. (Rus.).
- Zeder M., Lapham H. (2010). Assessing the reliability of criteria used to identify postcranial bones in sheep, Ovis, and goats, Capra. *Journal of Archaeological Science*, (37), 2887–2905. Retrieved from: <https://doi.org/10.1016/j.jas.2010.06.032>.
- Zeder M., Pilaar S. (2010). Assessing the reliability of criteria used to identify mandibles and mandibular teeth in sheep, Ovis, and Goats, Capra. *Journal of Archaeological Science*, (37), 225–242. DOI: 10.1016/j.jas.2009.10.002.
- Zimmermann M.I., Pollath N., Ozbasaran M., Peters J. (2018). Joint health in free-ranging and confined small bovids — Implications for early stage caprine management. *Journal of Archaeological Science*, (92), 13–27. Retrieved from: <https://doi.org/10.1016/j.jas.2018.02.004>.

This work is licensed under a [Creative Commons Attribution 4.0 License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/).

Submitted: 08.04.2019

Accepted: 10.06.2019

Article is published: 26.09.2019

И.А. Спиридонов

Уральский федеральный университет
ул. Ленина, 51, Екатеринбург, 620000
E-mail: Z-IS5@mail.ru

МЕТАЛЛ ЭНЕОЛИТИЧЕСКИХ КОМПЛЕКСОВ ЗАУРАЛЬЯ

Проведен критический обзор металлических предметов, обнаруженных на памятниках эпохи энеолита горно-лесного и лесостепного Зауралья. В результате уточнены культурно-хроно-логические контексты некоторых изделий, в том числе предметов ближнего импорта, происходящих из среды культур ямной общности. К обсуждению предложена одна из возможных моделей распространения традиций металлообработки в регионе.

Ключевые слова: горно-лесное и лесостепное Зауралье, энеолит, медь, металлообработка.

DOI: 10.20874/2071-0437-2019-46-3-086-095

В центре внимания данного исследования — металлические предметы и свидетельства металлообработки, обнаруженные на обширной территории горно-лесного Зауралья и лесостепного Притоболья. Данные артефакты атрибутируются авторами раскопок в рамках аятских, липчинских, суртандинских, сосновоостровских, шапкульских, андреевских, кысыкульских и других древностей (подробное описание археологических культур и культурных типов приводится в работах А.Ф. Шорина, Н.М. Чаиркиной, В.Т. Ковалевой, Л.Я. Крижевской [Ковалева, 1995; Крижевская, 1977; Чаиркина, 2005; Шорин, 1999b]). Мы не рассматриваем, но привлекаем «ямные» материалы, поскольку знакомство представителей данной культуры с металлом и процессами металлообработки бесспорно [Дегтярева, 2010, с. 30–43; Каргалы..., т. IV, 2005, с. 28–35].

В горно-лесном Зауралье, на Южном Урале, в лесостепном Притоболье (В.С. Мосин предложил именовать данную территорию Центральным Уралом) эпоха энеолита традиционно охватывает все III тыс. до н.э. [Мосин, 2008, с. 159; Чаиркина, 2005, с. 36; Шорин, 1999a, с. 16–17]. Однако работы последних лет, основанные на радиоуглеродных датировках, позволяют несколько расширить указанные рамки [Епимахов, Мосин, 2015, с. 35; Молодин и др., 2014, с. 145, рис. 2; Chairkina et al., 2017]. При этом границы периода весьма условны, так как в регионе не происходит резкой смены культурных типов и на каком-то этапе развития носители энеолитических традиций сосуществуют с группами населения, культура которых атрибутируется в пределах бронзового века.

Среди археологических памятников этого периода в регионе выделяются стоянки, поселения, культовые места, погребальные комплексы и местонахождения, соотносимые с различными культурами и культурными типами [Чаиркина, 2005, с. 7–8; Шорин, 1999b]. Основная часть памятников с материалами эпохи энеолита являются многослойными, что затрудняет интерпретацию некоторых категорий артефактов. В первую очередь речь идет об обломках и отходах металлообработки — каплях, сплесах, шлаках, т.е. предметах, не имеющих четких морфолого-типологических особенностей и относимых к периоду энеолита порой весьма условно. Собственно металлические изделия и свидетельства металлообработки достоверно или предположительно энеолитического времени в регионе немногочисленны. Всего насчитывается около 35 памятников, содержащих: ножи и их фрагменты — 11 экз. (пос. Березки, Карагайлы I, Козлов Мыс I, Кысы-Куль, Малый Липовый 10, Новая 2, Няшевка II, Разбойничий остров, Чебаркуль IV, Янышка); долото-пробойник — 1 экз. (пос. Березки); шилья и четырехгранные стержни — 5 экз. (пос. Березки, Калмацкий брод, Карабалыкты IX, Мурат, CAO-VI, Чебаркуль X); иглы, проколки — 3 экз. (Береговая 1 стоянка, пос. Березки); миниатюрный инструмент («тесло») — 1 экз. (Береговая 1 стоянка); скобы, проволока, пластинки/подвески, кольца — более 10 экз. (VI разрез Горбуновского торфяника, погребение на пос. Дружный, пос. Кочегарово 1, Путиловская заимка, CAO-VI, Скворцовая гора, Суртанды 6–8); слитки, капли меди, фрагменты керамики с «прикипевшими» частицами металла, иные обломки металлических предметов — более 12 экз. (6 Береговая стоянка, пос. Банное 1, Березки, Бурли II, В воротах, Зимник, Карабалыкты IX, Кочегарово 1, Латочка, Мурат, Осиновый остров III, Путиловская заимка, Суртанды 6–8, ЮАО-XIII A) и обломок литейной формы (?) — 1 экз. (пос. Верхняя Макуша) и т.д. (рис. 1, 2). К бесспорным

доказательствам знакомства представителей местных культур с процессами металлообработки относят фрагменты керамики, контактировавшей с металлом, а также черепки, подвергшиеся высокотемпературному воздействию (пос. Аргазы VII, Березки (оз. Аргазы), Малый Липовый 10, Осиновый остров III, Разбойничий остров, Шувакиш, Велижаны I), к косвенным — изделия из дерева со следами обработки металлическим инструментом [Чаиркина, 2005, с. 209].

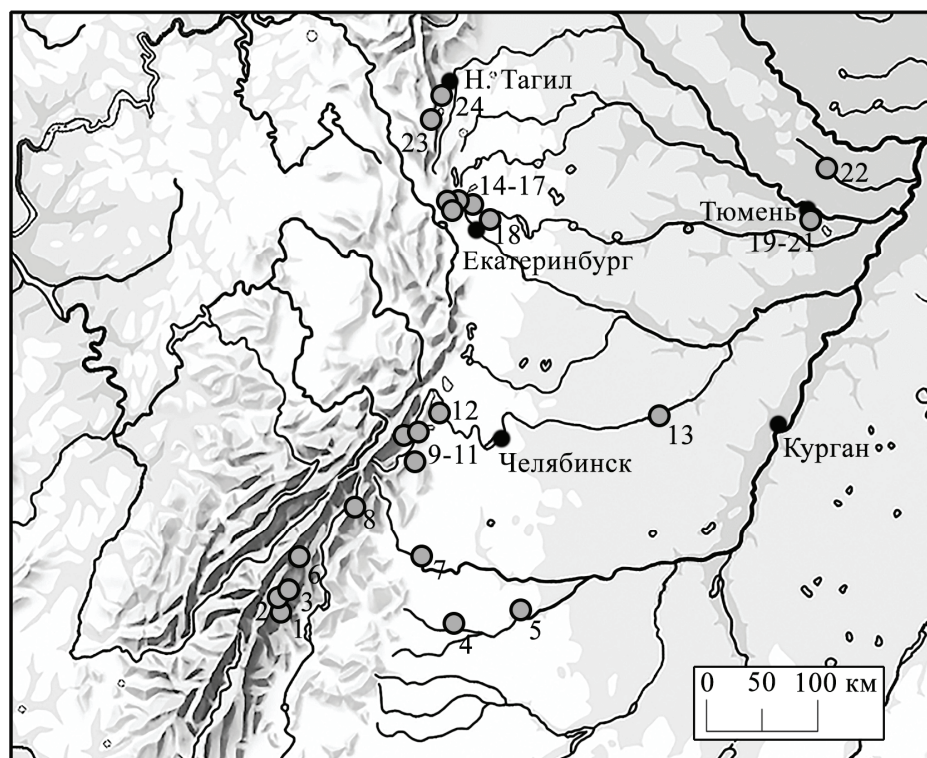

Рис. 1. Карта энеолитических памятников Зауралья, в материале которых присутствуют металлические предметы или иные свидетельства металлообработки:

- 1 — Суртанды 6–8; 2 — Банное I; 3 — Карабалыкты IX; 4 — Дружный; 5 — Бурли II; 6 — Мурат; 7 — Путиловская заимка; 8 — Карагайлы I; 9 — Чебаркуль IV, X; 10 — Кысы-Куль; 11 — В воротах, Зимник, Латочка, Няшевка II, Янышка; 12 — Аргазы VII, Березки (оз. Аргазы), Малый Липовый 10, Осиновый остров III; 13 — Кочегарово 1; 14–17 — Калмацкий брод, Верхняя Макуша, Новая II, Шувакиш I; 18 — Разбойничий остров; 19–21 — Козлов Мыс I, CAO-VI, ЮАО-XIII A; 22 — Велижаны I; 23 — Скворцовая гора V; 24 — Горбуновский торфяник, Береговая 1, 3, 6 стоянки.

Fig. 1. Map of Eneolithic of monuments of the Trans-Ural region containing metal artifacts or other evidence of metalworking:

- 1 — Surtandy 6–8; 2 — Bannoe I; 3 — Karabalykty IX; 4 — Druzhnyi; 5 — Burli II; 6 — Murat; 7 — Putilovskaia zaimka; 8 — Karagaily I; 9 — Chebarkul' IV, X; 10 — Kysy-Kul'; 11 — V vorotakh, Zimnik, Latochka, Niashevka II, Ianyshka; 12 — Argazi VII, Berezki (lake Argazi), Mali Lipovyi 10, Osinovyi ostrov III; 13 — Kochegarovo 1; 14–17 — Kalmatskii brod, Verkhniaia Makusha, Novaia II, Shuvakish I; 18 — Razboinichii ostrov; 19–21 — Kozlov Mys I, CAO-VI, luAO-XIII A; 22 — Velizhany I; 23 — Skvortsovaia gora V; 24 — Gorbunovskii torfianik, Beregoaia 1, 3, 6 sites.

Химический анализ используемых в работе артефактов в большинстве случаев не проводился, что, учитывая многослойность памятников, порой затрудняет отнесение некоторых, типологически невыразительных, металлических предметов к тому или иному хронологическому периоду. Так, орудия или их обломки с высоким содержанием олова вряд ли могут быть датированы временем ранее появления на Урале бронз сейминско-турбинского типа. В свою очередь, предметы из меди с минимальным количеством примесей использовались населением региона в достаточно широком хронологическом диапазоне. Если возраст и культурная атрибуция металлических предметов, происходящих из закрытых комплексов (погребение на пос. Дружный [Шорин, 1978, с. 43]), не вызывают вопросов, то на верификацию типологически невыразительных орудий из многослойных, часто перемешанных памятников результаты анализа химического состава металла способны оказать определенное влияние.

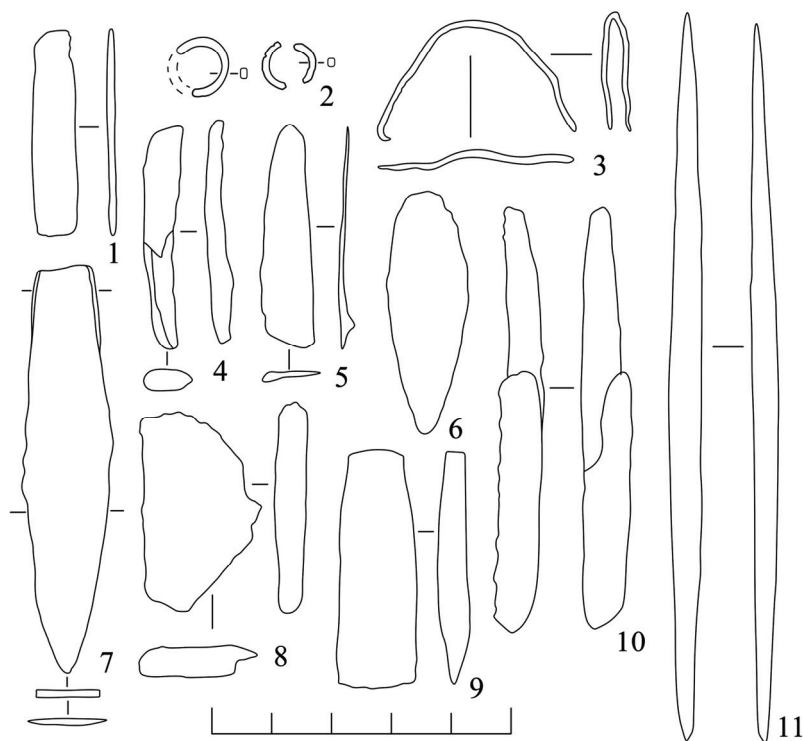

Рис. 2. Металлические артефакты эпохи энеолита с территории Зауралья:

1 — подвеска; 2 — кольца; 3 — проволока; 4, 5 — пластины; 6, 7 — ножи; 8 — слиток; 9 — миниатюрный инструмент; 11 — шило: 1 — Скворцовая гора V; 2 — Дружный; 3–5, 8 — Суртанды 6–8; 6 — Разбойничий остров; 7 — Малый Липовый 10; 9 — Береговая 1 стоянка; 10 — Мурат; 11 — Карабалыкты IX.

Fig. 2. Metal artifacts of Eneolithic from the territory of the Trans-Ural region:

1 — pendant; 2 — rings; 3 — wire; 4, 5 — plate; 6, 7 — knives; 8 — ingot; 9 — tiny tool; 11 — needle: 1 — Skvortsovaia gora V; 2 — Druzhnyi; 3–5, 8 — Surtandy 6–8; 6 — Razboinichii ostrov; 7 — Malyi Lipovyi 10; 9 — Beregoaia 1 site; 10 — Murat; 11 — Karabalykty IX.

Среди предметов, относимых к периоду энеолита, ранний возраст проколки (I Береговая стоянка), обломка копья, фрагмента медной «фольги» (III Береговая стоянка), обломка литейной формы (пос. Верхняя Макуша) выглядит, судя по архивным и опубликованным материалам, не вполне убедительным [Сериков, 2006, с. 366]. В частности, обломок наконечника копья имеет определенные параллели с изделиями иткульской культуры, что в совокупности с наличием здесь керамики раннего железного века позволяет усомниться в энеолитическом возрасте артефакта [Там же]. Обломок створки литейной формы с пос. Верхняя Макуша, предназначавшейся для изготовления мелкого инструмента (возможно, иглы), фигурирует среди артефактов из «среднего горизонта», залегавшего как между верхним (ранний железный век) и нижним (эпоха энеолита) жилищами, так и за их пределами [Берс, 1952, рис. 35]. При этом в нижнем жилище следов металлообработки не зафиксировано [Там же, с. 23]. Также из «среднего горизонта» происходят фрагменты керамики, отнесенные автором раскопок ко «второй поздней группе», среди которых выделяются черепки коптяковской посуды [Там же, с. 27, рис. 30, 31]. Данное обстоятельство позволяет допустить хронологическую связь обломка литейной формы для отливки игл (?) с коптяковской керамикой, что косвенно подтверждают раскопки святилища Шайтанское Озеро II, в материалах которого такие артефакты присутствуют [Корочкова, Стефанов, 2010, с. 124, рис. 3, 14; 2013, с. 94, рис. 6, 12].

На хронологически более поздний возраст указывает спектральный анализ предметов с таких памятников, как: Мурат (капля), Березки (шило), Зимник (капля на фрагменте керамики), с содержанием Sn 2; 5 и 7 % [Крижевская, 1977, с. 98–99, табл. 8, № 16; Матюшин, 1982, с. 68; Черных, 1970, с. 161, табл. X, № 7039]. Такое процентное содержание олова позволяет говорить о стадии легирования и соответственно датировать предметы II тыс. до н.э. Г.Н. Матюшин, с отсылкой к мнению Е.Н. Черных, указывает, что состав металла еще двух орудий, происхо-

Металл энеолитических комплексов Зауралья

дающих из культурного слоя пос. Березки (нож, пробойник), более характерен для сейминского времени, чем для эпохи энеолита, это подтверждают в том числе типологические особенности предметов [Матюшин, 1982, с. 68]. Возможно, к числу «поздних» следует отнести находки с поселений Кысы-Куль (нож), Янышка (фр. ножа), Козлов Мыс (нож) с содержанием Sn 0,3; 0,5 и 0,81 % [Крижевская, 1977, с. 98–99, табл. 8, № 1, 14; Кузьминых и др., 2017, с. 37, табл. А, № 22]. Столь низкое количество олова в сплаве можно объяснить добавлением в металл на стадии плавки лома бронзовых вещей, содержащего в своем составе оловянную лигатуру. Таким образом, представленные предметы вряд ли могут быть датированы ранее бронзового века, а точнее, XXII–XVIII вв. до н.э., т.е. ранее периода появления на Урале бронз сейминско-турбинского типа [Черных и др., 2017].

Результаты спектральных и атомно-эмиссионных спектрометрических анализов предметов из слоя энеолитических памятников Зауралья*

Results of the analysis subjects, from the Eneolithic monuments of the Trans-Ural region

№	Пункт	Предмет	Публикация	Шифр анализа	Хим.-металл. группа	Cu	Sn	Pb	Zn	Bi	Ag	Sb	As	Fe	Ni	Co	Au
1	В воротах	Фр. керамики с каплей меди	Крижевская, 1977, с. 98–99	304	Cu+Fe	Осн.	0,01	Сл	—	0,1	0,02	—	—	1	0,02	—	—
2	Карабалыкты IX	Шило	Крижевская, 1977, с. 98–99; Черных, 1970, с. 161	4613	Cu	Осн.	0,001	—	—	—	0,05	0,006	—	0,006	0,002	—	—
3	Карагайлы I	Нож	Крижевская, 1977, с. 98–99	268-64	Cu+As(Pb)	Осн.	Сл	0,5	—	—	Сл	—	1	0,04	0,04	0,2	—
4	Латочка	Капля меди	Крижевская, 1977, с. 98–99	398-69	Cu	Осн.	—	Сл	—	Сл	Сл	—	—	0,03	Сл	—	—
5	Малый Липовый 10	Нож	Крижевская, 1977, с. 98–99	25575	Cu	Осн.	0,002	<0,0004	—	—	0,004	—	—	0,03	0,002	—	—
6	Мурат	Четырехр. стержень	Крижевская, 1977, с. 98–99; Черных, 1970, с. 161	4614	Cu	Осн.	—	0,004	—	—	0,05	—	0,5	0,05	0,002	—	—
7	Няшевка II	Фр. ножа	Крижевская, 1977, с. 98–99	396-69	Cu(As)	Осн.	0,05	Сл	—	Сл	Сл	—	0,75	0,01	0,01	—	—
8	Осиновый остров III	Фр. керамики со следами меди	Нохрина, 1996, с. 56	27925	Cu+Fe	Осн.	0,03	≥0,0008	?	?	0,35	—	—	2	0,03	<0,002	<0,001
9	Осиновый остров III	Фр. керамики со следами меди	Нохрина, 1996, с. 56	27926	Cu+Fe	Осн.	0,015	≥0,0007	—	—	0,009	—	—	1,8	0,04	<0,002	—
10	Разбойничий Остров	Нож	Чаиркина, 2005, с. 210	680	Cu	Осн.	>0,003	0,013	0,07	<0,0002	0,05	<0,005	<0,001	0,1	<0,0002	<0,0004	<0,0001
11	Разбойничий Остров	Нож	Чаиркина, 2005, с. 210	679	Cu	Осн.	>0,003	0,004	0,04	<0,0002	0,6	<0,005	0,1	0,08	<0,0002	<0,0004	0,003
12	Скворцовая гора 5	Подвеска	Чаиркина, 2005, с. 210	683	Cu+Pb+As	Осн.	>0,003	1,6	0,06	<0,0002	0,08	<0,005	1,1	0,13	0,003	<0,0004	<0,0001
13	Суртанды 6, 8	Пластика	Крижевская, 1977, с. 98–99; Черных, 1970, с. 161	6510	Cu	Осн.	—	—	—	—	0,007	—	—	0,005	0,001	—	—
14	Суртанды 6, 8	Пластика	Крижевская, 1977, с. 98–99; Черных, 1970, с. 161	6511	Cu	Осн.	—	—	—	—	0,15	—	—	0,001	0,001	—	—
15	Суртанды 6, 8	Проволока	Крижевская, 1977, с. 98–99; Черных, 1970, с. 161	6508	Cu	Осн.	—	—	—	—	0,008	—	—	0,001	0,002	—	—
16	Суртанды 6, 8	Слиток	Крижевская, 1977, с. 98–99; Черных, 1970, с. 161	6509	Cu	Осн.	—	—	—	—	0,02	—	—	0,006	0,002	—	—
17	Суртанды 6, 8	Пластика	Крижевская, 1977, с. 98–99; Черных, 1970, с. 161	6512	Cu	Осн.	—	—	—	—	0,05	—	—	0,005	0,0008	—	—

*Спектральные анализы № 304, 268-64, 398-69, 396-69 получены в лаборатории археологической технологии ЛО ИА АН СССР (аналитик В.А. Галибин), спектральные анализы с четырехзначными и пятизначными номерами — в лаборатории естественнонаучных методов ИА РАН (аналитик д.и.н. Е.Н. Черных); атомно-эмиссионные спектрометрические анализы № 679, 680, 683 — в лаборатории Института неорганической химии СО РАН (аналитик д.х.н. О.В. Шуваева).

Весьма интересно выглядит химический анализ проволоки, слитка и трех пластинок с пос. Суртанды VI, VIII (табл., 13–17), выполненный в ИА АН СССР [Матюшин, 1982, с. 28]. Результат анализа показал настолько чистый состав металла, что вполне допустимо предполагать в каче-

стве источника сырья самородную медь (сходные концентрации примесей показывают предметы памятников Латочка (капля) и Мурат (четырёхгранный стержень)) (табл., № 4, 6). Незначительное количество Ag и Fe в данных образцах не противоречит такому предположению: по данным Н.В. Рындиной, концентрация серебра, железа или других примесей в самородной меди может достигать целых долей процента [1998, с. 20]. Однако нельзя исключать и возможность происхождения металла из медистых песчаников Приуралья, разработка которых активно велась представителями ямной культуры, например, на Каргалинском месторождении [Каргалы..., т. IV, 2005, с. 28–35; Каргалы..., т. V, 2007, с. 66–69; Рындина, 1998, с. 20]. Также отсылки к данным рудникам дают артефакты, обнаруженные на стоянке Разбойничий остров: два медных ножа листовидной формы, залежавшие в сапропеле XIII горизонта [Чаиркина, Шорин, 1992, с. 98; Чаиркина, 2005, с. 159]. Металлографический и спектральный анализы предметов позволили предполагать связь сырья, использованного для их изготовления, с ямным металлом, возможно происходящим из Каргалинского месторождения, однако первоначально аналогий среди металлических артефактов восточного ареала ямной общности выделить не удалось [Чаиркина, 2005, с. 210–211, табл. 14]. Впоследствии предметы, типологически близкие ножам со стоянки Разбойничий остров, были выделены в убаганской (Притоболье) коллекции: миниатюрные орудия листовидной формы, интерпретированные авторами публикации как ножи или наконечники стрел [Потемкина, Дегтярева, 2008, с. 27; Дегтярева, 2010, с. 63]. Необходимо отметить, что исследователи соотносят комплексы, содержащие данные орудия, в частности погребения, изученные на могильнике Убаган I, с древнеямными популяциями, но предполагают их более поздний возраст по сравнению с ямными памятниками Волго-Уралья [Моргунова, 2010, с. 199; Потемкина, Дегтярева, 2008, с. 33].

Таким образом, металлические ножи, обнаруженные в липчинском слое стоянки Разбойничий остров, имеют аналогии в ямных комплексах лесостепного Притоболья и на основании сходства металла могут восприниматься как заимствованные населением горно-лесного Зауралья в ходе контактов с ямными группами готовые предметы. Данная версия выглядит вполне убедительно, в том числе для ножа, найденного на стоянке Новая II. Е.М. Берс так описывает этот артефакт: «...медный кованый нож плохой сохранности типа Левшинского» [1955, с. 9]. Орудие залежало в одном из жилищ, на глубине 18 см от поверхности. Автор раскопок не приводит изображение предмета, однако по аналогии с левшинской находкой, опубликованной А.В. Шмидтом, можно предположить, что нож со стоянки Новая II являлся двулезвийным с листовидным или подтреугольным клинком и выделенным черенком [Шмидт, 1940, с. 13, рис. 7]. Орудия подобной формы происходят из комплексов Приуралья и лесостепного Притоболья, что позволяет соотнести находку с ямным металлом [Моргунова, 2014, с. 218, рис. 100; Потемкина, Дегтярева, 2008, с. 25, рис. 7, 1–5]. Такому предположению не противоречит керамический комплекс стоянки, сходный с посудой липчинской и аятской культур. Вместе с тем, несмотря на значительное сходство левшинского ножа с орудиями ямного очага, нельзя отрицать его изготовления в рамках гаринско-борской культурной традиции [Кузьминых, 2013, с. 14]. Однако связывать происхождение ножа стоянки Новая II с гаринско-борскими группами несколько преждевременно, поскольку прямых контактов между липчинским и гаринско-борским населением в Зауралье не фиксируется, тогда как липчинско-суртандинско-ямные контакты прослеживаются весьма четко.

Несколько по-иному воспринимается подвеска из погребения 1 погребально-культовой площадки Скворцовая гора V [Чаиркина, 2011, с. 3, 139]. Обнаруженный в заполнении погребальной ямы артефакт первоначально, на основании химического состава металла, был отнесен к раннему бронзовому веку [Чаиркина, 2005, с. 211]. Однако после получения радиоуглеродной даты по углю, залежавшему рядом с подвеской, данная точка зрения подверглась пересмотру, а сам артефакт отнесен к раннему железному веку [Чаиркина, 2011, с. 52, 131]. В то же время игнорировалось сходство результатов анализа химического состава металла подвески со Скворцовой горы V и ножей с Разбойничьего острова [Чаиркина, 2005, табл. 14, с. 210]. При рассмотрении анализов (табл., № 10–12) обращает на себя внимание значительное сходство процентного содержания примесей, что может свидетельствовать если не о едином, то как минимум о близких источниках сырья, связанных с ямным очагом. Этому предположению не противоречит повышенное содержание таких элементов, как мышьяк и свинец, поскольку содержание As в металлокомплексе ямной культуры порой достигает концентрации более 1 % [Дегтярева, 2010, с. 44, табл. 4; Потемкина, Дегтярева, 2008, с. 28, табл. 1; Черных, 1966, с. 125–127, табл. 9].

Как попытки воспроизведения процесса плавки металла воспринимаются фрагменты керамики со следами высокотемпературного воздействия. В частности, в культурных слоях поселе-

ний Аргазинского водохранилища обнаружено 122 черепка, тогда как руда, шлаки или иные следы выплавки металла отсутствуют [Нохрина, 1996, с. 53]. Единственный памятник, в материале которого зафиксировано наличие руды и шлака,— это стоянка Бурли II в Северном Казахстане, где вместе с кысыкульско-суртандинской, ботайско-терсекской, шапкульской и липчинской керамикой найдены кусочки руды и шлаки, относящиеся к группе чистой меди [Мосин, 1996, с. 55–56]. Однако заметим, что коллекция стоянки также включает керамику, интерпретированную автором раскопок в рамках нижневолжского варианта древнейшей культуры, что уже само по себе наталкивает на мысль о связи свидетельств металлообработки и металлургии с ямными группами [Там же, с. 55].

Более сложной выглядит ситуация в Притоболье. Определенные вопросы вызывает уровень знакомства представителей шапкульской и андреевской культур с процессами металлообработки. Нож со стоянки Козлов Мыс I, рассматривавшийся первоначально в рамках шапкульской культуры, в настоящее время соотносится с более поздним хронологическим горизонтом, на что указывает химический состав металла, интерпретированный как оловянная бронза с примесью свинца [Кузьминых и др., 2017, с. 37, табл. А, № 22]. В.А. Зах, со ссылкой на В.Т. Ковалеву, сообщает о другом ноже, найденном вместе с керамикой шапкульской культуры на поселении Ташково I; к сожалению, иные упоминания об этой находке отсутствуют [Зах, 2009, с. 212].

Свидетельства, представленные на андреевских поселениях в виде обломков тиглей и фрагментов керамики, малочисленны и не могут выступать в качестве бесспорных доказательств знакомства представителей данной культуры с технологией металлообработки. В то же время часть обломков керамики определенно соотносится с липчинской посудой, что отмечает В.А. Зах, говоря об особенностях взаимодействия андреевской и липчинской культур и возможности сосуществования представителей разных групп в рамках одного поселка [2009, с. 217]. Такое наблюдение позволяет предполагать, что носители липчинской культуры выступали в роли своеобразного посредника, «транслировавшего» на территорию Тюменского Притоболья как металлические вещи, так, возможно, и определенные знания.

При рассмотрении всей совокупности металлических предметов эпохи энеолита с территории горно-лесного Зауралья и прилегающих районов очевидно влияние групп населения ямной общности/культуры, поставлявших готовые металлические предметы своим соседям. В данном случае речь идет именно о передаче готовых предметов. Орудия поступали весьма ограниченно, на что указывает соотношение имеющихся в распоряжении исследователей медных артефактов и количество изученных памятников. А это, в свою очередь, ставит под вопрос тезис о широком применении металлических инструментов при работе с деревом. Скорее всего, подавляющая часть деревянных орудий, предметов и скульптур этого времени выполнена с применением каменного инструментария.

Также необходимо отметить, что трансляции навыков и умений обработки металла в горно-лесную зону в это время практически не происходит. Наличие в материале поселений (Шувакиш I, Аргазы VII, Малый Липовый X и др.) черепков, подвергнутых высокотемпературному воздействию, может говорить лишь о попытках местного населения воспроизвести процедуру плавки. Однако в связи с отсутствием иных свидетельств, являющихся неотъемлемой частью процесса металлообработки, таких как капли, сплески и прочие отходы, можно предполагать, что попытки такого рода в большинстве своем не достигли результата. То есть в эпоху энеолита в регионе складывается ситуация, когда отдельные группы населения, не обладая достаточными знаниями, пробуют овладеть новыми технологиями. Речь здесь идет не об экспериментах, направленных на выработку самостоятельной схемы процесса плавки металла, а скорее о стремлении копировать чужую модель. Тем не менее отдельные опыты оказались успешны, о чем свидетельствуют небольшие металлические артефакты, обнаруженные в культурном слое памятников Суртанды VI, VIII, а также капли меди, прикипевшие к черепкам липчинской посуды. Возможно, в данном случае определенную роль сыграли более тесные связи липчинского и суртандинского населения с носителями ямных традиций, что подтверждает материал погребения 7 кургана 3 могильника Ишкиновка I и стоянки Бурли II [Мосин, 1996, с. 55–56; Ткачев, 2011, с. 224].

Таким образом, из всего многообразия металлических собрания можно выделить серию предметов, с той или иной степенью достоверности относящихся к периоду энеолита, в том числе: ножи и их обломки — 4 экз. (пос. Малый Липовый 10, Няшевка II, Разбойничий остров); шилья и проколки — 3 экз. (пос. Карабалыкты IX, Мурат, CAO-VI); тесло — 1 экз. (1 Береговая стоянка); скобы, проволока, пластинки/подвески, кольца — около 10 экз. (VI разрез Горбуновского торфяни-

ка, погребение на пос. Дружный, CAO-VI, Скворцовая гора, Суртанды 6–8); слитки, капли меди, фрагменты керамики с «прикипевшими» частицами металла — около 10 экз. (Бурли II, В воротах, Латочка, Осиновый остров III, Суртанды 6–8, ЮАО-XIII A). Основными критериями для подобного вычленения послужили типологическая близость предметов орудиям соседнего, в первую очередь, ямного очага металлообработки, химический состав металла и особенности залегания. В данном случае не учитывались артефакты, информация о которых спорна либо недостаточна.

Подводя итоги, можно отметить, что металлообработка в эпоху энеолита в горно-лесном Зауралье имела весьма ограниченный характер, что отразилось в том числе на разнообразии металлических предметов.

Химический состав сырья в большинстве случаев коррелирует с ямным металлом; прослеживается явная типологическая близость металлических предметов орудиям древнейшей культуры [Моргунова, 2011, с. 198]. Крайне мало отходов металлообработки; отсутствуют литейные формы. Сохраняется высокий уровень обработки камня, отсылающий к технике и традициям неолита [Матюшин 1982, с. 287]. Все это позволяет говорить, что появляющиеся на Урале и в Зауралье медные изделия не смогли вытеснить из эксплуатации каменные орудия, а технологии металлообработки не получили здесь широкого распространения и дальнейшего развития. Такая ситуация вполне типична для культур, локализованных на периферии металлургической провинции и только начинающих знакомство с металлом. Большинство медных предметов в это время имеют импортное происхождение. В свою очередь, первые опыты металлопроизводства не приводят к сколько-нибудь значимым достижениям, что объясняется рядом факторов [Черных, 1978, с. 53–82; 2008, с. 36–53; 2009, с. 244–259; Корочкова, Спиридонов, 2015, с. 96–97]. Резкий скачок произойдет лишь на рубеже III–II тыс. до н.э., когда население региона будет втянуто в систему связей Западноазиатской (Евразийской) металлургической провинции, что приведет к формированию в Среднем Зауралье коптяковско-сейминского очага металлообработки [Савинов, 2013, с. 7; Сериков и др., 2009; Черных, 2012].

Финансирование. Работа выполнена при поддержке гранта РФФИ № 18-09-40011 «Урал и Западная Сибирь в археологической ретроспективе: важнейшие открытия, ритмы, феномены и парадоксы развития».

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Десярева А.Д. История металлопроизводства Южного Зауралья в эпоху бронзы. Новосибирск: Наука, 2010. 162 с.
- Епимахов А.В., Мосин В.С. Хронология зауральского энеолита // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2015. № 4 (31). С. 27–37.
- Зах В.А. Хроностратиграфия неолита и раннего металла лесного Тоболо-Ишимья. Новосибирск: Наука, 2009. 320 с.
- Каргалы: Селище Горный: Археологические материалы. Технология горно-металлургического производства. Археобиологические исследования. М.: Языки славянской культуры, 2004. Т. III. 320 с.
- Каргалы: Некрополи на Каргалах. Население Каргалов: Палеоантропологические исследования. М.: Языки славянской культуры, 2005. Т. IV. 240 с.
- Ковалева В.Т. Энеолит Среднего Зауралья: Андреевская культура. Препринт. Екатеринбург: Изд-во УрГУ, 1995. 62 с.
- Корочкова О.Н., Спиридонов И.А. О судьбах инноваций в культурах присваивающего мира Урала и Западной Сибири // УИВ. 2015. № 3 (48). С. 96–107.
- Корочкова О.Н., Стефанов В.И. Культовый памятник эпохи бронзы на Шайтанском озере под Екатеринбургом (по материалам раскопок 2008 г.) // РА. 2010. № 4. С. 120–129.
- Корочкова О.Н., Стефанов В.И. Культовый памятник эпохи бронзы на Шайтанском озере под Екатеринбургом (по материалам раскопок 2009–2010 гг.) // РА. 2013. № 1. С. 87–96.
- Крижевская Л.Я. Раннебронзовое время в Южном Зауралье. Ленинград: ЛГУ, 1977. 159 с.
- Кузьминых С.В., Луньков В.Ю., Орловская Л.Б. Результаты рентгенофлуоресцентного анализа: Серия 2013–2016 гг. // Аналитические исследования лаборатории естественнонаучных методов. М.: ИА РАН, 2017. Вып. 4. С. 36–63.
- Матюшин Г.Н. Энеолит Южного Урала. М.: Наука, 1982. 328 с.
- Молодин В.И., Епимахов А.В., Марченко Ж.В. Радиоуглеродная хронология культур эпохи бронзы Урала и юга Западной Сибири: Принципы и подходы, достижения и проблемы // Вестник НГУ. Сер. История, филология. 2014. Т. 13. Вып. 3: Археология и этнография. С. 136–167.
- Моргунова Н.Л. Энеолит Волго-Уральского междуречья. Оренбург: Изд-во ОГПУ, 2011. 220 с.
- Моргунова Н.Л. Приуральская группа памятников в системе волжско-уральского варианта ямной культурно-исторической области. Оренбург: Из-во ОГПУ, 2014. 348 с.

Металл энеолитических комплексов Зауралья

Мосин В.С. Стоянка Бурли II и некоторые вопросы энеолита Южного Зауралья // Новое в археологии Южного Урала. Челябинск: Рифей, 1996. С. 48–61.

Мосин В.С. Центральный Урал в IV–III тыс. до н.э. // ВАУ. Екатеринбург; Сургут: Магеллан, 2008. Вып. 25. С. 159–174.

Мосин В.С. Энеолит Урало-Сибирской лесостепи // Вестник НГУ. Сер. История, филология. 2014. Т. 13. Вып. 3: Археология и этнография. С. 44–57.

Нохрина Т.И. Сосуды-тигли с энеолитических памятников Южного Урала // Археология, антропология и этнография Сибири. Барнаул: Изд-во АГУ, 1996. С. 52–58.

Петрин В.Т., Нохрина Т.И., Шорин А.Ф. Археологические памятники Аргазинского водохранилища: (Эпохи камня и бронзы). Новосибирск: Наука, 1993. С. 208.

Потемкина Т.М., Дегтярева А.Д. Металл ямной культуры Приоболыя // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2008. № 8. С. 18–39.

Рындина Н.В. Древнейшее металлообрабатывающее производство Юго-Восточной Европы: (Истоки и развитие в неолите — энеолите). М.: Эдиториал УРСС, 1998. 288 с.

Савинов Д.Г. О двух путях распространения бронзовых изделий сейминского типа на восток // Теория и практика археологических исследований. 2013. № 2 (8). С. 5–16.

Сериков Ю.Б. Изделия из цветных металлов на территории Тагильского Зауралья // Вопросы археологии Поволжья. Самара: НТЦ, 2006. Вып. 4. С. 366–374.

Сериков Ю.Б., Корочкова О.Н., Кузьминых С.В., Стефанов В.И. Шайтанское Озеро II: Новые сюжеты в изучении бронзового века Урала // Археология, этнография и антропология Евразии. 2009. № 2 (38). С. 67–78.

Ткачев В.В. Ишкининский археологический микрорайон эпохи бронзы: Структура, периодизация, хронология // КСИА. 2011. № 225. С. 220–230.

Чаиркина Н.М. Энеолит Среднего Зауралья. Екатеринбург: УрО РАН, 2005. 313 с.

Чаиркина Н.М. Погребальные комплексы эпохи энеолита и раннего железного века Зауралья (по материалам погребально-культовой площадки Скворцовая гора V). Екатеринбург: УрО РАН, 2011. 224 с.

Чаиркина Н.М., Шорин А.Ф. Стоянка Разбойничий остров — новый торфяниковый памятник горно-лесного Зауралья // Проблемы финно-угорской археологии Урала и Поволжья. Сыктывкар: Коми НЦ УрО РАН, 1992. С. 96–100.

Черных Е.Н. История древнейшей металлургии Восточной Европы. М.: Наука, 1966. 144 с.

Черных Е.Н. Древнейшая металлургия Урала и Поволжья. М.: Наука, 1970. 180 с.

Черных Е.Н. Металлургические провинции и периодизация эпохи раннего металла на территории СССР // СА. 1978. № 4. С. 53–82.

Черных Е.Н. Каргалы: Феномен и парадоксы развития. Каргалы в системе металлургических провинций. Потаенная жизнь архаичных горняков и металлургов. М.: Языки славянской культуры, 2007. Т. V. 200 с.

Черных Е.Н. Формирование Евразийского степного пояса скотоводческих культур: Взгляд сквозь призму археометаллургии и радиоуглеродной хронологии // Археология, этнография, антропология Евразии. 2008. № 3 (35). С. 36–53.

Черных Е.Н. Степной пояс Евразии: Феномен кочевых культур. М.: Языки славянских культур, 2009. 624 с.

Черных Е.Н. Металлургические провинции на фоне геоэкологических ареалов Евразии в эпоху раннего металла (V–I тыс. до н.э.) // Мегаструктура Евразийского мира: Основные этапы формирования. М., 2012. С. 122–127.

Черных Е.Н., Корочкова О.Н., Орловская Л.Б. Проблемы календарной хронологии сейминско-турбинского транскультурного феномена // Археология, этнография и антропология Евразии. 2017. Т. 45. № 2. С. 45–55.

Шмидт А.В. Стоянка у станции Левшино // СА. 1940. № 5. С. 1–30.

Шорин А.Ф. Энеолит Урала и сопредельных территорий: Проблемы культурогенеза. Екатеринбург: УрО РАН, 1999а. 182 с.

Шорин А.Ф. Энеолитические культуры Урала и сопредельных территорий: Учеб. пособие к спецкурсу. Екатеринбург: Банк культурной информации, 1999б. 92 с.

Chairkina N.M., Kuzmin Y.V., Hodgins G. Radiocarbon chronology of the Mesolithic, Neolithic, Aeneolithic, and Bronze Age sites in the Trans-Urals (Russia): A general framework // Radiocarbon. 2017. № 59 (2). P. 505–518.

Источники

Берс Е.М. Отчет среднеуральской археологической экспедиции за 1951 г. Свердловск, 1952 // АКА УрФУ. Ф. II, Д. 12.

Берс Е.М. Отчет среднеуральской археологической экспедиции за 1955 год. Свердловск, 1956 // АКА УрФУ. Ф. II, Д. 14.

Шорин А.Ф. Отчет о раскопках поселения Дружный 1 в Варненском районе Челябинской области, произведенных в 1977 г. Свердловск, 1978 // АКА УрФУ. Ф. II, Д. 269.

METAL IN THE ENEOLITHIC COMPLEXES OF THE TRANS-URALS

In this study, we analysed the first metal items and metalworking evidence found on the vast territory of the mountain-forest Trans-Urals and the forest-steppe of the Tobol area. The analysis included about 50 metal artefacts from 35 archaeological sites of Ayat, Lipchinsky, Surtandy, Sosnovy Ostrov, Shapkul, Andreevo, and Kyskul cultures (4th–3rd millennia BC). Spectral and typological analyses, along with the context of the obtained material, provided the basis for reconstructing how the first metal could appear among local hunters and fishermen. The chemical composition of raw material, which is characterised by an increased content of arsenic and lead, and the typology of products, including leaf-shaped knives, for the most part, correlate with the metal of the pit culture. Attempts to reproduce the melting procedure, reconstructed from the shards having copper drops stuck to them, were noted only for the carriers of the Lipchinsky and Surtandy cultures (Shuvakish 1, Argazi 7, Malyi Lipovy 10, Surtandy 6 and 8, etc.). In this case, closer ties of the Lipchinsky and Surtandy populations with the carriers of pit traditions might have played a certain role. The absence of casting moulds and metalworking waste suggests that Ural hunters and fishermen obtained finished items from the manufacturing centres of the steppe zone. Rare ancient experiments in melting metal can be considered as attempts to copy an unfamiliar technology. First copper products could not replace stone tools. In addition, metalworking technologies did not become widespread there and were not further developed. Fundamental changes would occur only at the turn of the 3rd–2nd millennia BC, when the population of the taiga zone was drawn into the network of the West Asian (Eurasian) metallurgical province.

Key words: Mountain-forest and forest-steppe Trans-Ural, eneolith, copper, metalworking.

DOI: 10.20874/2071-0437-2019-46-3-086-095

Funding. This work was supported by a grant from the Russian Foundation for Basic Research No. 18-09-40011.

REFERENCES

- Chairkina N.M. (2005). *The Aeneolithic of the Middle Trans-Urals*. Yekaterinburg: Ural'skoe otdeleniie Rossiiskoi akademii nauk. (Rus.).
- Chairkina N.M. (2011). *Burial complexes of the Eneolithic and Early Iron Age of the Trans-Urals (based on the materials of the funerary cult site Skvortsovskaya gora V)*. Yekaterinburg: Ural'skoe otdeleniie Rossiiskoi akademii nauk. (Rus.).
- Chairkina N.M., Kuzmin Y.V., Hodgins G. (2017). Radiocarbon chronology of the Mesolithic, Neolithic, Aeneolithic, and Bronze Age sites in the Trans-Urals (Russia): A general framework. *Radiocarbon*, (2), 505–518.
- Chairkina N.M., Shorin A.F. (1992). The settlement Razboinichii Ostrov — new peat-bog sites in the mountain-forest Trans-Urals. In: *Problemy finno-ugorskoj arkheologii Urala i Povolzh'ia* (pp. 96–100). Syktyvkar: Komi nauchnyi tsentr. (Rus.).
- Chernykh E.N. (1966). *History of ancient metallurgy of Eastern Europe*. Moscow: Nauka. (Rus.).
- Chernykh E.N. (1970). *Ancient Metallurgy of Ural and Volga Region*. Moscow: Nauka. (Rus.).
- Chernykh E.N. (1978). Metallurgical provinces and periodization of Early Metal Era of the USSR. *Sovetskaia arkheologiya*, (4), 53–82. (Rus.).
- Chernykh E.N. (2008). Formation of the Eurasian «steppe belt» of stockbreeding cultures: Viewed through the prism of archaeometallurgy and radiocarbon dating. *Arkheologiya, etnografiya, antropologiya Evrazii*, (3), 36–53. (Rus.).
- Chernykh E.N. (2009). *Eurasian steppe belt: The phenomenon of the nomadic cultures*. Moscow: lazyki slavianskikh kul'tur. (Rus.).
- Chernykh E.N. (2012). Metallurgical provinces against the background of geoeological areas of Eurasia in the Early Metal Age (5th–1st mill. BC) (pp 122–127). In: *Megastruktura Evraziiskogo mira: Osnovnye etapy formirovaniia*. Moscow: Institut arkheologii Rossiiskoi fkaademii nauk.
- Chernykh E.N. (Ed.) (2004). *Kargaly III: Gorny site: Archaeological materials. Mining and metallurgy technology. Archaeobiological studies*. Moscow: lazyki slavianskoi kul'tury. (Rus.).
- Chernykh E.N. (Ed.) (2005). *Kargaly IV: Kargaly necropolis. Kargaly population: Palaeoanthropological investigations*. Moscow: lazyki slavianskoi kul'tury. (Rus.).
- Chernykh E.N. (2007). *Kargaly V: Phenomenon and paradoxes of development. Kargaly in the systems of Metallurgical Provinces. Hidden (sacral) life of archaic miners and metallurgists*. Moscow: lazyki slavianskoi kul'tury. (Rus.).
- Chernykh E.N., Korochkova O.N., Orlovskaja L.B. (2017). Issues in the calendar chronology of the seimaturbino transcultural phenomenon. *Arkheologiya, etnografiya, antropologiya Evrazii*, 45(2), 45–55 (Rus.).

- Degtyareva A.D. (2010). *History of metal industry of the south High Urals basin during the Bronze Age*. Novosibirsk: Nauka. (Rus.).
- Epimakhov A.V., Mosin V.S. (2015) Chronology of Trans-Urals Eneolithic. *Vestnik arheologii, antropologii i etnografii*, (4), 27–37. (Rus.).
- Korochkova O.N., Spiridonov I.A. (2015). On the innovations in the subsistence harvesting cultures of the Ural and Western Siberia. *Ural'skii istoricheskii vestnik*, (3), 96–107. (Rus.).
- Korochkova O.N., Stefanov V.I., (2010). Bronze Age cult site at Lake Shaitanskoye near Ekaterinburg (based on the materials of the 2008 excavations). *Rossiiskaia arkheologiya*, (4), 120–129. (Rus.).
- Korochkova O.N., Stefanov V.I. (2013). Bronze Age cult site at Lake Shaitanskoye near Ekaterinburg (based on the materials of the 2009–2010 excavations). *Rossiiskaia arkheologiya*, (1), 87–96. (Rus.).
- Krizhevskaia L.Ia. (1977). *Early Bronze Age in the Southern Trans-Urals*. Leningrad: Nauka. (Rus.).
- Kuz'minykh S.V., Lun'kov V.Iu., Orlovskaia L.B. (2017). Results of X-ray fluorescence analysis: A series of 2013–2016. *Analiticheskie issledovaniia laboratorii estestvennonauchnykh metodov*, (4), 31–57. (Rus.).
- Matiushin G.N. (1982) *The Eneolithic Age of the South Urals*. Moscow: Nauka. (Rus.).
- Molodin V.I., Epimakhov A.V., Marchenko Zh.V. (2014). Radiocarbon chronology of the south Urals and the South of the Western Siberia cultures (2000–2013-years investigations): Principles and approaches, achievements and problems. *Vestnik Novosibirskogo Gosudarstvennogo Universiteta. Seriya Istoriia, filologiya*, (3), 136–167. (Rus.).
- Morgunova N.L. (2011). *The Eneolithic of the Volga-Urals interstream area*. Orenburg: Izdatel'stvo Orenburgskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. (Rus.).
- Morgunova N.L. (2014). *South Ural group of the Volga-Ural variant of the Yamnaya cultural and historical community*. Orenburg: Izdatel'stvo Orenburgskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. (Rus.).
- Mosin B.C. (1996). The settlement Burli II and some questions of eneolithic in the Southern Trans-Urals. In: *Novoe v arkheologii luzhnogo Urala* (pp. 48–61). Chelyabinsk: Rifei. (Rus.).
- Mosin B.C. (2008). The central Urals in the IV–III thousand B.C. In: *Voprosy arkheologii Urala* (pp. 159–174). Yekaterinburg: Surgut: Magellan. (Rus.).
- Mosin B.C. (2014). The Aeneolithic of Urals-siberian forest-steppe. *Vestnik Novosibirskogo Gosudarstvennogo Universiteta. Seriya Istoriia, filologiya*, (3), 44–57. (Rus.).
- Nokhrina T.I. (1996). The crucible with the Eneolithic sites of South Ural. In: *Arkheologiya, antropologiya i etnografiia Sibiri* (pp. 52–58). Barnaul: Izdatel'stvo Altaiskogo gosudarstvennogo universiteta. (Rus.).
- Petrin V.T., Nokhrina T.I., Shorin A.F. (1993). *Archaeological monuments of the Argazin Reservoir: (The Stone and Bronze Ages)*. Novosibirsk: Nauka. (Rus.).
- Potemkina T.M., Degtiareva A.D. (2008). The metal of the Yamnaya culture in the Tobol river region. *Vestnik arheologii, antropologii i etnografii*, (8), 18–39. (Rus.).
- Ryndina N.V. (1998). *Ancient metalworking production of South Eastern Europe*. Moscow: Editorial URSS. (Rus.).
- Savinov D.G. (2013). Two ways of spreading bronze products of the seyma type eastwards. *Teoriia i praktika arkheologicheskikh issledovaniy*, (2), 5–16. (Rus.).
- Serikov Iu.B. (2006). Non-ferrous metals artefacts in the territory of Tagil Trans-Ural region. In: *Voprosy arkheologii Povolzh'ia* (pp. 366–374). Samara: Nauchno-tekhnicheskii tsentr. (Rus.).
- Serikov Y.B., Korochkova O.N., Stefanov V.I., Kuzminykh S.V. (2009). Shaitanskoye ozero II: New aspects of the Uralian Bronze Age. *Arkheologiya, etnografiia i antropologiya Evrazii*, (2), 67–78. (Rus.).
- Shmidt A.V. (1940). The site of by station Levshino. *Sovetskaia arkheologiya*, (5), 1–30. (Rus.).
- Shorin A.F. (1999a). *Eneolithic of the Urals and adjacent territories: The problem of cultural genesis*. Yekaterinburg: Ural'skoe otdeleniie rossiiskoi akademii nauk. (Rus.).
- Shorin A.F. (1999b). *Eneolithic of the Urals and adjacent territories: Manual*. Yekaterinburg: Bank kul'turnoi informatsii. (Rus.).
- Tkachev V.V. (2011). The Bronze Age Ishkinovka archaeological micro-region: Structure, periodization, chronology. *Kratkie soobshcheniia Instituta arkheologii*, (225), 220–230. (Rus.).
- Zakh V.A. (2009). *Chronostratigraphy Neolithic and Early Metal Tobol-Ishim forest*. Novosibirsk: Nauka. (Rus.).

This work is licensed under a [Creative Commons Attribution 4.0 License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/).

Submitted: 08.04.2019

Accepted: 10.06.2019

Article is published: 26.09.2019

АНТРОПОЛОГИЯ

**А.Ю. Худавердян *, П.С. Аветисян *, В.В. Меликян *, Т.Э. Арутюнян *,
А.А. Енгибарян **, А.А. Оганесян *****

* Институт археологии и этнографии НАН РА
ул. Чаренца, 15, Ереван, 0025, Республика Армения
E-mail: akhudaverdyan@mail.ru;
pavetisyan@sci.am;
vard.melikyan@mail.ru;
tatevharutyunyan@yahoo.com

** Ереванский государственный медицинский университет
ул. Корюна, 2, Ереван, 0025, Республика Армения
E-mail: ripmatev@mail.ru

*** Республиканский медицинский центр «Армения»
ул. Маркаряна, 6, Ереван, 0078, Республика Армения
E-mail: rouben.davtyan@gmail.com

ВОЗМОЖНЫЕ ПРИЧИНЫ НЕПОЛНОГО СМЫКАНИЯ ЧЕРЕПНЫХ ШВОВ У ИНДИВИДОВ ИЗ ПАМЯТНИКОВ I в. до н.э. — III в. н.э. МАСТАРА И ВАРДБАХ (АРМЕНИЯ)

Приведены морфологические и палеопатологические оценки останков из античных памятников Мастара и Вардбах, которые демонстрируют множество изменений скелета. Анализируются возможные причины неполного смыкания черепных швов у двух индивидов женского пола. У индивида № 1 (поселение Мастара) 30–39 лет сквозные и несквозные изменения имели характерные для ранней стадии миеломы очертания и размеры. Мы также выявили на большеберцовых костях у данного индивида линии Гарриса. У индивида № 2 (могильник Вардбах) 40–49 лет отмечены дефекты литической формы, характерные для метастатической карциномы. У обоих индивидов наблюдаются непреднамеренная деформация черепа колыбельного типа, затылочные структуры (затылочный валик (индивид № 1), позадисосцевидный отросток (индивид № 2)), периостит, дегенеративно-дистрофические поражения костно-суставного аппарата, экзостозы и периапикальный абсцесс.

Ключевые слова: Армения, I в. до н.э. — III в. н.э., неполное смыкание черепных швов, миелома, метастатическая карцинома, мастоидит.

DOI: 10.20874/2071-0437-2019-46-3-096-115

Светлой памяти археолога С.А. Тер-Маркаряна

Введение

В настоящее время часто проводится всесторонний анализ палеоантропологического материала с привлечением палеопатологических данных, полученных с использованием методов смежных дисциплин, в частности медицинской науки. Изучение заболеваний на костях скелета, органично дополняя палеоантропологическое исследование, позволяет более полно реконструировать биологическую и социальную среду обитания древних обществ. Такой подход дает возможность не только определить антропологический тип и остеологическую конституцию индивида (или популяций в целом), но и выявить различные морфотипы физической активности исходя из анализа остеологических маркеров, реконструировать повседневные действия древнего человека.

Существуют аномалии черепа, не вызывающие патологических изменений головного мозга, и аномалии, сочетающиеся с пороками развития головного мозга и его дериватов. К первой группе относятся: наличие непостоянных (вставочных, вормиевых) костей швов, костей родничков, островковых кости, непостоянных швов (метопического, внутритеменного, швов, разделяющих затылочную чешую), больших теменных отверстий, истончение теменной кости или теменное вдавление в виде локального отсутствия наружной костной пластинки, дырчатый череп и др. Аномалии и пороки развития, выделяемые во вторую группу, могут быть связаны с нарушением развития головного мозга. К этой группе относятся врожденное (краниосхизис) и приобретенное несмыкание костей черепа, краниостеноз, микроцефалия, гидроцефалия и т.д.

Возможные причины неполного смыкания черепных швов у индивидов из памятников...

В данной работе будут обсуждаться возможные причины неполного смыкания швов на черепках у индивидов из памятников Мастара и Вардбах.

Материалы и методы

Поселение Мастара находится в Арагацотнской провинции Армении. Арагацотнская провинция на северо-западе граничит с Ширакской, на северо-востоке — с Лорийской, на востоке — с Котайкской провинцией, на западе — с Турцией. Раскопки памятника были проведены в 2018 г. археологами В.В. Меликян и Т.Э. Арутюнян. Могильник Вардбах расположен у р. Ахурян, в 5–7 км от Гюмри (Ширакская провинция), исследовался археологом С.А. Тер-Маркаряном в 2008 г.

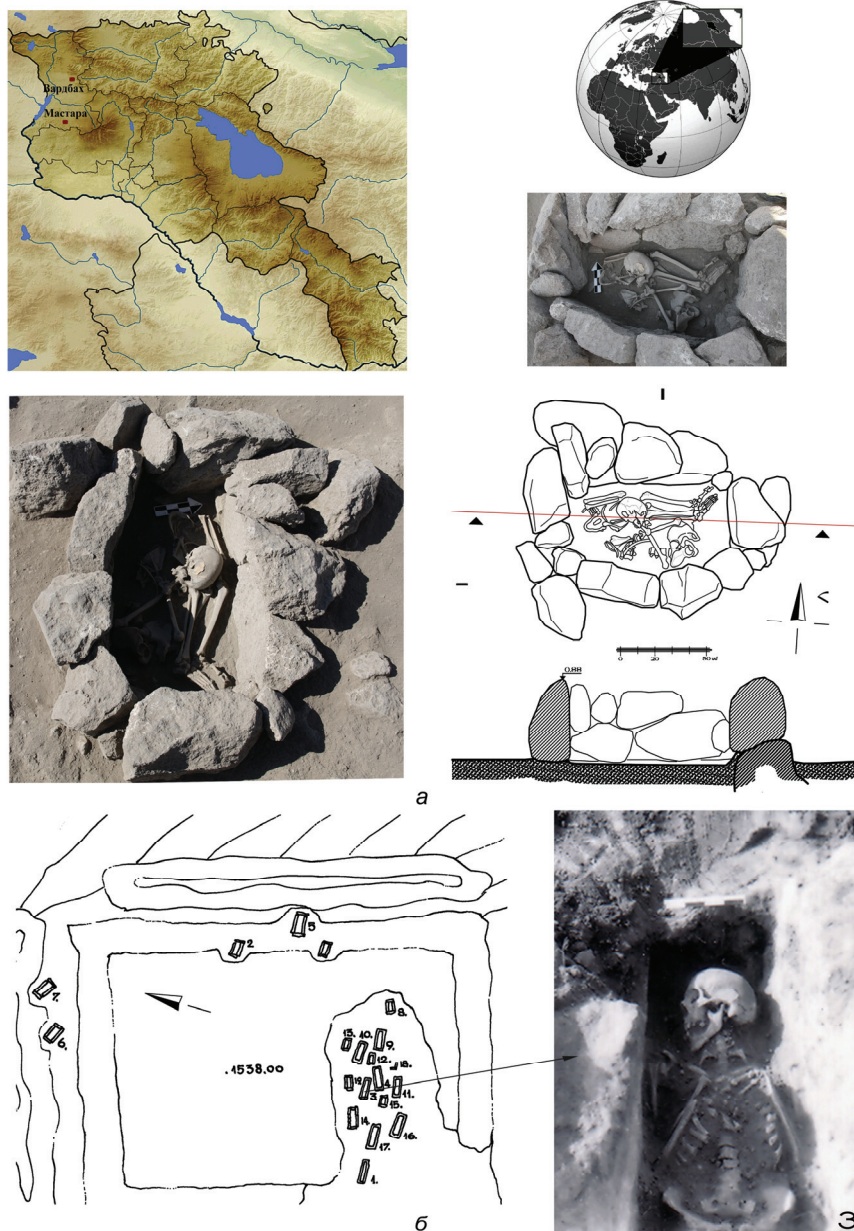

Рис. 1. Карта Армении с упомянутыми в тексте памятниками:
а — Мастара; б — Вардбах.

Fig. 1. Map of Armenia with the monuments mentioned in the text:
а — Mastara; б — Vardbakh.

Антропологический материал насчитывает 14 (8 женских, 4 мужских, 2 детских) костяков. Оба рассматриваемых погребения представляют собой каменные ящики (рис. 1). Для погребенного из поселе-

ния Мастара был сооружен овальный каменный ящик, для погребенного из некрополя Вардбах — прямоугольный. В первом случае костяк находился в сидячем положении, во втором — на спине.

Для обеспечения наибольшей информативности материала необходимо исследовать скелеты комплексно [Алексеев, Дебец, 1964; Алексеев, 1966; Мовсесян и др., 1975; Худавердян, 2016; Федосова, 1986; Buikstra, Ubelaker, 1994]. При описании и диагностике патологических изменений использовались макроскопический метод и рентгенография. Целью краниографии являлось определение особенностей и выраженности изменений костей черепа. Методом рентгенографии изучали состояния черепных швов, особенности берцовых костей и черепа, форму основания черепа, состояние черепных ямок, наличие локальных изменений. Исследовались наличие и распространенность истончения костей черепа, степень выраженности пальцевидных вдавлений. Дифференциальная диагностика осуществлялась с опорой на критерии, приведенные в палеопатологической [Aufderheide, Rodriguez-Martin, 1998; Ortner, 2003] и медицинской [Бургенер и др., 2011; Рейнберг, 1964; Рубашева, 1961] литературе.

Материал хранится в кабинете физической антропологии Института археологии и этнографии НАН РА.

Результаты

Краниология

Индивидуальные краниологические данные черепов из памятников Мастара и Вардбах представлены в табл. 1.

Индивид № 1 (Мастара, погр. 1)

Череп принадлежит женщине 30–35 лет (рис. 2). Мозговая коробка характеризуется как мезокранная, с большим продольным и средним поперечным диаметрами. Она невысокая. Затылок среднеширокий, наружный затылочный выступ развит очень слабо, в латеральной норме затылок округлый. Лоб среднеширокий, лобно-поперечный указатель средний — мезозем. Скуловой диаметр очень маленький. Лицо высокое, большое и по значению верхней ширины. Угол горизонтальной профилировки на верхнем уровне входит в категорию малых, т.е. лицо по европеоидным меркам хорошо профилировано. Высота носа очень большая. Симотическая ширина средняя, высота — большая, указатель также большой. Орбиты среднеширокие, высокие и гипсиконхные. Проекционная длина нижней челюсти очень малая. Передняя ширина очень малая. Бугристость в области наружной и внутренней поверхностей углов с обеих сторон выражена отчетливо. Симфиз и тело нижней челюсти средневысокие с малой толщиной.

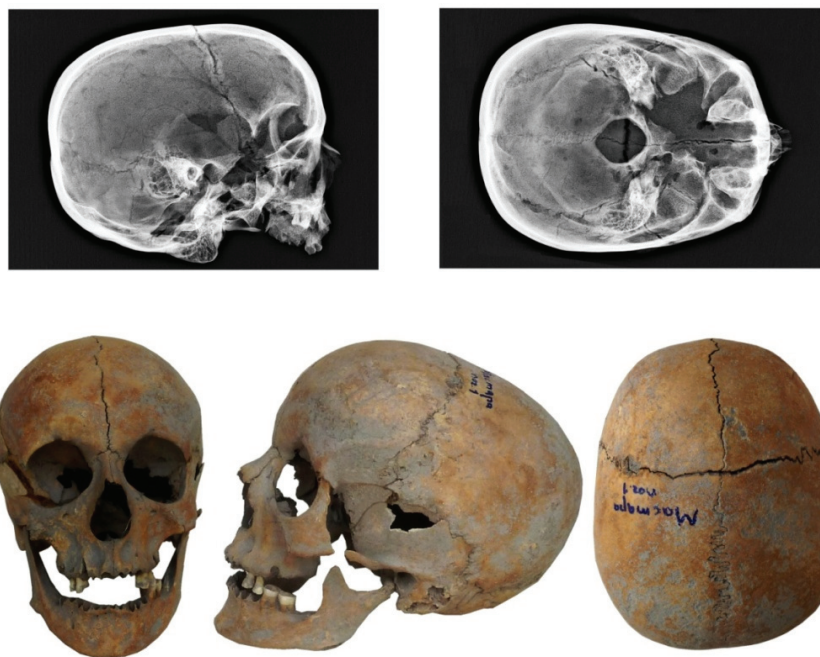

Рис. 2. Индивид № 1.
Fig. 2. Individual No. 1.

Возможные причины неполного смыкания черепных швов у индивидов из памятников...

Таблица 1

Индивидуальные размеры и указатели античных черепов из провинций Арагацотн и Ширак

Table 1

Individual sizes and indexes of antique skulls from the provinces of Aragatsotn and Shirak

№ по Мартину и др.	Признак	Мастара ♀	Вардбах ♀
1	Продольный диаметр	177	173
8	Поперечный диаметр	136,5	132,5
8:1	Черепной указатель	77,12	76,59
17	Высотный диаметр от ба	124	129
17:1	Высотно-продольный указатель	70,06	74,57
17:8	Высотно-поперечный указатель	90,85	97,73
20	Высотный диаметр от ро	115	116
20:1	Высотно-продольный указатель	64,98	67,06
20:8	Высотно-поперечный указатель	84,25	87,55
5	Длина основания черепа	91	99,8
9	Наименьшая ширина лба	95,8	94
9:8	Лобно-поперечный указатель	70,19	70,95
10	Наибольшая ширина лба	123	117
11	Ширина основания черепа	112,5	118
11:8	Аурикулярно-поперечный указатель	82,42	89,06
12	Ширина затылка	103	99
29	Лобная хорда	108	104,5
30	Теменная хорда	119	108,8
31	Затылочная хорда	86	95,5
26	Лобная дуга	126,6	118
27	Теменная дуга	139	122
28	Затылочная дуга	91,5	115
7	Длина затылочного отверстия	37,2	32
16	Ширина затылочного отверстия	29	30
32	Угол профиля лба от n	88	—
—	Угол профиля лба от g	86	—
40	Длина основания лица	87	—
40:5	Указатель выступания лица	95,61	—
45	Скуловой диаметр	113,8?	117?
48	Верхняя высота лица	69,5	—
45:8	Поперечный фацио-церебральный указатель	83,37	—
9:45	Лобно-скуловой указатель	84,19	70,95
48:17	Вертикальный фацио-церебральный указатель	56,05	—
48:45	Верхний лицевой указатель	61,08	—
43	Верхняя ширина лица	97	98,5
9:43	Лобно-верхнелицевой указатель (широтный)	98,77	—
46	Средняя ширина лица	85	—
60	Длина альвеолярной дуги	47,8?	—
61	Ширина альвеолярной дуги	57,2?	—
62	Длина неба	-	—
63	Ширина неба	26,2	—
63:62	Небный указатель	-	—
55	Высота носа	69	—
54	Ширина носа	22	—
54:55	Носовой указатель	31,89	—
51	Ширина орбиты от mf	40,9	—
51a	Ширина орбиты от d	38?	—
52	Высота орбиты	36	—
52:51	Орбитный указатель (mf)	88,02	—
52:51a	Орбитный указатель (d)	94,74	—
MC	Максиллофронтальная ширина	16,8	—
MS	Максиллофронтальная высота	7	—
MS:MC	Максиллофронтальный указатель	41,67	—
SC	Симотическая ширина	8	—
SS	Симотическая высота	4	—
SS:SC	Симотический указатель	50,0	—
72	Общий лицевой угол	89	—
73	Средний лицевой угол	90	—
74	Угол альвеолярной части	88	—
75(1)	Угол выступания носа	64	—
77	Назомаллярный угол	137	138
<zm	Зигомаксиллярный угол	126	—
68 (1)	Длина н.ч. от мыщелков	84	94
79	Угол ветви н.ч.	38	26
68	Длина н.ч. от углов	61	80
70	Высота ветви	49,9	59
71a	Наименьшая ширина ветви	25,3	32
65	Мыщелковая ширина	108	106
66	Угловая ширина	90	90
67	Передняя ширина	37,8	44
69	Высота симфиза	29,2	24
69 (1)	Высота тела	23	30
69 (2)	Толщина тела	10	11
47	Полная высота лица	113	—

Краниоскопические особенности индивидов

Table 2

Cranioscopic features of individuals

	Индивид № 1		Индивид № 2	
	Лев.	Прав.	Лев.	Прав.
Sutura frontalis	+		-	
Foramina supraorbitalia	-	-	+	-
Foramina frontalia	-	-	+	-
Cribrum orbitale	-	-	+	+
Spina trochlearis	-	-	-	-
Foramina infraorbitalia	+	-		
Foramina zygomaticofacialia	+	+		
Os zygomaticum bipartitum	-	-		
Spina processus frontalis прямой выступ отросток	+		+	
Stenocrotaphia Х-обр.	+		+	
Os epiptericum	-	-	-	-
Os Wormii suturae squamosum	+	+	+	-
Os postsquamosum	+	+	+	+
Os parietale bipartitum	-	-	-	-
Os Wormii suturae coronalis	-		-	
Os bregmaticum	-		-	
Os Wormii suturae sagittalis	-		-	
Foramina parietalia	+	-	+	+
Os Incae completus	-		-	
Os triquetrum	-		-	
Os quadratum	-		-	
Os apicis lambdae	-		-	
Os interparietale s. sagittalis	-		-	
Processus interparietalis	-		-	
Os Wormii suturae lambdae	+	+	-	-
Sutura mendoza	+	+	+	+
Os asterion	-	-	-	-
Torus occipitalis	0		0	
Os Wormii sut. occipitomastoideum	+	-	-	-
Foramina mastoidea на шве вне шва	+	-	-	+
	-	-	-	-
Torus palatinus	1			
Sutura palatina П-образный	+			
Sutura incisiva	-			
Foramen pterygospinosum	-	-		
Canalis craniopharyngeus	-		+	
Foramina spinosum	-	-	+	+
Condylus occipitalis bipartitum	-	-	-	-
Processus paramastoideus	-		-	
Tuberculum pracondylare	-		-	
Canalis condyloideus		+	+	+
Foramina mentalia				
Torus mandibularis	0		0	
Sulcus mylohyoideus	-	-	-	-
Foramina mandibularia	-	-	-	-

Индивид № 2 (Вардбах, позр. 3)

Череп принадлежит женщине 40–45 лет. Мозговая коробка как мезокранная, с малым продольным и средним поперечным диаметрами. Она средневысокая. Затылок узкий, наружный затылочный выступ развит очень слабо. Лоб среднеширокий, лобно-поперечный указатель средний — мезозем. Надпереносье и надбровные дуги выражены слабо. Бугристость в области

Возможные причины неполного смыкания черепных швов у индивидов из памятников...

наружной и внутренней поверхностей углов с обеих сторон выражена отчетливо. Тело нижней челюсти высокое со средней толщиной.

Краниоскопия

Индивид № 1 (Мастара, погр. 1)

Для индивида характерны следующие дискретно-варьирующие признаки (табл. 2): sutura frontalis, foramina infraorbitalia, foramina zygomaticofacialia, spina processus frontalis ossis zygomatici (выступ), stenocrotaphia (X-обр.), os wormii suturae squamosum, os postsquamosum, foramina parietalia, os wormii suturae lambdoidea, sutura mendoza, os wormii sut. occipitomastoideum, foramina mastoidea (на шве), sutura palatina transversa (П-образный), canalis condyloideus. По мнению В.В. Бунака, наличие у индивида мендозного (рис. 2; 3, 2; 7) и фронтального (рис. 2, 7) швов явствует о принадлежности последних к переднеазиатскому (арменоидному) типу. Восточных признаков на черепе не обнаружено.

Индивид N 2 (Вардбах, погр. 3)

На черепе зафиксированы следующие краниоскопические особенности: foramina supraorbitalia, foramina frontalia, cribra orbitalia, processus temporalis ossis frontalis, os wormii suturae squamosum, os postsquamosum, foramina parietalia, sutura mendoza (следы), foramina mastoidea (на шве), canalis craniopharyngeus (следы), отсутствие foramina spinosum, canalis condyloideus.

Остеометрия

Индивид № 1 (Мастара, погр. 1)

По абсолютным размерам плечевая кость характеризуется выходящими за нижнюю границу нормы значениями всех признаков (табл. 3). Значение указателя массивности попадает в градацию малых величин. Над внутренним мыщелком на внутреннем гребне тела правой плечевой кости фиксируется надмыщелковый отросток (processus epicondyloides). На правой плечевой кости имеется межмыщелковое отверстие. Строение верхней части диафиза локтевой кости нормальное, сечение не имеет специализированной формы — зуроления. Локтевая и лучевая кости также по всем размерам характеризуются выходящими за границу нормы величинами. Крестцовая кость гомобазальная. Длина бедренной кости также выходит за нижнюю границу нормы. Сечение бедренной кости характеризуется гиперплатимерией. Сагиттальный диаметр верхней части диафиза бедренной кости меньше ширины. Суставная поверхность надколенной чашечки как бы изъедена, наблюдаются очаги пороза. Количество фасеток определить невозможно. На внутренней поверхности чашечки имеется щель. Берцовые кости характеризуются очень малыми значениями продольных размеров. По указателю платикнемии и правой, и левой стороне свойственна эурикнемия, т.е. верхнее сечение большеберцовых костей расширено в поперечном направлении. На внутренней поверхности большого вертела правого бедра имеется ямка Аллена (рис. 4, 3). Наблюдается дополнительная суставная площадка на нижней суставной поверхности большеберцовых костей.

Таблица 3

Остеометрическая характеристика индивидов

Table 3

Osteometric characteristics of individuals

Признак, № по Р. Мартину	Индивид № 1		Индивид № 2	
	Правая	Левая	Правая	Левая
Лопатка (Scapula)				
1. Морфологическая длина		110,8?	—	—
2. Морфологическая ширина	82	81	—	—
2:1. Указатель формы		73,11	—	—
Крестец (Os sacrum)				
5. Верхняя ширина		112,2		—
2. Передняя высота		100		—
6. Глубина изгиба		17,5		—
5:2. Широтно-высотный указатель		112,2		—
6:2. Указатель глубины изгиба		1,75		—
Плечевая кость (Humerus)				
1. Наибольшая длина	260,5	258	277	—
2. Вся длина	259	255	274	—
3. Верхняя эпифизарная ширина	41,8	—	40,2	—
4. Нижняя эпифизарная ширина	48	46?	54,6	—
7. Наименьшая окружность диафиза	39	37	52	—
7a. Окружность середины диафиза	55	49	60	—
7:1. Индекс массивности	15,36	14,73	18,78	—

Признак, № по Р. Мартину	Индивид № 1		Индивид № 2	
	Правая	Левая	Правая	Левая
Лучевая кость (Radius)				
1. Наибольшая длина	196	195,5	—	—
2. Физиологическая длина	187	187	—	—
4. Поперечный диаметр диафиза	12	12,8	—	—
5. Сагитальный диаметр диафиза	9,5	9	—	—
3. Наименьшая окружность диафиза	26	24	—	—
3:2. Указатель массивности	13,91	12,84	—	—
5:4. Указатель сечения	79,17	70,32	—	—
Локтевая кость (Ulna)				
1. Наибольшая длина	213?	212?	—	—
2. Физиологическая длина	189	191	—	—
11. Передне-задний диаметр	9,9	8,5	11	—
12. Поперечный диаметр	12,3	13	15,8	—
13. Верхний поперечный диаметр	15,2	15,8	19	—
14. Верхний дорзоволярный диаметр	19	16	21	—
3. Наименьшая окружность	19	18	33	—
3:2. Указатель массивности	15,35	14,66	—	—
11:12. Указатель сечения	80,49	65,39	69,63	—
13:14. Указатель платолении	80	98,75	90,48	—
1:2. Указатель наибольшей длины	112,699	110,995	—	—
Бедренная кость (Femur)				
1. Наибольшая длина	373	370	—	—
2. Длина в естественном положении	366	363	—	—
21. Мышелковая ширина	-	64	—	—
6. Сагитальный диаметр середины диафиза	19,2	19,8	—	23
7. Поперечный диаметр середины диафиза	21	20,2	—	24
9. Верхний поперечный диаметр	27	26,2	—	22,2
10. Верхний сагитальный диаметр	18	18,8	—	29,5
8. Окружность середины диафиза	64	64,5	—	73
8:2. Указатель массивности	17,49	17,77	—	—
6:7. Указатель пилястрии	91,43	98,02	—	95,84
10:9. Указатель платиметрии	66,67	71,76	—	75,26
Большая берцовая кость (Tibia)				
1. Полная длина	306	305	—	—
2. Мышелково-таранная длина	295	290	—	—
1а. Наибольшая длина	309	308	—	—
5. Наибольшая ширина верхнего эпифиза	-	63,5	—	—
6. Наибольшая ширина нижнего эпифиза	39,5	41	—	—
8. Сагитальный диаметр на уровне середины диафиза	21	21,8	—	—
8а. Сагитальный диаметр на уровне питательного отверстия	24	24	—	—
9. Поперечный диаметр на уровне середины диафиза	16	16	—	—
9а. Поперечный диаметр на уровне питательного отверстия	18	18,2	—	—
10. Окружность середины диафиза	59	61	—	—
10б. Наименьшая окружность диафиза	57	57	—	—
9:8. Указатель сечения	76,191	73,395	—	—
10б:1. Указатель прочности	18,63	18,69	—	—
9а:8а. Указатель платикнемии	75,0	75,84	—	—
10:1. Указатель массивности	19,29	20,0	—	—
Малая берцовая кость (Fibula)				
1. Наибольшая длина	299	301	—	—
4 (1). Ширина верхнего эпифиза	22	23	—	—
4 (2). Ширина нижнего эпифиза	23,5	-	—	—
4. Окружность середины диафиза	35	37	—	—
4:1. Указатель прочности	11,71	12,293	—	—
Реконструированные показатели пропорции и длины тела				
R1:H1. Лучеплечевой указатель	75,24	75,78	—	—
T1: F2. Берцово-бедренный указатель	83,61	84,03	—	—
H1+R1/F1+T1. Интермембральный указатель	67,24	67,19	—	—
H1+R1/ F2+T1. Интермембральный указатель	67,94	67,89	—	—
H1:F2. Плечебедренный указатель	71,18	71,08	—	—
R1:T1. Лучеберцовый указатель	64,06	64,099	—	—

Возможные причины неполного смыкания черепных швов у индивидов из памятников...

Окончание табл. 3

Признак, № по Р. Мартину	Индивид № 1		Индивид № 2	
	Правая	Левая	Правая	Левая
Длина тела (по С. Дюпертюи и Д. Хэддену) По формуле: $70,584+1,165 (F+T)$ По формуле: $61,982+1,866 (H+R)$ По формуле: $69,978+3,035 \times H$	149,69 148,01	149,23 146,52	— — 154,05	— — —
Среднее значение длины тела	148,37		154,05	

Таблица 4

Балловая характеристика развития рельефа длинных костей индивида № 1

Table 4

The score characteristic of the development of the relief of the long bones of individual No 1

Признак	Правая	Левая	Правая и левая суммарно
Плечевая кость (Humerus)			
Crista tuberculi minoris, crista tuberculi majoris	2	1	1,5
Tuberositas deltoidea	1,5	1	1,25
Tuberculum majus, tuberculum minus	1	1?	1
Margi lateralis, medialis et anterior Epicondili lateralis et medialis	1	1	1
Средний балл	1,38	1	1,19
Лучевая кость (Radius)			
Tuberositas radii	1,5	1	1,25
Margo interossea	1,5	1,5	1,5
Бороздки для сухожилий разгибателей	2	2	2
Processus styloideus	2	2	2
Средний балл	1,75	1,63	1,69
Локтевая кость (Ulna)			
Margo interossea, margo posterior	1,5	1,5	1,5
Crista musculi supinatoris	1	1	1
Tuberositas ulnae	1,5	1,5	1,5
Средний балл	1,34	1,34	1,34
Бедренная кость (Femur)			
Trochanter major	1	1	1
Trochanter minor	2	2	2
Tuberositas glutea	1,5	2	1,75
Linea aspera	2	2	2
Epicondili	1	1,5	1,25
Средний балл	1,5	1,7	1,6
Большая берцовая кость (Tibia)			
Tuberositas tibiae	1	1	1
Margo anterior, margo interossea	2	2	2
Linea m. solei, m. soleus	1	2	1,5
Бороздки для сухожилий разгибателей	1	1	1
Средний балл	1,25	1,5	1,38
Малая берцовая кость (Fibula)			
Развитие краев	2	2	2

Интермембральный указатель выходит за нижнюю границу минимальных значений, что свидетельствует об удлинённой нижней конечности относительно верхней. Лучеберцовый указатель минимальных значений, т.е. предплечье могло быть очень коротким. Значения радиоухмерального указателя для левой и правой сторон попадают в категорию мезатикеркия. Для определения прижизненного роста индивида были использованы формулы С. Дюпертюи и Д. Хэддена, разработанные для низкорослых европеоидов (Dupertuis, Hadden, 1951; цит. по: [Алексеев, 1966]). Данный индивид имел рост примерно 148,37 см. Таким образом, реконструированный рост индивида попадает в категорию ниже среднего.

Индивид № 2 (Вардбах, погр. 3)

Правая плечевая кость малой длины, наименьшая окружность диафиза характеризуется как очень малая (табл. 4). Указатель прочности — средний. Строение верхней части диафиза локтевой кости нормальное, сечение не имеет специализированной формы — эуроления. Окружность середины диафиза бедренной кости малая. Указатель поперечного сечения верхней

части диафиза характеризуется платимерией (уплощена). Длина тела индивида, рассчитанная по наибольшей длине плечевой кости, составила 154,05 см (формула С. Дюпертун и Д. Хэддена). Таким образом, реконструированный рост индивида попадает в категорию среднего.

Развитие мышечного рельефа на костях скелета

Ответной реакцией организма человека на физическую нагрузку, хроническую (многократную) микротравму являются образования затылочных структур (затылочный валик (TOT), позадисосцевидный отросток (PR); рис. 3) [Худавердян, 2016].

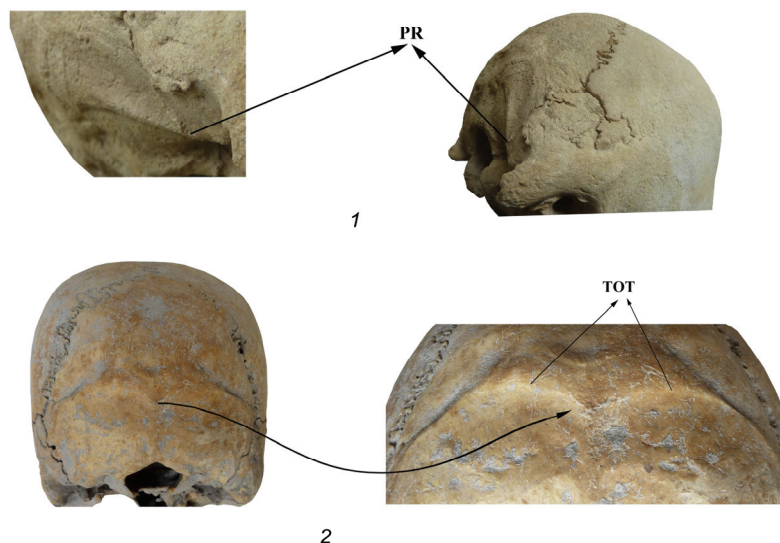

Рис. 3. Затылочные структуры:

1 — retromastoid process (индивид № 1); 2 — occipital torus (индивид № 2).

Fig. 3. Occipital superstructures:

1 — retromastoid process (individual No. 1); 2 — occipital torus (individual No. 2).

Индивид № 1 (Мастара, погр. 1)

У индивида затылочные валики расположены в области крепления трапецевидной мышцы (musculus trapezius). Развитие признака у индивида оценивается баллом 3 (рис. 3, 2).

В лучевых костях умеренно (но не слабо) развиты лучевые шероховатости (табл. 4), что является отражением соответствующего развития мышцы, сгибающей плечо и предплечье, т.е. участвующей в процессе поднимания тяжести. Мышечная реакция сильная на фалангах (рис. 4, 1). Ближе к правой головке локтевой кости имеются небольшие экзостозы. Шиловидный отросток локтевой кости (обеих костей) хорошо развит. На суставных поверхностях лобковых костей (symphysis pubica), в частности на левой, выражены участки лизиса костной ткани в виде округлых отверстий диаметром 1–2 мм (рис. 4, 2). Подобные изменения лобковых костей наблюдаются при беременности или после родов. На бедренных костях отмечается неплохое развитие ягодичной шероховатости — свидетельство развитости больших ягодичных мышц обеих ног (рис. 4, 3). На бедренных костях сильно развита linea aspera, структура, образовавшаяся вследствие многолетней верховой езды [Carasso et al., 1999]. Рельеф на задней поверхности обеих большеберцовых костей, соответствующий линии камбаловидной мышцы (третьей головки трехглавой мышцы голени), развит умеренно (но не слабо). Он не существенно выступает над уровнем тела, но довольно длинен.

Достаточно крупный экзостоз фиксируется и на левой малой берцовой кости (рис. 4, 5). Причинами формирования экзостоза могут быть воспалительный процесс, ушиб, ущемление, аномалии надкостницы и хряща. На суставных поверхностях пяточных костей (calcaneus) отмечаются признаки энтезопатии (рис. 4, 4). На пяточном бугре (апофиз) наблюдаются множественные экзостозы. В данном случае причиной экзостозов являются микротравмы, полученные во время верховой езды.

Индивид № 2 (Вардбах, погр. 3)

У индивида фиксируется позадисосцевидный отросток (PR) — непостоянный тупой отросток на нижней поверхности затылочной кости (балл 2, рис. 3, 1) между затылочно-сосцевидным швом и вертикальной ветвью крестообразного возвышения на месте прикрепления нижней косой мышцы (linea nuchae inferior).

Возможные причины неполного смыкания черепных швов у индивидов из памятников...

Частичная сохранность костей конечности все же с убедительностью позволяет судить о значительном уровне развития физических нагрузок, переносившихся исследуемым индивидом. Значительные нагрузки на крупную мускулатуру плеча и грудные мышцы были постоянными в жизни этого индивида. Значительно развит и рельеф на костях среднего сегмента нижних конечностей.

Рис. 4. Развитие мышечного рельефа на костях скелета.
Fig. 4. The development of muscle relief on the bones of the skeleton.

Патология

У обоих индивидов наблюдается непреднамеренная искусственная деформация черепа колыбельного типа (рис. 5). По всей видимости, это результат тугого пеленания в деревянной люльке («оророце»), в которой индивид в младенчестве находился большую часть дня [Khudaverdyan, 2016]. Следовательно, уплощенность формируется лишь на первом году жизни под воздействием колыбельной стенки, соприкасающейся с теменем и затылком.

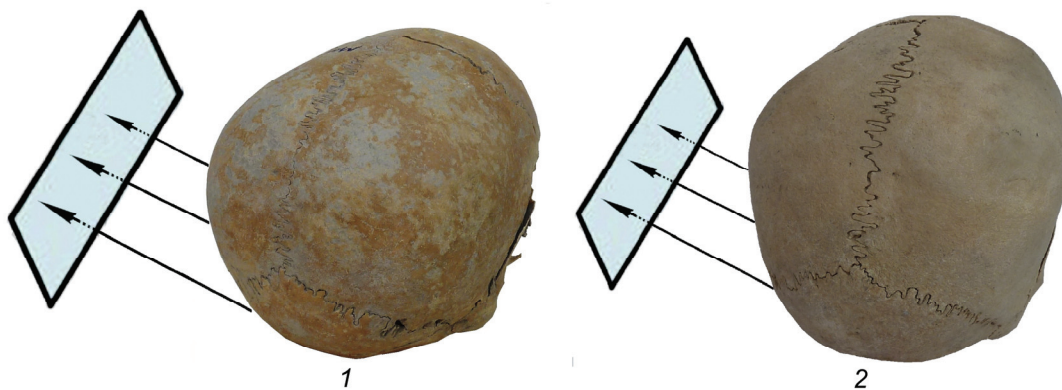

Рис. 5. Непреднамеренная деформация черепа колыбельного типа:
1 — индивид № 1; 2 — индивид № 2.
Fig. 5. Unintended cradle deformation:
1 — individual No. 1; 2 — individual No. 2.

Периостит — реакция костной ткани на большой круг патогенных причин — зафиксирован у обоих исследованных индивидов на костях нижней конечности. Причиной периостита являются анемические синдромы, инфекции, воспаления травматического происхождения.

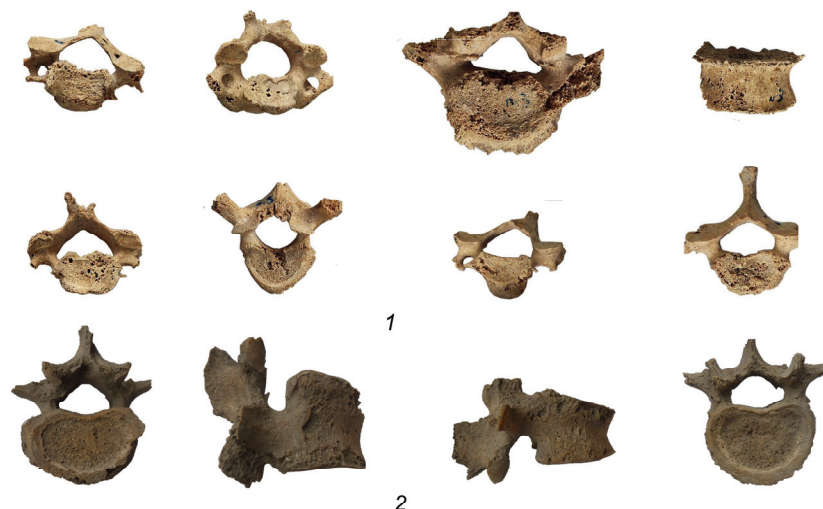

Рис. 6. Дегенеративно-дистрофические изменения позвонков:

1 — индивид № 2; 2 — индивид № 1.

Fig. 6. Degenerative dystrophic changes of the vertebrae:

1 — individual No. 2; 2 — individual No. 1.

У индивидов наблюдались *дегенеративно-дистрофические поражения костно-суставного аппарата*. Практически все кости посткраниального скелета характеризуются наличием остеопороза концевых отделов длинных костей. Вероятно, это связано с недостатком в рационе питания витаминов, нехваткой в окружающей среде кальция, йода и, как следствие, недостаточностью функционирования щитовидной железы. Дегенеративные изменения межпозвоночных дисков сопровождаются изменениями в телах позвонков. Были обнаружены хрящевые узлы (грыжи Шморля) на позвонках грудного отдела (Т3–Т10) (рис. 6) и дегенеративно-дистрофические изменения височно-нижнечелюстного сустава (остеоартроз) (рис. 9). Хрящевые грыжи формируются при значительных компрессионных нагрузках на позвоночник преимущественно в период роста. Отмечено центральное расположение межпозвоночных грыж. Остеоартроз височно-нижнечелюстных суставов является неспецифическим маркером механической перегрузки зубочелюстного аппарата, связан с возрастным стиранием и прижизненной утратой зубов, а также с пародонтозом.

Зафиксирована резорбция костной ткани (периапикальный абсцесс) на левой стороне в области первого моляра (индивид № 1), на правой стороне в области первого премоляра (индивид № 2) верхней челюсти и на правой стороне нижней челюсти в области второго премоляра и первого моляра. Причиной абсцесса, вероятно, является запущенный кариес. При этом бактерии проникают в пульпу и окружающие ткани, провоцируя воспалительный процесс и накопление гноя.

Индивид № 1 (Мастара, погр. 1)

При детальном визуальном осмотре черепа со стороны наружной компакты отмечается неполное смыкание (метопического, венечного, чешуйчатых) швов (рис. 7, 2). Со стороны эндокрана отчетливо фиксируются несквозные поражения: в области сагиттального шва (справа), а также метопического и стреловидного (с обеих сторон) (рис. 7, 1). Большинство поражений макроскопически округлые по форме. Диаметры дефектов колеблются в интервале около 3–14 мм. Следовательно, очевидно разрушение нижней костной пластинки черепа. Края дефектов неровные, зубчатые. В нескольких случаях обнаружены деструкции на внешней стороне черепа с признаками разрушения верхней пластинки. В частности, обращает на себя внимание разрушение левого сосцевидного отростка (рис. 7, 3). Часть деструкций демонстрируют нарушения посмертного характера.

Тазовая кость имеет восемь крупных полостей и в целом сильно пневматизирована (*ossa pneumatice*; рис. 7, 6). Следует отметить, что деструкция поражает различные участки костей всего скелета (лопатки, крестец, ребра и т.д.). В частности, на бедренных костях зафиксировано 10 очагов поражения (рис. 7, 5, 8), на больших берцовых костях — 6 (рис. 7, 4), на малых бер-

Возможные причины неполного смыкания черепных швов у индивидов из памятников...

цовых — 3 и т.д. (рис. 7, 6). Обилие разрушений и очевидный характер скоротечности деформаций костной ткани позволяет говорить о вероятной злокачественности процесса. Об этом свидетельствует и рентгенограммы большеберцовых костей (рис. 8). На левой большеберцовой кости преимущественно по передней и наружной поверхности корковый слой утолщен, нечеткий, разволокнен, определяются спиклообразный периостоз и экзоостальный компонент с наличием очагов патологического остеогенеза по передней поверхности.

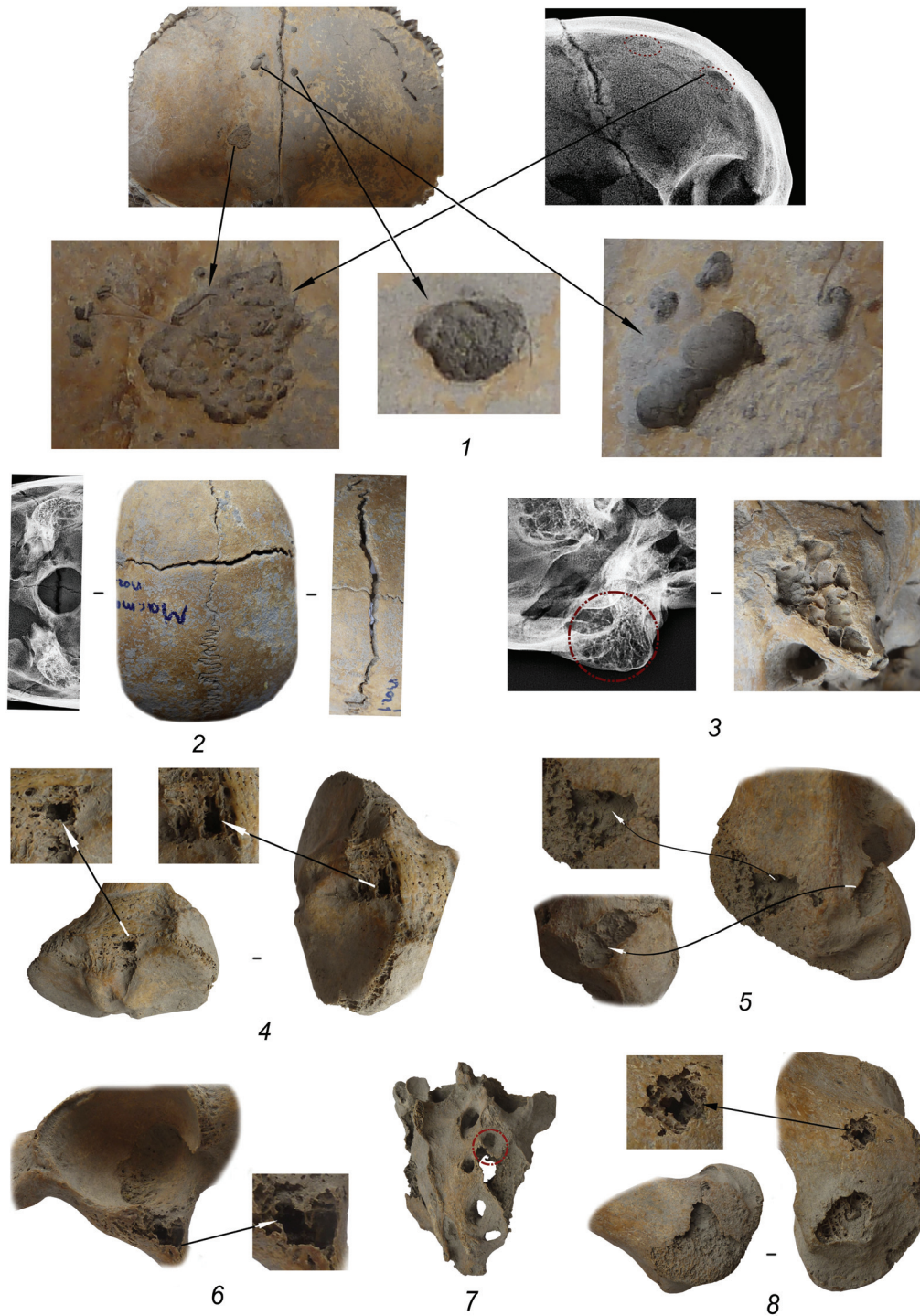

Рис. 7. Зубчатая и фестончатая структура краев лизированных деструкций и пневматизация костей.
Fig. 7. The jagged and scalloped structure of the edges of lysed destruction and pneumatisation of bones.

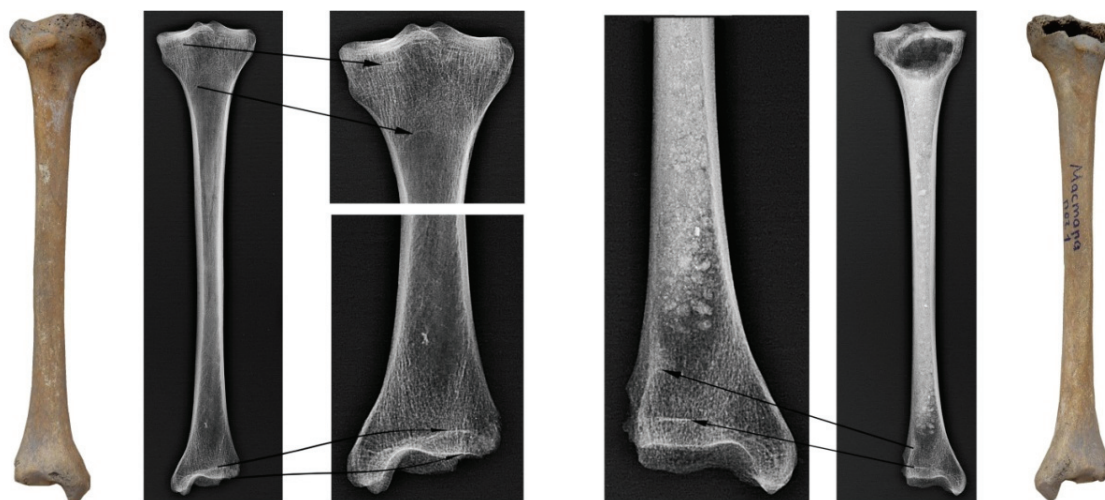

Рис. 8. Рентгенограмма большеберцовых костей с увеличением. Стрелками обозначены линии Гарриса.
Fig. 8. X-ray of tibial bones with magnification. The arrows indicate Harris lines.

В скелетной системе индивида фиксируются маркеры эпизодического стресса в детском возрасте. На основании рентгенографию можно судить о выраженности линий Гарриса на большеберцовых костях (рис. 8). Они формируются при перенесенном ребенком стрессе, который может быть вызван недоеданием, серьезным заболеванием или иными причинами. Как известно, чем ближе к эпифизу расположена линия, тем в более поздний период роста имел место эпизодический стресс. В нашем случае линии, просматривающиеся на двух диафизах большеберцовых костей, образовались, вероятно, в возрасте второго детства и подростковом возрасте.

Зубной камень регистрировался на буккальной и лингвальной поверхностях каждого зуба. Зубной камень возникает в результате минерализации зубного налета под воздействием некоторых составляющих слюны, из-за абразивных свойств пищи.

Индивид № 2 (Вардбах, погр. 3)

Со стороны наружной компакты отмечается неполное смыкание (венечного и часть сагитального) швов. У венечного шва на границе с левой теменной костью (рис. 9) хорошо виден неправильной формы участок деструкции, захватывающий все слои кости.

На лобной, левой теменной костях и на правом птерионе отмечается множество дефектов наружной компактной пластины, носящих характер «изъязвлений». Края повреждений острые, без следов заживления. Поверхность костей черепа шероховатая, с некоторой сглаженностью и формирующимся рисунком «стянутых краев». Рентгенологически и анатомически обнаруживаемые симптомы были четко выражены. На внутренней поверхности правой половины нижней челюсти, в области ее угла, имеется участок деструкции (11,5×6,2 мм). Прослеживаются еще два дефекта овальной формы размерами 5×3,8 и 10×4,8 мм на нижней челюсти. Альвеолярный отросток верхней и нижней челюстей имеет следы облитерации зубных альвеол. Зубы выпали сравнительно незадолго до наступления смерти. И со стороны эндокрана отчетливо фиксируются несквозные поражения (пять очагов). И здесь деструкция поражает различные участки костей всего скелета (лопатки, ребра, позвонки). Кости посткраниального скелета очень хрупки. В частности, на плечевых костях зафиксированы очаги поражения диаметром приблизительно до 30 мм. Поверхность диафиза грубо шероховатая. Кость как бы находится в «футляре» с большим количеством мелких и крупных свищевых ходов. Наблюдаются выраженные периостальные наслоения.

У индивида фиксируются специфические изменения на верхней внутренней поверхности глазниц (cribra orbitalia). Признак формируется в детском возрасте и чаще всего ассоциируется с железодефицитной анемией, которая развивается при хроническом течении инфекционных и паразитарных заболеваний.

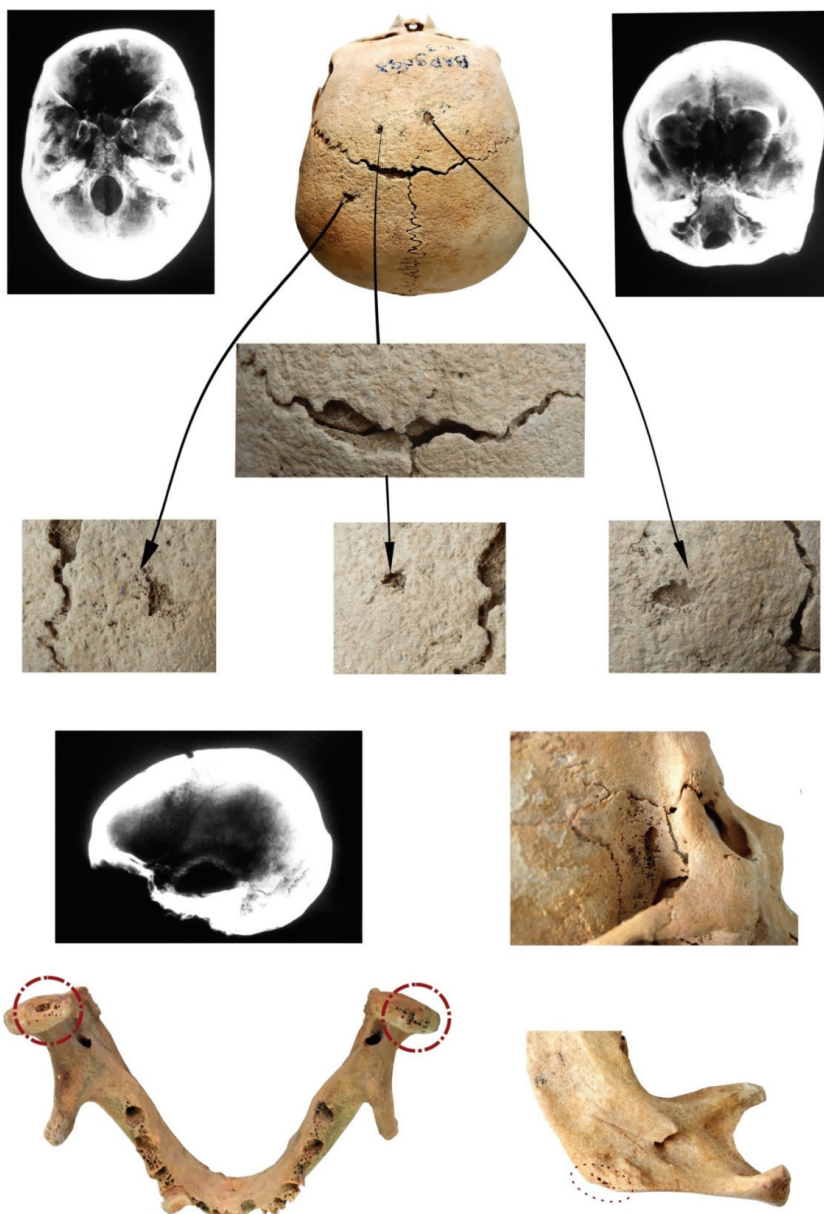

Рис. 9. Зубчатая и фестончатая структура краев лизированных деструкций.
Fig. 9. The jagged and scalloped structure of the edges of lysed destruction.

Рис. 10. Свищевые отверстия на правой бедренной и левой плечевой костях.
Fig. 10. Fistulas on the right hip and left shoulder bones.

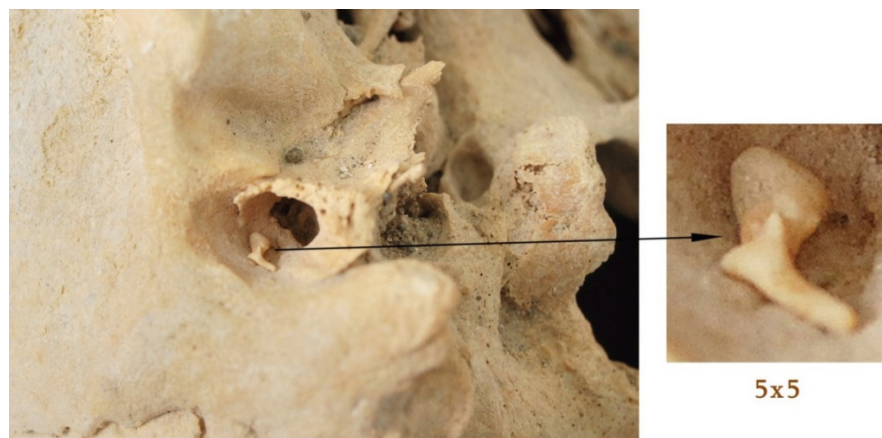

Рис. 11. Экзостоз слухового прохода.
Fig. 11. Exostosis of the external ear canal.

Из особенностей, зафиксированных на черепной коробке, следует отметить экзостозы наружного слухового прохода. Наиболее распространенной и поддерживаемой является гипотеза, что экзостозы наружного слухового прохода возникают в результате раздражения ушного канала при систематическом воздействии холодной воды [Kuczkowski et al., 2010; Lobo, 2015; и др].

Обсуждение и заключение

Одной из причин расхождения швов на черепе является хроническая водянка головы (гидроцефалия). Основным синдром болезни — синдром повышения внутричерепного давления (гипертензионный, синдром внутричерепной гипертензии) [Zakaria et al., 2012]. При гидроцефалии происходит расширение ликворосодержащих полостей (желудочки мозга, субарахноидальные пространства) за счет уменьшения объема вещества головного мозга в результате нарушения ликвородинамики и избыточного накопления спинномозговой жидкости. Краниграфические признаки гипертензионной гидроцефалии — расхождение черепных швов, усиление рисунка пальцевидных вдавлений, остеопороз его спинки и т.д. В зависимости от причин возникновения гидроцефалию разделяют на врожденную (следствие пороков развития или внутриутробного поражения нервной системы) и приобретенную (в результате черепно-мозговой травмы, воспалительных процессов, опухолей, цереброваскулярной патологии и т.д.). По данным С.Ф. Гогоряна [2009] и В.А. Хачатряна с соавт. [2009] гидроцефалия обнаруживается у 62,3 % больных со злокачественными опухолями головного мозга различной локализации, разных размеров и неодинаковой гистоструктуры. При этом развитие гидроцефалии приводит к появлению или усугублению течения гипертензионного синдрома (повышенное внутримозговое давление).

Могли быть патологии, обнаруженные у исследованных индивидов, связанные с опухолями головного мозга? Одной из причин деструкций костей скелета является миелома, также известная как множественная миелома, генерализованная плазмоцитома и болезнь Рустицкого — Калера. Деструктивные процессы развиваются в плоских костях и позвоночнике, но возможно остеолитическое поражение трубчатых костей. Болезнь относится к парапротеинемическим гемобластозам (опухолям системы В-лимфоцитов) и способна секретировать моноклоновый иммуноглобулин [Маркина, 2008]. По современным клиническим данным, смертность от множественной миеломы составляет 18 % всех гематологических опухолей. Частота миеломной болезни в странах Европы колеблется от 3 до 5 на 100 000 населения в год, в Америке составляет 3–4 для белых и более 10 для выходцев из Африки, в странах Азии она значительно меньше, около 1 на 100 000 в год [Андреева, Балакирева, 2003]. Миеломная болезнь наблюдается преимущественно у индивидов в возрасте старше 40 лет, средний возраст на момент диагностики заболевания — 62 года [Бессмельцев, Абдулкадыров, 2004]. Доля лиц моложе 40 лет — 2–3 %, описаны лишь единичные случаи заболеваемости индивидов моложе 30 лет, а сообщений о заболеваемости детей нет. Мужчины болеют данным гемобластозом несколько чаще, чем женщины: 4,7/3,2 на 100 000 населения [Там же].

Раковые метастазы, распространяясь по организму с током крови, также могут давать картину заболевания, похожую на описанный нами комплекс деструкций. Большей частью костные метастазы встречаются при злокачественной эпителиальной опухоли. Особенно остеотропными следует считать рак молочной железы, рак предстательной железы, рак легкого, зло-

качественные опухоли почек, злокачественную аденому щитовидной железы. Распространенность метастатических опухолей обуславливается в определенной степени локализацией рака. В частности, рак молочной железы преимущественно метастазирует в позвоночник, ребра, кости таза, череп, в проксимальный отдел плечевых костей. Среди метастазов выделяют: остеолитические, остеопластические и смешанные. Остеолитические метастазы характерны для опухолей молочных желез, почек, матки, яичников, легких, щитовидной железы. Остеопластические метастазы свойственны опухолям предстательной железы, реже — раку толстой кишки, молочной железы. При смешанных метастазах участок пораженных костей приобретает пятнистый вид: очаги разрежения чередуются с очагами уплотнения.

Гемангиома (доброкачественная опухоль) — еще одна возможная причина патологических изменений черепа. Эта опухоль сосудистого происхождения, чаще поражает лобную и теменную кости. Локализуются гемангиомы и на лопатке, телах позвонков, тазовых костях и т.д. Гемангиома имеет две анатомические формы: кавернозную (пещеристую) и диффузную. При кавернозной форме опухоль вначале локализуется в диплоическом слое, затем, по мере роста, разрушает ту или иную костную пластинку. Опухоль состоит из наполненных кровью сосудистых лакун, внутренняя поверхность которых выстлана крупными плоскими эндотелиальными клетками. Лакуны развиваются из одной или нескольких диплоических вен. Описывая костную структуру при гемангиомах, обычно сравнивают ее с пчелиными сотами. Опухоль раздвигает и теснит костные элементы, так что наступает их остеокластическое рассасывание с небольшими реактивными явлениями созидания костных балок. При гемангиомах отмечается деформация головы: увеличение окружности головы, задержка закрытия родничков, расхождение черепных швов, истончение костей свода черепа, наличие пальцевых вдавлений и смывость контуров турецкого седла на краниограммах. Болезнь наблюдается в любом возрасте, без предпочтения одного пола перед другим [Худавердян, 2005].

Не следует исключать и воспалительный процесс, в частности мастоидит, как причину расхождения швов черепа. Мастоидит возникает вследствие длительной задержки оттока воспалительного экссудата из полостей среднего уха, стойкого повышения давления в ячейках сосцевидного отростка, вызывающего некроз слизистой оболочки и переход воспаления на костные структуры. Наиболее часто инфекция из среднего уха распространяется в полость черепа гематогенным путем. Переход воспалительного процесса из височной кости в полость черепа играет существенную роль в возникновении воспалительной интракраниальной патологии. Если процесс разрушения кости направлен к средней или задней черепной ямке и гной проникает в полость черепа, развиваются тяжелые внутричерепные осложнения (менингит, абсцессы мозга и мозжечка, синустромбоз, отогенный сепсис) [Green et al., 2011; Polat et al., 2011].

Итак, констатируем, что у двух индивидов из античных могильников Армении наблюдалось расхождение швов черепа. В обоих рассмотренных нами случаях кости черепа, таза и околоэпифизарная часть бедренной, берцовых и другие кости поражены многочисленными деструкциями преимущественно в литической форме. Наблюдаются признаки повышения давления в полости обоих черепов. У индивида № 1 из памятника Мастара для деструктивных очагов исключены процессы перестройки и формирования новой костной ткани с возможностью заживления области поражения. Следовательно, изученный нами случай не позволил выявить остеобластическую репаративную реакцию и, таким образом, сделать вывод о поражении организма этой женщины метастазами. В доступной литературе сообщений о локализации воспалительных процессов при мастоидите в диафизах и эпифизах длинных костей также не обнаружено. Описанные участки черепа и посткраниального скелета являются зонами обычной локализации миеломы. С.А. Рейнберг [1964] отмечал, что при миеломатозе поражаются в первую очередь те кости скелета, которые у взрослого человека содержат красный костный мозг (плоские и короткие кости). Исследователь отмечает, что отдельные быстро растущие опухолевые узлы, имеющие округлую, слепка овальную форму, разрушают губчатую костную ткань и ведут к рассасыванию, исчезновению внутренних слоев коркового компактного костного вещества. Очаги разрушения остаются изолированными, при большом их числе сливаются друг с другом, однако очертания каждого отдельного очага не теряются. У исследованного нами индивида № 1 сквозные и несквозные изменения имели характерные для ранней стадии миеломы очертания и размеры. Еще одно проявление заболевания — наличие у индивида позвонков по типу рыбьих (v. piscaria). Как известно, при миеломе позвонки уплощаются и приобретают форму рыбьих [Исхров, Романов, 2009].

В настоящее время один из очевидных случаев миеломы зафиксированы Д. Ортнером [Ortner, 2003] у зрелой женщины с территории штата Кентукки. Деструктивные изменения округлой формы обнаружены на своде черепа, а также на обеих лопатках. Отчетливые миеломатозные изменения на костях черепа этот же исследователь отмечает на двух женских перуанских черепах. В российской литературе случаи миеломатозных поражений скелета описаны Д.Г. Рохлиным [1965] на костях из могильника в Саргаше Красноярского края (IV–III вв. до н.э.), А.П. Бужиловой и Н.Я. Березиной [2008] у зрелой женщины из могильника Султан-гора 4 Ставропольского края (IV–V вв. н.э.). В лобной, обеих теменных и затылочной костях и на левой чешуе височной кости у индивида из могильника в Саргаше наблюдались характерные участки деструкции круглой или кругловатой формы. Сквозных отверстий на черепе было меньше, чем несквозных. Д.Г. Рохлин отмечает, что анализ этого заболевания на археологическом материале позволил определить суть патологического процесса, описанного ранее С.А. Рейнбергом, как первичное поражение диплое с последующим процессом деструкции нижней, верхней или обеих пластинок черепа. На женском скелете из могильника Султан-гора 4 (на фрагментах костей черепа, правой тазовой кости и крестце, верхнем эпифизе левой бедренной, левой лопатке и фрагментах ребер) были зафиксированы литические сквозные и несквозные дефекты с рваными «фестончатыми» краями.

У индивида № 2 из могильника Вардбах дефекты литической формы местами демонстрируют остеобластическую репаративную реакцию. Возможно несколько диагнозов новообразований: гемангиома и метастатическая карцинома, однако наиболее вероятным являются раковые метастазы. Как известно, метастазы в кости обычно попадают с кровотоком. Раковые клетки отделяются от своего начального месторасположения и перемещаются по кровеносным сосудам, пока не прикрепятся к стенке сосуда малой капиллярной сети в костных тканях. По характеру соотношений между патологически измененной и нормальной костью мы наблюдаем у индивида очаговые метастазы. При очаговом метастазе патологически измененный участок в анатомическом и рентгенологическом изображении округлой формы, отчетливо ограничен от окружающей кости и имеет сравнительно небольшую величину. При этой форме метастаза в кость как бы вкраплен патологический очаг. Из-за крайней фрагментарности сохранившихся частей скелета индивида из могильника Вардбах затруднительно выделить первичный очаг поражения. Принимая во внимание, что останки принадлежат женщине зрелого возраста, не исключаем, как наиболее вероятный при этом вариант, рак груди или матки.

Первые случаи остеолитических метастазов раковой опухоли были зафиксированы на территории Республики Армении в эпоху поздней бронзы [Худавердян, 2005]. У двух женщин 40–49 лет из могильника Черная Крепость (погр. 6, 18) пораженные участки находились на теменных костях [Khudaverdyan, 2014]. Для деструктивных очагов были идентифицированы процессы перестройки и формирования новой костной ткани с признаками заживления. Заслуживают особого внимания разные типы раковых метастазов, обнаруженные Д.Г. Рохлиным [1965] в черепном своде и на нижней челюсти у зрелого мужчины из погребения в Саркеле. Пораженный участок находился в правой теменной кости и на примыкающем участке сагиттального шва. Раковый остеофитоз распространился и на прилегающий отдел затылочной кости, ламбдовидный шов не препятствовал распространению поражения. По мнению исследователя, рентгенологически обнаруживаемые симптомы были выражены слабее, чем анатомические изменения черепа. Д.Г. Рохлиным и В.С. Майкова-Строгановой [1938] также были обнаружены девять случаев злокачественных метастазов в позвоночнике. Во всех случаях имелись множественные метастазы.

Таким образом, мы рассмотрели возможные причины неполного смыкания черепных швов у индивидов из античных памятников Мастара и Вардбах. У исследованного нами индивида № 1 из поселения Мастара сквозные и несквозные изменения имели характерные для ранней стадии миеломы очертания и размеры. У индивида № 2 из могильника Вардбах дефекты литической формы характерны для метастатической карциномы. На данном этапе исследования мы можем констатировать, что причиной неполного смыкания черепных швов у исследованных индивидов могла быть злокачественная опухоль головного мозга.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Алексеев В.П. Остеометрия: Методика антропологических исследований. М.: Наука, 1966. 251 с.
Алексеев В.П., Дебец Г.Ф. Краниометрия: (Методика антропологических исследований). М.: Наука, 1964. 128 с.

Возможные причины неполного смыкания черепных швов у индивидов из памятников...

- Андреева Н.Е., Балакирева Т.В. Парапротеинемические гемобластозы // Руководство по гематологии / Под ред. А.И. Воробьева. 3-е изд., перераб. и доп. М., 2003. Т. 2. С. 151–184.
- Бессмельцев С.С., Абдулкадыров К.М. Множественная миелома. СПб.: Диалект, 2004. 446 с.
- Бужилова А.П., Березина Н.Я. Вероятный случай множественной миеломы (по антропологическим материалам V в. н.э., Северный Кавказ) // *Opus: Междисциплинарные исследования в археологии*. 2008. № 6. С. 343–351.
- Бургенер Ф.А., Кормано М., Пудас Т. Лучевая диагностика заболеваний костей и суставов. М.: ГЭОТАР-Медиа, 2011. 552 с.
- Гогорян С.Ф. Диагностика и лечение гидроцефалии у больных со злокачественными новообразованиями головного мозга: Автореф. дис. ... канд. мед. наук. СПб., 2009. 21 с.
- Искров И.А., Романов Г.Н. Особенности костного метаболизма при множественной миеломе у пациентов с различными видами химиотерапии // *Проблемы здоровья и экологии*, 2009. 4 (22). С. 96–100.
- Маркина Ю.Ю. Поражения скелета при миеломной болезни и их лучевая диагностика // *Сиб. мед. журнал*. 2008. № 3. Вып. 2. С. 19–23.
- Мовсесян А.А., Мамонова Н.Н., Рычков Ю.Г. Программа и методика исследования аномалий черепа // *Вопросы антропологии*. 1975. Вып. 51. С. 127–150.
- Рейнберг С.А. Рентгенодиагностика заболеваний костей и суставов. Кн. 1–2. 4-е изд. М.; Л.: Медгиз, 1964. 532 с.
- Рохлин Д.Г. Болезни древних людей. М.; Л.: Наука, 1965. 304 с.
- Рохлин Д.Г., Майкова-Строганова В.С. Метастазы рака в позвоночник: (Рентгеноанатомические исследования) // *Вестник рентгенологии и радиологии*. 1938. Т. XIX. С. 171–178.
- Рубашева А.Е. Частная рентгенодиагностика заболеваний костей и суставов. Киев: Гос. мед. изд-во УССР, 1961. 464 с.
- Хачатрян В.А., Ким А.В., Самочерных К.А., Гогорян С.Ф., Малхасян Ж.Г., Рабандияров М.Р., Голубова О.В., Сахно Л.В., Нестерова Л.П., Лебедев К.Э., Симонян Д.А. Злокачественные опухоли головного мозга, сочетающиеся с гидроцефалией // *Нейрохирургия и неврология Казахстана*. 2009. № 4 (17). С. 3–20.
- Худавердян А.Ю. Атлас палеопатологических находок на территории Армении. Ереван: Ван Арьян, 2005. 286 с.
- Худавердян А.Ю. Биоархеологические подходы к изучению следов искусственного воздействия на череп (на примере популяций эпохи бронзы и раннего железного века с территории Армении) // *Вестник археологии, антропологии и этнографии*. 2016. № 1 (32). С. 103–114.
- Федосова В.Н. Общая оценка развития компонента мезоморфии по остеологическим данным: (Остеологическая методика) // *Вопросы антропологии*. 1986. Вып. 76. С. 105–116.
- Aufderheide A.C., Rodriguez-Martin C. The Cambridge encyclopedia of human paleopathology. Cambridge: Cambr. Univ. Press, 1998. 478 p.
- Buikstra J.E., Ubelaker D.H. Standards of data collection from human skeletal remains. Arkansas Archaeol. Survey Research Series. 44. Fayetteville, 1994. 218 p.
- Capasso L., Kennedy K., Wilczak C. Atlas of occupational markers on human remains. Teramo: Edigrafital S.P.A., 1999. 183 p.
- Green M.C., Mason E.O., Kaplan S.L., Lamberth L.B., Stovall S.H., Givner L.B., Bradley J.S., Tan T.Q., Barsion W.J., Hoffman J.A., Lin P.L., Hulten K.G. Increase in prevalence of Streptococcus pneumoniae serotype 6C at Eight Children's Hospitals in the United States from 1993 to 2009 // *J Clin Microbiol*. 2011. 49 (6). 2097–101.
- Khudaverdyan A.Yu. Bioarchaeological analysis of skeletal remains from the Black Fortress, Armenia: A preliminary overview // *Journal of Paleopathology (Italy)*. 2014. Vol. 24. № 1–3. P. 9–16.
- Khudaverdyan A.Yu. Artificial Deformation of Skulls from Bronze Age and Iron Age Armenia // *The Mankind Quarterly (London)*. 2016. Vol. 56. № 4. P. 513–534.
- Kuczkowski J., Potocka M., Kobierska-Gulida G., Przewoźny T., Dubaniewicz-Wybieralska M. Osteomas and exostoses of external auditory canal in material of Otolaryngology // *Otolaryngol Pol*. 2010. Vol. 64. (6). P. 365–369.
- Lobo D.R. Exostosis of the external auditory canal // *World journal of Otorhinolaryngology*. 2015. Febr. 28. № 5 (1). P. 14–20.
- Ortner D.J. Identification of pathological conditions in human skeletal remains. San Diego: Academic Press, 2003. 647 p.
- Polat S., Aksoy E., Serin G.M., Yildiz E., Tanyeri H. Incidental diagnosis of mastoiditis on MRI. *Eur Arch Otorhinolaryngol*. 2011. N 268 (8). P. 1135–1138.
- Zakaria R., Kandasamy J., Khan Y., Jenkinson M.D., Hall S.R., Brodbelt A., Pigott T., Mallucci C.L. Raised intracranial pressure and hydrocephalus following hindbrain decompression for Chiari I malformation: A case series and review of the literature // *Br J Neurosurg*. 2012. Aug. 26 (4). 476–481.

**A.Yu. Khudaverdyan *, P.S. Avetisyan *, V.V. Melikyan *, T.E. Arutyunyan *,
A.A. Yengibaryan **, A.A. Hovhannisyan ***,**

* Institute of Archaeology and Ethnography of the National Academy of Sciences
of the Republic of Armenia

Charents st., 15, Yerevan, 0025, Republic of Armenia

E-mail: ankhudaverdyan@gmail.com;

pavetisyan@sci.am;

vard.melikyan@mail.ru;

tatevharutyunyan@yahoo.com

** Yerevan Mkhitar Heratsi State Medical University

Koryun st., 2, Yerevan, 0025, Republic of Armenia

E-mail: ripmatev@mail.ru

*** «Armenia» Republican Medical Center

Margaryan st., 6, Yerevan, 0078, Republic of Armenia

E-mail: rouben.davtyan@gmail.com

POSSIBLE REASONS FOR THE INCOMPLETE CLOSURE OF CRANIAL SUTURES IN INDIVIDUALS FROM ARMENIAN MONUMENTS (MASTARA AND VARDBAKH) OF THE 1st CENTURY BC — 3rd CENTURY AD

The article studies remains from the ancient monuments of Mastara and Vardbakh, located on the territory of the Aragatsotn and Shirak provinces of Armenia. In this work, the authors analyse possible reasons for the incomplete fusion of cranial sutures in two female individuals. The relevance of the work consists in it being carried out within the framework of integrative anthropology, incorporating two of its subdisciplines: physical anthropology and paleopathology. The authors studied the physical appearance of individuals from the point of view of paleoanthropology and determined the main indicators characterising their physical development. Paleopathology, in turn, revealed traces of diseases found in the individuals. Bone remains from the above-mentioned burials were studied using X-ray diagnostic methods. In both examined cases, the skull and pelvis, as well as the near-epiphyseal part of the femur, tibia and other bones exhibit numerous, mainly lytic, lesions. A pressure increase is observed in both skulls. Both individuals exhibit unintended cradle deformation, occipital superstructures, periostitis, degenerative-dystrophic lesions of the osteoarticular apparatus, exostoses and periapical abscess. The intravital status of general health in the individuals can be characterised as dysfunctional. The changes in the individual from the Mastara (30–39 years old) in its shape and size are typical of early myeloma. In addition, Harris lines on the tibiae were identified in this individual. Lytic defects in the individual from the Vardbakh burial ground (40–49 years old) indicate metastatic carcinoma. The discovered remains suggest that the incomplete closure of the cranial sutures in the studied individuals could be caused by a malignant brain tumour.

Key words: Armenia, 1st century BC — 3rd century AD, incomplete closure of cranial sutures, myeloma, metastatic carcinoma, mastoiditis.

DOI: 10.20874/2071-0437-2019-46-3-096-115

REFERENCES

- Alekseev V.P. (1966). *Osteometry: Methods of anthropological investigations*. Moscow: Nauka. (Rus.).
- Alekseev V.P., Debets G.F. (1964). *Craniometry: Methods of anthropological investigations*. Moscow: Nauka. (Rus.).
- Andreeva N.E., Balakireva T.V. (2003). Paraproteinemic hemoblastoses. *Rukovodstvo po gematologii*, 2, 151–184. (Rus.).
- Aufderheide A.C., Rodriguez-Martin C. (1998). *The Cambridge encyclopedia of human paleopathology*. Cambridge: Cambr. Univ. Press.
- Bessmeltsev S.S., Abdulkadyrov K.M. (2004). *Multiple myeloma*. St. Petersburg: Dialect. (Rus.).
- Buikstra J.E., Ubelaker D.H. 1994. *Standards of data collection from human skeletal remains*. Arkansas Archaeol. Survey Research Series, 44. Fayetteville.
- Burgener F.A., Cormano M., Pudas T. 2011. *Radiological diagnosis of bone and joint diseases*. Moscow: GEOTAR-Media. (Rus.).
- Buzhilova A., Berezina N. (2008). A possible case of multiple myeloma in a skeleton of Early Medieval Age from Northern Caucasus. *Opus: Mezhdistsiplinarnye issledovaniya v arkheologii*, (6), 343–351. (Rus.).
- Capasso L., Kennedy K., Wilczak C. 1999. *Atlas of occupational markers on human remains*. Teramo: Edigrafital S.P.A.
- Fedosova V.N. (1986). A general assessment of the development of a mesomorphic component in osteologic data: (Osteoscopic method). *Voprosy antropologii*, (76), 105–116.
- Gogoryan S.F. (2009). *Diagnosis and treatment of hydrocephalus in patients with malignant neoplasms of the brain: Abstract of thesis candidate of Medical Sciences*. St. Petersburg. (Rus.).

- Green M.C., Mason E.O., Kaplan S.L., Lamberth L.B., Stovall S.H., Givner L.B., Bradley J.S., Tan T.Q., Barson W.J., Hoffman J.A., Lin P.L., Hulten K.G. (2011). Increase in prevalence of *Streptococcus pneumoniae* serotype 6C at Eight Children's Hospitals in the United States from 1993 to 2009. *J Clin Microbiol*, 49(6), 2097-101.
- Iskrov I.A., Romanov G.N. (2009). The features of bone metabolism in multiple myelomas at the patients with different types of chemotherapy: *Problemy zdorov'ia i ekologii*, 4(22), 96–100. (Rus.).
- Khachatryan V.A., Kim A.V., Samocherny K.A., Gogoryan S.F., Malkhasyan Zh.G., Rabandiyarov M.R., Golubova O.V., Sakhno L.V., Nesterova L.P., Lebedev K.E., Simonyan D.A. (2009). Malignant brain tumors combined with hydrocephalus. *Neirokhirurgii i nevrologiia Kazakhstana*, 4(17), 3–20. (Rus.).
- Khudaverdyan A.Yu. (2005). *Atlas of paleopathological finds in Armenia*. Yerevan: Van Ar'ian. (Rus.).
- Khudaverdyan A.Yu. (2014). Bioarchaeological analysis of skeletal remains from the Black Fortress, Armenia: A preliminary overview. *Journal of Paleopathology*, 24(1–3), 9–16.
- Khudaverdyan A.Yu. (2016). Bioarchaeological approaches to the study of traces of artificial effects on the skull (on the example of populations of the Bronze Age and the Early Iron Age from the territory of Armenia). *Vestnik arheologii, antropologii i etnografii*, (1), 103–114. (Rus.).
- Khudaverdyan A.Yu. (2016). Artificial Deformation of Skulls from Bronze Age and Iron Age Armenia. *The Mankind Quarterly*, 56(4), 513–534.
- Kuczkowski J., Potocka M., Kobierska-Gulida G., Przewoźny T., Dubaniewicz-Wybieralska M. (2010). Osteomas and exostoses of external auditory canal in material of Otolaryngology. *Otolaryngol Pol.*, 64(6), 365–369.
- Lobo D.R. (2015). Exostosis of the external auditory canal. *World journal of Otorhinolaryngology*, 5(1), 14–20.
- Markina Yu.Y. (2008). Skeletal lesions in multiple myeloma and their radiation diagnosis and their radiation diagnosis. *Sibirskiy meditsinskiy zhurnal*, (3), 19–23. (Rus.).
- Movsesyan A.A., Mamonova N.N., Richkov Yu.G. (1975). A program and methodology of study of skull abnormalities. *Voprosy antropologii*, (51), 127–150. (Rus.).
- Ortner D.J. (2003). *Identification of pathological conditions in human skeletal remains*. San Diego: Academic Press.
- Polat S., Aksoy E., Serin G.M., Yıldız E., Tanyeri H. (2011). Incidental diagnosis of mastoiditis on MRI. *Eur Arch Otorhinolaryngol.*, 268(8), 1135–1138.
- Reinberg S.A. (1964). *Radiodiagnosis of diseases and joints*. Moscow; Leningrad: Medgiz. (Rus.).
- Rokhlin D.G. (1965). *Bolezni drevnikh lyudey*. Moscow; Leningrad: Nauka. (Rus.).
- Rokhlin D.G., Maikova-Stroganova V.S. (1938). Metastasis of cancer in the spine (X-ray anatomical studies). *Vestnik rentgenologii i rdiologii*, 19, 171–178. (Rus.).
- Rubasheva A.E. (1961). *Private X-ray diagnosis of bone and joint diseases*. Kiev: Gos. med. izd-vo UkSSR. (Rus.).
- Zakaria R., Kandasamy J., Khan Y., Jenkinson M.D., Hall S.R., Brodbelt A., Pigott T., Mallucci C.L. (2012). Raised intracranial pressure and hydrocephalus following hindbrain decompression for Chiari I malformation: A case series and review of the literature. *Br J Neurosurg*, 26(4), 476–481.

This work is licensed under a [Creative Commons Attribution 4.0 License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/).

Submitted: 10.05.2019

Accepted: 10.06.2019

Article is published: 26.09.2019

К.Н. Солодовников *, А.Н. Багашев *, С.С. Тур **, А.В. Громов ***,
А.И. Нечвалода ****, Г.Г. Кравченко *****

* Тюменский научный центр СО РАН
ул. Малыгина, 86, Тюмень, 625026

E-mail: solodk@list.ru; bagashev@ipdn.ru

** Алтайский государственный университет
просп. Ленина, 61, Барнаул, 656049

E-mail: tursvetlana@mail.ru

*** Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
Университетская наб., 3, Санкт-Петербург, 199034

E-mail: a.v.gromov@mail.ru

**** Уфимский федеральный исследовательский центр РАН
просп. Октября, 71, Уфа, 450054

E-mail: striwolf@mail.ru

***** Национальный исследовательский Томский государственный университет
просп. Ленина, 36, Томск, 634050

E-mail: gkg_07@mail.ru

ИСТОЧНИКИ ПО ПАЛЕОАНТРОПОЛОГИИ НЕОЛИТА — ЭНЕОЛИТА СРЕДНЕГО ПРИИРТЫШЬЯ

Исследованы краниологические материалы неолита — энеолита Среднего Иртыша на территории России и Казахстана. Выявлены неоднородность антропологического состава населения и приуроченность краниологических комплексов к лесной/лесостепной и степной зонам. Проведено межгрупповое статистическое сопоставление краниологических материалов добронзовой эпохи на широком географическом фоне срединных областей Северной Евразии. Уточнены границы южной евразийской и северной евразийской антропологических формаций. Подтвержден сложный и многоуровневый характер антропологической дифференциации древнего населения Западной Сибири и Северо-Восточного Казахстана.

Ключевые слова: неолит, энеолит, Среднее Прииртышье, палеоантропология, краниометрия.

DOI: 10.20874/2071-0437-2019-46-3-116-136

Введение

Краниометрический анализ является одним из важных методов исследования при изучении родства древних и современных народов. Наиболее древние периоды на территории Северной Азии в краниометрическом отношении изучены неравномерно. Большинство известных материалов эпохи неолита происходит из Циркумбайкальского региона, равнинно-предгорного Алтая и Барабинской лесостепи. Краниологические находки из могильников Кузнецкой котловины, Красноярско-Канского района и Новосибирско-Каменского Приобья немногочисленны, и некоторые из них датируются поздним неолитом — энеолитом. Территория Горного Алтая представлена лишь двумя черепами доафанасьевского времени из пещерных захоронений в его северной части. Имеются также немногочисленные серии и единичные черепа энеолитического времени из лесостепи Северного Казахстана и Притоболья, мезолита и неолита Среднего и Южного Урала. Совершенно не представлены палеоантропологическими материалами добронзовой эпохи районы Казахского мелкосопочника и обширные территории таежной полосы Западной Сибири.

При установлении систематического положения краниологических материалов эпохи камня центральных областей Северной Евразии исследователями констатировалось смешение монголоидных и европеоидных комплексов, нередко при преобладании одного или другого. Но даже в отношении древних групп с территории Прибайкалья предполагалась некоторая доля участия европеоидного компонента в сложении их антропологического состава [Дебец, 1948; Алексеев, 1961; Мамонова, 1973, 1980; Гохман, 1980; Герасимова, 1991], а та или иная степень выраженности монголоидных (или «псевдомонголоидных») особенностей фиксируется у древнего населения мезолита — неолита лесной полосы Восточной Европы вплоть до Прибалтики и даже западнее [Жиров, 1940; Якимов, 1958; 1960; Беневоленская, 1984; Герасимова, 1986; Гох-

ман, 1984, 1986; Денисова, 1975, 1997]. В целом население центральных регионов севера Евразии в добронзовую эпоху исходя из современной расовой систематики характеризуется морфологической промежуточностью по отношению к европеоидному и монголоидному стволам — мезо-неолитические черепа в основном европеоидные с монголоидной примесью или наоборот, а выраженность европеоидных морфологических особенностей в целом нарастает с востока на запад [Зах, Багашев, 1998; Багашев, 2017]. Однако этим характер межгрупповой изменчивости не ограничивается. По аналогии с неконсолидированной северной евразийской антропологической формацией древнего населения Западной Сибири и севера Восточной Европы [Бунак, 1956, 1980], Т.А. Чикишева [2012] на палеоантропологических материалах древних эпох Алтае-Саянского нагорья выделила особую южную евразийскую антропологическую формацию древнего населения центральных регионов Евразии, также неконсолидированную с позиции традиционной расовой систематики. Как и популяциям, относящимся к северной евразийской антропологической формации, ей присущи антропологические признаки фенотипически промежуточного европеоидно-монголоидного (или монголоидно-европеоидного) типа в строении лицевого отдела. Отличия проявляются главным образом в строении мозговой коробки: высокая долихо-мезокранная в группах северной антропологической формации и средневысокая мезобрахикранная — у групп южной формации. При этом на территории Западной Сибири находилась юго-восточная окраина северной евразийской антропологической формации, к которой принадлежат неолитические группы Северной Барабы. По мнению автора [Там же], южная евразийская антропологическая формация охватывала обширные территории степных и горно-степных регионов центральных областей Евразии, что в эпоху неолита маркируется краниологическими материалами из могильников Красноярско-Канской лесостепи, северных предгорий Алтая, погребений в пещерах Горного Алтая, а также из могильника Тумек-Кичиджик кельтеминарской культуры Приаралья, население которой имело общий антропологический субстрат с североалтайским.

Картину антропологической дифференциации древнего населения срединных областей Евразии усложняет влияние третьего краниологического комплекса — палеосибирского, также неконсолидированного, но уже с преобладанием монголоидной специфики, и характеризующего неолитическое население Прибайкалья. Его определяют монголоидное соотношение основных отделов черепной коробки, покатый лоб, горизонтальная уплощенность высокого лицевого отдела, относительно высокое переносье и сильнее выступающий, по сравнению с монголоидными группами более восточных регионов Азии, нос [Чикишева, 2012, с. 53–60]. Влияние данного комплекса восточно-сибирского происхождения, с возможным участием дополнительного европеоидного компонента, фиксируется на антропологических материалах неолита — энеолита северных предгорий Алтая (Усть-Иша, Иткуль, Солонцы-5), Кузнецкой котловины и других районов бассейна Верхней Оби [Дремов, 1980, 1997; Чикишева, 2012; Багашев, 2017]. Следует также отметить, что неолитические группы Барабинской лесостепи при всей их культурно-хронологической близости антропологически отличны друг от друга на уровне могильников — наряду с особенностями северной евразийской антропологической формации, фиксирующимися в сериях из могильников Протока, Сопка-2/1, Венгерово-2А [Полосьмак и др., 1989; Чикишева, 2012; Чикишева и др., 2015], на черепах из могильника Корчуган проявляется антропологический комплекс признаков, сближающий их с краниологическими материалами эпохи неолита из могильника Усть-Иша в предгорьях Алтая [Молодин и др., 1999; Чикишева, 2012]. Сложность популяционной истории североазиатского региона обуславливает важность изучения материалов добронзового времени Среднего Прииртышья несмотря на их немногочисленность.

Палеоантропологические материалы неолита — энеолита Среднего Прииртышья

Палеоантропологические материалы с территории Среднего Прииртышья происходят из четырех археологических памятников: Железинка, Шидерты-3, Омская стоянка и Усть-Куренга (рис. 1), расположенных вдоль всего широтного простираня Среднего Прииртышья и в неодинаковых природных условиях. Южные памятники (Шидерты-3 и Железинка) находятся в зоне с резко-континентальным климатом сухих и умеренно сухих степных ландшафтов. Железинка располагается в пойме Иртыша, которая представляет самостоятельный тип ландшафта, и климат здесь мягче, чем на прилегающих территориях [Вилесов и др., 2009]. Памятник Шидерты-3 также связан с поймой. Река Шидерты не достигает Иртыша, впадает в бессточное озеро и характеризуется значительными многолетними колебаниями водности, ее долина относится к пойменному типу ландшафтов [Мерц, 2008]. Омская стоянка находится в южной подзоне лесостепи с континентальным климатом, в пойме Иртыша, где также наблюдается «оазисный» мик-

роклимат. Усть-Куренга расположена в зоне смешанных лесов Прииртышья, рельеф на правобережье плоский, заболоченный, представлен верховыми болотами. Климат района континентальный, с избыточным увлажнением [Есипова и др., 2017].

Рассматриваемый временной интервал — эпоха неолита до рубежа IV–III тыс. до н.э. — относится к финалу атлантического периода, что соответствует климатическому оптимуму голоцена. Южная граница лесов в это время достигает своего современного положения и в дальнейшем остается более или менее стабильной. В течение среднего — позднего голоцена границы ландшафтных зон существенно не менялись, изменения происходили внутри зон на уровне растительных формаций. Границы северных зон при этом отличались большим динамизмом в развитии природной среды, южных — относительной стабильностью [Хотинский и др., 1979; Хазина, 2008]. В силу этого, возможно, ландшафтные различия для памятников Усть-Куренга и Омская стоянка были более сглаженными по сравнению с современными условиями. В степной зоне, в частности, по данным для Южного Зауралья, зональный тип сохранял относительно устойчивое состояние начиная с бореального периода голоцена, а его изменения в голоцене можно рассматривать как экотоны во времени [Смирнов, Кузьмина, 2005]. Специальное изучение разреза стоянки Шидерты-3 методами спорово-пыльцевого анализа показало, что аккумуляция отложений происходила в условиях семиаридного климата и господства открытых степных и сухостепных ландшафтов [Мерц, 2008], что близко к современным ландшафтно-климатическим условиям.

Рис. 1. Расположение памятников неолита — энеолита Среднего Прииртышья с исследованными палеоантропологическими материалами.

Fig. 1. Location of the Neolithic-Eneolithic burial sites in the Middle Irtysh region.

Северные памятники принадлежат к среднеиртышской (екатерининской) неолитической культуре, характеризующейся западными культурными связями в пределах зауральско-западносибирской общности [Полосьмак и др., 1989, с. 32; Конилов, 1996, с. 117]. Неолитический могильник Железинка также содержит керамику среднеиртышской культуры [Мерц, 2019], а погребение со стоянки Шидерты-3 датируется поздним неолитом — рубежом неолита-энеолита [Мерц, 2002]. Некоторые особенности этого погребения характерны для археологических комплексов Западной Сибири, в частности Среднего Прииртышья [Там же]. В целом данные археологические комплексы неолита — энеолита Среднего Прииртышья можно относить, по-видимому, к широкому хронологическому периоду в пределах V–IV тыс. до н.э.

Палеоантропологические материалы из неолитических погребений Омской стоянки подробно проанализированы А.Н. Багашевым в специальных и обобщающей работах [Багашев, 2003; Bagashev, 1994; Багашев, 2017]. Помимо мелких фрагментов черепа из кв. 2В (шт. IV), имеются два скелета хорошей сохранности — женский из погр. 2 и мужской из погр. 3. Размеры костей посткраниальных скелетов свидетельствуют о высоком росте и долихоморфном типе сложения неолитического населения Омского Прииртышья [Там же]. Для сравнения метрических характеристик мужского и женского черепов этих скелетов линейные измерения второго были преобразованы в «мужские» размеры в соответствии со средними коэффициентами полового диморфизма [Алексеев, Дебеч, 1964], а для углов вертикальной профилировки в соответствии с рекомендациями Г.Ф. Дебеча [1961, с. 68; 1968] использовалась средняя разница между значениями границ категорий размеров мужских и женских серий [Алексеев, Дебеч, 1964, табл. 5, 6, 9, 10]. Оба черепа взрослых индивидов с Омской стоянки характеризуются большими размерами горизонтальных диаметров мозговой коробки, мезо-долихокранной по поперечно-продольному указателю, средними значениями длины основания черепа и протяженности сагиттальной дуги (рис. 2). Высота мозговой коробки от базиса большая у женского черепа, у мужского — малая, от порионов оба краниума относительно более высокие. Различия между ними заключаются главным образом в относительно меньших поперечных диаметрах мозговой коробки, ширины основания черепа, затылка, лобной кости на уровне наибольшего сужения височных линий и в коронарной части, а также лица на уровне скуловых дуг у мужского черепа. Эти признаки характеризуются на мужском черепе преимущественно средними категориями размеров, а у женского черепа — большими. При этом ширина лица на уровне лобно-скулового шва и на среднем уровне, ширина орбиты от максиллофронтале и от дакриона, напротив, больше у мужского черепа — в пределах очень больших значений признаков. Лобная кость и у мужского и у женского краниумов абсолютно и относительно слабовыпуклая в сагиттальной плоскости и очень покатая в вертикальной по углам ее профиля.

Рис. 2. Череп женщины эпохи неолита из погребения 2 Омской стоянки.
Fig. 2. A female skull from grave 2 of the Omsk burial site, the Neolithic period.

Лицевой отдел у обоих черепов взрослых людей из неолитической Омской стоянки средне профилирован в горизонтальной плоскости. Отличия заключаются в более сильной горизонтальной профилировке лица на верхнем уровне и лобной кости в наиболее узком месте у жен-

щины. Высота лица большая у мужского скелета и средняя у женского, соответственно по верхнелицевому и вертикальному фацио-церебральному указателям лицевой отдел мужского черепа относительно высокий, а женского — относительно низкий. Оба черепа с большой длиной основания лица и указателя его выступания. На мужском краниуме лицевой отдел прогнатный также по углам его вертикального профиля, а женский череп ортогнатный по всем углам, что подчеркивается малой длиной альвеолярной дуги при больших значениях ее ширины и размеров неба (как и у мужского). И у женского и у мужского черепов — полная высота лица средних размеров, клыковая ямка мелкая, орбиты средневысокие, размеры и пропорции носового отдела характеризуются средними или большими значениями признаков, угол выступания носа к линии общего лицевого профиля на обоих черепах — на границе средних и больших параметров. Фиксирующиеся на мужском черепе дакриальные и симотические размеры большие, переносье и носовые кости в месте наибольшего сужения по соответствующим указателям высокие. Нижние челюсти с высокими, крайне широкими и вертикально поставленными ветвями, с высоким симфизом и телом, несильно выступающим подбородком. При этом у мужского черепа длина нижней челюсти большая, ширина в мышелках средняя, а в углах — очень большая. У женского черепа эти размеры небольшие.

В целом, несмотря на некоторые индивидуальные различия, наблюдается значительное сходство между мужским и женским краниумами с Омской стоянки по многим размерам и указателям, которые характеризуют соотношения отделов лицевого и мозгового черепа. Как уже отмечалось ранее [Багашев, 2003; Bagashev, 1994; Багашев, 2017], по строению носовой части лицевого скелета черепа с Омской стоянки выглядят явно европеоидными, но степень профилированности лица в горизонтальной плоскости сближает их с монголоидными формами. Преаурикулярный фацио-церебральный указатель (ПФЦ) двух черепов составляет 93,6, а обобщенный показатель уплощенности лицевого скелета (УЛС), по уточненным данным, — 30,3, что определяет условную долю монголоидного элемента (УДМЭ) 27,2 % [Дебец, 1968]. Оба черепа с Омской стоянки, следовательно, могут быть охарактеризованы как европеоидные с небольшим налетом монголоидных черт (рис. 2).

Из разрушенного погребения в с. Усть-Куренга происходит череп мужчины, исследованный В.П. Алексеевым [1961]. Краниум представлен неполной мозговой коробкой крупных размеров, долихокранной по поперечно-продольному указателю и хаме- и метриокранной по измерению высоты черепа от порионов. Ширина основания черепа и затылка большие, лобная кость широкая в месте наибольшего сужения и среднеширокая в коронарной части, слабовыпуклая в сагиттальной плоскости (табл. 1). Несмотря на плохую сохранность, можно заключить, что краниометрические показатели черепа из Усть-Куренги практически не отличаются от таковых для черепов с Омской стоянки [Багашев, 2003; 2017, с. 87].

Лицевая часть черепа с нижней челюстью взрослого индивида происходит из разрушенного неолитического могильника Железинка. Первоначально неполный краниум исследовался В.В. Гинзбург, определившим его как принадлежащий женщине зрелого возраста. [Гинзбург, 1963; Гинзбург, Трофимова, 1972, табл. 3, с. 46–47]¹. Фиксировались средненаклонный лоб, развитое выше среднего надпереносье и значительно выступающие надбровные дуги. Лицо низкое, среднеширокое, средневыступающее в горизонтальной плоскости, с глубокими клыковыми ямками, средневысокими глазницами, значительно выступающим среднешироким носом. Несмотря на некоторую уплощенность лица, антропологический тип черепа был определен автором как протоевропеоидный, который может быть близким к типу афанасьевского населения Южной Сибири [Там же]. Одним из авторов уже отмечалось, что череп из Железинки, судя по строению сохранившейся лицевой части, характеризуется узким лбом, широким средневысоким среднеуплощенным лицом, довольно высокими орбитами и носовым отделом, высоким переносьем и умеренно большим углом выступания носовых костей. По этим признакам он более сходен, например, с мужским черепом из неолитического погребения на стоянке Шидерты-3 в Павлодарской области (по данным Л.Т. Яблонского [2002]), чем с краниологическими сериями населения протоевропеоидного облика эпохи бронзы [Кирушин, Солодовников, 2010, с. 136] с характеризующими их резкой горизонтальной профилировкой лица, низкими орбитами и широким лбом.

¹ На фото черепа [Гинзбург, Трофимова, 1972, с. 92] указан мужской пол данного индивида.

Индивидуальные измерения черепов из погребений Среднего и Верхнего Прииртышья

Table 1

Individual measurements of skulls from Middle and Upper Irtysh region graves

№ по Мартину и др.	Неолит				Неолит — энеолит	Эпоха бронзы, андроновская
	Омская стоянка		Усть-Куренга	Железинка	Шидерты-3	Усть-Нарымское
	Погр. 2	Погр. 3	—	—	Погр. на стоянке	Погр. в обрыве
	ТюмНЦ, 1-1	ТюмНЦ, 1-2	ОГИК музей	МАЗ 6270-1	Павлодарский ГУ	МАЗ 6139-3
	Коников Б.А., 1988		Случ. находка	Случ. находка, 1955	Мерц В.К., 1991	Черников С.С., 1954
	Багашев		Алексеев	Солодовников, Громов	Солодовников, Тур	Солодовников
	♀	♀→♂	♂	♂	♂	♀
	20–25	20–25	25–30	maturus	20–25	25–30
1. Продольный диаметр	183,0	192,0	188,0	200,0	—	168,0
1b. Продольный диаметр от орh	180,0	—	184,0	—	177,0	168,0
8. Поперечный диаметр	142,0	147,3	144,0	148,0	—	129,0
8:1. Черепной указатель	77,6	76,7	76,6	74,0	—	76,8
17. Высотный диаметр от ba	132,0 ?	138,2 ?	130,0	—	—	142,0
17:1. Высотно-продольный указатель от ba	72,1 ?	72,0 ?	69,1	—	—	84,5
17:8. Высотно-поперечный указатель от ba	93,0 ?	93,9 ?	90,3	—	—	110,1
20. Высотный диаметр от ро	120,0	125,5	120,0	120,0	—	125,0
20:1. Высотно-продольный указатель от ро	65,6	65,4	63,8	60,0	—	74,4
20:8. Высотно-поперечный указатель от ро	84,5	85,2	83,3	81,1	—	96,9
5. Длина основания черепа	97,0 ?	102,2 ?	102,0	—	—	99,0 ?
9. Наименьшая ширина лба	97,0	100,1	97,0	99,0	89,7	92,4
9:8. Лобно-поперечный указатель	68,3	68,0	67,4	66,9	—	71,6
ВПИЛ. Высота поперечного изгиба лба	23,5	—	17,0	—	15,9	20,4 ?
УПИЛ. Угол поперечного изгиба лба	128,3	128,3	141,4	—	141,0	142,5
10. Наибольшая ширина лба	118,0	122,7	120,0	118,0	113,0 ?	115,0
9:10. Лобный указатель	82,2	81,6	80,8	83,9	79,4 ?	80,3
11. Ширина основания черепа	127,0	133,1	125,0	128,0	—	121,0
12. Ширина затылка	117,0	121,3	117,0	114,0	—	108,0
29. Лобная хорда	104,0	108,4	111,0	116,0	—	114,0
Sub. №8. Высота изгиба лба	19,0	18,9	19,8	23,5	—	26,7
Sub. №29. Указатель выпуклости лба	18,3	17,5	17,8	20,3	—	23,4
30. Теменная хорда	111,0	115,6	117,0	120,0	—	108,0
31. Затылочная хорда	96,0	99,1	99,0	102,0	—	90,0
OS. Высота изгиба затылка	29,0	29,0	30,0	—	—	20,8
23a. Горизонтальная окружность через орh	357,0*	370,2*	371,0*	560,0*	—	483,0 ?
24. Поперечная дуга	—	—	—	—	—	—
25. Сакитальная дуга	357,0	370,6	371,0	387,0	—	352,0
26. Лобная дуга	118,0	122,8	125,0	130,0	—	130,0
27. Теменная дуга	119,0	123,5	128,0	128,0	—	119,0 ?
28. Затылочная дуга	120,0	124,3	118,0	129,0	—	103,0
26:25. Лобно-сакитальный указатель	33,1	33,1	33,7	33,6	—	36,9
27:25. Теменно-сакитальный указатель	33,3	33,3	34,5	33,1	—	33,8
28:25. Затылочно-сакитальный указатель	33,6	33,5	31,8	33,3	—	29,3
28:27. Затылочно-теменной указатель	100,8	100,6	92,2	100,8	—	86,6
7. Длина затылочного отверстия	—	—	38,0	—	—	38,6
16. Ширина затылочного отверстия	—	—	31,0	—	—	31,2
16:7. Указатель затылочного отверстия	—	—	81,6	—	—	80,8
32. Угол профиля лба от n	77,0	74,0	74,0	—	—	95,0 ?
GM/FH. Угол профиля лба от gl	68,0	64,0	64,0	—	—	88,0 ?
33 (1). Угол верхней части затылка	—	—	—	—	94,0	80,0
33 (2). Угол нижней части затылка	—	—	—	—	—	54,0
33 (4). Угол перегиба затылка	—	—	—	—	—	134,0
34. Угол затылочного отверстия	—	—	—	—	—	-3,0
Надпереносье (1–6)	4	—	4	3	4	2
Надбровные дуги (1–3)	2	—	2	—	3	1
Наружный затылочный бугор (0–5)	1	—	2	—	—	0
Сосцевидный отросток (1–3)	2	—	2	3	—	2
Форма черепа сверху	ovoid	—	ovoid	ovoid	—	ovoid
40. Длина основания лица	103,0 ?	107,3 ?	103,0	—	—	95,0
40:5. Указатель выступания лица	106,2 ?	105,0 ?	101,0	—	—	96,0
45. Скуловой диаметр	130,0	139,4	133,0	—	136,0**	125,0 ?
48. Верхняя высота лица	65,0	69,9	74,0	—	68,0	66,0 ?
47. Полная высота лица	110,0	118,5	119,0	—	114,0	111,0 ?
48:45. Верхний лицевой указатель	50,0	50,2	55,6	—	50,0 ?	52,8
47:45. Полный лицевой указатель	84,6	85,0	89,5	—	83,8 ?	88,8
45:8. Поперечный фацио-церебральный указатель	91,5	94,6	92,4	—	—	96,9
48:17. Вертикальный фацио-церебральный указатель	49,2 ?	50,6 ?	56,9	—	—	46,5
9:45. Лобно-скуловой указатель	74,6	71,8	72,9	—	66,0 ?	73,9
43. Верхняя ширина лица	100,0	104,0	115,0	—	111,0	101,0 ?
46. Средняя ширина лица	98,0	103,3	109,0	—	96,0	93,0 ?
60. Длина альвеолярной дуги	50,0	52,4	59,0	—	—	48,0
61. Ширина альвеолярной дуги	63,0	66,4	68,0	—	59,0	65,0
61:60. Челюстно-альвеолярный указатель	126,0	126,7	115,3	—	—	135,4
62. Длина неба	47,0	49,4	51,0	—	—	—
63. Ширина неба	40,0	42,0	42,0	—	39,5	41,8
63:62. Небный указатель	85,1	85,0	82,4	—	—	—

№ по Мартину и др.	Неолит					Неолит — энеолит	Эпоха бронзы, андроновская
	Омская стоянка		Усть-Куренга	Железинка	Шидерты-3	Усть-Нарымское	
	Погр. 2	Погр. 3	—	—	Погр. на стоянке	Погр. в обрыве	
	ТюмНЦ, 1-1	ТюмНЦ, 1-2	ОГИК музей	МАЗ 6270-1	Павлодарский ГУ	МАЗ 6139-3	
	Коников Б.А., 1988		Случ. находка	Случ. находка, 1955	Мерц В.К., 1991	Черников С.С., 1954	
	Багашев		Алексеев	Солодовников, Громов	Солодовников, Тур	Солодовников	
	♀	♀→♂	♂	♂	♂	♂	♀
	20–25	20–25	25–30	maturus	20–25	20–25	25–30
51. Ширина орбиты от mf	41,0	42,7	45,0	—	45,5	43,6 ⁹⁵	43,9 ⁹⁵
51a. Ширина орбиты от d	39,0	40,6	41,0	—	40,8	41,4 ⁹⁵	42,0 ⁹⁵
52. Высота орбиты	34,0	34,2	33,0	—	35,3	32,0 ⁹⁵	31,6 ⁹⁵
52:51. Орбитный указатель от mf	82,9	80,1	73,3	—	77,6	73,4	72,0
52:51a. Орбитный указатель от d	87,2	84,2	80,5	—	86,5	77,3	75,2
55. Высота носа	50,0	53,1	54,0	—	50,3	53,6	45,5 ?
54. Ширина носа	27,0	28,1	26,0	—	24,5	23,3	21,4
54:55. Носовой указатель	54,0	53,0	48,1	—	48,7	43,5	47,0
Нижний край грушевидного отверстия	inf.	—	inf.	—	fos.pr.	fos.pr.	fos.pr.
Передненосовая ось (1–5)	2	—	3	—	3	—	1
SC. Симметрическая ширина	—	—	10,2	—	7,7	4,6	—
SS. Симметрическая высота	—	—	5,0 ?	—	3,8	4,1	—
SS:SC. Симметрический указатель	—	—	49,0 ?	—	49,4	89,1	—
MC. Максиллофронтальная ширина	—	—	22,0 ?	—	19,5	17,5	13,3
MS. Максиллофронтальная высота	—	—	8,5 ?	—	6,7	8,3	—
MS:MC. Максиллофронтальный указатель	—	—	38,6	—	34,4	47,4	—
DC. Дакриальная ширина	—	—	25,0 ?	—	24,3 ?	—	15,0
DS. Дакриальная высота	—	—	12,6 ?	—	13,4	—	—
DS:DC. Дакриальный указатель	—	—	50,4 ?	—	55,1 ?	—	—
FC. Глубина клыковой ямки	2,9 ⁹⁵	3,2	3,8	—	4,8	4,0 ⁹⁵	—
Hx. Высота изгиба скуловой кости	9,3	—	15,3	—	13,3	10,7 ⁹⁵	10,2
Bz. Ширина скуловой кости	48,0	—	60,0	—	54,5	55,0 ⁹⁵	50,0 ?
Ihx. Указатель изгиба скуловой кости	19,4	19,4	25,5	20,3	24,4	19,5	20,4 ?
43 (1). Биорбитальная ширина	92,0	96,0	107,0	—	102,5	101,4	93,9 ?
BH. Высота назиона	18,0	—	16,6	—	18,2	13,8	18,1
77. Назо-маллярный угол	137,3	137,3	145,5	—	140,9	149,5	137,8 ?
3MШ. Зигмаксиллярная ширина	96,0	—	108,0	—	95,3	95,0 ?	92,7 ?
BC. Высота субспинале	20,7	—	25,3	—	20,4	19,6	23,8
∠zm. Зигмаксиллярный угол	133,3	133,3	129,8	—	133,6	135,2 ?	125,6 ?
72. Общий лицевой угол	87,0	87,0	80,0	—	—	83,0	89,0 ?
73. Средний лицевой угол	88,0	88,0	82,0	—	—	87,0	95,0 ?
74. Угол альвеолярной части лица	83,0	84,0	74,0	—	—	66,0 ?	75,0 ?
75. Угол наклона носовых костей	62,0	—	52,0	—	—	51,0 ?	—
75 (1). Угол выступания носа	25,0	29,0	28,0	—	27,0	32,0 ?	—
68 (1). Длина нижней челюсти от мыщелков	92,0	96,6	110,0	—	—	98,0	—
79. Угол ветви нижней челюсти	108,0	104,0	110,0	—	115,0	112,0	—
68. Длина нижней челюсти от углов	78,0	82,4	90,0	—	78,0	73,0	—
70. Высота ветви нижней челюсти	59,0	65,3	64,0	—	61,0	71,0	—
71a. Наименьшая ширина ветви	36,0	38,5	39,0	—	42,6	33,0	31,6
65. Мыщелковая ширина	—	—	119,0	—	—	118,0	—
66. Угловая ширина	95,0	103,1	110,0	—	96,0	118,0	—
67. Передняя ширина	45,0	46,6	50,0	—	48,8	48,6	—
69. Высота симфиза	32,0	35,4	36,0	—	35,3	33,6	—
69 (1). Высота тела нижней челюсти	30,0	33,1	33,0	—	32,2	32,6	31,1
69 (3). Толщина тела нижней челюсти	11,0	11,6	14,0	—	13,0	13,8	9,3
∠C. Угол выступания подбородка	76,0	76,0	73,0	—	86,0	74,0	—

Примечание. В четвертой графе головки таблицы — место хранения, в пятой — автор и год раскопок, в шестой — авторы измерений, в восьмой — возраст (лет).

* Измерения через глабеллу (23 по Мартину).

** На основании данных В.В. Гинзбурга [1963], не включено в подсчет средних.

На современном уровне накопления и интерпретации материалов череп из Железинки крайне сложно рассматривать в качестве предковой формы для андроновского протоевропейского морфологического варианта, но его сходство с другим черепом добронзово-эпохи этого же региона заслуживает отдельного рассмотрения. Поэтому неполный краниум из Железинки был повторно исследован в МАЭ РАН (Кунсткамере) им. Петра Великого по стандартной программе [Алексеев, Дебев, 1964] с добавлением угла горизонтального изгиба лба [Гохман, 1961]. Исходя из масштабов полового диморфизма древнего населения Северной Евразии пол индивида определен нами как мужской (табл. 1). К характеристике, приведенной выше, можно добавить, что в соответствии с категориями размеров для мужского пола ширина лобной кости малая и на уровне фронто-темпоральных точек, и в коронарной части. Зрительно лобная кость довольно наклонная и слабовыпуклая в сагиттальной плоскости и слабо профилированная в горизонтальной. По визуальной оценке прослеживается тенденция к мезогнатности лицевого отдела, его высота малая на границе со средними значениями верхней и полной высоты лица.

Скуловой диаметр не может быть измерен из-за обломанных скуловых дуг, но по приближительной оценке проекционного размера его величина, по-видимому, находилось близ пограничных значений средних и больших значений признака. Средняя ширина лица средней категории размера, а верхняя и биорбитальная — большой величины. Ширина альвеолярной дуги малая, нёба — средняя. Орбиты высокие на границе со средней категорией размера по абсолютному значению. При очень большой ширине орбит от максилло-фронтале это дает хамеоконхный указатель, а по измерению от дакриона орбиты мезоконхные. Высота и ширина носа на границе малых и средних значений, нижний край грушевидного отверстия в форме предносовых ямок, передний носовой шип средне развит. Угол выступания носа средний (ближе к большим значениям) при больших значениях симотического и дакриального указателей. При этом размеры переносья большие, а носовых костей в месте наибольшего сужения — средние. Ветви нижней челюсти крайне широкие, средневысокие и вертикально поставленные. Нижняя челюсть со средними размерами длины от углов, высоты и толщины тела, значение бигониальной ширины — на границе малых и средних значений. Подбородок широкий, с высоким симфизом, слабо выступающий по отношению к базальной плоскости (рис. 3). Обобщенный показатель уплощенности лицевого скелета (УЛС) черепа из Железинки — 38,2, соответственно доля монголоидного элемента УДМЭ, вычисленная лишь с учетом УЛС [Дремов, 1997, с. 24], составляет 30,4 %.

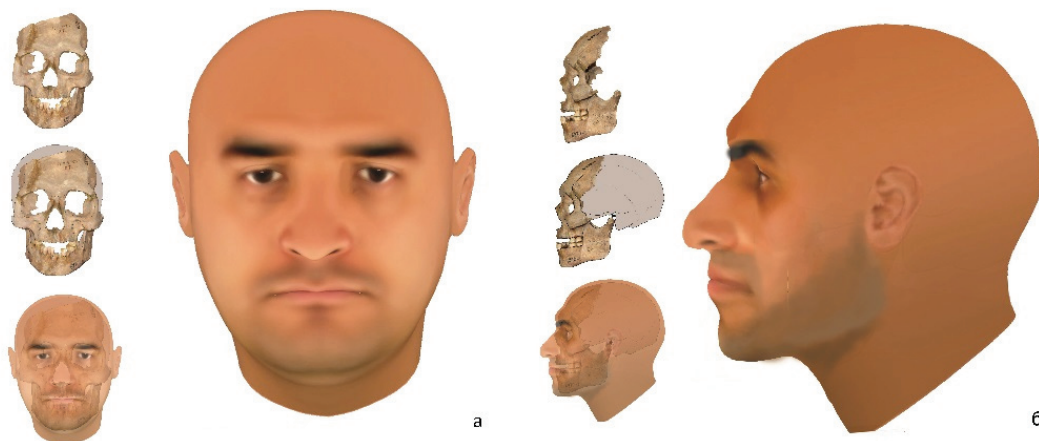

Рис. 3. Графическая реконструкция А.И. Нечвалоды по черепу мужчины эпохи неолита из могильника Железинка:
а — анфас; б — профиль.

Fig. 3. Graphical facial reconstruction of a man from the Neolithic cemetery of Zhelezinka (by A.I. Nechvaloda):
а — anterior; б — lateral view.

Череп со стоянки Шидерты-3 реставрирован К.Н. Солодовниковым в 1997 г. совместно с С.С. Тур воско-канифольной мастикой из множества фрагментов, пропитанных для дополнительной прочности восковым составом, и тогда же был измерен. После этого краниум был передан автором раскопок В.К. Мерцем для создания пластической и графической реконструкции известному антропологу Л.Т. Яблонскому. В его работе, посвященной восстановлению лица по черепу Шидерты-3, приводятся также измерительные данные и расогенетическая гипотеза [Яблонский, 2002]. Согласно мнению исследователя, в строении черепа сочетаются отдельные краниологические признаки, которые по своим измерительным значениям могут попасть в размах вариации как европеоидной, так и монголоидной рас. При очень сильно выступающем носе и европеоидном строении глазниц фиксировалась горизонтальная уплощенность лица на обоих уровнях, альвеолярный прогнатизм и большой индекс выступания лица, большие тотальные размеры лицевого отдела, брахикrania, низкий свод черепа, очень малый размер наименьшей ширины лба (рис. 4). Сочетание одонтологических признаков, характерное для представителей большой монголоидной расы, также наводило на размышления о неоднозначности решения вопроса о расовой принадлежности черепа из Шидерты-3 [Там же]. Морфологические аналогии ему усматривались в краниологических материалах неолита — энеолита Приуралья и Западной Сибири, которые представляют древние популяции, отличающиеся как от «протоевропеоидов» запада, «средиземноморцев» юга, так и от «монголоидов» востока, с собственной генетической линией развития, которая сыграла главную роль в формировании физического типа народов уральской расы [Яблонский, 1998а, 2002].

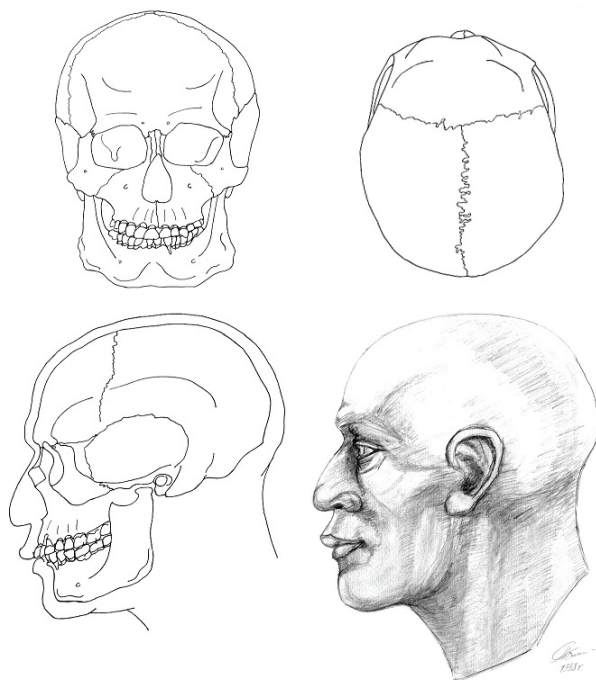

Рис. 4. Физические особенности черепа и графическая реконструкция по черепу мужчины из погребения на стоянке Шидерты-3 (по: [Яблонский, 2002]).

Fig. 4. Skull and graphical facial reconstruction of a man from a grave of Shiderta-3 [Yablonskiy, 2002].

По имеющимся у авторов данной работы сведениям, череп в процессе создания пластической реконструкции распался и был склеен заново, поэтому в табл. 1 приводятся первоначальные измерения К.Н. Солодовникова и С.С. Тур, учитывающие поправки на реставрацию при распределении посмертных деформаций фрагментов черепа. Поскольку подробная морфологическая характеристика черепа приводится в работе Л.Т. Яблонского [2002], остановимся лишь на небольших разночтениях в краниометрических данных. Помимо различий, которые могут быть связаны с обычной погрешностью измерений, отличия измерительных признаков заключаются в основном в немного меньшей ширине мозговой коробки и соответственно менее выраженной брахикрании; высота черепа от базиса характеризуется очень малой категорией размера, но величина ее все же больше, чем в приведенной публикации, соответственно изменились краниальные и фацио-краниальные соотношения; длина основания лица немного меньше и соответственно меньше значение указателя выступления лица (все же в пределах очень большой категории величин); немного больше значения углов от назиона и от глабеллы среднепрофилированного в вертикальной плоскости лба (в статье Л.Т. Яблонского [2002, табл. 1] их значения, вероятно, поменяны местами); немного меньше углы вертикального профиля лица — фиксируются мезогнатность общего лицевого профиля и его прогнатность в альвеолярном отделе; ширина носа характеризуется малым значением признака, но не очень малым, как в приведенной публикации [Там же]; симотический указатель крайне большой, но все же высота носовых костей в месте наибольшего сужения не превышает их ширину, как по данным Л.Т. Яблонского [2002]. Нижняя челюсть у мужчины из Шидерты-3 характеризуется средней длиной от мыщелков и от углов, небольшой высотой симфиза и тела нижней челюсти при большой ее толщине. Ветви высокие среднеширокие, вертикально поставленные, подбородок широкий и не сильно выступающий. Обращает на себя внимание средняя мыщелковая ширина нижней челюсти при очень большой ее ширине в широко развернутых наружу углах (табл. 1). Показатель УЛС, вычисленный у черепа Шидерты-3 без учета отсутствующей дакриальной высоты, имеет промежуточное европеоидно-монголоидное значение 57,6, преимущественно за счет значительной горизонтальной уплощенности лица. ПФЦ обладает выражено монголоидным значением 100,0, что в совокупности определяет преобладание монголоидных особенностей на черепе из Шидерты-3 по УДМЭ, составляющему 91,3 % без учета дакриальной высоты. Однако сильная профилированность переноса и большой угол выступления носа дают основания полагать, что в реальности данный показатель был, по-видимому, меньше.

Источники по палеоантропологии неолита — энеолита Среднего Прииртышья

Суммированная из вышеописанных краниологических материалов сборная серия неолита — энеолита Среднего Прииртышья (табл. 2) характеризуется в мужской части длинной и широкой мезокранной мозговой коробкой малой высоты от базиса и высокой от порионов. Лоб средне-широкий, относительно узкий, наклонный, слабовыпуклый в горизонтальной и сагиттальной плоскостях. Лицевой отдел мезогнатный по углам лицевого профиля и прогнатный по указателю выступания. Лицо широкое на всех уровнях, средневысокое, среднеуплощенное в горизонтальной плоскости, с неглубокой клыковой ямкой. Орбиты широкие, средневысокие, относительно низкие. Носовой отдел средних размеров, лепторинный, с узкими и высокими носовыми костями в месте наибольшего сужения. Переносье широкое и высокое, угол выступания носа большой. Значения УЛС (24,9) и ПФЦ (96,5) указывают, что условная доля монголоидного элемента (УДМЭ) у неолитического населения Среднего Прииртышья составляла примерно 36 %. Однако индивидуальные значения этого показателя существенно варьируют.

Таблица 2

Серии черепов неолита — энеолита Среднего Прииртышья и неолита Барабинской лесостепи

Table 2

Craniometric characteristics of groups from Neolithic-Eneolithic Middle Irtysh region and Neolithic Baraba forest-steppe

№ по Мартину и др.	Среднее Прииртышье				Барабинская лесостепь							
	Суммарно		Стель	Лес и лесостепь	Суммарно		Протока	Сопка-2/1	Венгерово-2А	Корчуган		
	♂	♀			♂	♀						
	x(n)	x(n)	x(n)	x(n)	x(n)	s	x(n)	s	♂+«♀»	♂+«♀»	♂+«♀»	♂+«♀»
1. Продольный диаметр	189,7(3)	183,0(1)	181,0(1)	193,3(3)	185,0(14)	5,4	178,3(9)	4,2	185,4(6)	191,4(5)	183,2(10)	185,9(2)
8. Поперечный диаметр	147,3(3)	142,0(1)	150,0(1)	146,4(3)	139,9(14)	5,7	138,1(9)	3,8	139,7(6)	141,0(6)	140,9(9)	148,1(2)
8:1. Черепной указатель	77,8(3)	77,6(1)	82,9(1)	75,8(3)	75,4(12)	2,7	77,5(9)	2,7	74,9(5)	73,2(5)	77,1(9)	79,7(2)
17. Высотный диаметр от ба	127,0(2)	132,0(1)	124,0(1)	134,1(2)	138,4(9)	3,7	126,4(5)	7,1	137,0(3)	142,0(2)	135,6(7)	131,8(2)
17:1. Высотно-продольный указатель	68,8(2)	72,1(1)	68,5(1)	70,6(2)	75,5(9)	1,8	71,0(5)	3,8	74,4(3)	75,7(2)	73,9(7)	71,0(2)
17:8. Высотно-поперечный указатель	86,5(2)	93,0(1)	82,7(1)	92,1(2)	99,9(9)	3,9	90,4(5)	6,0	98,9(3)	103,8(2)	96,1(7)	89,0(2)
20. Высотный диаметр от ро	117,0(3)	120,0(1)	111,0(1)	121,8(3)	116,1(12)	4,8	111,2(9)	6,4	115,9(5)	116,5(5)	115,5(9)	119,5(2)
5. Длина основания черепа	99,5(2)	97,0(1)	97,0(1)	102,1(2)	106,6(9)	2,3	96,3(7)	2,4	104,5(4)	108,0(2)	104,0(8)	101,6(2)
9. Наименьшая ширина лба	94,4(4)	97,0(1)	90,9(2)	98,7(3)	96,1(14)	6,5	94,0(10)	6,9	95,2(7)	97,9(5)	95,7(10)	101,4(2)
9:8. Лобно-поперечный указатель	65,2(3)	68,3(1)	61,3(1)	67,4(3)	68,5(13)	3,4	68,3(9)	4,8	67,3(6)	69,9(5)	68,0(9)	68,4(2)
УПИЛ. Угол поперечного изгиба лба	141,6(3)	128,3(1)	141,7(2)	134,8(2)	135,6(12)	4,6	136,2(10)	4,2	137,3(5)	134,1(5)	135,2(10)	140,3(2)
11. Ширина основания черепа	128,3(3)	127,1(1)	132,0(1)	128,7(3)	127,5(12)	6,6	123,6(10)	5,8	128,8(5)	128,5(5)	126,4(10)	137,7(2)
29. Лобная хорда	111,0(3)	104,0(1)	106,0(1)	111,8(3)	110,8(14)	4,9	107,4(11)	5,2	110,8(8)	116,0(5)	108,9(10)	113,8(2)
Sub. №: Высота изгиба лба	22,6(3)	19,0(1)	24,5(1)	20,7(3)	22,2(14)	2,3	23,9(11)	1,6	22,0(8)	23,0(5)	23,4(10)	24,4(2)
Sub. №:29. Указатель выпуклости лба	20,4(3)	18,3(1)	23,1(1)	18,5(3)	20,1(14)	2,0	22,3(11)	1,4	19,8(8)	19,8(5)	21,5(10)	21,4(2)
32. Угол профиля лба от n	79,0(2)	77,0(1)	84,0(1)	74,0(2)	77,8(12)	3,8	79,9(10)	2,8	76,0(6)	75,0(4)	78,4(10)	81,5(2)
GM/FH. Угол профиля лба от gl	69,5(2)	68,0(1)	75,0(1)	64,0(2)	70,0(12)	4,0	72,7(10)	2,3	68,5(6)	69,0(4)	69,3(10)	73,5(2)
Надпереносье (1-6)	4,3(4)	4,0(1)	4,0(2)	—	3,5(16)	—	2,0(12)	—	—	—	—	—
40. Длина основания лица	102,0(2)	103,0(1)	101,0(1)	105,2(2)	106,0(9)	3,6	98,1(7)	4,1	102,7(4)	108,0(2)	104,7(8)	102,6(2)
40:5. Указатель выступания лица	102,6(2)	106,2(1)	104,1(1)	103,0(2)	99,5(9)	2,2	101,9(7)	3,4	98,2(4)	100,0(2)	100,7(8)	101,0(2)
45. Скуловой диаметр	136,0(2)	130,0(1)	139,0(1)	136,2(2)	139,0(8)	7,9	132,4(8)	4,3	142,0(4)	140,6(4)	137,1(6)	147,0(2)
45:8. Поперечный фацио-церебральный ук-ль	92,6(2)	91,5(1)	92,7(1)	93,5(2)	100,0(8)	5,1	95,8(8)	3,6	102,7(4)	100,9(4)	96,5(6)	99,3(2)
9:45. Лобно-скуловой указатель	68,4(3)	74,6(1)	66,1(2)	72,4(2)	67,8(8)	2,5	70,0(8)	3,5	65,6(4)	68,5(4)	67,9(6)	68,9(2)
48. Верхняя высота лица	71,7(3)	65,0(1)	70,5(2)	72,0(2)	71,6(14)	4,1	67,4(10)	3,3	71,0(6)	74,5(5)	70,6(11)	76,0(2)
47. Полная высота лица	116,3(3)	110,0(1)	115,0(2)	118,8(2)	117,6(10)	8,4	115,0(7)	3,4	115,0(4)	125,5(2)	115,0(9)	126,2(2)
48:17. Вертикальный фацио-церебральный ук-ль	57,9(2)	49,2(1)	58,9(1)	53,8(2)	52,0(9)	3,2	53,0(5)	4,4	52,1(3)	51,4(2)	52,3(7)	57,7(2)
48:45. Верхний лицевой ук.	52,7(3)	50,0(1)	51,3(2)	52,9(2)	51,8(8)	3,3	51,0(8)	2,4	50,0(4)	53,1(4)	51,3(6)	51,8(2)
43. Верхняя ширина лица	110,7(3)	100,0(1)	108,5(2)	109,5(2)	110,6(12)	5,0	106,5(10)	4,3	109,7(6)	111,9(4)	110,0(10)	114,1(2)
72. Общий лицевой угол	81,5(2)	87,0(1)	83,0(1)	83,5(2)	81,9(10)	1,9	78,5(10)	4,9	81,4(5)	79,0(4)	79,6(10)	85,0(1)
74. Угол альвеолярной части лица	70,0(2)	83,0(1)	66,0(1)	79,0(2)	71,0(10)	6,1	65,7(10)	7,4	75,4(5)	68,3(4)	65,1(10)	76,0(1)
77. Назомалярный угол	145,3(3)	137,3(1)	145,2(2)	141,4(2)	140,1(12)	5,3	145,1(10)	6,8	142,5(5)	136,2(5)	144,5(10)	146,8(2)
∠zm'. Зигмаксиллярный угол	132,9(3)	133,3(1)	134,4(2)	131,6(2)	132,2(7)	8,1	132,9(8)	4,5	127,2(2)	127,6(3)	134,7(9)	139,4(1)
51. Ширина орбиты от mf.	44,7(3)	41,0(1)	44,6(2)	43,8(2)	46,1(13)	1,7	43,0(9)	1,9	46,3(7)	45,2(3)	45,0(10)	46,0(2)
51a. Ширина орбиты от d.	41,1(3)	39,0(1)	41,1(2)	40,8(2)	43,0(10)	1,5	39,5(9)	1,8	43,2(7)	43,0(2)	41,0(9)	43,0(1)
52. Высота орбиты	33,4(3)	34,0(1)	33,7(2)	33,6(2)	32,3(13)	1,5	32,8(9)	1,4	32,4(6)	33,7(3)	32,4(11)	32,4(2)
52:51. Орбитный указатель от mf.	74,8(3)	82,9(1)	75,5(2)	76,7(2)	69,8(12)	5,0	76,4(9)	4,6	69,9(6)	74,6(3)	71,7(10)	70,4(2)
52:51a. Орбитный указатель от d.	81,4(3)	87,2(1)	81,9(2)	82,4(2)	74,0(9)	4,0	83,2(9)	6,1	75,0(6)	77,6(2)	79,0(9)	73,2(1)
55. Высота носа	52,6(3)	50,0(1)	52,0(2)	53,5(2)	51,9(14)	3,6	48,6(10)	3,3	52,8(6)	53,6(5)	49,8(11)	54,4(2)
54. Ширина носа	24,6(3)	27,0(1)	23,9(2)	27,1(2)	25,0(10)	1,6	24,2(8)	2,0	25,0(4)	26,4(3)	25,0(9)	23,8(2)
54:55. Носовой указатель	46,8(3)	54,0(1)	46,1(2)	50,6(2)	48,4(10)	5,2	50,3(8)	7,1	47,6(4)	49,5(3)	50,3(9)	43,7(2)
75 (1). Угол выступания носа	29,0(3)	25,0(1)	29,5(2)	28,5(2)	18,6(8)	4,4	18,6(7)	5,8	15,8(4)	14,3(3)	22,0(8)	29,0(1)
SC. Симметрическая ширина	7,5(3)	—	6,2(2)	10,2(1)	7,7(11)	1,2	8,6(8)	1,7	8,3(5)	8,1(3)	8,0(10)	7,7(1)
SS. Симметрическая высота	4,3(3)	—	4,0(2)	5,0(1)	3,5(10)	0,7	3,8(8)	1,2	3,7(5)	4,5(3)	3,8(9)	5,2(1)
SS:SC. Симметрический указатель	62,5(3)	—	69,2(2)	49,0(1)	45,4(10)	6,8	43,7(8)	12,2	45,2(5)	54,3(3)	46,7(9)	67,4(1)
DC. Дакриальная ширина	24,7(2)	—	24,3(1)	25,0(1)	24,0(6)	2,8	23,0(7)	2,3	25,0(3)	26,2(2)	23,3(7)	23,3(1)
DS. Дакриальная высота	13,0(2)	—	13,4(1)	12,6(1)	13,1(6)	1,3	11,9(7)	1,9	12,2(3)	14,6(2)	13,0(7)	14,2(1)
DS:DC. Дакриальный указатель	52,8(2)	—	55,1(1)	50,4(1)	55,4(6)	10,2	52,2(7)	10,0	49,3(3)	55,7(2)	56,7(7)	61,0(1)
FC. Глубина клыковой ямки	4,2(3)	2,9(1)	4,4(2)	3,5(2)	2,4(13)	1,1	2,3(9)	1,5	2,8(8)	1,7(4)	2,5(8)	2,4(2)
Ihz. Указатель изгиба скуловой кости	22,4(4)	19,4(1)	22,0(2)	21,7(3)	23,2(10)	1,8	21,1(8)	2,8	22,6(8)	24,6(3)	20,8(6)	21,8(1)
66. Угловая ширина	108,0(3)	95(1)	107,0(2)	106,6(2)	107,0(8)	3,2	99,6(8)	4,4	107,0(5)	107,3(2)	106,6(7)	112,5(2)

Межгрупповое сопоставление

Для определения систематического положения черепов из погребений неолита — энеолита Среднего Прииртышья проведено межгрупповое сравнение на основе вычисления расстояния D^2 Махаланобиса — Рао (программа Ю.К. Чистова 1994 г.) со сравнительными сериями мезолита, неолита и энеолита срединных областей Северной Евразии от Байкала до Карелии и Прибалтики². По его результатам (табл. 3) выявляется наибольшая морфологическая близость сборной мужской серии неолита — энеолита Среднего Прииртышья с синхронными краниологическими материалами предгорно-равнинного Алтая из могильников Иткуль (Большой Мыс) и Фирсово XI в Барнаульско-Бийском Приобье [Дремов 1980; 1986; Солодовников. Тур, 2017]. Женский же череп из Омской стоянки эпохи неолита в Среднем Прииртышье, в соответствии с результатами ранее проведенного исследования, наиболее сходен с мезолитическими или ранне-неолитическими черепами из Шигирского торфяника на Урале [Багашев, 2003; Bagashev, 1994; Багашев, 2017]. Возможная причина разнонаправленности морфологических связей населения неолита — энеолита Среднего Прииртышья в мужской и женской частях может заключаться в том, что мужская серия сформирована с большой территории как лесных и лесостепных, так и степных районов среднего течения Иртыша, а единственный женский череп происходит из лесостепной зоны. Краниологические материалы эпохи неолита из сопредельного региона Барабинской лесостепи, в связи с их некоторой морфогенетической неоднородностью [Чикишева, 2012], по-видимому, также следует использовать дифференцированно. Поэтому измерения мужских черепов из отдельных неолитических могильников Барабы суммированы с измерениями женских, размеры которых перечислены в «мужские» (табл. 2).

При группировке материалов Среднего Прииртышья исходя из принадлежности памятников к природным зонам выявляются заметные морфологические различия. Черепа из погребений лесной/лесостепной полосы наиболее сходны с барабинскими краниологическими сериями из неолитических могильников Протока, Сопка-2/1 и Венгерово-2А [Полосымак и др., 1989; Чикишева и др., 2015]. Их объединяет долихо-мезокранная форма высокой мозговой коробки и одновременно наклонный лоб средней ширины, средняя или слабая вертикальная и средняя горизонтальная профилировка лица в сочетании со слабо выступающим носом и средневысоким переносом. Черепа из погребений лесной/лесостепной зоны Среднего Прииртышья выделяются лишь средней высотой черепа от базиса (при большой величине от порионов) и сильнее выступающим носом, угол которого измерен на черепах из Омской стоянки приблизительно (рис. 2), что можно расценивать как проявление индивидуальной изменчивости. Черепа же из степной зоны Среднего Прииртышья (Шидерты-3 и Железинка) вместе с серией из могильника Корчуган в Барабинской лесостепи [Молодин и др., 1999] существенно отличаются от них по комплексу признаков, включающему брахикранную или суббрахикранную форму низкой мозговой коробки, более прямой лоб, очень большие значения вертикального фацио-церебрального указателя, уплощенное по горизонтали и более ортогнатное лицо с сильно выступающим носом и относительно очень высокими носовыми костями (табл. 2). В целом эти принципиальные различия в конструкции мозговой капсулы, основных размерах и пропорциях мозгового и лицевого отделов черепа и соотношении элементов, составляющих показатель УЛС, соответствуют краниологическим различиям популяций северной евразийской и южной евразийской антропологических формаций [Чикишева, 2012]. Черепа из Шидерты-3 и Железинки среди всех сравниваемых групп морфологически наиболее сходны с черепами из могильника Корчуган в Барабе (табл. 3), а последняя серия наибольшую морфологическую близость проявляет не с предгорно-алтайскими неолитическими материалами [Чикишева, 2012], а с серией неолита — энеолита Красноярско-Канской лесостепи, послужившей одной из модельных групп для выделения южной евразийской антропологической формации [Там же]. Поэтому общие морфологические особенности степных прииртышских краниологических находок из Шидерты-3 и Железинки и черепов из могильника Корчуган в Барабинской лесостепи следует связывать именно с данной антропологической общностью.

² Ввиду ограниченности объема публикации источники сравнительных данных по краниологии населения мезолита, неолита и энеолита центральных областей Северной Евразии в данной работе не приводятся. Перечни могильников, краниологические материалы из которых суммированы в сравнительные территориально-хронологические группы, указаны в соответствующих графах табл. 3.

Расстояния D² Махаланобиса — Рао между мужскими черепами неолита — энеолита Среднего Прииртышья и сравнительными краниологическими сериями мезолита, неолита и энеолита центральных районов Северной Евразии

Table 3

Studied male skulls from the Middle Irtysh region compared with those of Mesolithic, Neolithic and Eneolithic groups from the Central Northern Eurasia: D² Mahalanobis — Rao Distance

Сравнительные группы	Среднее Прииртышье суммарно	Лесостепная и лесная зона (Омская стоянка [♂] , Усть-Куренга)	Степная зона (Шидерты-3, Железинка)
Энеолит Тоболо-Ишимья (Ботай, Гладунино-3 и 1)	18,74	28,86	25,62
Неолит Барабинской лесостепи (Протока, Сопка-2/1, Корчуган, Венгерово-2А)	19,14	26,54	27,98
Неолит — энеолит Новосибирско-Каменского Приобья (Ордынское Ia, б, е, Чудацкая Гора, Крутиха V, Раздутье Ib, Иня-4)	12,94	17,80	26,39
Неолит Кузнецкой котловины (Кузнецкий, Лебедеи II, Васьково IV, Заречное I)	15,03	26,55	20,58
Неолит — энеолит Барнаульско-Бийского Приобья (Иткуль (Большой Мыс), Фирсово XI)	6,52	16,07	13,44
Неолит северных предгорий Алтая (Усть-Иша, Солонцы-5)	13,94	21,34	22,68
Неолит — энеолит Горного Алтая (Нижнетыткескенская пещера I, Каминная пещера) *	24,23	42,12	20,45
Неолит — энеолит Красноярско-Канской лесостепи (Базаиха, Перевозное, Красноярск, Долгое Озеро)	9,27	22,26	14,79
Китойская культура Ангары	12,78	26,43	16,23
Китойская культура Верхней Лены	13,89	15,85	32,91
Исаковская культура Ангары	23,18	34,20	30,73
Серовская культура Ангары	13,29	23,13	22,42
Серовская культура Верхней Лены	12,60	28,35	13,36
Мезолит и неолита Урала (Шигирский торфяник, Грот Дождевой Камень, Бурановская пещера)	18,68	29,17	27,15
Энеолит Прикамья (Меллятамак-3 и 5, Пустая Морквашка, Ново-Мордово, Мурзиха-2)	17,28	24,60	24,54
Мезолит и неолит лесостепного Приуралья (Сиделькино (Маяк-3), Лебяжинка-4, Чекалино-4а и 4б, Рассказань, Давлеканово)	17,41	24,21	26,87
Энеолит лесостепного Поволжья (Хвалынский-1 и 2, Хлопков Бугор, Лебяжинка-5, Съезжее-1, Гундоровский, Красноярка)	20,86	27,59	29,95
Культуры ямочно-гребенчатой керамики севера Восточной Европы **	23,73	35,67	27,19
Волосовская культура Волго-Окского междуречья	26,25	37,05	28,04
Мезолит и неолит Прибалтики (Звейниекы, Абора, Крейчи, Юркова)	18,77	23,27	30,19
Мезолит северо-запада Русской равнины (Южный Олений остров, Попово, Песчаница)	21,67	28,67	30,72
Тумек-Кичиджик, кельтиминарская культура Прикаспия	25,54	37,78	31,57
Сопка-2/1, неолит Барабинской лесостепи *	32,10	36,91	44,47
Протока, неолит Барабинской лесостепи *	19,51	25,55	28,76
Венгерово-2А, неолит Барабинской лесостепи *	12,56	18,73	24,47
Корчуган, неолит Барабинской лесостепи *	15,21	29,42	10,13

* Суммарно мужские и пересчитанные на «мужские» женские черепа.

** Взвешено суммированно по данным Т.А. Чикишевой [2012, с. 10–11, табл. I].

Обсуждение результатов

Исследование новых и ранее известных краниологических материалов неолита — энеолита Среднего Прииртышья позволяет уточнить границу между двумя недифференцированными с позиции расовой систематики антропологическими формациями древнего населения центральных регионов Евразии — северной евразийской и южной евразийской. По-видимому, на исследуемой территории она проходила по границе степной и лесостепной ландшафтных зон. Судя по морфологически сходным краниологическим находкам степной части Среднего Прииртышья и могильника Корчуган в Барабе, в лесостепи Обь-Иртышского междуречья происходило взаимодействие этих двух расогенетических пластов. Появление новых данных позволяет морфологически сближать группу из Корчугана не с территориально удаленной серией могильника Усть-Иша в предгорном Алтае [Чикишева, 2012; Молодин и др., 1999], а с популяциями смежных степных районов Среднего Прииртышья и констатировать их принадлежность к южной евразийской антропологической формации. Таким образом, население Барабинской лесостепи неоднородно в отношении принадлежности к основным антропологическим общностям древнего населения центральных регионов Евразии, хотя особенности северной евразийской антропологической формации и доминируют (табл. 2).

Проведенное межгрупповое сопоставление позволяет заключить, что череп из Шидерты-3 (вместе с неполным краниумом из Железинки) морфологически заметно отличается от серий неолита — энеолита Приуралья и лесостепи Западной Сибири, что не подтверждает мнение Л.Т. Яб-

лонского о значении этой краниологической находки как принадлежащей к генетической линии развития, сыгравшей главную роль в формировании народов уральской расы [1998а, 2002]. Строение черепов нео-энеолитического времени степной части Среднего Прииртышья соответствует особенностям популяций с морфологическими чертами южной евразийской антропологической формации, а более сходны с приуральскими и лесостепными западно-сибирскими сериями краниологические находки из лесной/лесостепной зоны Среднего Прииртышья, чем из степной. Однако в целом население неолита — энеолита Среднего Прииртышья проявляет устойчивые среднеиртышско-алтайские морфологические связи. По-видимому, это соответствует наблюдениям археологов о культурных связях регионов Среднего Прииртышья, Алтая и Верхнего Прииртышья в неолите и энеолите [Мерц, 2002, 2008; Кирюшин Ю.Ф., Кирюшин К.Ю., 2016]. В частности, энеолитический слой стоянки Усть-Нарым в Верхнем Прииртышье на основании типологии каменных изделий сближается с материалами стоянки Шидерты-3 Среднего Прииртышья, что послужило основанием выделения усть-нарымско-шидертинского культурного типа [Мерц, 2002, 2008]. Детализировать эти связи по антропологическим данным не позволяет отсутствие материалов, поскольку более южные районы Среднего и Верхнего Прииртышья, как и степной части Казахстана в целом, к сожалению, не представлены краниологическими материалами нео-энеолитической эпохи. Однако имеются сведения о раскопках погребений этого времени на стоянке Усть-Нарым и могильнике Меновное XI в Верхнем Прииртышье, сходных по обряду и инвентарю с материалами синхронных могильников Западной Сибири [Черников, 1970; Ткачев, Ткачева, 1999].

На площади многослойного поселения Усть-Нарым в Катон-Карагайском районе Восточно-Казахстанской области найдено два погребения ранних периодов. Первое из них, парное, с вытянутым положением костяков, содержало костяной вкладышевый кинжал с кремневыми вкладышевыми пластинками, оно относилось автором раскопок к неолитическому времени [Черников, 1970, с. 7]. В работах В.В. Гинзбурга в описании палеоантропологических материалов энеолита — бронзы Восточного Казахстана имеется краткая информация о сломанном черепе брахикранного типа женщины возмужалого возраста из Усть-Нарымского, который обозначен как происходящий из «погребения в овраге» [Гинзбург, 1956а, с. 167; 1956b, с. 240–241]. Поскольку отмечалось, что он покрыт «коричневым налетом (окислы железа?)» [Там же], возникло предположение, что череп происходит из вышеописанного неолитического погребения, а за налет окислов железа были приняты следы охры, часто встречающейся в могилах этого периода. Данный череп из фондов МАЭ РАН был отреставрирован и измерен по полной краниометрической программе (табл. 1). Однако, согласно информации в описи коллекции отдела антропологии МАЭ № 6139, из неолитического погребения 1 происходили нижняя челюсть и отдельные кости мужчины зрелого возраста. Данный же женский череп из «погребения в обрыве» относится к андроновской культуре эпохи бронзы. Этому не противоречит и типично андроновский морфологический облик реставрированного краниума — высокая мезокранная черепная коробка небольших горизонтальных диаметров со среднешироким выпуклым и прямым лбом, небольшое низкое, резко профилированное по горизонтали и ортогнатное лицо с очень широкими низкими орбитами, — находящий прямые соответствия в палеоантропологических материалах андроновской (федоровской) культуры с территории Казахстана [Солодовников и др., 2014], в частности на женском черепе из Малой Красноярки (погр. 1 на поселении) в Верхнем Прииртышье [Гинзбург, 1956а, 1956b]. Также на черепе из «погребения в обрыве» Усть-Нарыма отмечены полосы охры, возможно аналогичные зафиксированным на черепах взрослых женщин из могильников андроновской (федоровской) культуры Рудного Алтая [Солодовников и др., 2019]. Вероятно, данный череп происходит из какого-то неизвестного археологам андроновского могильника в районе поселения Усть-Нарымское, археологический материал из которого не был введен в научный оборот, так же как из других погребений с площади этого поселения [Мерц В.К., Мерц И.В., 2010, с. 138].

С площади многослойного поселения Усть-Нарымское происходит и скорченное погребение 2 [Там же] мужчины старческого возраста длинноголового протоевропеоидного типа, близкого к афанасьевскому (МАЭ, 6139-2) [Гинзбург, 1956а, 1956b]. В публикациях В.В. Гинзбурга оно датируется более поздним временем, чем погр. 1 Усть-Нарыма, и относится к «энеолиту или очень ранней бронзе», вероятно, на основании сведений, полученных от автора раскопок [Там же]. По результатам многомерного статистического анализа этот череп сходен с сериями ямной и афанасьевской культур Восточной Европы и Южной Сибири соответственно. Все они демонстрируют ярко выраженные протоевропеоидные особенности, что объясняется миграциями древнескотоводческого населения энеолита — ранней бронзы восточно-европейского

Источники по палеоантропологии неолита — энеолита Среднего Прииртышья

происхождения, приведшими к сложению афанасьевской культуры Южной Сибири и Центральной Азии [Хохлов и др., 2016, рис. 4, 5]. Следует отметить, что могильник Усть-Нарым находится на периферии ареала афанасьевской культуры Горного Алтая [Там же, рис. 2], а также имеются сведения о наличии у данного погребения 2 сильно потревоженной каменной выкладки [Мерц В.К, Мерц И.В, 2010, с. 139], что дает дополнительные основания связывать его с афанасьевской культурой или одним из близких культурных типов [Вадецкая и др., 2014]. Поэтому использование измерений данного черепа из погр. 2 Усть-Нарыма при межгрупповом анализе краниологических материалов в качестве принадлежащего к неолитической эпохе [Яблонский, 1998b] в настоящее время было бы ошибочно.

Таблица 4

Измерения мужских черепов неолита — энеолита лесостепного Тоболо-Ишимья, степной зоны Среднего Прииртышья и ямно-афанасьевского времени Верхнего Прииртышья, Центрального Казахстана и Горного Алтая

Table 4

Measurements of male skulls from Tobolo-Ishimye forest-steppe and Middle Irtysh steppe graves of the Neolithic-Eneolithic period, and those from Yamnaya/Afanasievskaya Culture graves of the Upper Irtysh region, Central Kazakhstan, and Altai Mountains

№ по Мартину и др.	Энеолит		Неолит — энеолит		Ямно-афанасьевское время			Энеолит — ранняя бронза Горного Алтая, суммарно
	Лесостепное Тоболо-Ишимье		Среднее Прииртышье, степная зона		Верхнее Прииртышье		Центральный Казахстан	
	Ботай ск. № 3	Гладунин-3	Железинка	Шидерты III	Усть-Нарым погр. 2	Черновая II кург. 2	Карагаш кург. 2, погр. 2	
	Рыкушина	Хохлов, Нечвалода	Солодовников, Громов	Солодовников, Тур	Гинзбург	Исмагулова	Солодовников	
	х	х	х	х	х	х	х	х(п)
1. Продольный диаметр	184,0	181,0	—	181,0	194,0	193,0	196,0	192,1 (54)
8. Поперечный диаметр	136,0	142,0	—	150 ?	135,0	139,0	146,0	142,7 (55)
8:1. Черепной указатель	73,9	78,5	—	82,9 ?	69,6	72,0	74,5	74,3 (53)
17. Высотный диаметр от ба	140,0	131,0 ??	—	124,0	138,0	—	142,0 ?	138,9 (35)
17:1. Высотно-продольный ук-ль	76,1	72,4 ?	—	68,5	71,1	—	72,4 ?	72,7 (35)
17:8. Высотно-поперечный ук-ль	102,9	92,2 ?	—	82,7 ?	102,2	—	97,3 ?	97,6 (35)
20. Высотный диаметр от ро	112,0	115,5	—	111,0	120,0	119,0	120,0	116,5 (46)
5. Длина основания черепа	105,0	—	—	97,0	109,0	111,0 ?	—	107,4 (36)
9. Наименьшая ширина лба	102,0	88,0	89,7	92,0	93,0	98,0	109,0	100,0 (60)
11. Ширина основания черепа	129,0	127,5	—	132 ?	131,0	—	131,0	129,0 (44)
32. Угол профиля лба от п	76,0	73,0	—	84,0	82,0	88,0	83,0	80,7 (47)
40. Длина основания лица	100,0	—	—	101,0	103,0	112,0 ?	—	103,2 (31)
40:5. Указатель выступания лица	95,2	—	—	104,1	94,5	100,9 ?	—	96,3 (31)
43. Верхняя ширина лица	111,0	111,5	—	106,0	107,0	—	115,0	110,8 (48)
45. Скуловой диаметр	142,0	145,0	136,0 ??	139,0	141,0	138,0	144,0	139,7 (53)
48. Верхняя высота лица	71,0	69,0	72,1	73,0	69,0 ?	70,0	75,0 ?	70,6 (50)
48:17. Вертикальный фацио-церебральный указатель	50,7	52,7 ?	—	58,9	50,0	—	52,8 ?	50,8 (32)
48:45. Верхний лицевой указатель	50,0	47,6	50,0 ?	52,5	48,9	50,7	52,1 ?	50,4 (46)
72. Общий лицевой угол	80,0	81,0	—	83,0	86,0	89,0	86,0 ?	85,4 (42)
74. Угол альвеолярной части лица	75,0	63,0	—	66,0 ?	81,0 ?	—	82,0 ?	78,0 (36)
77. Назомалярный угол	141,0	144,5	140,9	149,6	139,0	145,3	135,2	137,8 (49)
∠zm'. Зигмаксиллярный угол	138,0	132,0	133,6	135,2	127,1	119,9	125,3	125,7 (39)
51. Ширина орбиты от mf	44,3	44,3	45,5	43,6 ^п	45,0	47,0	45,2	44,1 (46)
51a. Ширина орбиты от d	41,2	42,7	40,8	41,4 ^п	42,0	42,0	42,9	41,5 (49)
52. Высота орбиты	31,8	31,9	35,3	32,0 ^п	31,0	31,0	33,9	31,2 (54)
52:51. Орбитный указатель от mf	71,8	72,0	77,6	73,4	68,9	66,0	75,0	70,6 (46)
52:51a. Орбитный указатель от d	77,2	74,7	86,5	77,3	73,9	73,8	79,0	75,4 (49)
55. Высота носа	50,0	53,0	50,3	53,6	49,0	52,0	50,5	52,0 (50)
54. Ширина носа	22,4	27,4	24,5	23,3	27,0	27,0	25,0	26,2 (51)
54:55. Носовой указатель	44,8	51,7	48,7	43,5	55,1	51,9	49,5	50,5 (49)
75(1). Угол выступания носа	36,0	26,0	27,0	32,0 ?	32,0	36,0 ?	33,0 ?	35,4 (37)
SC. Симотическая ширина	8,5	9,9	7,7	4,6	12,0	6,8	9,8	8,92 (40)
SS. Симотическая высота	3,7	6,8	3,8	4,1	5,2	5,2	6,1	5,55 (38)
SS:SC. Симотический указатель	43,5	68,7	49,4	89,1	43,3	76,5	62,2	62,9 (38)
DC. Дакриальная ширина	25,3	23,9	24,3 ?	—	21,8	24,0	26,0	22,70 (39)
DS. Дакриальная высота	11,5	14,2	13,4	—	15,7	13,0	16,2	14,22 (35)
DS:DC. Дакриальный указатель	45,5	59,4	55,1 ?	—	72,0	54,2	62,3	63,3 (35)

Примечание. В четвертой графе таблицы — авторы измерений.

Отметим наличие черепа длинноголового протоевропеоидного типа, происходящего из могильника Черновая-2 в Катон-Карагайском районе Восточно-Казах-станской области, близкого афанасьевской культуре куротинского типа памятников [Вадецкая и др., 2014; Мерц, 2014; Исмагулова, 1989]. Его измерения включены в серию куротинского типа памятников Горного Алтая, морфологически сходную с другими сериями энеолита — ранней бронзы этого региона, афанасьевской культуры Минусинской котловины и ямной общности Восточной Европы [Хохлов и др., 2016]. С черепами афанасьевского времени Верхнего Прииртышья морфологически сходен и краниум мужчины протоевропеоидного типа из ямно-афанасьевского кургана Карагаш в Центральном Казахстане [Солодовников, 2010]. По результатам анализа методом главных компонент индивидуальных измерений черепов ямников Волго-Уралья вместе с афанасьевскими Горного Алтая можно заключить, что череп из Карагаша на их морфологическом фоне характеризуется значительной массивностью при выраженной европеоидности (или протоевропеоидности). По результатам межгруппового многомерного анализа он проявляет максимальное сходство с ямно-афанасьевскими сериями [Там же; Хохлов и др., 2016].

Краниологический тип черепов ямно-афанасьевского времени Верхнего Прииртышья и Центрального Казахстана из погр. 2 Усть-Нарыма, Черновой-2 и Карагаша характеризуются очень длинной, выражено долихокранной высокой мозговой коробкой и преимущественно широким лбом, что сочетается с резкой горизонтальной профилировкой ортогнатного лицевого отдела, очень низкими и крайне хамеконхными орбитами, сильно выступающим широким носом, высокими переносьем и спинкой носа. Этот протоевропеоидный краниологический комплекс соответствует типу населения афанасьевской и ямной культур Южной Сибири и Восточной Европы соответственно и противоположен комплексу признаков строения мозговой коробки (брахикrania, низкий череп, узкая лобная кость) и лицевого отдела (средняя вертикальная и слабая горизонтальная профилировка, в пределах средних и больших категорий назомаллярного и зигомаксиллярного углов) краниологических находок из степной части Среднего Прииртышья (табл. 4). Соответственно краниологический тип населения неолита — энеолита степей Прииртышья с проявляемыми особенностями недифференцированной южной евразийской антропологической формации не повлиял на антропологический облик более поздних популяций ямно-афанасьевского времени на территории Восточного и Центрального Казахстана. Черепа энеолита лесостепного Тоболо-Ишимья (Ботай, Гладунино-3) также морфологически отличны от ямно-афанасьевских краниологических материалов, характеризуясь небольшой длиной мозговой коробки, покатым лбом, среднепрофилированным в горизонтальной плоскости на обоих уровнях лицевым отделом, его мезогнатностью по общему углу вертикального профиля лица, и малым или средним углом профиля альвеолярной части [Рыкушина, Зайберт, 1984; Хохлов, Нечвалода, 2002] (табл. 4). Как показывает статистический анализ [Хохлов и др., 2016], черепа лесостепного Тоболо-Ишимья и Северного Казахстана (Гладунино-3, Ботай, Григорьевка-2) сходны с автохтонными западно-южносибирскими популяциями с краниологическими комплексами, отличными от европеоидных, и значительно отличаются от всех серий и отдельных черепов (из могильника Карагаш и погр. 2 Усть-Нарыма) ямно-афанасьевского круга [Там же, с. 91, рис. 4].

Выводы

1. Краниологический тип населения неолита — энеолита Среднего Прииртышья характеризуется промежуточными европеоидно-монголоидными особенностями. Мужские черепа в среднем обнаруживают наибольшее сходство с синхронными краниологическими сериями предгорно-равнинного Алтая, женский череп — с материалами мезолита — неолита Урала.

2. Прослеживаются неоднородность антропологического состава населения и ее связь с принадлежностью к ландшафтным зонам. Строение черепов из лесной/лесостепной зоны Среднего Прииртышья в целом соответствует характеристике популяций, относимых к северной евразийской антропологической формации. Палеоантропологические находки из степной полосы относятся к южной евразийской формации. В лесостепи Обь-Иртышского междуречья фиксируется взаимодействие населения с краниологическими характеристиками этих антропологических общностей.

3. Краниологические черты населения неолита — энеолита Среднего Прииртышья не отразились на морфологическом облике населения ямно-афанасьевского времени Верхнего Прииртышья и Центрального Казахстана, которое сближается с протоевропеоидными группами ямной и афанасьевской культуры Восточной Европы и Южной Сибири.

4. За исключением исследованных черепов из Шидерты-3 и Железинки, краниологические материалы доафанасьевского времени с территории степной части Казахстана, и в частности Среднего и Верхнего Прииртышья, отсутствуют. Для решения вопросов расогенетических взаимоотношений населения данных регионов в добронзовую эпоху необходимо получение новых палеоантропологических материалов.

5. Сосуществование представителей двух крупных расогенетических общностей в рамках одной среднеиртышской (екатерининской) археологической общности может свидетельствовать о том, что культурная и антропологическая дифференциация населения неолита — энеолита Среднего Прииртышья не совпадала.

Благодарность

Выражаем искреннюю признательность директору Центра археологических исследований ПГУ им. С. Торайгырова канд. ист. наук В.К. Мерцу за важные предоставленные сведения и помощь в подготовке публикации.

Финансирование. Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ (проект № 18-09-00779А) и по госзаданиям (проект № АААА-А17-117050400143-4 и проект № АААА-А17-117041210295-7).

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Алексеев В.П. Палеоантропология Алтае-Саянского нагорья эпохи неолита и бронзы // Антропол. сборник III. М.: Изд-во АН СССР, 1961. С. 107–206. (ТИЭ; Т. 71).

Алексеев В.П., Дебец Г.Ф. Краниометрия: Методика антропологических исследований. М.: Наука, 1964. 128 с.

Багашев А.Н. Новые материалы к антропологии неолитического населения Западной Сибири // Горизонты антропологии. М.: Наука, 2003. С. 438–446.

Багашев А.Н. Антропология Западной Сибири. Новосибирск: Наука, 2017. 407 с.

Беневоленская Ю.Д. К вопросу о морфологической неоднородности краниологической серии из могильника на Южном Оленьем острове // Проблемы антропологии древнего и современного населения севера Европы. Л.: Наука, 1984. С. 37–54.

Бунак В.В. Человеческие расы и пути их образования // СЭ. 1956. № 1. С. 86–105.

Бунак В.В. Род Ното, его возникновение и последующая эволюция. М.: Наука, 1980. 328 с.

Вадецкая Э.Б., Поляков А.В., Степанова Н.Ф. Свод памятников афанасьевской культуры. Барнаул: Азбука, 2014. 380 с.

Вилесов Е.Н., Науменко А.А., Веселова Л.К., Аубекеров Б.Ж. Физическая география Казахстана: Учеб. пособие / Под общ. ред. А.А. Науменко. Алматы: Изд-во КазНУ, 2009. 362 с.

Герасимова М.М. Еще раз о древней монголоидности в Европе // Проблемы эволюционной морфологии человека и его рас. М.: Наука, 1986. С. 227–234.

Герасимова М.М. Черепа из Фофановского могильника (р. Ока, Селенга) // Древности Байкала. Иркутск: Изд-во Иркут. ун-та, 1992. С. 97–111.

Гинзбург В.В. Антропологическая характеристика населения Казахстана в эпоху бронзы // Тр. Ин-а ист., археол. и этногр. АН КазССР. Т. 1: Археология. 1956а. С. 159–171.

Гинзбург В.В. Древнее население восточных и центральных районов Казахстана // Антропол. сборник I. М.: Изд-во АН СССР, 1956б. С. 238–298. (ТИЭ; Т. 33).

Гинзбург В.В. Материалы к антропологии древнего населения Северного Казахстана // СМАЭ. Т. XXI. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1963. С. 297–337.

Гинзбург В.В., Трофимова Т.А. Палеоантропология Средней Азии. М.: Наука, 1972. 372 с.

Гохман И.И. Угол поперечного изгиба лба и его значение для расовой диагностики // Вопросы антропологии. 1961. Вып. 8. С. 88–98.

Гохман И.И. Происхождение центральноазиатской расы в свете новых палеоантропологических материалов // Исследования по палеоантропологии и краниологии СССР. Л.: Наука, 1980. С. 5–34. (СМАЭ; Т. XXXVI).

Гохман И.И. Новые палеоантропологические материалы эпохи мезолита в Каргаполье // Проблемы древнего и современного населения севера Евразии. Л.: Наука, 1984. С. 6–27.

Гохман И.И. Антропологические особенности древнего населения севера европейской части СССР и пути их формирования // Антропология современного и древнего населения европейской части СССР. Л.: Наука, 1986. С. 215–222.

Дебец Г.Ф. Палеоантропология СССР // ТИЭ. М.; Л. 1948. Вып. 4. 391 с.

Дебец Г.Ф. О путях заселения северной полосы Русской равнины и Восточной Прибалтики // СЭ, 1961. № 6. С. 51–69.

Дебец Г.Ф. Опыт краниометрического определения доли монголоидного компонента в смешанных группах населения СССР // Проблемы антропологии и исторической этнографии Азии. М.: Наука, 1968. С. 13–22.

Денисова Р.Я. Антропология древних балтов. Рига: Зинатне, 1975. 404 с.

Денисова Р.Я. Проблема наличия монголоидного компонента в составе древнего населения Восточной Европы // Неолит лесной полосы Восточной Европы: (Антропология Сахтышских стоянок). М.: Науч. мир, 1997. С. 42–54.

Дремов В.А. Антропологические материалы из могильников Усть-Иша и Иткуль: (К вопросу о происхождении неолитического населения Верхнего Приобья) // Палеоантропология Сибири. М.: Наука, 1980. С. 19–46.

Дремов В.А. Измерения черепов и скелетов из неолитических могильников Усть-Иша и Иткуль (Верхнее Приобье) // Проблемы антропологии древнего и современного населения Советской Азии. Новосибирск: Наука, 1986. С. 56–73.

Дремов В.А. Население Верхнего Приобья в эпоху бронзы: (Антропологический очерк). Томск: Изд-во Том. ун-та, 1997. 264 с.

Есипова С.А., Смагулов Б.К., Кулагина Е.В., Мезенцева О.В., Карасев И.Е. География Омской области: Учеб. пособие [Электронный ресурс]. Омск: Изд-во ОмГТУ, 2017. 1 электрон. опт. диск (CD-ROM).

Жиров Е.В. Заметка о скелетах из неолитического могильника Южного Оленьего острова // КСИИМК. 1940. Т. VI. С. 51–54.

Зах В.А., Багашев А.Н. О сопряженности культурогенеза и расообразования в формировании неолитического населения Западной Сибири // Сибирь в панораме тысячелетий. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1998. Ч. 1. С. 194–202.

Исмагулова А.О. Энеолитический череп из Восточного Казахстана // Маргулановские чтения. Алмата: АН КазССР, 1989. С. 75–78.

Кирюшин Ю.Ф., Кирюшин К.Ю. Керамика боборыкинских облика с поселений юго-западных районов Алтайского края // Теория и практика археологических исследований. 2016. № 2 (14). С. 7–23.

Кирюшин Ю.Ф., Солодовников К.Н. Компонентный состав андроновского (федоровского) населения юга Западной Сибири по результатам исследования палеоантропологических материалов эпохи развитой бронзы лесостепного Алтая // Археология, этнография и антропология Евразии. № 4 (44). 2010. С. 122–142.

Коникиев Б.А. Омская стоянка — выдающийся памятник Среднего Прииртышья // Известия Омского государственного историко-краеведческого музея. Омск: ОГИК музей, 1996. № 4. С. 107–120.

Мамонова Н.Н. К вопросу о древнем населении Приангарья по палеоантропологическим данным // Проблемы археологии Урала и Сибири. М.: Наука, 1973. С. 18–28.

Мамонова Н.Н. Древнее население Ангары и Лены в серовское время по данным палеоантропологии: (К вопросу о межгрупповых различиях в эпоху неолита) // Палеоантропология Сибири. М., 1980. С. 64–88.

Мерц В.К. Погребение каменного века и энеолитический комплекс стоянки Шидерты 3 // Изучение памятников археологии Павлодарского Прииртышья. Павлодар: ЭКО. 2002. Вып. 1. С. 75–102.

Мерц В.К. Периодизация голоценовых комплексов Северного и Центрального Казахстана по материалам многослойной стоянки Шидерты 3: Дис. ... канд. ист. наук. Алматы, 2008. 319 с.

Мерц В.К. Краткая история развития материальной культуры Павлодарского Прииртышья. Павлодар, 2019. 142 с.

Мерц В.К., Мерц И.В. Погребения «ямного» типа Восточного и Северо-Восточного Казахстана: (К постановке проблемы) // Афанасьевский сборник. Барнаул: Азбука, 2010. С. 134–144.

Мерц И.В. Памятники афанасьевского типа Восточного Казахстана // Э.Б. Вадецкая, А.В. Поляков, Н.Ф. Степанова. Свод памятников афанасьевской культуры. Барнаул: Азбука, 2014. С. 369–372.

Молодин В.И., Чикишева Т.А., Новиков А.В. Неолитический могильник Корчуган на Средней Таре // Проблемы неолита-энеолита юга Западной Сибири. Кемерово: Кузбассвузиздат, 1999. С. 66–98.

Полосьмак Н.В., Чикишева Т.А., Балусева Т.С. Неолитические могильники Северной Барабы. Новосибирск: Наука, 1989. 104 с.

Рыкушина Г.В., Зайберт В.Ф. Предварительное сообщение о скелетных остатках людей с энеолитического поселения Ботай // Бронзовый век Урало-Иртышского междуречья. Челябинск: Изд-во Челяб. ун-та, 1984. С. 121–136.

Смирнов Н.Г., Кузьмина Е.А. Динамика экосистем Южного Зауралья в голоцене // Археология Урала и Западной Сибири: (К 80-летию со дня рождения Владимира Фёдоровича Генинга). Екатеринбург: УрГУ, 2005. С. 23–33.

Солодовников К.Н. Череп из погребений афанасьевской культуры Средней и Нижней Катунь // Афанасьевский сборник. Барнаул: Азбука, 2010. С. 233–244.

Солодовников К.Н., Тур С.С. К антропологии неолитического населения Барнаульского Приобья (по материалам могильника Фирсово XI) // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2017. № 3 (38). С. 60–70. DOI: 10.20874/2071-0437-2018-40-1-046-059.

Солодовников К.Н., Алексеева Е.А., Рыкун М.П. Антропологические данные как источник реконструкции женской прически населения эпохи бронзы юга Западной Сибири // XIII Конгресс антропологов и этнологов

Источники по палеоантропологии неолита — энеолита Среднего Прииртышья

России: Сб. материалов. Казань, 2–6 июля 2019 г. М.; Казань: ИЭА РАН: КФУ: Ин-т истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2019. С. 94.

Солодовников К.Н., Рыкун М.П., Ломан В.Г. Краниологические материалы эпохи бронзы Казахстана // Вестник археологии, антропологии и этнографии. № 3 (22). 2013. С. 113–131.

Ткачев А.А., Ткачева Н.А. Итоги исследования археологических памятников Усть-Каменогорского микрорайона (1994–1998 гг.) // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 1999. № 2. С. 136–145.

Хазина И. В. Растительность и климат в голоцене Юго-Восточной части Западной Сибири (по палинологическим данным): Автореф. дис. ... канд. геол.-минерал. наук. Новосибирск, 2008. 16 с.

Хотинский Н.А., Волкова В.С., Левина Т.П., Лисс О.Л. Хронология, периодизация и палеогеография голоцена Западной Сибири // Особенности естественно-географической среды и исторические процессы в Западной Сибири. Томск: Изд-во ТГУ, 1979. С. 10–12.

Хохлов А.А., Нечвалода А.И. Краниум человека, погребенного на территории древнего поселения Гладунино-3 // ВАУ. Екатеринбург: Изд-во УрГУ, 2002. Вып. 24. С. 32–38.

Хохлов А.А., Солодовников К.Н., Рыкун М.П., Кравченко Г.Г., Китов Е.П. Краниологические данные к проблеме связи популяций ямной и афанасьевской культур Евразии начального этапа бронзового века // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2016. № 3 (34). С. 86–106. DOI: 10.20874/2071-0437-2016-34-3-086-106.

Черников, С. С. Восточный Казахстан в эпоху неолита и бронзы: Автореф. дис. ... докт. ист. наук. М., 1970. 60 с.

Чикишева Т.А. Динамика антропологической дифференциации населения юга Западной Сибири в эпохи неолита-раннего железа. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2012. 468 с.

Чикишева Т.А., Поздняков Д.В., Зубова А.В. Краниологические особенности палеопопуляции неолитического могильника Венгерово-2А в Барабинской лесостепи // Теория и практика археологических исследований. 2015. № 2 (12). С. 56–74. DOI: [https://doi.org/10.14258/tpai\(2015\)2\(12\).-10](https://doi.org/10.14258/tpai(2015)2(12).-10).

Яблонский Л.Т. Ареал «протоуралоидов»: (К постановке вопроса) // Раса: Миф или реальность?: Тез. докл. Междунар. конф., г. Москва, 7–9 окт. 1998 г. М.: Старый Сад, 1998а. С. 95–96.

Яблонский Л.Т. М.М. Герасимов и краниология Восточной Европы эпохи неолита-энеолита // Вестник антропологии. 1998b. Вып. 5. С. 169–186.

Яблонский Л.Т. Восстановление лица по черепу человека из погребения на стоянке Шидерты 3 и проблема раннего расогенеза на территории Казахстана // Изучение памятников археологии Павлодарского Прииртышья. Павлодар: Изд-во Павлодар. ун-та, 2002. С. 44–63.

Якимов В.П. О древней «монголоидности» в Европе // КСИЭ. 1958. Вып. 28. С. 86–91.

Якимов В.П. Антропологические материалы из неолитического могильника на Южном Оленьем острове // СМАЭ. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1960. Т. XIX. С. 221–359.

Bagashev A.N. On the problems of Anthropology of West Siberian Populations during the Neolithic period // Journal of Korean Ancient Historical Society. 1994. № 16. P. 171–198.

K.N. Solodovnikov *, A.N. Bagashev *, S.S. Tur **, A.V. Gromov *,
A.I. Nechvaloda ****, G.G. Kravchenko *******

* Tyumen Scientific Centre of Siberian Branch RAS
Malygina st., 86, Tyumen, 625003, Russian Federation
E-mail: solodk@list.ru; bagashev@ipdn.ru

** Altai State University
prosp. Lenina, 61, Barnaul, 656049, Russian Federation
E-mail: tursvetlana@mail.ru

*** Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (The Kunstkamera) RAS
University embankment, 3, Saint-Petersburg, 199034, Russian Federation
E-mail: a.v.gromov@mail.ru

**** Federal Ufa Research Centre RAS
prosp. Oktyabrya, 71, Ufa, 450054, Russian Federation
E-mail: striwolf@mail.ru

***** National Research Tomsk State University
Lenin Ave., 36, Tomsk, 634050, Russian Federation
E-mail: ggk_07@mail.ru

NEOLITHIC-ENEOLITHIC PALEOANTHROPOLOGICAL SOURCES FROM THE MIDDLE IRTYSH AREA

The present article studies the craniofacial morphology of human skulls uncovered from Neolithic-Eneolithic burials (5–4 millennia BC) in the Middle Irtysh basin. The obtained skulls belong to four archaeological sites: Omsk site and Ust-Kurenga in the forest/forest-steppe zone of Russia, as well as Shiderty-3 and Zhelezinka in the steppe zone of North-East Kazakhstan. In order to study these materials, we performed craniometric analysis and

an intergroup comparison drawing on the calculation of the Mahalanobis-Rao's generalised distances (D^2) along with using the craniological materials of the Mesolithic, Neolithic and Eneolithic periods from Central Eurasia. In addition, the intravital appearance of an individual from Zhelezinka was restored on the basis of the skull employing the method of M. Gerasimov. In general, the anthropological type of the Neolithic-Eneolithic population from the Middle Irtysh area exhibits intermediate Caucasoid-Mongoloid craniological characteristics. Of the synchronous groups, male individuals from the Middle Irtysh area share the greatest similarity with the population of the Altai foothill-plain zone. An earlier study revealed that, in terms of morphological characteristics, the only female skull from the Omsk site is most similar to Mesolithic-Neolithic craniological materials uncovered from the Shigir Peat Site (Urals). The Neolithic-Eneolithic population from the Middle Irtysh area is characterised by heterogeneous anthropological composition, which is predetermined by its belonging to different landscape zones. The structure of skulls obtained from the forest/forest-steppe zone of the Middle Irtysh area generally corresponds to that of populations associated with the Northern Eurasian Anthropological Formation, with the possibility of exhibiting considerable individual variability. The greatest morphological analogies can be drawn with the Neolithic-Eneolithic human skulls from the Baraba forest-steppe, as well as other forest-steppe regions of Western Siberia. In terms of craniofacial characteristics, paleoanthropological finds from the steppe strip of the Middle Irtysh area belong to the Southern Eurasian Anthropological Formation of the ancient Central Eurasian population. This allows us to demarcate anthropological communities (not differentiated from the perspective of traditional racial systematics), which share intermediate Caucasoid-Mongoloid features in the structure of the facial skull, with differences being detected mainly in the size and proportions of the cavitas cranium. In the forest-steppe of the Ob-Irtysh interfluvium, the interaction between populations exhibiting craniological characteristics of Northern Eurasian and Southern Eurasian anthropological formations is noted. The anthropological type of Neolithic-Eneolithic population from the Middle Irtysh area did not affect the morphological appearance of the population belonging to the subsequent period — time of the Yamnaya and Afanasyevo cultures. The burials of this period in East and Central Kazakhstan were probably left during the migration of population groups from the steppe and forest-steppe regions of Eastern Europe to South Siberia and Central Asia. People buried there are distinguished by strongly developed Caucasoid craniological features and belong to the proto-Caucasoid anthropological type, which is typical for the populations of the Yamnaya and Afanasyevo cultures of Eastern Europe and Southern Siberia. Aside from the studied skulls from Shiderty-3 and Zhelezinka, no craniological materials from the periods preceding that of the Yamnaya and Afanasyevo cultures have been uncovered in the steppe zone of Kazakhstan. New paleoanthropological material is required for solving the issues pertaining to racial-genetic relationships between the populations of these regions in the Pre-Bronze Age. The study also revealed a discrepancy between the cultural and anthropological differentiation of the ancient Neolithic-Eneolithic population from the Middle Irtysh region, which archaeologically belongs to one cultural community from the Middle Irtysh area (Ekaterinovka), whereas anthropologically it is associated with two large racial-genetic communities from the central regions of North Eurasia.

Key words: Neolithic, Eneolithic, Middle Irtysh, paleoanthropology, craniometry.

DOI: 10.20874/2071-0437-2019-46-3-116-136

Acknowledgements. We would like to express our thankfulness to Dr. V.K. Mertz, Head of the Centre for Archaeological research in Pavlodar State University, for his assistance in creating this publication.

Funding. This work was supported by a grant from the Russian Foundation for Basic Research No. 18-09-00779A. The article has been written within the State Projects No. AAAA-A17-117050400143-4, No. AAAA-A17-117041210295-7.

REFERENCES

- Alekseev V.P. (1961). Paleoanthropology of the Altai-Sayan Highland during the Neolithic and the Bronze Age. In: *Antropologicheskii sbornik III* (pp. 107–206). Moscow: Izd-vo AN SSSR. (Rus.).
- Alekseev V.P., Debets G.F. (1964). *Craniometry: A technique of anthropological researches*. Moscow: Nauka. (Rus.).
- Bagashev A.N. (1994). On the problems of Anthropology of West Siberian Populations during the Neolithic period. *Journal of Korean Ancient Historical Society*, (16), 171–198.
- Bagashev A.N. (2003). New Materials on Anthropology of the Neolithic population of Western Siberia. In: *Horizonty antropologii* (pp. 438–446). Moscow: Nauka. (Rus.).
- Bagashev A.N. (2017). *Anthropology of Western Siberia*. Novosibirsk: Nauka. (Rus.).
- Benevolenskaia Iu.D. (1984). On morphological heterogeneity of the cranial series from the burial ground on Southern Olenii Island. In: *Problemy antropologii drevnego i sovremennogo naseleniia severa Evropy* (pp. 37–54). Leningrad: Nauka. (Rus.).
- Bunak V.V. (1956). Human races and paths of their formation. *Sovetskaia etnografiia*, (1), 86–105. (Rus.).
- Bunak V.V. (1980). *The genus Homo, its origin and further evolution*. Moscow: Nauka. (Rus.).
- Chernikov S.S. (1970). *Eastern Kazakhstan during the Neolithic and Bronze Ages: Abstract of the thesis Doctor of History*. Moscow. (Rus.).
- Chikisheva T.A. (2012). *Dynamics of anthropological differentiation of the population of Southern parts of Western Siberia in the Neolithic and the Early Iron Age*. Novosibirsk: IAET SO RAN. (Rus.).

- Chikisheva T.A., Pozdniakov D.V., Zubova A.V. (2015). Craniological characteristics of the paleopopulation of the neolithic burial place Vengerovo-2a in the Barabinskaya forest steppe. *Teoriia i praktika arkheologicheskikh issledovaniy*, 12(2), 56–74. DOI: [https://doi.org/10.14258/tpai\(2015\)2\(12\).-10](https://doi.org/10.14258/tpai(2015)2(12).-10).
- Debets G.F. (1948). *Paleoanthropology of the USSR*. Moscow; Leningrad: Izd-vo AN SSSR. (Rus.).
- Debets G.F. (1961). On the settling routes along the the northern margin of the Russian Plain and Eastern Baltic region. *Sovetskaia etnografiia*, (6), 51–69. (Rus.).
- Debets G.F. (1968). An attempt to determine a share of the Mongoloid component in mixed groups of the USSR population. In: *Problemy antropologii i istoricheskoi etnografii Azii* (pp. 13–22). Moscow: Nauka. (Rus.).
- Denisova R.Ia. (1975). *Anthropology of the Proto-Balts*. Riga: Zinatne. (Rus.).
- Denisova R.Ia. (1997). The problem of the existence of the Mongoloid component in the paleopopulation of Eastern Europe. In: *Neolit lesnoi polosy Vostochnoi Evropy: (Antropologiya Sakhtyshskikh stoianok)* (pp. 42–54). Moscow: Nauchnyi Mir. (Rus.).
- Dremov V.A. (1980). Anthropological materials from the burials of Ust-Isha and Itkul: (On the origin of the Neolithic population of the Upper Ob region). In: *Paleoantropologiya Sibiri* (pp. 19–46). Moscow: Nauka. (Rus.).
- Dremov V.A. (1986). Measurements of skulls and skeletons from the Neolithic burials of Ust-Isha and Itkul (the Upper Ob River region). In: *Problemy antropologii drevnego i sovremennogo naseleniya Sovetskoi Azii* (pp. 56–73). Novosibirsk: Nauka. (Rus.).
- Dremov V.A. (1997). *The Upper Ob population during the Bronze Age: (An anthropological essay)*. Tomsk: Izd-vo TGU. (Rus.).
- Esipova S.A., Smagulov B.K., Kulagina E.V., Mezentsseva O.V., Karasev I.E. (2017). *Geography of the Omsk region*. Omsk: Izd-vo OmGTU. (Rus.).
- Gerasimova M.M. (1986). Once again on «Proto-Mongoloidness» in Europe. In: *Problemy evoliutsionnoi morfologii cheloveka i ego ras* (pp. 227–234). Moscow: Nauka. (Rus.).
- Gerasimova M.M. (1992). Skulls from the Fofanovo burial ground (Oka River, Selenga). In: *Drevnosti Baikala* (pp. 97–111). Irkutsk: Izd-vo IrkutskGU. (Rus.).
- Ginzburg V.V. (1956a). Anthropological characteristics of the population of Kazakhstan during the Bronze Age. In: *Trudy Instituta istorii, arkheologii i etnografii AN KazSSR*, 1 (pp. 159–171). (Rus.).
- Ginzburg V.V. (1956b). Paleopopulation of the eastern and central parts of Kazakhstan. In: *Antropologicheskii sbornik I* (pp. 238–298). Moscow: Izd-vo AN SSSR. (Rus.).
- Ginzburg V.V. (1963). Materials on anthropology of the paleopopulation of Eastern Kazakhstan. In: *Sbornik Muzeia antropologii i etnografii*, XXI (pp. 297–337). Moscow; Leningrad: Izd-vo AN SSSR. (Rus.).
- Ginzburg V.V., Trofimova T.A. (1972). *Paleoanthropology of Central Asia*. Moscow: Nauka. (Rus.).
- Gokhman I.I. (1961). Forehead's cross bending and its significance for racial diagnostics. *Voprosy antropologii*, (8), 88–98. (Rus.).
- Gokhman I.I. (1980). The origin of the Central Asian race in the light of new paleoanthropological materials. In: *Issledovaniia po paleoantropologii i kraniologii SSSR* (pp. 5–34). Leningrad: Nauka. (Rus.).
- Gokhman I.I. (1986). New paleoanthropological materials on the Mesolithic Age in the Kargopol region. In: *Problemy drevnego i sovremennogo naseleniya severa Evrazii* (pp. 6–27). Leningrad: Nauka. (Rus.).
- Gokhman I.I. (1986). Anthropological features of the paleopopulation of the Northern European part of the USSR and paths of their formation. In: *Antropologiya sovremennogo i drevnego naseleniya evropeiskoi chasti SSSR* (pp. 215–222). Leningrad: Nauka. (Rus.).
- Ismagulova A.O. (1989). An Eneolithic skull from Eastern Kazakhstan. In: *Margulanovskie chteniia* (pp. 75–78). Alma-Ata: AN KazSSR. (Rus.).
- Khazina I.V. (2008). *Holocene vegetation and climate in the South-Eastern part of Western Siberia (according to palinological data): Abstract of the thesis Doctoral candidate In Geologo-mineralogical*. Novosibirsk. (Rus.).
- Khokhlov A.A., Nechvaloda A.I. (2002). A human cranium buried in the territory of the ancient settlement Gladunino-3. In: *Voprosy arkheologii Urala*, (24) (pp. 32–38). Ekaterinburg: Izd-vo UrGU. (Rus.).
- Khokhlov A.A., Solodovnikov K.N., Rykun M.P., Kravchenko G.G., Kitov E.P. (2016). Craniological data regarding the problem of connections between Yamnaya and Afanasievo cultures of Eurasia of the early stage of the Bronze Age. *Vestnik arheologii, antropologii i etnografii*, (3), 86–106. DOI: 10.20874/2071-0437-2016-34-3-086-106.
- Khotinskii N.A., Volkova V.S., Levina T.P., Liss O.L. (1979). Holocene chronology, periodization and paleogeography of Western Siberia. In: *Osobennosti estestvenno-geograficheskoi sredy i istoricheskie protsessy v Zapadnoi Sibiri* (pp. 10–12). Tomsk: Izd-vo TGU. (Rus.).
- Kiriushin Iu.F., Kiriushin K.Iu. (2016). The Boborykino style ceramics from the settlements of South-Western regions of the Altai territory. *Teoriia i praktika arkheologicheskikh issledovaniy*, 2(14), 7–23. DOI: 10.14258/tpai(2016)2(14).-01.
- Kiriushin Iu.F., Solodovnikov K.N. (2010). The origins of the Andronovo (Fedorovka) population of South-western Siberia, based on a Middle Bronze Age cranial series from the Altai forest-steppe zone. *Archaeology Ethnology & Anthropology of Eurasia*, 38(4), 122–142. DOI:10.1016/j.aear.2011.02.011.
- Konikov B.A. (1996). The Omsk site as an outstanding monument of the Central Irtysh region. In: *Izvestiia Omskogo gosudarstvennogo istoriko-kraevedcheskogo muzeia*, 4 (pp. 107–120). Omsk: OGIK muzei. (Rus.).

- Mamonova N.N. (1973). On the paleopopulation of the Angara region according to paleoanthropological data. In: *Problemy arkheologii Urala i Sibiri* (pp. 18–28). Moscow: Nauka. (Rus.).
- Mamonova N.N. (1980). The paleopopulation of the Angara and Lena regions during the Serovo time according to paleoanthropological data: (On intergroup differences during the Neolithic Age). In: *Paleoantropologiya Sibiri* (pp. 64–88). Moscow: Nauka. (Rus.).
- Mertz I.V. (2014). The Afanasievo-type sites in Eastern Kazakhstan. In: E.B. Vadetskaia, A.V. Poliakov, N.F. Stepanova. *Collection of the Afanasievo culture settlements* (pp. 369–372). Barnaul: Azbuka. (Rus.).
- Mertz V.K. (2002). A Stone Age burial and the Eneolithic complex of the site Shiderty-3. In: *Izuchenie pamiatnikov arkheologii Pavlodarskogo Priirtysh'ia*, 1 (pp. 75–102). Pavlodar: EKO. (Rus.).
- Mertz V.K. (2008). *Periodization of Holocene complexes in Northern and Central Kazakhstan according to the materials of the multilayer site Shiderty-3: Abstract of the thesis Doctoral candidate in History*. Almaty. (Rus.).
- Mertz V.K. (2019). *The brief history of the development of material culture in the Irtysh region of Pavlodar*. Pavlodar. (Rus.).
- Mertz V.K., Mertz I.V. (2010). «Yamnaya»-type burials in Eastern and North-Eastern Kazakhstan: (On the problem statement). In: *Afnas'evskii sbornik* (pp. 134–144). Barnaul: Azbuka. (Rus.).
- Molodin V.I., Chikisheva T.A., Novikov A.V. (1999). The Neolithic burial Korchugan on the Middle Tara River. In: *Problemy neolita-eneolita iuga Zapadnoi Sibiri* (pp. 66–98). Kemerovo: Kuzbassvuzizdat. (Rus.).
- Polos'mak N.V., Chikisheva T.A., Balueva T.S. (1989). *Neolithic burials of the Northern Baraba region*. Novosibirsk: Nauka. (Rus.).
- Rykushina G.V., Zaibert V.F. (1984). A preliminary report on human skeletal remnants from the Eneolithic settlement Botai. In: *Bronzovyi vek Uralo-Irtyshskogo mezhdurech'ia* (pp. 121–136). Cheliabinsk: Izd-vo Cheliabinskogo universiteta. (Rus.).
- Smirnov N.G., Kuz'mina E.A. (2005). Ecosystem dynamics of the Southern Trans-Urals during the Holocene. In: *Arkheologiya Urala i Zapadnoi Sibiri* (pp. 23–33). Ekaterinburg: UrGU. (Rus.).
- Solodovnikov K.N. (2010). Kulls from burials of the Afanasievo culture on the Middle and Lower Katun river. In: *Afnas'evskii sbornik* (pp. 233–244). Barnaul: Azbuka. (Rus.).
- Solodovnikov K.N., Alekseeva E.A., Rykun M.P. (2019). Anthropological data as a source for reconstructing a female hairstyle among the Bronze Age population in the southern part of Western Siberia. In: *XIII Kongress antropologov i etnologov Rossii* (p. 94). Moscow; Kazan': IEA RAN. (Rus.).
- Solodovnikov K.N., Rykun M.P., Loman V.G. (2013). Craniological materials on the Bronze Age of Kazakhstan. *Vestnik arheologii, antropologii i etnografii*, (3), 113–131. (Rus.). Retrieved from: http://www.ipdn.ru/_private/a22/113-131.pdf.
- Solodovnikov K.N., Tur S.S. (2017). On anthropology of the Neolithic population of the Ob river basin near Barnaul (basing on the materials of the burial ground of Firsovo XI). *Vestnik arheologii, antropologii i etnografii*, (3), 60–70. DOI: 10.20874/2071-0437-2018-40-1-046-059.
- Tkachev A.A., Tkacheva N.A. (1999). Results of studying archeological sites in the Ust-Kamenogorsk microregion (1994–1998). *Vestnik arheologii, antropologii i etnografii*, (2), 136–145. (Rus.).
- Vadetskaia E.B., Poliakov A.V., Stepanova N.F. (2014). *Collection of the Afanasievo culture settlements*. Barnaul: Azbuka. (Rus.).
- Vilesov E.N., Naumenko A.A., Veselova L.K., Aubekero B.Zh. (2009). *Physical geography of Kazakhstan*. Almaty: Izd-vo KazNU. (Rus.).
- Yablonskii L.T. (1998a). The habitat of «Proto-Uraloids»: (On the problem statement. In: *Rasa: Mif ili real'nost'?* (pp. 95–96). Moscow: Staryi Sad. (Rus.).
- Yablonskii L.T. (1998b). Mikhail Gerasimov and craniology of Eastern Europe during the Neolithic and Eneolithic Ages. *Vestnik antropologii i etnografii*, (5), 169–186. (Rus.).
- Yablonskii L.T. (2002). Skull-based facial reconstruction of a man from the burial at the site Shiderty-3 and the problem of early race genesis in the territory of Kazakhstan. In: *Izuchenie pamiatnikov arkheologii Pavlodarskogo Priirtysh'ia* (pp. 44–63). Pavlodar: Izd-vo Pavlodarskogo universiteta. (Rus.).
- Yakimov V.P. (1958). On «Proto-Mongoloidness» in Europe. In: *Kratkie soobshcheniia Instituta etnografii AN SSSR*, (28) (pp. 86–91). (Rus.).
- Yakimov V.P. (1960). Anthropological materials from the Neolithic burial ground on Southern Olenii Island. In: *Sbornik Muzeia antropologii i etnografii*, XIX (pp. 221–359). Moscow; Leningrad: Izd-vo AN SSSR. (Rus.).
- Zakh V.A., Bagashev A.N. (1998). On contingency of cultural genesis and race formation in the shaping of the Neolithic population of Western Siberia. In: *Sibir' v panorame tysiacheletii*, 1 (pp. 194–202). Novosibirsk: IAET SO RAN. (Rus.).
- Zhirov E.V. (1940). A note on skeletons from the Neolithic burial ground of Southern Olenii Island. In: *Kratkie soobshcheniia Instituta istorii material'noi kul'tury*, VI (pp. 51–54). (Rus.).

This work is licensed under a [Creative Commons Attribution 4.0 License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/).

Submitted: 10.05.2019

Accepted: 10.06.2019

Article is published: 26.09.2019

ЭТНОЛОГИЯ

В.Н. Адаев

ФИЦ Тюменский научный центр СО РАН
ул. Малыгина, 86, Тюмень, 625026
E-mail: whitebird4@yandex.ru

ОПЫТ ОПИСАНИЯ ЭКСТРЕМАЛЬНОЙ АДАПТАЦИИ: ЧУВАШИ-ПЕРЕСЕЛЕНЦЫ XX ВЕКА В УРМАННОЙ ТАЙГЕ

Предлагается выделить как направление этноэкологических исследований «экстремальную адаптацию» — вынужденное быстрое приспособление к резко изменившимся условиям среды, происходящее в условиях высокого стресса. В качестве примера представлена история чувашских крестьян-земледельцев, бежавших под угрозой репрессий 1930-х гг. в глухие таежные места. Переселенцы создали собственный вариант системы жизнеобеспечения, где приоритет был за крестьянским хозяйством, а добывающие промыслы его дополняли.

Ключевые слова: этнография Сибири, этническая экология, Прииртышье, политические репрессии, вынужденная миграция, беженцы, народы Севера.

DOI: 10.20874/2071-0437-2019-46-3-137-148

Введение

Тема адаптации в последние десятилетия стала удобной и очень вместительной исследовательской рамкой отечественной этнографии. Даже если оставить в стороне довольно пространное толкование термина «адаптация» (см.: [Крупник, 1989, с. 16]), то можно заметить, что лишь на материалах сибирского региона в 2000–2010-е гг. по этой теме было представлено в виде монографий или диссертационных работ несколько десятков крупных исследований [Коровушкин, 2004; Лоткин, 2012; Майничева, 2005; Повод, 2004; Шелегина, 2005; и т.д.].

Отчасти столь широкое применение термина в нашей стране обязано формулировке концепции культуры, предложенной известным ученым Э.С. Маркаряном, — как механизма и результата внебиологической групповой адаптации к условиям окружающей среды. Продолжением этого стал тезис, что ведущей функцией культуры является адаптивная [1983, с. 17, 35]. С одной стороны, обозначенный подход позволил по-новому анализировать поле культурного пространства, с другой — невольно способствовал девальвации термина «адаптация». Последнее произошло, так как популяризация термина была сопряжена с разнообразием оттенков вкладываемого в него смыслового содержания. Кроме многочисленных градаций (культурная, социальная, психологическая, экологическая, этнокультурная и пр.), давним разночтением является понимание адаптации как процесса приспособления или его результата (т.е., по сути, любого явления культуры).

В данной работе предлагается обратиться к той области этнологии, где указанное понятие было едва ли не изначально одним из основных рабочих, — к этнической экологии (см.: [Ямсков, 2005; Head, 2009]). Причем здесь исследовательский ракурс нацелен на раскрытие, если угодно, наиболее существенных характеристик этнокультурной адаптации. В этом смысле адаптация, во-первых, понимается как **процесс приспособления** к меняющимся (изменившимся) условиям внешней среды, а во-вторых, как процесс экстремальный, так как он, с одной стороны, радикален, а с другой — ограничен во времени и в доступных сценариях. Подобный высокий градус взаимодействия со средой возникает в особых случаях: при миграции коллектива на незнакомую территорию или в результате масштабных природных/социальных катаклизмов. Подвергшаяся таким серьезным испытаниям общность оказывается в условиях высокого стресса, а порой и под угрозой самого выживания. Как результат, перед исследователем открывается редкая перспектива зафиксировать возможности адаптации, близкие к предельным. Историко-этнографические работы сходной тематики [Щеглова, 2015; Leduc, 2006; Ståhlberg, Svanberg, 2010; и др.] довольно разрозненны и не составляют какого-то оформленного исследовательско-

го направления. Думается, что в качестве объединяющего начала здесь можно предложить термин «экстремальная адаптация», содержание которого было раскрыто чуть выше.

В центре внимания настоящей статьи находится небольшая группа типичных крестьян-земледельцев из средней полосы России, вынужденных в короткие сроки кардинальным образом перестроить свой образ жизни в совершенно незнакомой и чуждой для них среде урманной тайги. Ключевыми вопросами исследования являются экоадаптационные возможности и специфика внешнего социального взаимодействия малых этнических коллективов в условиях значительной изоляции и экстремального природного окружения. Кроме того, актуальна и сама история жизни чувашских переселенцев в Сибири, включающая драматические сюжеты переезда в далекие незнакомые места, социально-политических репрессий 1930-х гг., тягот военного времени, бурного нефтегазового освоения региона и других событий. Источниковую базу исследования составили прежде всего полевые этнографические материалы, собранные в 2005–2013 гг. в Уватском районе Тюменской области, Усть-Ишимском и Тевризском районах Омской области¹, в г. Тюмени. Основные информаторы — представители второго и третьего поколения переселенцев. Сбор и анализ сведений во многом базировались на сочетании методов этнографии и устной истории.

Ареал, о котором пойдет речь, в нынешних административно-территориальных границах включает северную окраину Усть-Ишимского района Омской области и восточную часть Уватского района Тюменской области. В системе речных бассейнов — это соответственно Среднее Прииртышье и расположенные севернее, за обширным поясом водораздельных болот, верховья р. Демьянки. Семьи чувашей, которые впоследствии стали жителями бассейна Демьянки, появились в Среднем Прииртышье в 1900-е (Григорьевы) и в начале 1920-х (Лотовы, Михайловы), т.е. накануне самой массовой миграционной волны представителей этого народа в Сибирь (см.: [Коровушкин, 2006, с. 36]). На новом месте они по разным причинам еще дважды меняли место жительства, каждый раз оказываясь во все более сложных и непривычных для себя условиях природной среды. Соответственно в процессе адаптации рассматриваемых коллективов можно выделить три самостоятельных этапа.

Первичная адаптация: переезд в Сибирь

Переселенцы, а именно семьи Григорьева Андрея Егоровича (1881 г.р.), Лотова Федора Ефремовича (1891 г.р.) и Михайлова Дмитрия Михайловича (1873 г.р.), происходили с одной территории, локализованной в северо-западной части современной Чувашской Республики (по воспоминаниям, неподалеку от мест исхода находились Чебоксары и Козьмодемьянск): «Из России, с Волги приехали» [ПМА]. Михайловы и Лотовы имели родственные связи, Григорьевы же были их хорошими знакомыми. Представители указанных семей были типичными крестьянами Европейской России, практически не имевшими опыта в добывающих промыслах.

Их переезд в Сибирь был связан с недостатком земельных участков и строевого леса на родине. Выезжали в общей группе с другими чувашами, включая родственников (братьев, сестер и пр.). В семье Михайловых с регистрацией на новом месте связана памятная история. Один из младших сыновей Дмитрия Михайловича был по случаю ошибочно записан под фамилией Комплетов, которая осталась с ним на всю жизнь: «Отец вышел на улицу, а писарь у Бориса спрашивает: “Как фамилия?”. Другие чуваша-то стали переговариваться по-своему: “Кам палет?”, мол, “Кто знает?”. Так его и записали» [ПМА]. Первоначальным местом жительства всех семей стало с. Листвяги Рыбинского района Омской губернии, основанное в 1906 г. как переселенческое поселение на р. Бол. Тава [Список населенных мест..., 1928, с. 66]. Здесь чуваша успели хорошо обжиться: построить избы, развести скот, получить и разработать достаточные для своих нужд земельные участки. К началу 1930-х гг. все семейства были по меркам своего времени средними по численности: у Григорьевых — муж с женой, два сына и три дочери, у Лотовых — муж с женой, два сына, две дочери и сестра главы семьи, у Михайловых — муж с женой, два сына, две дочери и мать жены [ФБУ ИсА в г. Таре, ф. 192, оп. 1, д. 14, л. 4об.–5; Д. 16а, л. 11об.–12; ПМА].

Очевидно, что первичная адаптация наших чувашских переселенцев к Сибири в 1910–1920-е гг. прошла успешно: в социальной градации органов советской власти они были отнесены к категориям кулачества и середняков. Лотовы и Михайловы попали под кампанию раскула-

¹ Автор выражает благодарность коллегам, Н.А. Лискевич и Р.Х. Рахимову, принимавшим участие в данных полевых исследованиях.

чивания и высылки крепких крестьянских хозяйств, которая прошла в этой части Омского округа Западно-Сибирского края в 1930–1931 гг. [Крестьянская голгофа, 2014, с. 70, 110, 191, 213 и др.]. Как рассказывают члены семьи Михайловых, наказание в последний момент для них смягчили: *«Как вам сказать, выслали... Утром выслали, до обеда прошли мы уже (пешком ведь выслали), и потом закон вышел, что не высылать. А когда вернули, мы сами поехали... У нас нечем было [хозяйство вести] — всё раскулачили, всё отобрали. А раскулачили, богатства-то не было. Отец у нас ни работников не держал, ни чё. Просто сами своим жили. У него было 5 лошадей да 3 коровы. Ну, хлеб мы много сеяли»* [ПМА]. Повод для ссылки Григорьевых оказался особым: они числились середняками [ФБУ ИСА в г. Таре, ф. 192, оп. 1, д. 16а, л. 11 об.], но главе семейства припомнили его былую белогвардейскую службу. В итоге все три семьи отправившись по месту налагавшейся высылки — 60 км по прямой на север, в таежную деревню Рамазановка, расположенную на правом берегу Иртыша и тоже являвшуюся старым переселенческим пунктом [Список переселенческих участков..., 1913, с. 8].

Этап второй: ссылка в тайгу

Григорьевы, Лотовы и Михайловы были не единственными чувашскими семьями, кого выслали в Рамазановку. При этом часть их односельчан, включая родственников, осталась в Листвягах. Ссылный контингент основательно пополнил количество чувашей на правом берегу Среднего Прииртышья. Если в 1926–1927 гг. И.Н. Шухов практически в той же местности Усть-Ишимского района зафиксировал всего 18 чувашских хозяйств [1928, с. 47], то в 1935 г. в одной только Рамазановке их было 14 [ФБУ ИСА в г. Таре, ф. 192, оп. 1, д. 16а, л. 5об.–6]. Соседями чувашей стали пять русских семей и одна белорусская. В воспоминаниях местных старожилов чувашские новоселы нередко представляли в образе очень скрытного и хитрого народа. В 1930-х гг. они якобы прятали днем своих лошадей в тайном месте за деревней, а когда выезжали по ночам, то на ноги животным надевали лапти, чтобы не оставалось следов от копыт. Кроме того, в присутствии чужих они часто сговаривались на своем языке, изображая, что ведут простые бытовые беседы и пр. [ПМА]. Доля истины в этих стереотипных представлениях была: высокая степень внутригрупповой солидарности чувашских поселенцев служила им эффективным средством адаптации на новом месте. В то же время, настороженно контактируя с той с частью соседей, в ком они видели угрозу своей безопасности, чувашки устанавливали дружеские и взаимовыгодные связи с другими местными жителями, от которых перенимали навыки ведения хозяйства на новом месте. Михайловы и Григорьевы, в частности, подружились с демьянскими промысловиками, выезжавшими каждую зиму для реализации рыбы и пушнины к Иртышу через Рамазановку.

Приспосабливаться чувашам приходилось к непривычным, довольно суровым условиям. Урманские территории Омского Прииртышья относились к зоне рискованного земледелия, что обуславливалось долгим высыханием почвы весной, коротким летом, ранними заморозками, неразработанными тяжелыми почвами и значительной облесенностью местности. Скотовод здесь сталкивался с проблемами недостатка пастбищ и покосов, затяжного стойлового содержания и обилия гнуса [Юферев, 1908, с. 274–288]. К этому нужно добавить подорванное благосостояние семей на момент их прибытия, высокое налогообложение и непрекращавшийся социальный прессинг, который выражался в разнообразной форме — от дразнилок «кулацких детей» в школе до очередной экспроприации имущества и арестов.

Тем не менее благодаря упорному труду и житейской хватке к 1935 г. Григорьевы, Лотовы и Михайловы были снова в числе крепких хозяев. У них всех, в отличие от большинства односельчан, имелись как минимум одна лошадь и корова. Архивные данные свидетельствуют, что указанные семьи держали также поросят и овец, имели посевные поля по 2–3 гектара, где выращивали рожь, ячмень, пшеницу, овес, гречиху, лен, горох, картофель и другие овощи [ФБУ ИСА в г. Таре, ф. 192, оп. 1, д. 16а, л. 5об.–18]. Красноречивы и показатели облагаемого дохода домохозяйств Рамазановки, представленные в порядке возрастания в рублях: 11, 15, 27, 35, 39, 41, 77, 107, 123, 208, 325 (Михайловы), 346, 444, 445, 470, 579 (Лотовы), 581, 594 (Григорьевы), 613, 656 [Там же, л. 1–20]. Семьи осваивали и местные добывающие промыслы, но пока в весьма ограниченном виде. Из воспоминаний об охотничьих навыках того времени у А.Е. Григорьева: *«Папа не слишком-то увлекался. Но любил на этих рябчиков, пружки ставить там еще»* [ПМА].

Через несколько лет все три семьи решились на отчаянный шаг — уйти еще дальше на север в глухие урманские места бассейна р. Демьянки. Там благодаря отсутствию прямого государственного контроля весьма вольно себя чувствовали несколько десятков семей из числа

бывших жителей Среднего Прииртышья — те самые промысловики, с которыми свели дружбу Григорьевы и Лотовы. Решение было близким к безрассудному, учитывая отмеченный уровень промысловых навыков чувашей: *«Мы поехали по собственному желанию. Охотничьи места там хорошие, да охотники-то из нас были некудышные... Мужики с Демьянки выезжали, у нас останавливались. Ну, и разговоры: папе советовали туда, в тайгу ехать. Охотник и рыбак много наговорит...»* [ПМА].

Подтолкнула к переезду безысходность. Глава семьи Лотовых около 1935 г. по обвинению в спекуляции хлебом был посажен в Тарскую тюрьму и через несколько месяцев умер: *«Они [Лотовы] хлеб покупали всё, а нажаловались, что он хлеб продает. А он ничего не продавал. В тюрьме погиб — тоже ни за что»* [ПМА]. Последней каплей для семьи Михайловых стала третья экспроприация у них нажитого имущества: *«Они что поехали: корову заведешь — отбирали, еще что-то только купишь — отберут. Ну сколько можно?»* [ПМА]. Нависшую угрозу, вероятно, чувствовал и А.Е. Григорьев — под очередную волну репрессий массово попадали бывшие противники советской власти.

Третий этап: уход за болота

Имеет смысл отдельно представить сам процесс переселения и трудности первоначально обустройства. Первыми весной 1936 г. решились уйти в глухую тайгу старшие Михайловы, взяв с собой младшую дочь и 12-летнего племянника, Лотова Петра. В путь на Демьянку отправились в марте по тяжелому 200-километровому зимнику, ведшему через водораздельные болота. Скот гнали по насту, в сани запрягали и быка, так как лошадь была одна. На полпути болота начали оттаивать и пришлось до мая остановиться на перевалочном пункте зимника — в избушке, расположенной в верховьях демьянского притока, р. Имгыт. С началом половодья со всем скарбом сплавились вниз по течению, но до самой Демьянки не дошли, так как встретили понравившееся место: *«Плот большой сделали. Мы не знали, сколько ехать. У нас все шмутки были складены, инструменты — всё было. Ну, и потом увидели это место светло. Отец вышел — там гарь, тут, мы и вышли»* [ПМА].

На гари была уже удобренная золой и частично расчищенная местность, что облегчало дальнейшие работы. За весну-лето построили сначала шалаш (балаган), потом небольшую избушку (без потолка, но с русской печью, задняя часть которой помещалась в сенях), перевезли с зимовья остававшийся там скот. Когда следом прибыли сыновья Михайловых, а также мать и тетка Павла Лотова, то стали обустриваться уже более основательно — возводить большой дом, подворье, расчищать площади под будущее поле и огород, заготавливать сено. По воспоминаниям, первый год дался особенно трудно. Целину приходилось корчевать, пережигать весь сухостой и перекапывать почву лопатами — маленький плуг ее не брал. Засаживали возделанный участок картофелем, при этом радовались, что часть урожая сдавать в счет налога уже не надо. Еды, тем не менее, не хватало, и пришлось на какое-то время пробавляться экстремальными видами пищи: *«Всё ели. Мох сушили, толкли его и делали муку. Не помню, как он называется. Еще осока, которая около речки, вот эту тоже ели. Крапиву ели»* [ПМА].

В марте 1939 г. на Демьянку последовали Григорьевы. Тактика здесь была несколько иная: они договорились, что будут проживать в одном поселке с местными жителями — на оз. Белом, недалеко от основного русла Демьянки. Сначала завезли на новое место несколько возов продуктов, в основном муку, а потом уже А.Е. Григорьев отправился в путь с оставшимся скарбом и членами семьи, включая жену и пятерых детей. Переход занял около пяти дней. Из воспоминаний младшего сына: *«27 марта мы пришли. На лошадях и с коровами поехали, две коровы вели. Дорога хорошая была, я почти всю дорогу бежал. Сперва мы в коротаевской избе жили. А потом свою избушку сделали и жить помаленьку стали. Укоренились»* [ПМА]. На первых порах Григорьевым большую поддержку оказывали ближайшие соседи, среди которых были русские, ханты, эвенки и несколько поляков, — помогали обустроиться, выручали продуктами питания, делились хозяйственным опытом. Через несколько лет семья переехала еще чуть дальше — в поселение Нефедово, расположенное на высоком протяженном мысу р. Демьянки, где были значительно лучшие условия для занятия земледелием: *«Приехали — там кедр, озера близко, речки близко, угодья есть. Вот это место излюбили люди до нас, и нравится это место самим. Сколько живем, столько и нравится»* [ПМА] (рис. 1).

Рис. 1. А.Е. Григорьев с супругой, п. Нефедово, 1970-е гг.
Fig. 1. A.E. Grigoriev with his wife, Nefyodovo, 1970s.

Относительно последующей адаптации чувашских семей к условиям глухой тайги можно выделить ряд ключевых особенностей: 1) первоначально переселенцами было налажено крепкое крестьянское хозяйство, причем в максимально полном варианте, какой был возможен, невзирая на местные трудности и масштабность требовавшихся усилий; 2) параллельно по нарастающей шло заимствование промыслового опыта, сначала от русских и польских соседей, а вскоре напрямую от наиболее искусных в этом деле народов — хантов и эвенков; 3) при заимствовании чужого опыта проявлялось настойчивое стремление постичь его в тонкости (подчас существенно глубже, чем это делали другие демьянские переселенцы), а после критически переосмыслить и скорректировать исходя из собственных интересов; 4) долгое время хозяйство чувашей отличала высокая степень натуральности из-за стремления минимизировать связи с внешним миром. Далее рассмотрим эти черты подробнее.

Налаживание крестьянского хозяйства

В отличие от своих русских и польских соседей, опиравшихся в первую очередь на охотничье-рыболовецкое хозяйство, а скотоводство и земледелие поддерживавших как подсобные направления деятельности, чуваша с необыкновенным упорством развивали производящие отрасли. Как вспоминали Григорьевы о жизни в Нефедово: *«До нас так [много] там не сеяли»* [ПМА]. Тяжелым испытанием на протяжении целых десятилетий оставалась корчевка леса и вспашка целины под расширение сельскохозяйственных угодий. Причем если Григорьевы имели в Нефедово возможность отчасти пользоваться плодами трудов своих предшественников, то Михайловы и Лотовы разрабатывали угодья в девственной тайге: *«Тут же лес-то вон какой большой был, кедрач. Вырубили, а потом корни вырубали, а потом по одному полю пахали, потому что сразу не могли вспахать. На коня навалим — он еле-еле вез. По сторонам-то еще до 70-х годов корчевали»*. Навыками разработки таежной целины и нелегкой практики северного земледелия чуваша явно овладели еще в годы жизни в Рамазановке. В конечном итоге на новом месте они выращивали хорошо знакомые им культуры — рожь, ячмень, овес, горох, картофель, капусту, морковь, репу, огурцы, лен и коноплю.

Точно так же именно чуваша стали разводить на Демьянке небывало большое и разнообразное количество домашних животных. В каждом их подворье вскоре были 1–2 лошади, бык с несколькими коровами и их приплод, около десятка овец, курицы, собаки и кошки. Лотовы разводили также кроликов и имели собственную пасеку. Периодически случались и эксперименты с приручением диких животных: лосят, медвежат, диких уток. Для кормления многочисленного скота разрабатывали земли под покосы и заготавливали большие объемы сена. Значительное количество навоза, в свою очередь, позволяло поддерживать плодородность обширных земельных участков.

Важным качественным критерием для себя чуваша считали питание правильной крестьянской пищей: *«Масла хватало, коров держали, все можно было сделать. У нас мама любила шаньги стряпать. И это, со сметаной ли, сливкой ли калачей состряпаешь. Сейчас бы я их поел, если бы стряпали. Из крахмала калачи. Они маленько грубоваты, засыхают, а расквашиваются хорошо. Потому что там жир, и это... И всегда на охоту идешь, калача 2–3 положишь в карман. Пошел, и хватит. Солили капусту всегда, огурцы еще не так. Грибы тоже всегда — грузди были, в одно время помногу было. Выпивали. Самогонку — обязательно. Собирали смородину, бруснику, клюкву и все такое. С черники варенье делали»*. Для сравнения, совершенно иные нотки, легкого осуждения, звучат в воспоминаниях подобного рода о соседнем семействе русских: *«Только лесном [лесной пищей] питались больше. А так — леноваты были. Но корову-то держали»* [ПМА].

Неотъемлемой частью налаженного быта чувашей были и просторные избы. Как упоминалось, в Герасимовке Михайловы сумели поместить русскую печь даже в свою первую временную избушку. Наличие больших русских печей впоследствии позволяло чувашам прогревать зимой свои крупные по местным меркам жилища. Большинство же соседей из числа переселенцев предпочитало более компактные постройки, отапливаемые небольшими печами или чувалами по типу хантыйских.

Заимствование опыта промысловиков

Одновременно чувашским переселенцам пришлось на совершенно новом качественном уровне осваивать охоту и рыбный промысел. Первыми их учителями стали местные промысловики русские и поляки — они обучили заповному и сетевому рыболовству, добыче пушного зверя с собакой и с помощью ловушек, с сезонным проживанием на угодьях и подготовкой охотничьих троп-путиков. Однако вскоре у чувашей завязались дружеские отношения с потомственными таежниками из числа юганских хантов и звенков. От них были заимствованы еще более искусные промысловые приемы и приспособления, переняты навыки изготовления лыж, нарт и лодок-долбленок, шитья промысловой одежды. Были даже робкие попытки освоить оленеводство.

Рис. 2. Дочь П.Ф. Лотова с добытым волком, п. Герасимовка, 1970-е гг.
Fig. 2. A daughter of P.F. Lotov with a killed wolf, Gerasimovka, 1970s.

Так, главными наставниками Григорьевых стали юганские ханты: *«А охотиться — я от хантов всё. Так же точно, как у хантов, делал»* [ПМА]. В воспоминаниях младшего сына А.Е. Григорьева хорошо отразился двухэтапный процесс заимствования объектов материальной культуры соседей: ставили на соболя русскую ловушку-кулемку — перешли на хантыйский черкан; носили фуфайки и сибирские кожаные бродни — стали надевать промысловые халаты и замшевую обувь-нырики юганцев и т.д. Дочь Д.М. Михайлова вышла замуж за эвенка, поэтому она сама, ее братья, а в особенности старшие сыновья достигли высочайшего мастерства в охотничьем промысле. Сыновья уже в возрасте 16–17 лет привозили домой полные лодки уток, регулярно добывали лосей, обладая не только всеми необходимыми навыками и знаниями, но и высоким уровнем физической подготовки для обнаружения, преследования и добычи любого зверя.

Показательно, что во втором поколении чувашских переселенцев, которое уже выросло в тайге, промыслом занимались как мужчины, так и женщины, причем начиная с подросткового возраста. В семье П.Ф. Лотова, где из 11 детей 10 были девочки, все они стали штатными охотниками-промысловиками. Девушки 15–20 лет умело добывали пушного зверя, боровую и водоплавающую птицу, лося, некоторым из них доводилось ходить и на медведя (рис. 2). Не случайно, когда в 1970-е гг. у одной из дочерей П.Ф. Лотова произошел со знакомым эвенком небольшой спор относительно охотничьих угодий, он был достойно решен в рамках традиционного права: *«Слушай, дядя Алексей. Что ты вырос в тайге, что я — одинаково. Вот только что нации разные. А остальное не разделяется — что ты охотишься, что я охочусь так же. Охотиться когда-как, я знаю»* [ПМА].

Критическое переосмысление опыта таежников

Как отмечалось, чуваши перенимали знания и навыки коренных народов Севера всегда с оглядкой, творчески переосмысливая их, чтобы в приоритете всегда оставались более экономически надежные производящие отрасли хозяйства и привычный крестьянский быт. Поэтому, в частности, ими не было заимствовано оленеводство — оно подразумевало довольно мобильный образ жизни и тяготение к болотным ландшафтам. Для одновременного занятия крестьянскими делами и сезонным охотничье-рыболовецким промыслом на удаленных территориях чувашей, во-первых, практиковали внутрисемейное разделение труда, а во-вторых, использовали конный транспорт при поездках на угодья и перевозке груза туда и обратно. Организация последнего требовала дополнительных усилий: нужно было проложить конные дороги и ежегодно поддерживать их в рабочем состоянии, кроме того, ранние декабрьские выезды на сани были рискованными, так как болота еще не везде промерзли.

Другим ярким примером своеобразия в адаптации чувашей может служить практика создания крупных запасов добычи и длительное хранение ее в ледниках: *«А мы так делали: снег в ямке насыпем, потом водой зальем (на лошади воду возили), потом опять снегом и снова водой — вот так засыпали. А ямка потом зимой застынет, как лед, и до самой осени терпела. И кадки прямо там замораживали — уток солить. Они до самой осени там эти кадки жили. Уток много добывали, солили, и лосей добывали хорошо — раньше ведь лосей-то много было. Ханты такие ямки и сейчас не делают. Они же ведь голодные жили! Лося добыли — сытые, а не добыли — всё. Вот только что сушат мясо»* [ПМА].

Подавляющее большинство прочих переселенцев нечувашского происхождения, проживавших в тех же местах среднего и верхнего течения Демьянки, по образу жизни были заметно ближе к юганским хантам. Кроме существенно меньшей доли скотоводческо-земледельческих отраслей хозяйства, здесь можно отметить также сравнительно небольшие объемы создававшихся запасов пищи. Это подразумевало, с одной стороны, меньшую интенсивность трудовой деятельности, особенно в летний сезон, а с другой — допускало периодическую нехватку продуктов питания. Не случайно при сопоставлении знаний об экстремальных видах пищи выяснилось, что чуваше освоили далеко не весь арсенал местных сибирских старожилов. Речь идет, в частности, о возможном использовании в пищу соцветий кедра, толченых рыбьих костей, измельченных лосиных шкур и некоторых дикоросов.

Важным элементом устойчивости сформировавшейся системы жизнеобеспечения чувашей стало налаживание торгово-обменных отношений с народами Севера. Понимая, что в определенных видах деятельности ханты и эвенки остаются непревзойденными мастерами, чувашские переселенцы предпочитали, особенно на первых порах, не изготавливать, а выменивать нужные им вещи на продукцию крестьянского хозяйства. Таким способом они приобретали под-

ки-долбенки, охотничьи лыжи, меховую одежду и обувь, предлагая в ответ хлеб, домотканую материю, овечью шерсть и конский волос.

Социальные связи

В данном случае интерес представляет характер внутренних и внешних контактов, а также механизмы их реализации. В силу самой истории появления чувашских семей на Демьянке понятно, что первое время они избегали сообщения с территориями и населением, находящимися под жестким контролем советской власти. Этим был обусловлен существенный уровень натуральности хозяйства жителей Герасимовки и Нефедово. Вплоть до середины 1940-х гг. они сеяли собственный хлеб, выращивали коноплю и лен для кустарного производства тканей. Автономный режим облегчался тем, что, как и большинство крестьян средней полосы России, чуваша-переселенцы владели многими ремесленными навыками: умели изготавливать рабочие инструменты, шить одежду и обувь, делать кирпичи, класть печи, знали столярное и плотницкое дело. Контакты с Омским Прииртышьем поначалу у них ограничивались несколькими выездами в год для реализации промысловой продукции и закупки необходимых товаров. Заметно большим было общение с жителями двух чувашских селений близ русла Иртыша — Екатериновки и Красноярки.

В военные 1940-е гг. Демьянку неоднократно посещали милицейские отряды, они реквизируют лошадей и вывезли подлежащее военной и трудовой мобилизации население. Часть местных жителей, в том числе чувашей, пыталась скрываться от этих рейдов. С середины 1950-х гг., когда социальная напряженность в стране существенно снизилась, чувашские семьи уже контактировали с территорией Омской области значительно чаще и свободнее. В 1960-е гг. госпромхозные организации Усть-Ишимского и Тевризского районов наладили с некоторыми селениями Демьянки авиасообщение. Жители Герасимовки и Нефедово уже были сами заинтересованы в доступе к новому удобному виду транспорта, поэтому своими силами подготовили у себя авиапосадочные площадки. С 1970-х гг. бассейн Демьянки во многом утратил свой высокий уровень изолированности. Началось нефтедобывающее освоение — проводились изыскания, прокладка просек, обустройство временных поселков, интенсифицировалось авиационное и водное транспортное сообщение.

Рис. 3. Чувашско-эвенкийская семья дочери Д.М. Михайлова, п. Нефедово, 1960-е гг.
Fig. 3. The Chuvash-Evenki family of the daughter of D.M. Mikhailov, Nefyodovo, 1960s.

Григорьевы, тем не менее, на общем фоне продолжали оставаться довольно закрытым коллективом. Более свободно они общались только с другими чувашскими семьями и хантами, а у значительной части соседей за ними закрепилась репутация замкнутых и недоверчивых лю-

дей. Наглядным проявлением внешнего барьера стало то, что никто из детей Андрея Егорьевича не вступил в брак (хотя один внук, продолжатель рода, у него все-таки родился). Как оказалось, опасения главы семьи были не напрасны. По рассказам, в 1980-е гг. в отделение Уватской милиции поступила касающаяся А.Е. Григорьева информация: *«Мол, как это белогвардейский офицер живет припеваючи в нашем районе? Это на деда»* [ПМА]. Однако в силу его преклонного возраста никаких последствий дело не имело.

Что касается внутренних контактов, то одним из популярных поводов для встреч с соседями у чувашей были христианские праздники: *«Отмечали Троицу, Масленку, Николу — один раз у нас в Нефедово. В основном религиозные праздники, другие — нет. Как у нас заведёно, такими выросли. Ходили в гости в Герасимовку, Масленку справляли. От нас 40 километров, пешком ходили через болото. Одно время тут народ дружно жил. Приходили все. Идут, у всех оружие, из-за поворота: бух-бух! Встречали салютом и провожали. Пели, плясали. Обязательно, без этого кто вытерпит? Игры были. Если весной на Троицу приедут, у нас площадь-то порядочная, пашни — в лапту играли и, там, в кружки, в фантики»* [ПМА].

Общение чувашей с юганскими хантами носило более спорадический характер, чаще всего это были взаимные посещения по пути дальних поездок или в связи с какими-то совместными делами. Из воспоминаний членов семьи Григорьевых: *«Ханты тогда не понимали праздник, можно сказать. Если съезжат в Юган [на р. Бол. Юган], там купят водки, тогда у них праздник. В гости-то приезжали. Дядя Миша один раз приехал со вторым сынишкой. С дядей Мишей дружили. Он тут приехал, лодку помогал папе делать, долбленку. С Усановыми дружили, но тоже так же ездили. Время придет — летом в гости друг другу ездили к Усановым, к Василию Наумовичу. Лянтины часто бывали»* [ПМА].

Интересно отметить характер брачных связей чувашских переселенцев. Около четверти их браков было заключено с другими чувашами: несколько невест привезли из Омского Прииртышья, кроме того, к третьему поколению Лотовы, Григорьевы и Михайловы породнились и между собой. Основную массу брачных партнеров составляли русские — с Демьянки и из Усть-Ишимского района; в последнем случае если дело касалось чувашской девушки, то она чаще всего переезжала в иртышскую деревню. Появлялись и необычные супружеские пары: у Д.М. Михайлова один из сыновей был несколько лет женат на демьянской хантыйке, а дочь стала женой местного эвенка (рис. 3). Отношения супругов в таких парах существенно осложнялись большими культурными различиями. Это касалось вопросов быта, хозяйственной деятельности, религиозных представлений и пр.

Свидетельства успешной адаптации чувашей

Примерно за пять лет жизни на новом месте чувашскими переселенцами был достигнут надежный уровень благосостояния, который постепенно развивался, а к 1950-м гг. приобрел уже высокую устойчивость. И если в первые, трудные годы чувашей периодически выручали, делаясь своей добычей, местные ханты и эвенки, то впоследствии на помощь коренным таежникам, голодавшим в периоды неудачного промысла, приходили уже сами жители Нефедово и Герасимовки.

За десятилетия упорного труда чувашами были созданы добротные и крепкие домохозяйства, где уютный крестьянский быт органично сочетался с промысловыми занятиями: *«В Герасимовке пять домов было, вечером все бабы собираемся — пряли, вязали. Мужики с охоты придут — кто белку обдирает, кто патроны заряжает»* [ПМА]. Почти идиллический образ крестьянской деревни, возникшей в глухой урманной тайге, на многих производил сильное эмоциональное впечатление. По рассказам, в 1980-е гг. один русский охотник, настрадавшийся после вынужденного года жизни в хантыйском селении, выехал оттуда вниз по Демьянке. Добравшись до Нефедово, он был особенно растроган местной обстановкой, хотя перед этим на его пути были и другие поселки выходцев с Иртыша: *«К Григорьевым приходит и со слезами на глазах давай целовать. Обнимает чувашей и говорит: “Ой, родненькие вы мои!”»* [ПМА].

В 1970–1980-е гг. чувашские селения на Демьянке вообще стали своеобразной точкой притяжения для людей, стремившихся увидеть экзотические места. Административные работники из Тобольска, Усть-Ишима и Увата неоднократно привозили туда на самолетах почетных гостей, периодически там бывали представители прессы и телевидения. Особенно памятным для местных жителей стал визит московского писателя-прозаика Анатолия Дмитриевича Голубева. Он дважды побывал на Демьянке, облюбовав чувашские селения для летнего отдыха, который совмещался у него с творческой работой. Писатель жил в палатке, много общался с таежными

жителями, ездил по угожьям, фотографировал, а по ночам вел записи. Из воспоминаний Григорьевых: *«Первый раз он с женой приезжал, второй раз с ним из райкома партии приехали. Мы с им фотографировали ходили — соболиные амбарчики там всё, там капканы я смотрю... Он писал, у него машинка была. А у нас же иконы, религиозные, и всё... По этому побуждению он, мне кажется, что-то, может, не то написал»* [ПМА]. Сочинения, связанные с этой поездкой, А.Д. Голубев предполагал опубликовать в московских журналах, пока их, к сожалению, обнаружить не удалось.

Наконец, еще одним показателем успешной адаптации является то, что в Герасимовке, Нефедово и других селениях демьянского бассейна до сих пор проживают потомки Григорьевых, Лотовых и Михайловых. Многих из них можно сегодня встретить также в иных местах Уватского района Тюменской области, на территории Усть-Ишимского района Омской области, в Иркутской области, Ханты-Мансийском автономном округе, в Омске и Тюмени. Причем значительная часть тех, кто остался на Демьянке, сохраняет важные черты чувашской идентичности — свой язык, некоторые традиции (прежде всего в хозяйственных занятиях, национальной кухне) и православную веру.

Заключение

Представленные материалы подтверждают, что изначально мало приспособленная к жизни в глухой тайге и неопытная в промысловой деятельности группа чувашей-переселенцев сумела в короткие сроки справиться с экстремальной адаптацией на новом месте. Уход группы на Демьянку был безусловно вынужденным решением и во многом выглядел как жест отчаяния. С другой стороны, подготовиться к этому помогла трехэтапность миграции: сначала из европейской части России в земледельческие районы левобережья среднего Иртыша, затем в лесную зону иртышского правобережья и лишь после этого в бассейн Демьянки. Кроме того, переселенцы отчасти полагались на первичную поддержку местных жителей. Важным итогом адаптации на новом месте явилось создание чувашами собственного, отличающегося от бывшего там ранее, варианта системы жизнеобеспечения, который оказался весьма устойчив и надежен в сложнейших условиях среды существования. Базовой основой этой устойчивости стало нахождение своеобразной золотой середины между производящими и добывающими отраслями хозяйства. Отдавая безусловный приоритет традиционным крестьянским направлениям деятельности, чуваша эмпирическим путем нашли способы безболезненного дополнения их охотничьим и рыболовным промыслами. Для этого им пришлось освоить и творчески переосмыслить промысловый опыт местных старожилов: сначала — более ранних переселенцев, а затем — народов Севера. Сложившаяся в итоге форма хозяйствования требовала высокого уровня интенсивности трудовой деятельности, что усугублялось в первые десятилетия еще и стремлением к минимизации внешних контактов за пределами демьянской территории. Залогом успеха здесь стали трудолюбие, высокая групповая солидарность и предприимчивость чувашей-переселенцев.

Финансирование. Работа выполнена по госзаданию — проект № АААА-А17-117050400150-2.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Источники

Крестьянская Голгофа: Книга памяти репрессированного крестьянства Омской области. Т. 3. / Гл. ред. М.А. Сбитнева; ред.-сост.: Е.В. Гацура, А.И. Полякова, Т.Г. Четверикова. Омск: Омскбланкиздат, 2014. 340 с.

Полевые материалы автора (ПМА).

Список населенных мест Сибирского края. Т. 1: Округа Юго-Западной Сибири. Новосибирск. Сибирский краевой исполнительный комитет, 1928. 832 с.

Список переселенческих участков Тобольской губернии: (Приложение к 20-верстной карте Тобольской губернии, издания 1913 года). Тобольск: Тип. епархиального братства, 1913. 36 с.

Филиал бюджетного учреждения Омской области «Исторический архив Омской области» в г. Таре (Филиал БУ ИСА в г. Таре). Ф. 192. Оп. 1. Д. 14, 16а.

Литература

Коровушкин Д.Г. Этнокультурная адаптация поздних переселенцев в Западной Сибири (конец XIX — первая четверть XX вв.): Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Новосибирск, 2004. 41 с.

Коровушкин Д.Г. Очерки этнокультурной адаптации поздних переселенцев в Западной Сибири. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2006. 200 с.

Опыт описания экстремальной адаптации: чуваш-переселенцы XX века в урманной тайге

- Крупник И.И.* Арктическая этноэкология: Модели традиционного природопользования морских охотников и оленеводов Северной Евразии. М.: Наука, 1989. 272 с.
- Лоткин И.В.* Социально-политическая, экономическая и культурная адаптация прибалтийских поселенцев в Сибири (1920–1940 гг.): Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Тюмень, 2012. 40 с.
- Майничева А.Ю.* Русские Сибири: Зодчество в аспекте этнокультурной адаптации. XVII–XX вв.: Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Новосибирск, 2005. 48 с.
- Маркарян Э.С.* К общей характеристике культуры и ее жизнеобеспечивающей подсистемы // Культура жизнеобеспечения и этнос: Опыт этнокультурологического исследования (на материалах армянской сельской культуры). Ереван: Изд-во АН АрмССР, 1983. С. 17–40.
- Повод Н.А.* Социокультурная адаптация коми Северного Зауралья: XIX — первая четверть XX вв.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Екатеринбург, 2004. 24 с.
- Шелегина О.Н.* Адаптационные процессы в культуре жизнеобеспечения русского населения Сибири в XVIII — начале XX века: (К постановке проблемы). Новосибирск: Сев. науч. книга, 2005. 192 с.
- Шухов И.Н.* Охотничий промысел в северной части Тарского округа // Материалы к познанию охотничьего дела Западной Сибири. Омск, 1928. Вып. II. С. 33–98.
- Щеглова Т.К.* Этнография русского крестьянства юга Западной Сибири в XX столетии: Культура жизнеобеспечения в годы Великой Отечественной войны: Научные и методические материалы. Барнаул: АЗБУКА, 2015. 132 с.
- Юферев В.* Переселенцы в Тарских урманах // Вопросы колонизации. 1907. № 2. С. 272–300.
- Ямсков А.Н.* Культура и культурная адаптация в этноэкологических исследованиях: К вопросу о содержании некоторых понятий и терминах // Эволюция. 2005. № 2. С. 50–53.
- Head L.* Cultural ecology: Adaptation — retrofitting a concept? // Progress in Human Geography. 2009. No 34 (2). P. 234–242.
- Leduc T.B.* Inuit economic adaptations for a changing global climate // Ecological Economics. 2006. Vol. 60 (1). P. 27–35.
- Ståhlberg S., Svanberg I.* Loplyk fishermen: Ecological adaptation in the Taklamakan desert // Anthropos. 2010. Vol. 105. No 2. P. 423–439.

V.N. Adaev

Tyumen Scientific Centre of Siberian Branch RAS
Malygina st., 86, Tyumen, 625003, Russian Federation
E-mail: whitebird4@yandex.ru

DESCRIPTION OF EXTREME ADAPTATION: CHUVASH SETTLERS OF THE 20th CENTURY IN DEEP SIBERIAN FORESTS

The article is aimed at analysing ethnocultural adaptation that is close to the possible limit. It is proposed to single out extreme adaptation as a separate field of studies in cultural ecology. The term is to be understood as a forced rapid adaptation of an ethnic group to drastically changing environmental factors, occurring under the conditions of high stress for the community. The research is conducted as an ethnographic case study and its data were obtained via semi-structured interviews and archival document review. The study focuses on the history of three Chuvash peasant families who fled the political repression of the 1930s to the adjacent back country — the upper Demyanka River area (Uvatsky district of the Tyumen region, Russia). It was a remote and isolated taiga region covered with dense forests and vast swamps, a land of hunters and reindeer herders where farming was considered to be hard and unprofitable. The Chuvash families were typical farmers who had come to Western Siberia from the European part of Russia in 1900–1920s due to land shortages. The Chuvash, initially poorly adapted to the life in the taiga and inexperienced in forest foraging, managed to cope with the extreme adaptation to a new area over a short time. An important result of the adaptation consisted in the families creating a new local type of the subsistence system with priority being given to agriculture and livestock farming, while hunting and fishing were a complementary part of the economy. Their way of life proved to be very stable and reliable under the most difficult conditions. First of all, the Chuvash laboriously built a strong peasant base of their economy, in the fullest measure possible, despite all of the local difficulties and efforts required. In addition, the Chuvash increasingly adopted the foraging experience: initially from the neighbouring Russian and Polish taiga settlers, and soon directly from the most skilled peoples in this matter — the Khanty and Evenki. Moreover, while acquiring the skills, the Chuvash were persistent in mastering the subtleties of each trade (sometimes much better than other local settlers), as well as in rethinking and transforming them according to their own experiences and economic preferences.

Key words: Siberian ethnography, cultural ecology, Irtysh region, political repression, forced migration, refugees, peoples of the North.

DOI: 10.20874/2071-0437-2019-46-3-137-148

Fundiing. The article has been written within the State Project No. AAAA-A17-117050400150-2.

REFERENCES

- Korovushkin D.G. (2004). *Ethnocultural adaptation of late immigrants in Western Siberia (end of 19th — first quarter of 20th century): Abstract of thesis of doctor of historical sciences*. Novosibirsk. (Rus.).
- Korovushkin D.G. (2006). *Essays of ethnocultural adaptation of late immigrants in Western Siberia*. Novosibirsk: IAET SO RAN. (Rus.).
- Krupnik I.I. (1989). *Arctic ethno-ecology. Models of traditional subsistence of marine hunters and reindeer herders of northern Eurasia*. Moscow: Nauka. (Rus.).
- Lotkin I.V. (2012). *Socio-political, economic and cultural adaptation of the Baltic settlers in Siberia (1920–1940s): Abstract of thesis of doctor of historical sciences*. Tyumen. (Rus.).
- Mainicheva A.Iu. (2005). *Siberian Russians: Architecture in the aspect of ethnocultural adaptation. 17th–20th century: Abstract of thesis of doctor of historical sciences*. Novosibirsk. (Rus.).
- Markarian E.S. (1983). To the general characteristics of culture and its segment of subsistence. In: S.A. Arutiunov, E.S. Markarian (Eds.). *Culture of subsistence and ethnos: An experience of ethnocultural research (based on Armenian rural culture)* (pp. 17–40). Erevan: AN ArmSSR. (Rus.).
- Povod N.A. (2004). *Socio-cultural adaptation of the Komi of Northern Trans-Urals: 19th — first quarter of 20th century: Abstract of thesis of candidate of historical sciences*. Ekaterinburg. (Rus.).
- Shelegina O.N. (2005). *Adaptation processes in the sustenance culture of the Russian population of Siberia in 18th — early 20th centuries: (On the problem statement)*. Novosibirsk: Severnaia nauchnaia kniga. (Rus.).
- Shukhov I.N. (1928). Okhotnichii promysel v severnoi chasti Tarskogo okruga. In: *Materials to the knowledge of hunting in Western Siberia* (pp. 33–98). Omsk. (Rus.).
- Shcheglova T.K. (2015). *Ethnography of Russian peasantry of the south of Western Siberia in 20th century: Life sustaining culture during the Great Patriotic War: Scientific and methodological materials*. Barnaul: AZBUKA. (Rus.).
- Iuferev V. (1907). Immigrants in Tara deep forests. *Voprosy kolonizatsii*, (2), 272–300. (Rus.).
- Iamnikov A.N. (2005). Culture and cultural adaptation in ethnic (cultural) ecology research: To the question of the content of some concepts and terms. *Evolutsiia*, (2), 50–53. (Rus.).
- Head L. (2009). Cultural ecology: Adaptation — retrofitting a concept? *Progress in Human Geography*, 34(2), 234–242. DOI: 10.1177/0309132509338978.
- Leduc T.B. (2006). Inuit economic adaptations for a changing global climate *Ecological Economics*, 60(1), 27–35. DOI: 10.1016/j.ecolecon.2006.02.004.
- Ståhlberg S., Svanberg I. (2010). Loplyk fishermen: Ecological adaptation in the Taklamakan desert. *Anthropos*, 105(2), 423–439.

This work is licensed under a [Creative Commons Attribution 4.0 License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/).

Submitted: 20.05.2019

Accepted: 10.06.2019

Article is published: 26.09.2019

А.А. Богордаева

ФИЦ Тюменский научный центр СО РАН
ул. Малыгина, 86, Тюмень, 625026
E-mail: bogordaeva@mail.ru

ОСОБЕННОСТИ КЕНОТАФОВ ОБСКИХ УГРОВ ПО ЭТНОГРАФИЧЕСКИМ ДАННЫМ КОНЦА XIX — НАЧАЛА XXI в.

Исследование посвящено определению особенностей кенотафов обских угров в XIX — начале XXI в. На основе сравнительно-исторического и типологического методов проанализированы данные этнографической литературы этого периода, а также полевые материалы, которые были получены в ходе экспедиций 2005–2010 гг. на территории Березовского района Ханты-Мансийского автономного округа — Югры и Шурышкарского района Ямало-Ненецкого автономного округа. В целом кенотафы по своему внешнему виду ничем не отличаются от обычных захоронений. Они также имеют традиционные надмогильные сооружения, рядом с которыми находятся личные вещи покойного, в том числе транспортные средства, одежда и пр. Также традиционным способом делаются могила и гроб, в которые складывается необходимый погребальный инвентарь (одежда, посуда, личные вещи). Основной признак кенотафа — отсутствие тела умершего, которое замещается его одеждой (северные ханты и манси) или куклой в одежде (салымские ханты). Кроме того, следует учитывать, что раньше кенотафы делали в стороне от кладбища, на его окраине, или же вообще рядом с местом гибели (утопления) человека.

Ключевые слова: погребальный обряд, кенотаф, кукла погибшего, кукла умершего, ханты, манси, надмогильное сооружение, могила, кладбище, воздушные захоронения.

DOI: 10.20874/2071-0437-2019-46-3-149-156

Погребальная обрядность является одним из наиболее интересных, информативных и семантически значимых элементов традиционной культуры. Несмотря на длительную историю изучения, она постоянно находится в фокусе этнографических исследований, открывая новые связи этнокультурного бытия. Там, где, казалось бы, нет мест неизученных и неизведанных, вдруг в свете новых данных обнаруживаются вопросы, разрешение которых способствует дальнейшему продвижению этнографического знания.

Целью настоящего исследования является определение особенностей кенотафов обских угров в XIX — начале XXI в. Для этого проанализируем на основе сравнительно-исторического и типологического методов данные этнографической литературы этого периода, а также полевые материалы, которые были получены в ходе экспедиций 2005–2010 гг. Экспедиции работали на территории Березовского района Ханты-Мансийского автономного округа — Югры и Шурышкарского района Ямало-Ненецкого автономного округа. Экспедиционные методы работы включали опрос, фотофиксацию и наблюдение.

Рядом с одним из поселений северных хантов на р. Сыня было обследовано *ура* (рис. 1–5). По свидетельству проводника, местного жителя Э.П. Лонгортова (Шурышкарский район, п. Ямгорт, ханты, 1969–1978 г.р.), это кладбище для трагически погибших людей (утонувших, застрелившихся, повесившихся, умерших во время родов и т.п.). Оно находится в километре к северо-востоку от поселения в небольшой березовой роще у болота. Здесь располагается 4–5 сооружений в виде небольших (около 50–100×30–50 см) домиков, каждый из которых установлен на высоком пне (130–160 см) (рис. 1). Домики сделаны из сколоченных гвоздями досок: одна доска — основание, по одной — боковые, одна — задняя (иногда в виде пятиугольника), одна — передняя (в некоторых случаях передняя является приставной дверкой). Двускатная крыша также сделана из досок и толя. В передней торцевой части имеется дверка, иногда с ручкой. Перед ней стоят чашки, кружки, блюда, тарелки и другая посуда для поминальной трапезы. Внутри таких домиков находится *ура* — антропоморфная фигурка, сделанная из миниатюрных надетых друг на друга одежд (рис. 2).

По данным информантов, изображение *ура* делают на седьмой день после смерти человека. Фигурка состоит обычно из лоскутов ткани, иногда для нее шьют одежду — рубахи, малицы, меховую обувь — если погиб мужчина, и шубу, платье, платок, меховую обувь — если погибла

женщина (ПМА: п. Ямгорт, Пырысева С.И., ханты, 1932 г.р.). Это изображение помещают в домик. Кроме того, на 4–5-й день после смерти человека делают *иттерма* — его изображение (даже для самоубийц и утонувших), которое хранится в доме родственников определенный срок. Подчеркивается, что в отличие от *ура* у *иттерма* есть внутренняя антропоморфная основа из дерева и/или свинца.

Рис. 1. *Ура хот* — поминальное место погибших людей. Северные ханты, Шурышкарский район Ямало-Ненецкого автономного округа, 2007 г. Фото автора.

Fig. 1. *Ura khot* — memorial place for the dead. Northern Khanty, Shuryshkarsky district of the Yamalo-Nenets Autonomous okrug, 2007. Photo by the author.

Домики *ура* установлены рядом с деревьями. На пнях-основаниях, а также на ближайших деревьях повязаны жертвенные лоскуты ткани (*арсыны*?) с завязанными монетами. На земле рядом с каждым домиком лежат закопченные ведра, пустые бутылки и банки. Кроме домиков, установленных на пнях, есть несколько упавших на землю. Конструкция наиболее старых отличается от конструкции современных (рис. 3). Видно, что вместо толя для покрытия крыши ранее использовалась береста. Торцевые дощатые стенки делались в том числе способом установки в выпиленные на боковинах узкие пазы. Крышу поддерживала в том числе центральная балка, уложенная на торцы. Рядом с упавшими домиками также лежат пустые бутылки, а внутри домиков видны лоскуты ткани.

Кроме того, здесь находятся два кенотафа, для двух сгоревших заживо людей (рис. 4). Внешне они выглядят как два обычных надмогильных сооружения, сделанных из досок в виде прямоугольного домика (около 100×160 см). Боковые стенки из досок при помощи узких выпиленных в них пазов закреплены на торцевых досках. Крыша из пяти досок уложена внахлест на центральную балку из нетолстого бревна и закреплена гвоздями.

Общее кострище для поминок располагается немного в стороне от домиков на открытой поляне. Рядом с ним лежат дрова, ведра и чайники.

На ветвях и стволах некоторых деревьев, растущих у тропинки, ведущей от поселка к этому месту, повязаны разноцветные лоскуты ткани, среди которых встречаются миниатюрные шелковые халатики (рис. 5).

Очевидно, что традиции расположения в одном месте так называемых *ура* и кенотафов в виде обычных могил с традиционными надмогильными сооружениями связаны между собой.

Сведения о кенотафах обских угров, несмотря на обширные данные об их погребальной обрядности, немногочисленны, а наиболее ранние из них базируются лишь на устной информации. В целом в историографии этого вопроса можно выделить по объему и характеру имеющихся данных два периода. Первый охватывает промежуток с конца XIX до середины XX в. Относящиеся к этому периоду сведения единичны, носят отрывочный характер и встречаются в записках путешественников и исследователей. Так, в отчетах Н.Л. Гондатти, совершившего поездку по Северо-Западной Сибири в 1885–1886 гг., находим следующее замечание: «Интересен тот факт, что для инородцев, умерших вдали от родины, например на Оби во время рыбной ловли, на родине всегда совершают обряд погребения, причем также вырывают могилу, также кладут разные вещи и даже также совершают нечто вроде поминок, как это бывает и с обыкновенными покойниками» [1888, с. 43]. В начале XX в. эти сведения нашли подтверждение в исследованиях финского ученого К.Ф. Карьялайнена [1994]. В своем обширном труде, посвященном религии обских угров, он приводит данные по погребальному обряду вогулов, которые изготавливали на кладбище своего поселения гроб для умершего вдалеке, даже если его труп не был привезен [1994, с. 137]. Как и в остальных случаях, в гроб клали личные вещи покойного и справляли поминки.

Рис. 2. Поминальная посуда и *ура* — антропоморфное изображение трагически погибшего человека. Северные ханты, Шурьшкарский район Ямало-Ненецкого автономного округа, 2007 г. Фото автора.
Fig. 2. Memorial dishes and *ura* — anthropomorphic image of the tragically deceased person. Northern Khanty, Shuryshkarsky district of the Yamalo-Nenets Autonomous okrug, 2007. Photo by the author.

Несмотря на скудость представленной информации, можно говорить, что у хантов и манси в рассматриваемый период фиксировались кенотафы, которые сооружались для умерших вдали от родного селения. Такие могилы делались как обычные — наземные и подземные, в них хоронили гроб с вещами умершего.

Второй период в историографии вопроса характеризуется массовыми материалами по погребальному обряду обских угров, что связано прежде всего с развитием советской этнографии и отечественного угроведения. Первенство по объему материалов и глубине исследования в этом вопросе принадлежит З.П. Соколовой, которой в 1960–1970-е гг. были собраны и опубликованы значительные материалы по погребальной обрядности и культу предков северных групп хантов и манси [1971, 1980, 1990]. В дополненном виде эти материалы были ею опубликованы в обобщающей монографии в 2009 г. Она установила, что северные ханты и манси трагически погибших, в том числе самоубийц, раньше хоронили отдельно в лесу, в стороне от кладбища или на отдельной части кладбища, а сам обряд захоронения был обычным; на момент исследований их хоронили уже на общем кладбище (*халась* — сев. ханты; *соромпатес* — сосьв.

манси); северные ханты, если тело не было найдено, в гроб или лодку клали вещи погибшего, а в лесу ставили амбар, где хранили их вещи и куклу, изображающую умершего; северные манси делали могилу с надгробным сооружением, куда складывали одежду, а также вешали оставшиеся от покойного вещи на дерево рядом с могилой [Соколова, 1971, с. 229, 231, 236; 1980, с. 137; 2009, с. 467].

Рис. 3. Старый домик *ура*, упавший на землю. Северные ханты, Шурышкарский район Ямало-Ненецкого автономного округа, 2007 г. Фото автора.

Fig. 3. Old house *ura* that fell to the ground. Northern Khanty, Shuryshkarsky district of the Yamalo-Nenets Autonomous okrug, 2007. Photo by the author.

Рис. 4. Кенотаф. Северные ханты, Шурышкарский район Ямало-Ненецкого автономного округа, 2007 г. Фото автора.

Fig. 4. Cenotaph. Northern Khanty, Shuryshkarsky district of the Yamalo-Nenets Autonomous okrug, 2007. Photo by the author.

Кроме того, З.П. Соколовой впервые были представлены материалы, в том числе фотографические, о существовании построек для хранения *ура* — кукол, изображающих умерших неестественной смертью [1971; 2009, с. 481–465]. По изначально полученной ею информации, у сынских хантов бытовала традиция изготовления утонувшему куклы — *ура*, которую хранили на специально отведенном в лесу месте в сделанном для нее лабазе на высоком пне [Соколова,

2009, с. 481]. В дальнейшем эти сведения были ею уточнены. Стало известно: *ура* делали вместе с *иттерма* (изображение, кукла умершего) после трагической смерти, гибели человека; *ура* не имела основы и состояла из миниатюрных одежд традиционного покроя, надетых друг на друга; таких кукол нельзя было хранить дома, их хранили на специальном месте в лесу [Там же]. З.П. Соколова приводит подробное описание одного из таких мест — *ура*, расположенного недалеко от селения северных хантов на р. Сыня [Там же]. Здесь на верхней и нижней террасах сделаны 11 и 2 соответственно *ура-хот* — «маленьких амбарчика» (60–70×45–50 см), которые установлены на высоком пне (1–1,5–2 м) и сделаны из досок, уложенных в выпиленные пазы; они имеют покрытую внутри берестой двускатную крышу из досок, уложенных на коньковую и боковые следи [Там же]. Тут же имелась могила с обычным для этих мест наземным сооружением [Там же]. Отмечается, что все амбарчики передней частью повернуты к центру, где находится поминальный костер; на деревьях висят лоскуты ткани, около деревьев, амбарчиков, костра много посуды, бутылок [Там же]. В *ура-хот* ('дом ура') кроме куклы *ура* находились платки, кукольная одежда и обувь традиционного покроя, папиросы, спички, табак [Там же, с. 483]. По мнению З.П. Соколовой, традиция изготовления и хранения *ура* могла существовать и у других групп хантов и манси, на что указывает использование для обозначения хранилища куклы *сонгет* наряду с *сонгет-хот* термина *ура-лобас* и *ура-хот* [Там же, с. 485]. В целом же применение кенотафа в обрядовой практике обских угров, а также способы захоронения утопленников, умерших насильственной смертью и самоубийц она относит к наиболее древним и универсальным признакам, в то время как изготовление *ура* — к чертами угорского происхождения [Там же, с. 486].

Рис. 5. Лоскуты ткани на деревьях. Северные ханты, Шурышкарский район Ямало-Ненецкого автономного округа, 2007 г. Фото автора.

Fig. 5. Shreds of cloth on trees. Northern Khanty, Shuryshkarsky district of the Yamalo-Nenets Autonomous okrug, 2007. Photo by the author.

Дальнейшие исследования погребальной обрядности обских угров во многом подтвердили данные З.П. Соколовой и позволили говорить о более обширном ареале бытования традиции изготовления кенотафов для умерших трагически или вдали от родного селения людей, а также *ура* и *ура-хот* у обских угров. Так, исследования погребальной обрядности салымских хантов на рубеже XX–XXI в. выявили обычай изготовления по умершему вдали от родины или утонув-

шему, тело которого не нашли, куклы *вирс курр*. Остов куклы делали из веток тальника и надевали на него одежду покойного, а затем хоронили куклу в соответствии с традицией [Федорова, 2000, с. 229].

Несколько отличающиеся сведения об *ура* приводит хантыйская исследовательница Н.М. Талигина [2005]. В своей монографии, посвященной обрядности сынских хантов, она отмечает, что термином *ура* называют не только кукол — «вместилище для душ погибших людей», но и «домики» для их хранения и место расположения этих домиков, где помещались большей частью умершие неестественной смертью из числа близких родственников [Там же, с. 143–144]. По ее данным, куклы *ура* изготавливались женщинами дома через четыре года по традиционному летоисчислению, где один год равен одному сезону, для погибшей женщины и через пять лет — для погибшего мужчины [Там же]. Они имели антропоморфную фигуру без ног, состоящую из тряпичной основы, сделанной так же как у *акань* — детских кукол для игр, и надетой на нее одежды — малицы у мужского изображения и шубы у женского [Там же]. Процесс изготовления домика *ура* и помещения в него готовой фигурки напоминал похороны умершего человека и сопровождался жертвоприношением оленя, кровью которого обмазывали домик и его пень-основание, угощали кукол [Там же, с. 145]. В домик кроме куклы, посаженной на кусок оленьей шкуры, клали личные вещи погибшего, как правило, его уже ношенную одежду — пиджаки, сорочки, свитера мужчинам и платки и платья — женщинам [Там же, с. 146]. После поминок, на которых варили и съедали мясо жертвенного оленя, столы и посуду, которые здесь хранились, мыли и убрали, а уходя с этого места, перекрывали тропинку березовыми веточками, так же как и при выходе с кладбища [Там же].

В основном на эти материалы ссылается А.В. Бауло в своем этнографическом альбоме с публикацией священных мест северных хантов [2016]. В нем он приводит ряд фотографий кукол *ура*, их домиков — *ура хот* и мест их расположения [Там же, с. 78–87]. Кроме того, ученый отмечает, что для погибшего человека изготавливалась только *ура*, а кукла *иттерма* не делалась, в то же время *ура* могли сделать по просьбе умершего естественной смертью, явившегося родственникам во сне [Там же, с. 78]. Важным дополнением к уже имеющимся данным являются приводимые здесь сведения, что, как правило, на поминальных местах находились *ура-хот* родственников, поэтому в некоторых населенных пунктах у каждого рода были свои такие места [Там же].

Таким образом, как можно заметить, несмотря на многочисленные и подробные описания погребального обряда обских угров, сведения о кенотафах недостаточны, неконкретны и по многим пунктам требуют уточнения. В основном в этнографической литературе представлена информация о кенотафах северных групп обских угров, в то время как данные по восточным хантам единичны.

Имеющиеся материалы показывают, что в рассматриваемый период у северных и восточных хантов, северных манси фиксируется традиция сооружения кенотафа для погибшего человека, умершего в результате трагического происшествия (утопление, охлаждение, самоубийство и пр.), а также для человека, умершего вдали от родины по естественной причине (старость, болезнь и др.) и похороненного на чужбине. Необходимость создания кенотафа для такого покойника была обусловлена традиционными представлениями о человеческих душах и их воплощениях после смерти обладателя. По этим представлениям, одна из душ (*ис*, *исхор* — сев. ханты) погибшего человека могла навредить живым; чтобы избежать этого, для нее делали изображение умершего/погибшего в виде куклы. Данные о количестве таких кукол разнятся. Так, по одним данным (З.П. Соколова, ПМА), их делали две — *иттерма* и *ура*, по другим — для погибшего человека делали только *ура*, а для умершего по естественным причинам — только *иттерма* (Н.М. Талигина, А.В. Бауло). Эти куклы не могут замещать друг друга. Кроме того что у них разное предназначение (*иттерма* — кукла умершего, *ура* — кукла погибшего), они различаются способом изготовления и хранения. Так, основу *ура* составляют лоскуты ткани (З.П. Соколова, Н.М. Талигина, ПМА) либо же ее нет вообще (З.П. Соколова, ПМА), у салымских хантов — это ветки тальника (Е.Г. Федорова). В то же время одежда *иттерма* и *ура* сходна: это всегда уменьшенная модель традиционной мужской и женской одежды — малица, кумыш, шуба и пр. Модели такой одежды приносили в дар этим куклам, о чем свидетельствуют приклады в *ура-хот* и в местах хранения *иттерма* — в ящиках и коробках. Кроме того, в домик *ура* клали поношенную одежду погибшего, точно так же как в кенотаф или в обычное погребение.

Домик *ура* — *ура-хот*, *ура лобас* по своей конструкции и способу изготовления сходен с намогильными сооружениями, которые, как показывают вышеприведенные материалы, были одинаковыми у обычных захоронений и у кенотафов. В то же время эти домики отличались от других культовых построек, которые устанавливались на два или четыре столба или пня. По мнению информаторов, наличие одного опорного столба или пня являлось характерным отличием *ура* от *сумъяха* (ПМА, 2008 г., Березовский район, д. Верхненильдина, Вынгелев Николай, 1952 г.р., манси; Шурышкарский район, д. Ямгорт, 2005, Пырысева Софья Ильинична, 1932 г.р., ханты). Очевидно, что по многим признакам *ура-хот* сходен с традиционными погребениями. Возможно, он представляет собой архаичный тип воздушного захоронения, когда-то бытовавший на территории проживания обских угров.

Как свидетельствуют данные этнографической литературы, кенотафы по своему внешнему виду ничем не отличались от обычных захоронений. Они имели традиционные намогильные сооружения, рядом с которыми находились личные вещи покойного, в том числе транспортные средства, одежда и пр. Также традиционным способом делались могила и гроб, в которые складывался необходимый погребальный инвентарь (одежда, посуда, личные вещи). Основным признаком — отсутствие тела умершего, которое замещается его одеждой (северные ханты и манси) или куклой в одежде (салымские ханты). Кроме того, следует учитывать, что раньше кенотафы делали в стороне от кладбища, на его окраине или же вообще рядом с местом гибели (утопления) человека.

Выражаю глубокую благодарность Эрику Павловичу Лонгортву, жителю д. Ямгорт, за помощь при проведении экспедиционных исследований.

Финансирование. Работа выполнена по госзаданию — проект № АААА-А17-117050400150-2.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Бауло А.В. Священные места и атрибуты северных хантов в начале XXI века: Этнографический альбом. Ханты-Мансийск: Музей Природы и Человека, 2016. 300 с.
- Гондатти Н.Л. Следы языческих верований у Маньзов // Следы языческих верований у инородцев Северо-Западной Сибири. М.: [Тип. Потапова], 1888. С. 3–51.
- Карьялайнен К.Ф. Религия югорских народов. Томск: Изд-во ТГУ, 1994. Т. 1. 152 с.
- Соколова З.П. Пережитки религиозных верований у обских угров // СМАЭ. М.; Л.: АН СССР, 1971. Т. 37. С. 211–238.
- Соколова З.П. Ханты и манси // Семейная обрядность народов Сибири: (Опыт сравнительного изучения). М.: Наука, 1980. С. 125–143.
- Соколова З.П. Ханты и манси: Взгляд из XXI в. М.: Наука, 2009. 756 с.
- Талигина Н.М. Обряды жизненного цикла у сыньских хантов. Томск: Изд-во ТГУ, 2005. 176 с.
- Федорова Е.Г. Похоронная обрядность // Салымский край. Екатеринбург: Тезис, 2000. С. 225–238.

A.A. Bogordayeva

Tyumen Scientific Centre of Siberian Branch RAS
Malygina st., 86, Tyumen, 625026, Russian Federation
E-mail: bogordaeva@mail.ru

FEATURES OF THE OB-UGRIAN CENOTAPHS ACCORDING TO THE ETHNOGRAPHIC DATA OF THE LATE 19th — EARLY 21st CENTURY

In this study, the author set out to determine the features of Ob-Ugrian cenotaphs of the 19th — early 21st century. Using comparative historical and typological methods, the author analysed the ethnographic literature of this period, as well as field materials obtained during the expeditions of 2005–2010 (Beryozovsky District, Khanty-Mansi Autonomous Area — Yugra; Shuryshkarsky District, Yamal-Nenets Autonomous Area). Expeditionary methods of work included survey, photofixation and observation. As a result of field research conducted near one of the settlements of the Northern Khanty on the Synya River, an *ура* — a location of cenotaphs and houses for the dolls representing people who died tragically — was studied. An analysis of available materials revealed that, in the period under study, the Northern and Eastern Khanty, as well as Northern Mansi established a tradition of building cenotaphs in the following cases: 1) a person died as a result of a tragic accident (drowning, hypothermia, suicide, etc.); 2) a person died of natural causes (old age, illness, etc.) far from his homeland and was buried in a foreign land. The need to build a cenotaph in the above-mentioned cases was dictated by traditional ideas about human souls and their reincarnations. In general, cenotaphs are no different in appearance from ordinary burials. They also had traditional gravestones, next to which personal belongings of the deceased, inclu-

ding vehicles, clothing, etc. were left. The grave and coffin, where people put all the necessary grave goods (clothing, ware, personal belongings), were made in the traditional way as well. The main feature of a cenotaph consists in the body being replaced by the clothes of the deceased (Northern Khanty and Mansi) or a clothed doll (Salym Khanty). In addition, it should be taken into account that formerly the cenotaphs were built away from the cemetery, on its outskirts or even near the place of death (drowning).

Key words: burial rite, cenotaph, the doll depicting the deceased, doll depicting the dead, Khanty, Mansi, burial facility, the grave, necropolis, grave house, shrine, sarcophagus, little house on the stump.

DOI: 10.20874/2071-0437-2019-46-3-149-156

Fundiing. The article has been written within the State Project No. AAAA-A17-117050400150-2.

REFERENCES

- Baulo A.V. (2016). *Sacred places and attributes of the Northern Khanty in the beginning of the 21st century: An ethnographic album (Russia)*, Khanty-Mansiisk: Muzei Prirody i Cheloveka. (Rus.).
- Gondatti N.L. (1888). Traces of paganism among the Mansi. In: *Sledy iazycheskikh verovanii u inorodtsev Severo-Zapadnoi Sibiri* (pp. 3–51). Moscow. (Rus.).
- Fedorova E.G. (2000). Funeral rites. In: G.P. Vizgalov (Ed.). *Salymskii krai* (pp. 225–238). Ekaterinburg: Tezis. (Rus.).
- Karialainen K.F. (1994). *Religion of the Ugric peoples*, 1. Tomsk: Izd-vo TGU. (Rus.).
- Sokolova Z.P. (1971). Remnants of religious beliefs among the Ob'Ugrians. *Sbornik Muzeia antropologii i etnografii*, 37, 211–238. (Rus.).
- Sokolova Z.P. (1980). Khanty and Mansi. In: I.S. Gurvich (Ed.). *Semeinaia obriadnost' narodov Sibiri: (Opyt sravnitel'nogo izucheniia)* (pp. 125–143). Moscow: Nauka. (Rus.).
- Sokolova Z.P. (2009). *Khanty and Mansi: A look from the 21st century*. Moscow: Nauka. (Rus.).
- Taligina N.M. (2005). *Ceremonies of a life cycle among the Syn Khanty (Russia)*. Tomsk: Izd-vo Tomskogo un-ta. (Rus.).

This work is licensed under a [Creative Commons Attribution 4.0 License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/).

Submitted: 20.05.2019

Accepted: 10.06.2019

Article is published: 26.09.2019

И.В. Бобров, М.С. Черепанов, А.Л. Шишелякина

Независимый исследователь

США, Денвер, Колорадо

E-mail: bobrov-tyumen@yandex.ru.

ФИЦ Тюменский научный центр СО РАН

ул. Малыгина, 86, Тюмень, 625003

E-mail: maximcherepanov@yandex.ru

Тартуский университет

ул. Уликоли, 18, Тарту, Эстония, 50090

E-mail: alena.shisheliakina@ut.ee

ПРАВОСЛАВНЫЙ ЛАНДШАФТ ТЮМЕНСКОЙ ОБЛАСТИ: МЕСТА, ЧИСЛЕННОСТЬ И ДЕМОГРАФИЧЕСКИЙ СОСТАВ ГОРОДСКИХ МОЛИТВЕННЫХ СОБРАНИЙ

Представлены результаты полевого исследования, проведенного в городах Тюмени, Ишиме и Ялуторовске (Россия, Тюменская область). Показаны особенности и выделены факторы распределения верующих по городским храмам. Установлено, что наиболее крупными демографическими группами коллективных богослужений являются женщины среднего и пожилого возраста. Наблюдается положительная динамика численности участников молитвенных собраний г. Тюмени с 2009 по 2016 г. В качестве причин роста определены открытие новых храмов и увеличение числа горожан.

Ключевые слова: православный ландшафт РФ, православные, Тюменская область, религиозные практики, структурированное наблюдение.

DOI: 10.20874/2071-0437-2019-46-3-157-169

Изучение живой религии с помощью качественных методов полевых исследований не теряет своей актуальности. Кроме фундаментальной ценности — выявления причинности религиозного поведения через описание его выражения и осмысления в контексте проживаемой действительности [Ваарденбург, 2016, с. 138–142; Dupret et al., 2012, р. 1–2], результаты таких исследований имеют существенное прикладное значение. Во-первых, их необходимость обнаруживается при составлении выборок в исследовании религиозности при помощи количественных методов [Островская, 2018, с. 73, 113]. Во-вторых, они убедительно доказывают свою ценность в качестве альтернативы результатам замеров религиозности россиян с помощью анкетных опросов [Митрохин, Сибирева, 2007; Поплавский, 2013].

Одной из тем для реализации прикладного потенциала качественных методов при изучении религии в российском обществе стали описание особенностей и изменений региональных православных ландшафтов. В начале 2000-х гг. масштабное исследование российских православных приходов, основанное в том числе на наблюдениях и интервью, было проведено Н. Митрохиным [2004]. Наряду с освещением церковно-организационных и государственно-конфессиональных аспектов воспроизводства православия в России автор выявил различные по интенсивности приходского участия группы верующих, описав их численные и демографические характеристики. В последующие годы знание об особенностях и изменениях православного ландшафта России продолжили пополнять региональные исследования [Бабич, 2017, с. 6–9; Митрохин, 2009; Митрохин, Сибирева, 2007; Поплавский, 2013; Приход и община..., 2011; Рязанова, 2018, с. 118–152; Сибирева, 2007]. Они показали структуру отношений в сельских и городских приходах, их численные и демографические характеристики, определили факторы посещаемости храмов и мотивы религиозного участия прихожан. Кроме того, в 2018 г. Е.А. Островской и Е.В. Алексеевой [2018] впервые была представлена модель «маршрутизатора по религиозному ландшафту». Ее методологической основой стала комбинация стратегии сплошного описания Н. Дензина и структурированного наблюдения в авторской операционализации. В результате эмпирической апробации данной модели был разработан социологический маршрутизатор по православному ландшафту г. Екатеринбурга. В качестве ключевых единиц анализа рассмотрены организационно-религиозные взаимодействия, воспроизводящиеся в культовых объектах. Авторы подробно показали методологию построения и операционализации структурных единиц наблюдения организа-

ционно-религиозного взаимодействия, предоставив коллегам возможность использовать эту разработку для изучения православного ландшафта в других городах России.

Несмотря на уже имеющийся массив работ по данной тематике, исследователи отмечают необходимость продолжения описания православных ландшафтов российских регионов с использованием качественных методов, объясняя это тем, что накапливаемые данные позволяют проследживать изменения изучаемых характеристик [Митрохин, Сибирева, 2007; Поплавский, 2013].

В настоящей работе, опираясь на материалы полевого исследования, проводившегося в городах Тюмени, Ишиме, Ялуторовске в 2015–2016 гг., мы определяем места, численность и демографический состав православных молитвенных собраний. В ней демонстрируются данные по г. Тюмени с учетом храмов, возведенных после 2009 г.¹, и впервые презентуются материалы по городам Ишиму и Ялуторовску. Кроме того, привлекая результаты исследований, проводившихся с нашим участием в г. Тюмени с 2005 по 2009 г., мы показываем изменения православного ландшафта областного центра с 2005 по 2016 г. Расширяя географию исследования в Тюменской области, мы сосредоточились на трех городах из пяти. Решение о выборе населенных пунктов принималось нами с учетом их демографических особенностей и результатов предварительных наблюдений в 2014 г., выявивших схожесть характеристик православных ландшафтов районных центров с численностью населения до 100 000 чел., что коррелировало с выводами коллег по другим регионам [Митрохин, Сибирева, 2007].

На начало 2017 г. население Тюменской области (без автономных округов) составляло 1 477 903 чел. В пяти городах региона проживало порядка 65 % населения, около 35 % составляли сельские жители. Большинство горожан региона — жители Тюмени: 744 554 чел.; в Тобольске проживало 98 886, Ишиме — 65 259, Ялуторовске — 39 837, Заводоуковске — 26 006 чел. [Численность...]. Наиболее динамично растущим городом являлась Тюмень. С 2010 по 2017 г. численность ее населения увеличилась на 140 000 чел. Численность остальных городов в этот период практически не изменилась [Итоги..., 2012, с. 21, 24–26; Численность...].

Население региона полиэтнично и поликонфессионально. По результатам переписи 2010 г., наибольшее число городских жителей идентифицировало себя с русскими (84,9 % всей численности городского населения), татарами (6,7 %), украинцами (1,5 %), азербайджанцами (0,9 %), армянами (0,8 %), немцами (0,6 %) и казахами (0,5 %) [Итоги..., 2013, с. 17]. Самые многочисленные и общественно заметные религиозные организации относятся к православию, исламу и протестантизму [Религиозные организации..., 2018].

К 2016 г., согласно анкетным опросам, 33 % городского населения Тюменской области заявляли, что придерживаются православного вероисповедания [Социально-политическая ситуация..., 2016, с. 20]. Основным организатором религиозной жизни православных верующих остается духовенство Тобольской митрополии Русской православной церкви (Московский патриархат)². Именно вокруг православных приходов этой институции концентрируется наибольшая численность жителей города, ассоциированных с православием. Храмы Ишима окормляются священнослужителями Ишимской епархии Тобольской митрополии. Один городской храм имеет статус ставропигиального³ и возглавляется викарным епископом Домодедовским. Службы в остальных городах области проводятся представителями Тобольско-Тюменской епархии Тобольской митрополии.

Также исповедание православия в Тюменской области организуется объединениями, не входящими в структуры РПЦ (МП). Как правило, они малочисленны и незаметны в городском публичном пространстве. В Тюмени и Ишиме действуют общины Сибирской епархии Русской православной церкви за границей (Агафангела). В Тюмени — группа православных христиан им. А. Меня. Кроме того, православие исповедуется горожанами, ассоциирующими себя со старообрядческой традицией. На 2016 г. в Тюмени статус религиозных организаций имели две старообрядческие общины. В других городах данная традиция воспроизводилась населением в форме религиозных групп.

Объектами нашего исследования являлись демографический состав и численность прихожан городских православных храмов, включенных в канонические религиозные практики, организуемые духовенством РПЦ (МП). В качестве таких практик были выбраны литургии в непростые воскресенья и коллективные праздничные богослужения (на Пасху и в Вербное воскресенье).

¹ Последняя работа, описавшая православный ландшафт г. Тюмени, основывалась на материалах, полученных с 2005 по 2009 г. [Поплавский, 2013].

² Далее — РПЦ (МП).

³ Подчиняющегося непосредственно патриарху РПЦ (МП).

Литургии в непраздничные воскресенья были выбраны нами для определения максимальной численности и демографического состава прихожан, посещающих храм регулярно. Исследования коллег показывают, что большую часть этой группы составляют воцерковленные верующие и от трети до четверти — те, кто посещает храм эпизодически [Митрохин, 2004, с. 43], поэтому мы рассматриваем данные по этим практикам именно как верхнюю границу регулярно посещающих храм прихожан. Число прихожан и демографический состав участников праздничных богослужений отражают характеристики городского населения, готового эпизодически присоединиться к коллективным православным ритуалам. В этих практиках, как отмечают исследователи, «сохраняется “заходной” характер посещений, формальное участие и, судя по всему, минимальная степень осознанности происходящего в храме большинством прихожан» [Рязанова, 2018, с. 137]. Тем не менее данные по этим богослужениям важны для понимания верхней границы численности и демографического состава прихожан, готовых не только называть себя православными верующими, но и присоединяться в этом качестве к коллективному действию.

Основным методом исследования было структурированное невключенное наблюдение. Его результаты демонстрируются в виде маршрутизатора, модель которого представлена в статье Е.А. Островской и Е.В. Алексеевой [2018]. Однако в сравнении с исследованием коллег наша работа фокусировалась на других практиках и была нацелена на фиксацию численных характеристик и демографического состава практикующих верующих. Поэтому протокол нашего наблюдения включал только такие единицы, как «сакральное пространство», «сакральное время» и «прихожане».

Единица «сакральное время» — это дни и часы проведения коллективных богослужений. Воскресные литургии проводятся в храмах Тюменской области в первой половине дня в интервале между семью и десятью часами утра. Дата праздничного ежегодного богослужения по случаю Вербного воскресения сдвигается в зависимости от даты празднования Пасхи, также являющейся переходящей из года в год. Ознакомиться с более точным временем проведения обрядов можно с помощью объявлений, размещенных на территории или внутри каждого богослужебного здания, страниц приходов в социальных сетях и звонков в тот или иной храм.

Время начала наблюдения выбиралось с учетом необходимости зафиксировать численность и состав участников, уже находящихся в здании. Время окончания наблюдения определялось фактом окончания ритуала. Наблюдение за непраздничными воскресными литургиями начиналось, как правило, в зависимости от вместимости храма за 30–60 минут до начала богослужения и заканчивалось примерно через 1–1,5 часа, когда верующие начинали покидать церковь. В случае с практиками Вербного воскресения и Пасхи наблюдение начиналось в зависимости от вместимости храма за 2–3 часа до начала богослужения. Наблюдения за литургией на Вербное воскресенье заканчивалось через 1–1,5 часа после начала богослужения, в случае пасхального богослужения наблюдение завершалось через 2–2,5 часа. Время окончания наблюдения за пасхальным богослужением определялось тем, что своего максимума численность участников достигала ко времени начала Крестного хода, существенно снижаясь после его завершения.

Большая часть наблюдений проводилась нами весной и летом. Это связано с тем, что праздничные богослужения на Вербное воскресенье и Пасху приходятся на весенний период. Кроме того, на основании предыдущих исследований в г. Тюмени мы можем говорить о соотносимости численности и демографического состава участников непраздничных воскресных литургий в весеннее и осеннее время года [Поплавский, 2013]. В то же время стоит учитывать, что в летний период эта численность может снижаться, а демографический состав изменяться в сторону большего мужского присутствия [Там же]. Наблюдения за непраздничными литургиями в г. Тюмени проводились 29 мая 2016 г., в г. Ишиме — 5 июля 2015 г., в г. Ялуторовске — 21 июня 2015 г. Наблюдения за пасхальными богослужениями проводились во всех исследуемых городах 11–12 апреля 2015 г. Исследование богослужений на Вербное воскресенье проводилось только в г. Тюмени 24 апреля 2016 г.

Единица «сакральное пространство» — места, где совершаются коллективные богослужения. Местами совершения непраздничных воскресных литургий и праздничных богослужений на Вербное воскресенье являются помещения храмов. Во время богослужений на Пасху такими местами становятся также прилегающие к богослужебным зданиям уличные территории.

Источником информации об их местонахождении для нас служили епархиальные списки, опубликованные на сайте Тобольской митрополии [Приходы...]. Согласно данным сайта на территории г. Тюмени к настоящему времени находится 23 храма, в г. Ялуторовске — 3 храма, в г. Ишиме — 4.

Предварительно проверив эти места, мы включили в выборку 17 храмов в г. Тюмени, 2 в Ялуторовске и 3 в Ишиме. Восемь храмов мы исключили из выборки наблюдений по следующим при-

чинам. Свято-Троицкий храм г. Ишима и храм во имя Нерукотворенного Образа Спаса г. Тюмени являлись недействующими. В больничных храмах в честь Иконы Божией Матери «Целительница» г. Ялуторовска и во имя Святителя Луки Войно-Ясенецкого г. Тюмени литургии с причастием проходили только в будние дни, а исследуемые нами воскресные литургии и праздничные богослужения в них не проводились. В здании храма Святого Праведного Симеона Богоприимца г. Тюмени находились духовно-просветительский центр и домовый храм, в котором также не проводились изучаемые нами практики. Храм во имя Святой великомученицы Анастасии Узорешительницы г. Тюмени был недоступен для наблюдения, поскольку находился на закрытой территории исправительной колонии № 2. Исследуемые нами обряды на территории Свято-Троицкого монастыря г. Тюмени проводились главным образом в Троицком соборе, а Петропавловский храм использовался для богослужений в другое время. Службы в храме в честь Покрова Пресвятой Богородицы г. Тюмени начали проводить с октября 2016 г., в то время как наше исследование закончилось в апреле 2016 г.

Спецификация единицы «сакральное пространство» произведена в соответствии с маршрутизатором Е.А. Островской и Е.В. Алексеевой [2018, с. 79], за исключением того, что в нашем маршрутизаторе отсутствует позиция «архитектурное решение». Однако с особенностями архитектуры храмов Тюменской области можно ознакомиться на официальном сайте Тобольской митрополии [Приходы...].

Техника исследования в храмах во многом определялась их размерами. В небольших богослужебных зданиях наблюдение проводилось одним исследователем. В случае с крупными храмами требовалось участие двух-трех наблюдателей.

Единица наблюдения «прихожане» состоит из следующих позиций: число прихожан, пришедших на утреннюю литургию или праздничное богослужение, их пол и возраст.

«Число прихожан». Эта позиция показывает, сколько человек приняло участие в богослужении. В период исследования мы сосредотачивались на подсчете общего числа людей, присутствовавших на службе: до окончания причастия — в случае с воскресными литургиями и до окончания Крестного хода — во время Пасхи.

Для конкретизации позиции «возраст» мы ввели такие компоненты, как «молодой» (до 35 лет), «средний» (до 60 лет), «пожилой» (старше 60 лет), «дети» (до 16 лет). Во время исследования мы столкнулись с трудностью точного определения людей по возрасту в связи с массовостью изучаемых практик. Это повлияло на особенности техники наблюдения. Компонента позиции «дети» отражалась в протоколах в числовых значениях, остальные компоненты нам удавалось фиксировать только в долях от общей численности. В связи с этим в маршрутизаторе они будут представлены в виде обыкновенных дробей, где знаменатель, равный 3, выражает количество возрастных компонент взрослых («молодой», «средний», «пожилой»), а числитель — долю определенной возрастной компоненты. Однако даже с этой техникой задача возрастного различения была трудновыполнима во время праздничных богослужений. Поэтому наиболее полно позиция «возраст» отражена в протоколах наблюдений за непраздничными воскресными литургиями. Во время праздничных богослужений нам удавалось фиксировать только категорию «дети».

Позиция «пол» специфицирована нами такими компонентами, как «мужчины» и «женщины». Нужно отметить, что дифференциация по полу осуществлялась только в отношении взрослых людей. Участники, представленные в возрастной категории «дети», по полу не различались, а составляли в протоколах наблюдений отдельную категорию, учитываясь в общей численности.

В качестве дополнительного метода получения и уточнения данных мы использовали анализ фото- и видеодокументов, представленных на сайтах и страницах приходов в социальных сетях. В частности, анализ фотодокументов компенсировал отсутствие данных наблюдений 29 мая 2016 г. в храмах Ильинского монастыря [Успение...], Вознесенско-Георгиевском [Альбом...], имени Серафима Саровского [Казачий Храм...], в честь Всех Святых в земле Русской просиявших [Альбомы...].

Также необходимо отметить, что для демонстрации динамики численности прихожан храмов г. Тюмени мы привлекли данные, полученные с нашим участием в период 2005–2009 гг. [Поплавский, 2013].

Далее мы предлагаем рассмотреть разработанный маршрутизатор. Сначала демонстрируется специфика всех выявленных храмов в Тюмени, Ишиме и Ялуторовске (табл. 1). Затем представляется демографический состав участников воскресных литургий и праздничных богослужений в трех городах (табл. 2–4). Далее показывается динамика численности православных г. Тюмени, участвовавших в воскресных непраздничных литургиях (табл. 5), пасхальных богослужениях (табл. 6) и службах по случаю Вербного воскресенья (табл. 7).

Таблица 1

Специфика православных храмов городов Тюменской области

Table 1

Special characteristics of Orthodox churches of Tyumen region cities

ПН храма	Название храма*	Расположение	Исторический статус	Реальное существование
Тюмень				
1	Знаменский кафедральный собор (ЗКС)	Центр	Реконструированный	Храм
2	Ильинский храм Ильинского женского монастыря (ИХМ)	Центр	Реконструированный	Храм
3	Крестовоздвиженский храм (КХ)	Центр	Реконструированный	Храм
4	Храм во имя Всех Святых (ХВС)	Центр	Отреставрированный	Храм
5	Благовещенский собор (БС)	Центр	Новодел	Храм
6	Храм Святителя Николая архиепископа Мир Ликийских Чудотворца (ХСН)	«Спальный» район	Новодел	Храм
7	Вознесенско-Георгиевский храм (ВГХ)	«Спальный» район	Реконструированный	Храм
8	Храм «Утоли моя печали» (ХУП)	«Спальный» район	Новодел	Храм
9	Храм в честь Иконы Божией Матери «Целительница» (ХИЦ)	Центр	Новодел	Храм
10	Храм в честь Преподобного Серафима Саровского (ХСС)	Спальный район	Новодел	Храм
11	Храм Святого Архангела Михаила (ХСМ)	Центр	Реконструированный	Храм
12	Трехсвятительский храм (ТХ)	«Спальный» район	Реконструированный	Храм
13	Храм Рождества Пресвятой Богородицы (ХРБ)	«Спальный» район	Новодел	Храм
14	Храм во имя Святого благоверного князя Димитрия Донского (ХДД)	Центр	Новодел	Храм
15	Храм в честь Всех святых в земле Русской просиявших (ХСП)	«Спальный» район	Новодел	Храм
16	Храм им. Александра Невского (ХАН)	«Спальный» район	Новодел	Храм
17	Троицкий собор Свято-Троицкого мужского монастыря (ТСМ)	Центр	Реконструированный	Храм
18	Петропавловский храм Свято-Троицкого мужского монастыря	Центр	Реконструированный	Храм
19	Храм Святого Праведного Симеона Богоприимца	Центр	Реконструированный	Духовно-просветительский центр
20	Храм во имя Святой великомученицы Анастасии Узорешительницы	«Спальный» район	Новодел	Храм на территории исправительной колонии
21	Больничная церковь во имя Святителя Луки Войно-Ясенецкого	Центр	Новодел	Храм в здании больницы
22	Храм во имя Нерукотворенного Образа Спаса	Центр	Реконструированный	Службы не проводятся
23	Храм в честь Покрова Пресвятой Богородицы	«Спальный» район	Новодел	Храм
Ишим				
1	Никольский кафедральный собор (НКС)	Центр	Реконструированный	Храм
2	Храм в честь Покрова Божией Матери (ХБМ)	«Спальный» район	Реконструированный	Храм
3	Богоявленский собор (БСС)	Окраина	Реконструированный	Ставропигиальный храм
4	Свято-Троицкий храм	Центр	Не восстановлено	Службы не проводятся.
Ялуторовск				
1	Успенско-Никольский храм (УНХ)	Центр	Реконструированный	Храм
2	Сретенский собор (ЯСС)	Центр	Реконструированный	Храм
3	Больничный храм в честь Иконы Божией Матери «Целительница»	Центр	Новодел	Храм

* В следующих таблицах названия храмов, вошедших в выборку исследования, будут представлены в виде аббревиатур с соответствующими порядковыми номерами.

Таблица 2

Демографический состав участников воскресных литургий в городах Тюменской области

Table 2

The demographic composition of participants in Sunday liturgies of Tyumen region cities

ПН и название храма	Общая численность	М	Ж	Дети	Взрослые		
					Молодой	Средний	Пожилой
Тюмень							
1. ЗКС	610	211	332	67	< 1/3	1/3	> 1/3
2. ИХМ	Около 20	—	—	—	—	—	—
3. КХ	314	81	200	33	< 1/3	> 1/3	> 1/3
4. ХВС	267	66	135	66	< 1/3	2/3	< 1/3
5. БС	258	74	110	74	< 1/3	2/3	< 1/3
6. ХСН	238	24	206	8	< 1/3	2/3	< 1/3
7. ВГХ	Около 250	—	—	—	—	—	—

ПН и название храма	Общая численность	М	Ж	Дети	Взрослые		
					Молодой	Средний	Пожилой
8. ХУП	185	64	104	17	< 1/3	2/3	< 1/3
9. ХИЦ	166	27	124	15	< 1/3	> 1/3	1/3
10. ХСС	Около 70	—	—	—	—	—	—
11. ХСМ	143	37	91	15	< 1/3	1/3	> 1/3
12. ТХ	76	20	48	8	< 1/3	> 1/3	1/3
13. ХРБ	126	32	73	21	1/3	1/3	1/3
14. ХДД	38	6	25	7	< 1/3	< 1/3	2/3
15. ХСП	Около 40	—	—	—	—	—	—
16. ХАН	Служба не проводилась						
17. ТСМ	599	165	344	90	< 1/3	1/3	> 1/3
Ишим							
1. НКС	284	63	165	56	< 1/3	< 1/3	2/3
2. ХБМ	160	24	104	32	< 1/3	2/3	
3. БСС	305	55	190	60	< 1/3		2/3
Ялutorовск							
1. УНХ	139	29	91	19	< 1/3	2/3	
2. ЯСС	154	—	—	—	—	—	—

Таблица 3

**Демографический состав участников пасхальных богослужений
в городах Тюменской области**

Table 3

The demographic composition of participants in Easter services of Tyumen region cities

ПН и название храма	Общая численность	М	Ж	Жети
Тюмень				
1. ЗКС	2131	871	1117	143
2. ИХМ	310	86	203	21
3. КХ	658	227	340	91
4. ХВС	642	255	314	73
5. БС	883	286	544	53
6. ХСН	615	189	369	57
7. ВГХ	804	245	473	86
8. ХУП	332	117	192	23
9. ХИЦ	773	278	406	89
10. ХСС	279	87	164	28
11. ХСМ	444	148	237	59
12. ТХ	336	117	189	30
13. ХРБ	292	85	196	11
14. ХДД	117	37	78	2
15. ХСП	123	14	96	13
16. ХАН	292	103	171	18
17. ТСМ	732	294	386	52
Ишим				
1. НКС	551	129	370	52
2. ХБМ	318	86	203	29
3. БСС	492	117	312	63
Ялutorовск				
1. УНХ	247	82	130	35
2. ЯСС	658	—	—	—

Таблица 4

Демографический состав участников богослужений в Вербное воскресенье в г. Тюмени

Table 4

The demographic composition of participants in Palm Sunday of Tyumen churches

ПН и название храма	Общая численность	М	Ж	Дети
1. ЗКС	4544	890	3374	280
2. ИХМ	130	30	92	8
3. КХ	873	177	597	99

Православный ландшафт Тюменской области: места, численность и демографический состав...

Окончание табл. 4

ПН и название храма	Общая численность	М	Ж	Дети
4. ХВС	742	—	—	133
5. БС	619	134	452	33
6. ХСН	Нет данных			
7. ВГХ	560	144	315	101
8. ХУП	Около 800	—	—	—
9. ХИЦ	771	141	572	58
10. ХСС	435	90	271	74
11. ХСМ	479	113	305	61
12. ТХ	328	55	246	27
13. ХРБ	Около 100	—	—	—
14. ХДД	93	26	62	5
15. ХСП	Службы не было			
16. ХАН	Службы не было			
17. ТСМ	1121	337	703	81

Таблица 5

Динамика численности участников воскресных литургий в храмах г. Тюмени

Table 5

Dynamics of the number of participants in Sunday liturgies of Tyumen churches

ПН и название храма	22.05.05	20.05.06	06.05.07	18.05.08	17.05.09	29.05.16
1. ЗКС	500	857	778	844	502	610
2. ИХМ	—	—	38	20	29	Около 20
3. КХ	328	172	165	276	278	314
4. ХВС	420	278	249	173	252	267
5. БС	—	—	—	—	—	258
6. ХСН	—	—	—	—	—	238
7. ВГХ	71	88	174	113	176	Около 250
8. ХУП	—	—	—	—	—	185
9. ХИЦ	—	87	201	141	135	166
10. ХСС	—	—	—	—	—	Около 70
11. ХСМ	201	164	199	93	172	143
12. ТХ	56	65	120	85	59	76
13. ХРБ	—	—	—	—	—	126
14. ХДД	—	—	—	—	5	38
15. ХСП	—	—	—	—	—	Около 40
16. ХАН	—	—	—	—	—	Службы не было
17. ТСМ	—	—	636	495	473	599
Итого	1629	1711	2560	2240	2099	Около 3400

Таблица 6

Динамика численности участников пасхальных богослужений в храмах г. Тюмени

Table 6

Dynamics of the number of participants in Easter services of Tyumen churches

ПН и название храма	27.04.2008	19.04.2009	12.04.2015
1. ЗКС	3032	2388	2131
2. ИХМ	107	101	310
3. КХ	705	580	658
4. ХВС	823	991	642
5. БС	—	—	883
6. ХСН	—	—	615
7. ВГХ	412	359	804
8. ХУП	—	—	332
9. ХИЦ	617	745	773
10. ХСС	—	—	279
11. ХСМ	498	696	444
12. ТХ	—	460	336
13. ХРБ	—	—	292
14. ХДД	—	—	117

ПН и название храма	27.04.2008	19.04.2009	12.04.2015
15. ХСП	—	—	123
16. ХАН	Службы не было	135	292
17. ТСМ	1675	902	732
<i>Итого</i>	7869	7357	9763

Таблица 7

Динамика численности участников богослужений в Вербное воскресенье в храмах г. Тюмени

Table 7

Dynamics of the number of participants in Palm Sunday of Tyumen churches

ПН и название храма	24.04.05	16.04.06	01.04.07	20.04.08	12.04.09	24.04.16
1. ЗКС	2400	2170	1312	2038	2447	4 544
2. ИХМ	Службы не было	43	76	46	74	130
3. КХ	762	806	587	639	784	873
4. ХВС	950	1027	426	601	881	742
5. БС	—	—	—	—	—	619
6. ХСН	—	—	—	—	—	—
7. ВГХ	284	262	305	271	129	560
8. ХУП	—	—	—	—	—	Порядка 800
9. ХИЦ	—	520	434	653	451	771
10. ХСС	—	—	—	—	—	435
11. ХСМ	304	849	475	528	555	479
12. ТХ	284	372	195	325	203	328
13. ХРБ	—	72	102	—	—	Около 100
14. ХДД	—	—	—	114	—	93
15. ХСП	—	—	—	—	—	Службы не было
16. ХАН	—	—	—	—	51	—
17. ТСМ	1109	1049	1168	1795	1027	1121
<i>Итого</i>	6681	7170	5080	7010	6602	Около 11 595

Представленные данные позволяют сделать ряд выводов об особенностях православного ландшафта в городах Тюменской области и его изменении, произошедшем с 2005 по 2016 г. в г. Тюмени.

С 2009 по 2016 г. в областном центре было построено 5 храмов. Однако существенного перераспределения численности верующих — оттоков из одних храмов в другие не произошло. Наполняемость прежних храмов осталась на том же уровне. Однако вновь образовавшиеся приходы заметно увеличили общую численность прихожан.

Наиболее посещаемыми в г. Тюмени остались храмы № 1 ЗКС и № 17 ТСМ, собирающие около 35 % прихожан воскресных непаздничных литургий, порядка 30 % посещающих пасхальные богослужения и 49 % участников молитвенных собраний по случаю Вербного воскресенья. Следующую группу храмов с высокой посещаемостью составляют № 3 КХ, № 4 ХВС, № 7 ВГХ, № 9 ХИЦ и возведенные после 2009 г. № 5 БС, № 6 ХСН и № 8 ХУП. В совокупности эти храмы посещает порядка 50 % прихожан непаздничных литургий и пасхальных богослужений и 40 % участников молитвенных собраний по случаю Вербного воскресенья. К группе храмов со средней посещаемостью можно отнести храм № 11 ХСМ, № 12 ТХ, а также возведенные после 2009 г. № 10 ХСС и № 13. В совокупности эти храмы посещает порядка 10 % прихожан воскресных литургий и паздничных богослужений. Последнюю группу составляют храмы с малой посещаемостью: № 2 ИХМ, № 14 ХДД, № 16 ХАН и возведенный после 2009 г. № 15 ХСП.

Мы не можем делать выводов относительно изменений в перераспределении верующих в храмах Ишима и Ялutorовска, поскольку подобное исследование проводилось в этих городах впервые. Однако полученные данные позволяют говорить об особенностях сложившегося к 2015 г. православного ландшафта.

Наиболее посещаемыми в г. Ишиме являются № 1 НКС и № 3 БСС, собирающие около 80 % прихожан воскресных непаздничных литургий и пасхальных богослужений г. Ишима. Остальные 20 % верующих ишимцев посещают храм № 2 ХБМ.

Для храмов г. Ялуторовска характерно практически одинаковое число прихожан во время неспрадничных воскресных литургий. Однако во время праздников прихожан в Сретенском соборе (№ 2 ЯСС) становится в два раза больше.

На основании представленных результатов мы можем выделить несколько факторов, влияющих на численность прихожан храмов в городах Тюменской области. Во-первых, это церковный статус храма, влияющий на состав клира и внутреннее убранство богослужебного здания. Чем выше место храма в церковной иерархии, тем более полный и статусный в нем состав клириков, тем более привлекателен интерьер. Именно кафедральные храмы в Тюмени (№ 1 ЗНС), Ишиме (№ 1 НКС), а также ялуторовский собор (№ 2 ЯСС) являются наиболее посещаемыми. Сравниться с ними по численности прихожан в своих городах могут лишь храм на территории мужского монастыря в Тюмени (№ 17 ТСМ), ставропигиальный собор в Ишиме (№ 3 БСС) и, если судить по неспрадничным литургиям, Успенско-Никольский храм Ялуторовска (№ 1 УНХ). По привлекательности их интерьеры не уступают интерьерам главных городских соборов, а штат также включает авторитетных и высокочинных представителей духовенства. Во-вторых, это фактор местонахождения храмового здания. В этом случае имеет значение, насколько близко расположен храм к большим жилым массивам, административному центру, его место в системе транспортной развязки. Большинство храмов с высокой посещаемостью находятся в центре городов Тюменской области, а остальные — поблизости с большими жилыми массивами. Исключением в нашем исследовании стал лишь Богоявленский собор г. Ишима (№ 3 БСС), находящийся на окраине. Однако это объясняется особенностями ишимского городского пространства: добираться из центра до этой окраины быстрее и удобнее, чем до храма № 2 ХБМ в спальном районе. В-третьих, на посещаемость прихожан влияет вместимость храма. Наиболее многочисленные молитвенные собрания в Тюменской области наблюдались нами в храмах с большей вместимостью и наоборот. Более существенен этот фактор для посещаемости праздничных богослужений и менее — для неспрадничных воскресных литургий.

Нужно сказать, что выделенные нами факторы созвучны и тем, что выделяют наши коллеги в других регионах России [Митрохин, Сибирева, 2007; Рязанова, 2018, с. 121–122, 124–125]. Наряду с этим пермские исследователи, используя интервьюирование прихожан и священников в качестве дополнительного метода, обнаружили еще ряд заслуживающих внимания, неочевидных во время наблюдений, факторов посещаемости храмов [Рязанова, 2018, с. 121–132]. Однако установленная ими связь между низкой посещаемостью храма и его расположением на территории монастырского комплекса [Там же, с. 122] не нашла подтверждения в исследовании православного ландшафта г. Тюмени. Троицкий собор на территории Свято-Троицкого мужского монастыря (№ 17 ТСМ) с 2005 по 2016 г. являлся вторым по численности прихожан храмом г. Тюмени. Возможно, это исключение из правил и совокупность факторов, влияющих на высокую посещаемость этого храма, существеннее, чем то, что здание находится на территории монастыря. Однако, на наш взгляд, для дальнейшего уверенного использования этого показателя при интерпретации данных посещаемости храмов необходима его проверка на материале наблюдений, отражающих более широкую географию монастырских кейсов.

Следующей характеристикой православного ландшафта городов Тюменской области, на анализе которой мы останавливаемся, является демографический состав прихожан. Во всех молитвенных собраниях, проводившихся в период 2015–2016 гг., очевидно значительное преобладание женщин. В среднем на неспрадничных воскресных литургиях они составляют 60 %, мужчины — 25 %, дети — 15 % от всех участников коллективных молитв исследованных городов. Это распределение оставалось устойчивым для г. Тюмени с 2005 до 2016 г. [Поплавский, 2013] и, судя по результатам работ наших коллег из других регионов, характерно не только для Тюменской области [Митрохин, 2009; Островская, Алексеева, 2018, с. 83, 97, 109; Рязанова, 2018, с. 138; Сибирева, 2006, с. 154]. Как отмечалось нашими коллегами [Поплавский, 2013; Рязанова, 2018, с. 138] и зафиксировано вновь, участие мужчин возрастает на ночных пасхальных богослужениях и доходит до 30 % от числа собравшихся, а детское снижается до 10 %. Примечательно, что практики Вербного воскресенья меняют демографический состав в сторону большего женского присутствия — до 70 % от числа собравшихся, в то время как мужское и детское участие снижаются до 20 и 10 % соответственно. В объяснении изменения этого распределения мы присоединяемся к аргументам наших коллег. Во-первых, детей стараются не брать на массовые богослужения. Во-вторых, ночное время пасхального служения определяет

сопровождение мужчинами женской части семьи в течение всей этой службы в целях обеспечения безопасного пути домой после службы [Поплавский, 2013; Рязанова, 2018, с. 138].

Наиболее крупные возрастные группы прихожан, установленные в ходе исследования непраздничных воскресных литургий, составляют люди среднего и пожилого возрастов. В Тюмени численное большинство пожилых прихожан очевидно в четырех храмах (№ 1 ЗКС, № 17 ТСМ, № 11 ХСМ, № 14 ХДД), два из которых мы отнесли к группе наиболее посещаемых. Численное большинство прихожан среднего возраста определено в шести храмах города (№ 4 ХВС, № 5 БС, № 6 ХСН, № 8 ХУП, № 9 ХИЦ, № 12 ТХ), пять из которых мы отнесли к группе с высокой посещаемостью. К сожалению, отсутствие точных данных по возрастному составу в храмах № 7 ВГХ и № 10 ХСС не позволяет делать однозначных выводов по преобладанию той или иной возрастной категории в общей численности практикующих верующих г. Тюмени. Однако мы можем говорить об их соотносимости и обратить внимание на существенное количество приходов с преобладанием среднего возраста. В то же время возрастной состав воскресных непраздничных литургий в Ишиме и Ялуторовске очевидно больше представлен пожилыми людьми. Эта ситуация, преобладание пожилых прихожан в малых городах и сельской местности в отличие от меняющегося возрастного соотношения в пользу прихожан среднего возраста в больших индустриальных городах, в целом характерна и для других регионов России [Митрохин, 2009; Сибирева, 2006, с. 154].

Представленные данные позволяют нам сделать важный вывод и о динамике численности практикующих православных г. Тюмени. В период с 2005 по 2009 г. нашими коллегами зафиксирована относительная стабильность численности прихожан по всем наблюдаемым практикам. Некоторые колебания численности участников богослужения на Вербное воскресенье объяснялись подвижными датами богослужений: от привычной в середине или конце апреля до редкой в начале этого месяца [Поплавский, 2013]. Наше исследование показывает очевидный рост численности практикующих верующих по всем исследованным обрядам в период с 2009 по 2016 г. Более чем в полтора раза увеличилось число прихожан воскресных непраздничных литургий, почти в два раза — на богослужении по случаю Вербного воскресенья. На четверть увеличилось число верующих на пасхальной службе.

В качестве наиболее вероятных причин такого роста, на наш взгляд, выступают следующие. Во-первых, открытие новых пяти храмов. Именно численность этих приходов, зафиксированная в 2015–2016 гг., существенно увеличила общее число участников православных богослужений. Во-вторых, увеличение общей численности городского населения. Эта связь обнаруживает себя, если обратить внимание на практически не изменившееся процентное отношение численности практикующих верующих к численности населения города. В период 2005–2009 гг. и 2016 г. участники обычных воскресных литургий продолжали составлять 0,5 % от общей численности населения Тюмени; число прихожан на Пасху в период с 2005 по 2009 г. и в 2016 г. оставалось на уровне 1,3–1,4 %; по Вербному воскресенью это число было в пределах 1,5–1,6 % во все годы исследований. Таким образом, мы считаем, что в этом случае имеет место распределение увеличивающейся численности городского населения по храмам-новородам, возводимым вблизи расширяющихся жилых массивов.

Наши данные об отношении числа практикующих верующих к общей численности населения г. Тюмени совпадают с результатами коллег, использовавшими наблюдение в других российских городах [Митрохин, Сибирева, 2007; Митрохин 2009; Рязанова, 2018, с. 142]. Однако полученные нами результаты по Ишиму и Ялуторовску оказались несколько выше. Участники воскресных непраздничных литургий составляют порядка 1 % населения, а пасхальных богослужений — около 2 %. Это может объясняться более низкой численностью жителей указанных городов (менее 100 000 чел.). Однако для более уверенного выстраивания гипотез относительно разницы с тюменским случаем требуются дальнейшие исследования.

Таким образом, можно говорить о продолжающихся изменениях городских православных ландшафтов Тюменской области, схожих в целом с общероссийскими процессами. Увеличивается количество храмов, меняется возрастной состав приходов. В областном центре по сравнению с районными более представлены люди среднего возраста. Однако фактически неизменным остается женское преобладание в составе прихожан. Стабильным остается и отношение общей численности практикующих верующих к числу городских жителей.

Благодарности

Авторы крайне признательны всем людям, без участия которых эта статья не была бы написана. С.В. Боброва проделала ценнейшую работу по разработке листов наблюдения за религиозными мероприятиями. Р.О. Поплавский (сотрудник ИПОС ТюмНЦ СО РАН) принимал активное участие в организации наблюдений на Пасху. Студенты Института истории и политических наук ТюмГУ под руководством сотрудников ИПОС ТюмНЦ СО РАН оказали значительную помощь в проведении наблюдений за всеми мероприятиями.

Финансирование. Работа выполнена по госзаданию — проект № АААА-А17-117050400150-2.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Источники

Альбом 2016 г. // Группа «ВКонтакте» «Вознесенско-Георгиевский храм г. Тюмень». URL: <https://vk.com/albums-24373151> (дата обращения 23.05.2019).

Альбомы // Группа «ВКонтакте» «Храм Всех Святых в земле Российской просиявших». URL: <https://vk.com/albums-53689570> (дата обращения 23.05.2019).

Итоги Всероссийской переписи населения — 2010. Ч. 1: Численность населения и его размещение в Тюменской области. Тюмень: Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Тюменской области, 2012. 93 с.

Итоги Всероссийской переписи населения — 2010. Ч. 3. Т. 1: Национальный состав и гражданство населения в Тюменской области. Тюменская область. Тюменская область (без автономных округов). Тюмень: Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Тюменской области, 2013. 175 с.

Казачий Храм Прп. Серафима Саровского г. Тюмень. Альбомы // Группа «ВКонтакте» «Казачий Храм Прп. Серафима Саровского г. Тюмень». URL: <https://vk.com/albums-83050364> (дата обращения 23.05.2019).

Приходы и храмы Тобольской митрополии // Официальный сайт Тобольской митрополии. URL: <http://www.tobolsk-eparhia.ru/p/pages.php?id=t03> (дата обращения 23.05.2019).

Религиозные организации, действующие на территории Тюменской области по состоянию на 01.04.2018 г. // Портал органов государственной власти Тюменской области. URL: https://admtymen.ru/ogv_ru/society/religion/more.htm?id=10388762@cmsArticle (дата обращения 23.05.2019).

Социально-политическая ситуация на юге Тюменской области в 2016 г. Приложение № 3: Восприятие населением текущего состояния межнациональных и межконфессиональных отношений в Тюменской области в 2016 г. / Фонд содействия изучению общественного мнения «ВЦИОМ». М.; Тюмень, 2016. 22 с.

Успение Пресвятой Богородицы // Сайт епархиального Ильинского женского монастыря г. Тюмени. URL: <http://ilmon.ru/?p=673> (дата обращения 01.09.2016).

Численность населения в разрезе городских округов и муниципальных районов Тюменской области без автономных округов на начало 2017 г. // Сайт УФС государственной статистики по Тюменской области, ХМАО и ЯНАО. URL: http://tumstat.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/tumstat/resources/d4e3f98040a743a89a989fa3e1dde74c/%D0%A7%D0%98%D0%A1%D0%9B%D0%95%D0%9D%D0%9D%D0%9E%D0%A1%D0%A2%D0%AC+%D0%AE%D0%93.htm (дата обращения: 17.05.2019).

Литература

Бабич И.Л. Особенности межрелигиозной жизни в современной Адыгее: Исследования по прикладной и неотложной этнологии. М.: ИЭА РАН, 2017. Вып. 262. 34 с.

Ваарденбург Ж. Религия и религии: Систематическое введение в религиоведение. СПб.: Изд-во РХГА, 2016. 216 с.

Митрохин Н. Русская православная церковь: Современное состояние и актуальные проблемы. М.: Новое литературное обозрение, 2004. 648 с.

Митрохин Н. Русская православная церковь в России в 2000-2008 годах: Очерк некоторых структурных проблем [Электронный ресурс] // Неприкосновенный запас. 2009. № 1. URL: <http://magazines.russ.ru/nz/2009/1/mi13.html> (дата обращения 16.05.2019).

Митрохин Н., Сибирева О. «Не бойся, малое стадо!»: Об оценке численности православных верующих на материале полевых исследований в Рязанской области // Неприкосновенный запас. 2007. № 1. URL: <http://magazines.russ.ru/nz/2007/1> (дата обращения 11.05.2019).

Островская Е.А., Алексеева Е.В. Структурированное наблюдение как метод изучения религиозного ландшафта // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2018. № 2. С. 71–115. DOI: 10.14515/monitoring.2018.2.04.

Поплавский Р.О. Динамика численности православных церквей г. Тюмени (2005–2010 гг.) // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2013. № 7. URL: <https://history.jes.su/s207987840000635-7-1/> (дата обращения 11.05.2019).

Приход и община в современном православии: Корневая система российской религиозности. М.: Весь мир, 2011. 368 с.

Рязанова С.В. «Вот люди-то там стоят, а ты не можешь»: Посещение церкви в современном пермском православном сообществе. Пермь: Перм. гос. ин-т культуры, 2018. 172 с.

Сибирева О. Современный священник и «народное православие» // Религиозные практики в современной России. М.: Нов. издательство, 2006. С. 149–177.

Dupret B., Pierret T., Pinto P., Spellman-Poots K. Introduction // *Ethnographies of Islam: Ritual Performances and Everyday Practices*. Edinburgh university press, The Aga Khan university, 2012. Vol. 3. P. 1–8. URL: http://ecommons.aku.edu/uk_ismc_series_emc/7 (дата обращения 11.05.2019).

I.V. Bobrov, M.S. Cherepanov, A.L. Shisheliakina

Independent researcher

USA, Colorado, Denver

E-mail: bobrov-tyumen@yandex.ru

Tyumen Scientific Centre of Siberian Branch RAS

Malygina st., 86, Tyumen, 625026, Russian Federation

E-mail: maximcherepanov@yandex.ru

University of Tartu

Ulikooli st., 18, Tartu, Estonia, 50090

E-mail: alena.shisheliakina@ut.ee

ORTHODOX LANDSCAPE OF THE TYUMEN REGION:

LOCATION, NUMBER AND DEMOGRAPHIC COMPOSITION OF URBAN PRAYER MEETINGS

Description of regional Orthodox landscapes has been one of the crucial tasks of religious studies in Russia. Despite the growing number of publications on this issue, researchers make a point that this work should be continued in order to identify changes in the characteristics under consideration. The present article was written on the basis of field research conducted in Tyumen, Ishim and Yalutorovsk (Tyumen region, Russia) in 2015–2016 and covers the location, number and demographic composition of Orthodox prayer meetings. In this work, we provide data on the city of Tyumen (including information on churches that have been erected there since 2009), as well as present materials on Ishim and Yalutorovsk for the first time. In addition, we demonstrate changes in the Orthodox landscape of the regional centre using the results of research conducted in Tyumen from 2005 to 2009. In the course of field research, non-participant structured observation was used as the main method, with analysis of Orthodox mass media being used to refine the obtained data. The results show a positive dynamics in the number of faith practitioners in Tyumen. In this work, we described the demographic composition of believers in three cities of the region and determined factors affecting the distribution of believers among urban churches. The number of parishioners in Tyumen churches has increased by more than one and a half times at ferial Sunday liturgies; almost by two times on Palm Sundays; and by a quarter at the Easter services. This growth is associated with the distribution of the increased urban population among new churches built near the expanding residential areas of the regional centre. It should be noted that women of middle and advanced age still constitute the largest demographic groups at urban collective services. In comparison with Tyumen, the churches of Yalutorovsk and Ishim are attended by a higher percentage of elderly parishioners. The main factors affecting the church attendance include the status of a church in the Orthodox hierarchy, the church's capacity and its location. Most well-attended churches are situated in the downtown, have a special status (cathedral church, Stauropegic church, a church on the territory of an eparchial monastery) and are more spacious.

Key words: Orthodox landscape of Russia, Orthodox Christians, Tyumen region, religious practices, structured observation.

DOI: 10.20874/2071-0437-2019-46-3-157-169

Funding. The article has been written within the State Project No. AAAA-A17-117050400150-2.

REFERENCES

Agadjanian A., Rousselet K. (Eds.) (2011). *Parish and community in contemporary Orthodoxy: The grass-roots system of Russian religiosity*. Moscow: Ves' mir. (Rus.).

Babich I.L. (2017). *Features of interfaith life in modern Adygea*. Moscow: IEA RAN. (Rus.).

Dupret B., Pierret T., Pinto P., Spellman-Poots K. (2012). Introduction. In: B. Dupret, T. Pierret, P. Pinto, K. Spellman-Poots (Eds.). *Ethnographies of Islam: Ritual Performances and Everyday Practices* (pp. 1–8). Retrieved from: http://ecommons.aku.edu/uk_ismc_series_emc/7.

Mitrokhin N. (2004). *Russian Orthodox Church: Current state and relevant issues*. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie. (Rus.).

Mitrokhin N. (2009). Russian Orthodox Church in Russia in 2000–2008: Essay on some structural problems. *Neprikosnovennyi zapas*, (1). (Rus.). Retrieved from: <http://magazines.russ.ru/nz/2009/1/mi13.html>.

Православный ландшафт Тюменской области: места, численность и демографический состав...

Mitrokhin N., Sibireva O. (2007). «Do not fear, little flock!»: On the estimation of the number of Orthodox believers on the material of field research in the Ryazan region. *Neprikosnennyi zapas*, (1). (Rus.). Retrieved from: <http://magazines.russ.ru/nz/2007/1>.

Ostrovskaya E.A., Alekseeva E.V. (2018). Structured observation as a method of studying the religious landscape. *Monitoring obshchestvennogo mneniia: Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny*, (2), 71–115. (Rus.). DOI: 10.14515/monitoring.2018.2.04.

Poplavsky R.O. (2013). Dynamics of the number of parishioners of Tyumen Orthodox churches (2005–2010). *Elektronnyi nauchno-obrazovatel'nyi zhurnal «Istoriia»*, (7). (Rus.). Retrieved from: <https://history.jes.su/s207987840000635-7-1/>.

Ryazanova S.V. (2018). «Here people are standing there, but you can't»: Attending church in the modern Perm Orthodox community. Perm: Perm. gos. in-t kul'tury. (Rus.).

Sibireva O. (2006). Modern priest and «popular Orthodoxy». In: K. Rousselet, A. Agadjanian (Eds.). *Religious practices in contemporary Russia* (pp. 149–177). Moscow: Novoe izdatel'stvo. (Rus.).

Waardenburg J. (2016). *Religion and religions: The systematic introduction to religious studies*. St. Petersburg: Izdatel'stvo RKHGA. (Rus.).

This work is licensed under a [Creative Commons Attribution 4.0 License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/).

Submitted: 20.05.2019

Accepted: 10.06.2019

Article is published: 26.09.2019

О.Л. Лейбович

Институт истории и археологии УрО РАН
ул. С. Ковалевской, 16, Екатеринбург, 620990
Пермский государственный институт культуры
ул. Газеты «Звезда», 18, Пермь, 614000
E-mail: oleg.leibov@gmail.com

«НАДО ОТБИТЬ ЛИСЬИ ПОВАДКИ У НЕЕ...»: БЕСТИАРИЙ В ПАРТИЙНОМ ДИСКУРСЕ 1940–1950-х гг.

Рассматриваются проблемы, связанные с изменением партийного языка в эпоху позднего сталинизма. Поставлен вопрос о культурном наполнении фольклорных образов в протоколах партийных собраний, в письмах во власть, в докладах руководящих работников. Высказана гипотеза об архаизации политической культуры номенклатурной корпорации. Выявлено влияние литературных жанров (басни и сказки для детей) на обновление партийного языка. Предъявлены их социокультурные функции: погружение читателей в мифологический советский мир; стирание граней между воображаемой и повседневной реальностью.

Ключевые слова: Урал, 1945–1953 гг., номенклатурная культура, партийный язык, фольклорные образы.

DOI: 10.20874/2071-0437-2019-46-3-170-175

В декабре 1945 г. маленький железнодорожный начальник пожаловался секретарю Молотовского обкома на своего командира, тот-де под влиянием ветреной и вздорной особы его преследует: «Он готов за эту женщину Я-ву остановить всю дорогу, не только паровозное депо Пермь». А пока прибирает к рукам секретаря райкома: «Методами лисицы Я-ва бросается от одной версии к другой, а секретарь райкома тов. Ложкин все эти небылицы принимает за действительность, пытается дать им политическую окраску. Как молодой коммунист желает проявить себя на приобретении политического багажа, утолить свою прошлогоднюю жажду к моему партийному билету, но не видеть ему моего политически чистого, морально незапятнанного партийного билета, крепко пришит он в моем кармане».

Для того чтобы прояснить позицию своих гонителей, автор письма обращается к литературным аллюзиям. «Это для них — Л-ко и Я-ой писатель Михалков написал басню “Лисица и бобер”» [Мосяков, 1945, л. 11–12].

«Лисица и бобер» — это басня И.А. Крылова. Сергей Михалков дал своему творению иной заголовок: «Лиса и бобер». Перепутать лисицу с лисой несложно. Заметим, что железнодорожник ничуть не сомневается, что его адресат басню С. Михалкова читал, более того, хорошо помнит ее содержание: «Лиса заметила Бобра: И в шубе у него довольно серебра, И он один из тех Бобров, Что из семейства мастеров, Ну, словом, с некоторых пор Лисе понравился Бобер! Лиса ночей не спит: “Уж я ли не хитра? Уж я ли не ловка к тому же? Чем я своих подружек хуже? Мне тоже при себе пора Иметь Бобра!”» Хитрая лиса увела из семьи седого бобра, опустошила его карманы, извела капризами так, что он запросился домой к прежней жене, но не тут-то было: «Вот прибежал Бобер домой: “Бобриха, двери мне открой!” А та в ответ: “Не отопру! Иди к своей Лисе в нору!” Что делать? Он к Лисе во двор! Пришел. А там — другой Бобер! Смысл басни сей полезен и здоров: Не так для рыжих Лис, как для седых Бобров!» [Михалков, 1944].

Расчет, по всей вероятности, был основан на том, что басня про седого бобра была опубликована в газете «Правда» [Михалков, 1959].

В начале 1950-х гг. басня становится высоким жанром в советской литературе. Для детей, в свою очередь, сочиняют и публикуют сказки в стихах и прозе. В местном отделении Союза писателей обстоятельно обсуждают рукопись детской книжки, автору Льву Давыдычеву дают советы: олененок прорисован неудачно, вообще в сказке «нет духа сегодняшнего дня». И отрицательных персонажей было бы недурно заменить, например: «превратить волшебника в американского дядюшку» [Обсуждение..., 1951, л. 5].

Были забыты нападки Н.К. Крупской на «чуковщину» за то, что «вместо рассказа о жизни крокодила они (дети. — О. Л.) услышат о нем невероятную галиматью» [Крупская, 1928]. Каза-

лось, раз и навсегда ушли в прошлое сомнения «о допустимости антропоморфизма как художественного приема в детской литературе», поскольку «он может быть определенно вреден тогда, когда авторы с его помощью наделяют зверей или неодушевленные предметы способностью готовить обед, стирать, ссориться, совершать тысячу дел, присущих тесному семейному укладу» [Воспитатели..., 1929].

По страницам газет и журналов вольно разгуливают медведи, львы, гуси и иные представители фауны.

Басни поздней сталинской эпохи предназначались отнюдь не столько для детей, сколько для взрослых. В советской литературе был собран отряд писателей, призванных работать в отреставрированном поэтическом жанре. Предводительство над советскими баснописцами было отдано С.В. Михалкову — автору государственного гимна СССР. Его сатиры, по замечанию литературного критика, «тяжеловесные, мертворожденные были симптомом позднего сталинского классицизма» [Трофименков, 2003, с. 22]. Современники, напротив, находили их остроумными, дерзкими и нравоучительными. На заседании партийного бюро в областном управлении МВД по басням С.В. Михалкова оценивали мастерство докладчиков. Лекторы-де нам читали что-то скучное и невразумительное. Только время зря тратили. Доходчивей было бы фельетон в стихах вслух прочитать: «Рассказать басни С. Михалкова у нас вполне могут и смогут рассказать так правильно, со здоровым юмором по пути воспитательной работы, а не сплошного веселья» [Протокол № 9, 1956, л. 6].

Партийные ораторы обращались и к классике: «До отчета я слышал такие разговоры, что в партбюро подбирают т. Ч-ва и т. Ш-ва, причем один другого хвалят. В связи с этим я хочу напомнить басню Крылова «Кукушка и петух»: Друзья! Хоть вы охрипните, хваля друг друга, / Все ваша музыка плоха. / За что же, не боясь греха, / Кукушка хвалит петуха? / За то, что хвалит он кукушку» [Протокол № 1, 1956, л. 10].

Советские баснописцы черпали образы из самых разных источников — из корпуса текстов И.А. Крылова, из русского фольклора, из речей вождей и из иных источников. Все тот же С.В. Михалков представлял космополитов в образе крыс и мышей: «Мы знаем, есть еще семейки, / где наше хают и бранят, / где с умилением глядят / на заграничные наклейки... / А сало русское едят!» [1955, с. 4]. «Семейка», как и «космополиты», на рубеже 1940–1950-х гг. — легко прочитываемая газетная метафора. «Этноним “евреи” не употреблялся. В официальных документах его заменяли иными обозначениями: “семейка”, “компания”, “космополиты”» [Кимерлинг, 2011, с. 70]. В нацистской пропаганде евреев отождествляли с крысами — разносчиками эпидемий [Benz, 2010; Juden, 1973, S. 354]. Искушенному читателю или слушателю было совсем несложно разгадать это нагромождение метафор.

Впрочем, публика предпочитала знакомые фольклорные персонажи: добродушного, не очень далекого медведя, юркого и ловкого зайца, но больше всего лису — существо верткое, коварное, хищное, но внешне вполне привлекательное. Лиса выступала в роли коварной обольстительницы, лукавой и притворной. Было бы, однако, упрощением считать лисьи повадки только женскими. Поступать по-лисий вполне мог и мужчина.

Так, автор письма в областную газету «Звезда» разоблачал своего товарища по работе — учителя немецкого языка в сельской школе: «Ведь он не просто пленный, а служил в плену, переводчиком был. И это все в Карагае знают, нашего же брата пытал. Но, видите ли, у В-ко лисы — жена лисонька» [Письмо, 1953, л. 6].

Лиса — здесь метафора человека хитрого, лицемерного, вкрадчивого (в письме В-ко называют «паинькой»), с точки зрения политической не заслуживающего никакого доверия. Лиса в образе человека — это оборотень, на партийном языке 1930-х гг. двурушник, противостоящий прямым, открытым, честным и простым людям. Аттестация человека лисой в партийной среде воспринималась как серьезное обвинение или личное оскорбление — все равно что назвать собеседника свиньей или скотиной. Впрочем, и такие обращения в административных учреждениях не были редкостью. Начальник областного управления милиции пристыдил свою подчиненную: «Смотрите, какой у Вас разговор — свиньи, скотина, не буду лизать, ведь Вы же женщина» [Протокол № 6, 1955, л. 30].

Сотрудник районного отдела МВД жаловался по начальству: «тов. Типикин (И.К. Типикин — секретарь Горнозаводского райкома КПСС. — О. Л.) разразился потоком оскорблений в адрес меня и Побережер — это мы ерши, к ним не подступись» [Старков, 1953, л. 181]. Ерш — рыба колючая, из нее пирог не испечешь. «На ершах и щуки давятся» [Мокиенко, 2010, с. 329]. Быть

ершом для милицейского сотрудника было отнюдь не зазорно, если бы не два обстоятельства. Слова «к ним не подступись» явно указывают на неспособность людей в погонах правильно воспринимать партийную критику. В 1953 г. это было серьезным обвинением, хотя, естественно, не оскорбительным. Сотрудники уголовного розыска знали уголовный жаргон. В нем словом «ерш» клеймили самозванцев, объявлявших себя без всякого права «ворами в законе», т.е. людей никчемных, наглых, заслуживающих презрения и наказания [Словарь...]. Вполне возможно, что этого значения слова «ерш» секретарь райкома не знал, в отличие от оскорбленных слушателей. Метафора, стало быть, ими была прочитана неправильно. На первый взгляд, полисемантичность образов была препятствием для политической коммуникации, шагом назад от прежних партийных формулировок, бывших в ходу десятилетие назад, вроде троцкиста, двурушника, примиренца, либерала или врага народа. Заметим, однако, что и в прежние годы политические ярлыки наклеивались на людей вполне произвольно. Так, «троцкистом» мог быть назван партией когда-то примыкавший к оппозиции товарищ по работе или сосед этого партийца, взятый по оговору начальник, далекий от каких-либо симпатий к троцкизму, закаленный боец против всех и всяческих уклонов от партийной линии и даже колхозный пастух. В одном из доносов 1937 г. упоминалась «троцкистская выходка» в одной из деревень Большеусольского сельсовета: «Ф. (так в тексте!) Петрович работает в колхозе конюхом, изморил лошадей, колхозное сено скормил свои коровам, теперь лошади не ходят, что будешь такого предупреждать, он только тем и кроет: пропадай все» [Перминов, 1937, л. 6].

Можно согласиться с мнением исследователя марксистской традиции, что в 30-е годы троцкизм стал «абстрактной эмблемой сатанизма» [Kolakowski, 1978, p. 186].

Поставим вопрос, по каким причинам фольклорный по своему происхождению бестиарий в партийной речи 1940–1950-х гг. замещал ранее освоенные социально-политические категории: тех же троцкистов, правых, двурушников, примиренцев, вредителей, расхитителей, бюрократов и пр. Было ли это случайным явлением, порожденным вкусовыми предпочтениями вождя (см.: [Brooks, 2000])? Или речь идет о более широком явлении — культурном сдвиге внутри партийно-государственной номенклатурной корпорации? И если верно второе предположение, то какова его природа?

Возврат к фольклорным образам, за которыми традиция закрепила негативные аскриптивные статусы, можно объяснить далеко идущей архаизацией политического языка, собственно, и всей политической культуры в целом (см.: [Вайскопф, 2001]). Ее корни можно обнаружить в социальных потрясениях эпохи войн и революций, когда на общественную арену были вытолкнуты массы людей, едва затронутых даже традиционной культурой, — персонажей платоновского «Котлована». Антирелигиозная политика 1920–1930-х гг., разрушавшая христианские ценности, отнюдь не обязательно создавала предпосылки для новой эпохи Просвещения. Зачастую она толкала людей в мир первобытных верований, магических практик, мифологических образов. Даже Владимиру Маяковскому, по мнению исследователя советской литературы, «следовало бы воззвать к далеким предкам — там он был бы среди своих» [Вайскопф, 2003, с. 486]. Советская номенклатура по своему происхождению, первичной социализации, образу жизни в значительной степени принадлежала к социальным низам, едва затронутым рационалистической идеологией. Язык сказок, пословиц и поговорок был для нее более органичен и доступен, нежели политические формулировки, тем более что ситуации, их породившие, ушли в далекое прошлое, выпали из актуальной политической памяти (см.: [Иванова, 2002]). Даже в 1937 г. парторг больницы на собеседовании в военкомате «выявил полную политическую неграмотность: Ничего не знает о VI съезде партии. Ничего не знает о значении Пражской конференции, о том, когда она проходила, кем и с какой задачей созывалась» [Холевинский, 1937, л. 16]. Спустя 10 лет ответственные работники еще в большей степени демонстрировали незнание канонических формулировок из «Краткого курса истории ВКП(б)» [1956, 2007, с. 28]. Язык фольклорный или хотя бы псевдофольклорный (басенный) был им более понятен. И партийные вожди широко им пользовались. Так, глава правительства Г.М. Маленков, полемизируя с американским сенатором, цитировал поговорку под смех и аплодисменты депутатов Верховного Совета СССР: «Мы ответим господину Уайли и всякому, кто проповедует политику силы в отношении Советского Союза, ответим, не вдаваясь в подробности: «Шалишь, кума, не с той ноги плясать пошла» [1953, с. 36]. В партийных организациях затем с явным удовольствием цитировали эту фразу, иногда в искаженном виде, иногда точно, но уже по иному поводу: «Есть такие слова Маленкова — «Стой, кума, не с той ноги плясать пошла» [Протокол № 6, 1955, л. 35]. «Кума» — образ емкий, по-

звolyающий выразить ироническое отношение к нарушителю партийной дисциплины или корпоративных конвенций, в то же время не несущий какой-либо политической нагрузки. Так высказывались скоморохи, старавшиеся внести «неясности, намеренное затушевывание социального положения» в свои припевки. «Неопределенность положения создает безопасную возможность высказать упрек и жалобу. Наглядно проявилась эта установка — намеренно скрыть подлинное лицо жалобщика — в шуточных челобитных» [Власова, 1993, с. 260]. Можно предположить, что партийцы послевоенного призыва в своей речи сознательно избегали ясных и недвусмысленных политических формулировок, напоминая им о смутном и опасном времени большого террора, отнюдь ими не забытого.

Басни и сказки, бывшие заметным явлением в литературном процессе 1940–1950-х гг., выполняли двойственную функцию. Прежде всего, они погружали читателей в большой мифологический мир, в котором были стерты грани между двумя видами реальности — воображаемой и повседневной. Первая была продуктом агитационно-пропагандистских усилий, а вторая — порождением личного или коллективного опыта. В воображаемом мире жили в тепле и уюте счастливые люди, преобразующие природу и уверенной поступью идущие к коммунизму. В мире повседневности они же в поте лица своего добывали насущный хлеб, маялись в бараках, тесных коммуналках, дрались, бранились, ловчили. Сказочные повествования в стихах и прозе были призваны стереть грань между двумя этими реальностями, укрепить первенство воображаемого мира в коллективном сознании читателей и слушателей. Вернемся к обсуждению рукописи Льва Давыдычева. Один из участников увидел в ней недостаток: «Отсутствие собственно сказочного мира, реальная жизнь совсем не отграничена от сказочной» [Обсуждение..., 1951, л. 2]. На самом деле, это было основное достоинство рассматриваемых повествований.

Вторая функция басен для взрослых заключалась в том, что позволяла автору и читателю в образе хитрой лисицы, надменного и глупого гуся обнаружить социальные типажы. В послевоенной литературе, представлявшей современную действительность, героями были люди без страха и упрека: целеустремленные, отважные, идейные, до конца преданные советской власти. «Главным героем нашей литературы был и будет гармоничный человек, мысль, чувство, воля которого отдана созданию нового общества,— разъяснял местным писателям редактор Молотовского книжного издательства. — Он типичен для нашего времени» [Назаровский, 1951, л. 204]. В книгах о войне можно показывать отрицательных персонажей — предателей, полицаяев, фашистских пособников. Но они не были советскими людьми, только притворялись ими. В послевоенной действительности бичевать пороки можно было только в фельетонах, где речь шла об «отдельных недостатках» и дурных поступках «некоторых лиц», либо внутри литературного бестиария. Птица из басни «Гусь на службе» А.Л. Матросова, опубликованная в областной газете «Звезда», вызвала восторженный отклик у читателя:

«Я просто в восторге от нее! Легко читается, содержательная, рифма отточена... а как тонко подмечены людские пороки, и особенно хозяйственников и коммерсантов. Они вот этого и заслуживают, чтобы едкой сатирой бичевать их недостатки, садить на перо поэта. В лице “Гуся” виден элемент чванства, бюрократизма, нерасторопливости, зазнайства. И все ему с рук сходит. Хищения и растраты у торгработников — обыкновение. Мало их и мягко судят. А сколько еще таких “гусей” сидят на шее государства в торгах, снабх и т.п. А живут они припеваючи» [Арапов, 1953, л. 4–4 об.].

Обратим внимание на то, что басенный гусь кажется читателю собирательным образом современного ему хозяйственника — работника некомпетентного, человека вороватого, начальника чванного. Под гусиными перьями прячется социальный тип с вполне определенной пропиской — советский коммерсант, на бытовом языке — торгаш. Басня была тем жанром, который позволял не только разоблачать «отдельные нетипичные» проявления жадности, скупости, низкопоклонства перед Западом или чванства, но и сохранять в литературе обобщенные социальные по своей природе образы. Пишем «лев» — читаем «крупный руководитель», который «обожал подхалимаж» [Михалков, 1945]. В этом смысле басни были полезным жанром, поскольку соответствовали основополагающему партийному принципу критики и самокритики и давали возможность выразить негативные чувства по адресу тех или иных групп населения, отнюдь не покушаясь на основы социального порядка и на статусные позиции номенклатурных работников.

Басни укрепляли мифологическую картину мира, помещая бестиарий в его темную половину, где обитали чудовища — полулюди, полужвери: «носители буржуазных взглядов и буржуазной морали — живые люди, скрытые враги нашего народа» [Бдительность..., 1953, с. 20–21].

Авторы жалоб, в свою очередь, обращаясь к фольклорным (басенным) образам, старались не только установить языковую коммуникацию с представителями власти, но и представить своих обидчиков в самом непривлекательном виде, сжав их характеристику до символической плотности.

Финансирование. Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 19-18-00221).

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Литература

- 1956: Незамеченный термидор: Очерки провинциального быта. Пермь: Изд-во ПГТУ, 2007. 236 с.
- Вайскопф М. Писатель Сталин. М.: Новое литературное обозрение, 2001. 384 с.
- Вайскопф М. Птица тройка и колесница души: Работы 1978–2003 гг. М.: Новое литературное обозрение, 2003. 576 с.
- Власова З.И. Ерш Ершович: Возможные истоки образа и мотивов // Труды Отдела древнерусской литературы. СПб.: Дмитрий Буланин, 1993. Т. 47. С. 250–268.
- Иванова Т.Г. О фольклорной и псевдофольклорной природе советского эпоса // Рукописи, которых не было: Подделки в области славянского фольклора. М.: Ладомир, 2002. С. 403–431.
- Кимерлинг А.С. Террор на излете: «Дело врачей» в уральской провинции. Пермь: Перм. гос. ин-т искусства и культуры, 2011. 163 с.
- Мокиенко В.М. Большой словарь русских пословиц. М.: ОЛМА Медиа Групп, 2010. 1024 с.
- Трофименков М. Человек, который никогда не ошибался: 90 лет Сергею Михалкову // Коммерсантъ. № 42. 13.03.2003. С. 22.
- Benz W. «Der ewige Jude»: Metaphern und Methoden nationalsozialistischer Propaganda. Berlin: Metropol Verlag, 2010. 176 S. (Dokumente — Texte — Materialien; Bd. 75).
- Brooks J. Thank You, Comrade Stalin! Soviet Public Culture from Revolution to Cold War. Princeton; New Jersey: Princeton Univ. Press, 2000. 344 p.
- Juden unterm Hakenkreuz. Verfolgung und Ausrottung der deutschen Juden 1933–1945. Berlin: Deutscher Verlag der Wissenschaften, 1973. 437 S.
- Kolakowski L. Main currents of Marxism. The Breakdown. Oxford: Macmillan press, 1978. 548 p.

Источники

- Арапов В.Т. — Матросову А.Л. 15.11.1953 // Гос. архив Пермского края (ГАПК). Ф. р — 1776. Оп. 1. Д. 33. Л. 4–4 об.
- Бдительность — наше оружие. М.: Госполитиздат, 1953. 80 с.
- Воспитатели мещанства // Литературная газета. 1929. 19 авг.
- Крупская Н.К. О «Крокодиле» Чуковского // Правда. 1928. 1 февр.
- Маленков Г.М. Речь на Пятой Сессии Верховного Совета СССР 8 августа 1953 г. М.: Гос. Изд-во пол. лит., 1953. 47 с.
- Михалков С. Лиса и бобер. 1944. URL: <https://ihappymama.ru/iq/basni/lisa-i-bober-basnya-mihalkova/>.
- Михалков С. Заяц во хмелю. 1945. URL: <https://www.litmir.me/br/?b=63626&p=1>.
- Михалков С.В. Две подружки // С. Михалков. Басни. М.: Искусство, 1955. 27 с.
- Михалков С. Автобиография Михалкова. 1959. URL: chtoby-pomnili.net/page.php?id=720.
- Мосяков — Гусарову. 11.12.1945 // Перм. гос. соц.-полит. архив (ПермГАСПИ). Ф. 105. Оп. 12. Д. 146. Л. 9–12.
- Назаровский Б. К итогам литературного года. 28.12.1951 // ГАПК. Ф. р — 1188. Оп. 1. Д. 2. Л. 193–242.
- Обсуждение сказок Льва Давыдычева. Протокол заседания писательской секции 28.09.1951 // ГАПК. Ф. р — 1188. Оп. 1. Д. 3. Л. 2–7.
- Перминов — в НКВД. 25.02.1937 // ПермГАСПИ. Ф. 59. Оп. 1. Д. 301. Л. 180.
- Письмо в газету «Звезда». 16.04.1953 // ПермГАСПИ. Ф. 81. Оп. 15. Д. 25. Л. 6.
- Протокол № 6 заседания партийного бюро парторганизации областного Управления милиции. 16.02.1955 // ПермГАСПИ. Ф. 1624. Оп. 1. Д. 50. Л. 26–42.
- Протокол № 1 отчетно-перевыборного партийного собрания партийной организации Обл. Упр. Милиции. 12.01.1956 // ПермГАСПИ. Ф. 1624. Оп. 1. Д. 53. Л. 1–21.
- Протокол № 9 заседания бюро парторганизации УМВД по Молотовской области. 30.01.1956 // ПермГАСПИ. Ф. 1624. Оп. 1. Д. 20. Л. 19–36.
- Словарь «воровского жаргона». URL: <http://www.biometrika.tomsk.ru/ftp/dict/slang/jargon.htm> (дата обращения 21.05.2019).
- Старков — Ушакину: Рапорт. 07.08.1953. Гремячинск // ПермГАСПИ. Ф. 105. Оп. 20. Д. 158. Л. 180–181.
- Холевинский — Голышеву. 05.03.1937 // ПермГАСПИ. Ф. 231. Оп. 1. Д. 10. Л. 16.

O.L. Leibovich

Institute of History and Archaeology of Ural Branch RAS
S. Kovalevskoi st., 16, Ekaterinburg, 620990, Russian Federation
Perm State Institute of Culture
Gazety «Zvezda» st., 18, Perm, 614000, Russian Federation
E-mail: oleg.leibov@gmail.com

BESTIARY IN THE PARTY DISCOURSE OF 1940–1950

The present article covers issues associated with changes in the party language in the late Stalinist era and aims to determine the meaning expressed by the changed linguistic forms in the official communication of CPSU(B.) members in 1946–1953 within the current Perm Territory. In this work, the method of thick description was employed (C. Geertz). The author studied two types of materials found in the archives of regional party organisations: 1. documents prepared by the party authorities (official speeches, fables and feuilletons); 2. requests and complaints addressed to the authorities. The novelty of the study consists in introducing archival materials previously unknown to researchers; revealing the cultural aspect of reviving the fable in the Soviet press; identifying sociocultural functions of fable characters; defining the status of folklore imagery in the political communication of the Perm Territory residents. A historical and anthropological analysis of materials revealed that since the mid-1940s the party language incorporated the folk language full of animal and bird imagery. Apart from editorials and resolutions, the newspaper publications of political nature also included fables. The fable became an important literary genre, constituting an artificial analogue of rural folklore, adapted to the pressing tasks that the party faced: the formation of a mythological worldview among the general Soviet public, as well as the fight against the bourgeois remnants in the consciousness and behaviour of the Soviet people. In line with the literary tradition, the officially approved animals (bears, hares, foxes, etc.) personified vices that had to be eradicated: bureaucracy, conceit, cosmopolitanism, or lack of patriotism, utilitarian approach, egoism, heavy drinking, etc. The introduction of folklore images suggests growing archaisation of the Soviet culture associated with the new party recruits — individuals from collective farm villages and first-generation industrial workers. The archaisation of the language used by the authorities constituted a side effect of the government's policy of cultural isolation. The studied materials indicate that the ample use of clear folklore imagery in the party language simplified communication between the upper and lower classes of the party in the late Stalinist era. The language of the authorities became more accessible to its recipients. In turn, citizens could use common forms of verbal behaviour when dealing with government institutions. At the same time, the partial replacement of the Bolshevik language, canonised in the Short Course of the History of the CPSU (B.), with fabulous imagery subsequently led to the depoliticisation of the Soviet culture.

Key words: Ural, 1945–1953, nomenclature culture, party language, folklore images.

DOI: 10.20874/2071-0437-2019-46-3-170-175

Funding. This work was supported by a grant from the the Russian Science Foundation No. 19-18-00221.

REFERENCES

- Benz W. (2010). «*The Evil Jew*»: *Metaphors and Methods of National Socialist Propaganda*. Berlin: Metropol Verlag. (Dokumente — Texte — Materialien, Band 75).
- Brooks J. (2000). *Thank You, Comrade Stalin! Soviet Public Culture from Revolution to Cold War*. Princeton, New Jersey: Princeton University Press, 344 p.
- Drobisch K. (Ed.) (1973). *Juden unterm Hakenkreuz. Verfolgung und Ausrottung der deutschen Juden 1933–1945*. Berlin: Deutscher Verlag der Wissenschaften.
- Ivanova T.G. (2002). On folklore and pseudofolklore nature of the Soviet epos. In: *Rukopisi, kotorykh ne bylo: Podelki v oblasti slavianskogo fol'klora* (pp. 403–431). Moscow: Ladomir. (Rus.).
- Kimerling A.S. (2011). *Terror's on the decline. «Doctors' case» in the Urals province*. Perm': Permskii gosudarstvennyi institut iskusstva i kul'tury. (Rus.).
- Kolakowski L. (1978). *Main currents of Marxism. The Breakdown*. Oxford: Macmillan press.
- Leibovich O. (Ed.) (2007). *1956: Unseen thermidor: Essays of provincial life*. Perm': Izd-vo PGU. (Rus.).
- Mokienko V.M. (2010). *Big dictionary of Russian proverbs*. Moscow: OLMA Media Grupp. (Rus.).
- Trofimenkov M. (2003). A man who's never been mistaken: 90 years old Sergei Mikhalkov. *Kommersant*, (42). (Rus.).
- Vlasova S.I. (1993). Yersh Yershovich: Possible origins of the image and motifs. In: *Trudy Otdela drevnerusskoi literatury* (pp. 250–268). St. Petersburg: Dmitrii Bulanin. (Rus.).
- Weisskopf M. (2001). *The writer Stalin*. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie. (Rus.).
- Weisskopf M. (2003). *Bird troika and chariot of the soul: Works 1978–2003*. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie. (Rus.).

This work is licensed under a [Creative Commons Attribution 4.0 License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/).

Submitted: 20.05.2019

Accepted: 10.06.2019

Article is published: 26.09.2019

Н.А. Ширинкина

Пермский государственный институт культуры
ул. Газеты «Звезда», 18, Пермь, 614000
E-mail: Zgll.ru@mail.ru

КАК «СОТИК» ЗДОРОВЬЮ ВРЕДИТ: ПЕНСИОНЕРЫ ПЕРМСКОГО КРАЯ И НОВЫЕ ТЕХНОЛОГИИ

Рассмотрены коллективные социальные страхи пенсионеров провинциальных городов Пермского края (Урал), связанные с потребительскими практиками. Дан анализ различных методологических подходов к изучению страхов российского общества. На основании материалов проведенного исследования представлена классификация потребительских страхов. Страхи, связанные с практиками использования новой техники и технологий, многослойны и берут начало из прошлого опыта пенсионеров. Страхи выражают укорененные установки и стереотипы в отношении всего нового и чужого.

Ключевые слова: *потребительские практики, социальный страх, люди третьего возраста, культурная травма, цифровые технологии, бытовая техника.*

DOI: 10.20874/2071-0437-2019-46-3-176-180

Научным исследованием страхов, сопряженных с общественной стороной жизни человека, занимаются представители разных дисциплин. Внимание социологов направлено на изучение процессов формирования, распространения и функционирования страхов среди индивидов и групп. Существуют разные взгляды на их природу и способы изучения.

В. Шляпентох отмечает, что страх является постоянной компонентой социальной жизни, «необходимым условием нормального функционирования сообществ» [Матвеева, Шляпентох, 2000, с. 47]. П. Штомпка рассматривал страх как главную эмоцию, сопровождающую переживание культурной травмы. Страх возникает как реакция на новые социальные явления, чуждые практики, незнакомые жизненные ситуации. Не только индивид испытывает этот страх, но и все общество ощущает его в своей повседневной жизни. Подобный страх заставляет людей искать убежище от травматичного опыта, и тогда предпринимается попытка удержать остатки прошлого в личной и культурной памяти, ностальгических переживаниях, в вещах из «ушедшей эпохи» [Штомпка, 2001, с. 9–10, 15].

Обращение к понятиям культурного раскола, противоречия старых и новых смыслов имеет для нашего исследования методологическое значение. Очевидно, что состояние, в котором оказались россияне после распада СССР, обусловило появление новых социальных страхов. Значительная часть людей, чей социально активный возраст пришелся на советское время, сегодня составляют и пополняют группы пожилых людей и пенсионеров. Именно эти группы испытывают на себе наибольшее давление опыта прошлой жизни, с одной стороны, и опыта новой жизни, кардинально иной по своим базовым социальным характеристикам, институциональным условиям и нормативным требованиям, — с другой. Страхи, которые стали элементом повседневности людей третьего возраста, могут быть поняты через призму социокультурной динамики российского общества. Не случайно Л. Гудков предлагает рассматривать социальные страхи как самостоятельный социокультурный феномен, связанный с существующими институтами, традициями, социальными и культурными практиками. Он прямо говорит, что «специфические страхи (как часть культуры) могут рассматриваться в качестве симптома постоянной консервативной блокировки институциональных изменений» [Гудков, 1999, с. 53].

В качестве объекта нашего исследования выступают пожилые люди, или люди третьего возраста. В данном случае интерес к ним связан в первую очередь с тем, что их жизнь можно условно разделить на два периода — до распада СССР и после. В социально активном возрасте эти люди находились в периоды «застоя» и перестройки. Они пережили «шоковую терапию», смену политического режима, адаптацию к новым условиям жизни в пореформенной России. В свои зрелые, «предпенсионные» годы они вынужденно столкнулись с последствиями активного вторжения цифровых технологий в повседневность. Им пришлось и приходится осваивать новые технологии, и для многих, как будет показано далее, это шокирующий опыт.

С выходом на пенсию люди третьего возраста оказываются в ситуации, когда прежние стереотипы мышления и модели поведения теряют свою актуальность. Раньше они опирались на правила поведения, мышления и оценок из своего ближайшего окружения, чаще всего трудового коллектива. Там они узнавали, *что можно, а что под запретом, как относиться к явлениям окружающего мира, как действовать*, чтобы оставаться членом единого сообщества. Именно окружающие поддерживали определенную шкалу оценок, демонстрировали, *что говорить, что думать, как чувствовать* и, что самое существенное для нашего исследования, задавали рамки поведения, координатную сетку для повседневных практик. Копирование и воспроизводство упрощенных, схематизированных и в то же время проверенных, опробованных авторитетными членами группы, алгоритмов мышления и поведения обеспечивали прочную связь с той самой группой, с которой человек себя идентифицировал. И вот наступает момент, когда по независящим от него причинам — выход на пенсию — он оказывается лишен привычного окружения, «социального кокона», в котором пребывал до недавнего времени. Источники информации оскудели, свободное время увеличилось, просмотры телепередач стали наиболее доступным способом ежедневного досуга. Таким образом происходит смена социокультурного статуса, переход индивида в новую для себя группу — группу людей «третьего возраста»¹.

Сфокусированное внимание к практикам потребления и сопровождающим их эмоциям позволит нам понять, *что происходит с пожилым человеком, как он воспринимает мир, какие социальные технологии он осваивает, как осмысливает информацию*, поступающую к нему извне. Для того чтобы изучить потребительские страхи людей третьего возраста (цель), необходимо последовательно решить ряд задач. Прежде всего, обнаружить страхи, затем описать и классифицировать их и, далее, высказать предположения о природе их происхождения. Хронологические рамки проведенного исследования² — с ноября 2017 г. по май 2019 г. Основной метод сбора информации — полуструктурированное интервью [Квале, 2003, с. 128]. Качественный метод исследования был выбран как наиболее адекватный для выявления индивидуальных аспектов социального бытия пенсионеров, их жизненного опыта в конкретных сложившихся обстоятельствах. Полученный в ходе исследования нарратив позволяет описать конкретные практики, опыт, настроения, субъективные переживания пенсионеров Пермского края (города Пермь, Кунгур). Данные, полученные в ходе исследования, не являются репрезентативными. Отказ от широты охвата компенсируется «глубиной» исследования, т.е. детальным изучением социального явления в его целостности и непосредственной взаимосвязи с другими явлениями [Белановский, 2001, с. 3].

Был разработан соответствующий инструмент исследования — гайд-лист — для выявления страхов, сопровождающих потребительские практики людей третьего возраста. Формируя выборку, мы учитывали гендерный аспект: из 24 респондентов³ — 11 мужчин в возрасте от 60 до 80 лет, 13 женщин в возрасте от 60 до 75 лет. Средняя продолжительность беседы составляла от 1,5 до 2 часов. Основанием для прекращения сбора интервью явилось информационное насыщение, т.е. отсутствие приращения значимой информации. В ходе исследования автором были обнаружены многочисленные повторения в оценках, суждениях, мнениях респондентов, что, с точки зрения С. Квале, позволяет нам признать интервью валидными, не нуждающимися в количественном расширении.

Материалы проведенного исследования позволяют говорить, что тревогу, волнение и страх у представителей третьего возраста вызывают новые платежные инструменты, новые технические средства, распространившиеся в быту. Теперь пенсионеры массово сталкиваются с необходимостью активно пользоваться банковскими карточками, банкоматами и терминалами (на карту «МИР» от Сбербанка им перечисляют пенсию). Опыт общения с бухгалтерией, платежными ведомостями, стояния в очереди за зарплатой, так хорошо освоенный в предыдущий жизненный период, внезапно оказался не востребован. Исчезла регулирующая и цементирующая роль очереди, а сама очередь переместилась в электронное пространство (регистраторы, талончики). Появилось множество электронных приборов и устройств, призванных облегчить и

¹ К третьему возрасту мы будем относить людей, которые вышли на пенсию, оставили сферу профессиональной деятельности и изменили образ жизни в силу ограничений, связанных с новыми условиями жизни [Безрукова, 2000, с. 558].

² Объект исследования — люди третьего возраста (пенсионеры). Предмет исследования — потребительские практики пенсионеров Пермского края (города Пермь, Кунгур). Цель исследования — изучить потребительские практики пенсионеров Пермского края (г. Пермь, г. Кунгур) и страхи, связанные с ними.

³ Среди информантов 6 чел. с высшим образованием, 12 чел. со средним образованием, 6 чел. с начальным образованием. Место жительства респондентов — г. Кунгур (16 чел.), г. Пермь (8 чел.).

улучшить повседневную жизнь. Теперь нужно действовать одному, самостоятельно принимать решения и ориентироваться в новом техническом и технологическом пространстве. У пожилых людей это вызывает боязнь и страх, которые находят выражения в отсылках к своему прежнему опыту, прошлой — во всем понятной и удобной — жизни.

«Просто я привыкла, чтобы так было... я старой закалки человек» (Ж., 66 л., в. обр., г. Пермь).

«Не могу заснуть и думаю — вот в советское время, ладно там, квартиры давали, кто хорошо работал. А сейчас посмотрите, ипотеку ты возьмешь, это такие деньги надо, а где взять эти деньги» (Ж., 64 г., в. обр., г. Кунгур).

«В советское время, при том, что мы получали немного денег, и с детьми ездили на юг каждый год, и в санаторий, и на курорт ездили. Каждый год куда-нибудь, каждый год куда-нибудь, и причем не копили денег!» (Ж., 75 л., в. обр., г. Пермь).

«Нормально жили в советское время, только его вспомним, вот в советское время как при коммунизме жили, потому что все было доступно и в магазинах все натуральное было, все это ели, и потом ездили везде» (Ж., 75 л., в. обр., г. Пермь).

Опыт «советского времени» продолжает выполнять нормативную функцию по отношению к новому, современному опыту социальной жизни. Респонденты пользуются памятью прошлого как зеркалом, заглядывая в которое можно обнаружить неприятные расхождения с настоящим, отклонения от опыта прошлых лет.

Обезличенные деньги

Банковские карты, новые платежные инструменты, которые обезличивают деньги и денежные отношения, являются отдельным источником страхов для пенсионеров. Вполне обоснованные опасения в сознании пожилых людей превращаются в необоснованные, преувеличенные угрозы.

«Заранее могу сказать, что карта — это надувательство. Карты скоро могут так обезличить, что вы даже не заметите. Денежка — это денежка. А карта — это бумага, которую могут в любой момент... Во-первых, ее можно и потерять. И кто восполнит?» (М., 79 л., в. обр., г. Пермь)

«Воровства там. Подделывают и воруют. Документы не спрашивают. Кто ты такой? Карту-то украл, и пожалуйста, иди рассчитывайся». (М., 80 л., нач. обр., г. Кунгур).

«Ну сейчас, как говорится, время мошенников. А карты привязаны так, что очень много мошенников в этой области. Они всяко подлазят тебе в карман» (М., 66 л., в. обр., г. Пермь).

«Я вот так подумал, что если вся моя наличность будет на карте, то в одно время ее могут срубить. Потому что сейчас этих всех ужас сколько» (М., 65 л., ср. обр., г. Кунгур).

Респонденты открыто высказываются о своей незащищенности перед современным бытом, который навязывает им новые платежные инструменты. Деньги должны быть «телесными». Они никак не увязываются в сознании пожилого человека с маленьким, обезличенным куском пластика. Подобного рода волшебство перевоплощения денег в банковскую карту сначала рождает страх перед исчезновением телесных денег, а затем заставляет задуматься о надежности такого перевоплощения. Ведь если деньги теперь хранятся не в кошельке, под подушкой, в шкафу, а в виртуальном пространстве, то кто теперь отвечает за их сохранность? Этот вопрос очень тревожит пенсионеров.

Некоторые респонденты убеждены, что банковская карта может даже стоить жизни и пользоваться ей опасно:

«В Усть-Турке один двух пенсионеров за 200 рублей убил. Вот за 200 рублей двух убил. А тут за карту можно запросто...» (М., 80 л., нач. обр., г. Кунгур).

Очевидно, что боязнь потерять деньги, стать жертвой мошенников связана с общими тревожными настроениями, неопределенностью социальных перспектив, слабой социальной защищенностью, дефицитом безопасности и уверенности в том, что в трудную минуту кто-то придет на помощь, окажет необходимую поддержку. Эти страхи также накладываются на опыт «выживания» в годы экономических реформ, обернувшихся потерей денежных накоплений и нищетой для основной массы населения страны.

«Опасные и вредные» гаджеты

Кроме необходимости освоения новых платежных инструментов представители третьего возраста сталкиваются с нарастающим ролями современных гаджетов, электронных устройств в повседневной жизни. Ускорение темпов технического прогресса заставляет пенсионеров заменять новые средства старыми, привычными, отдавать предпочтение проверенным способам взаимодействия с внешним миром. Интересно отметить тот факт, что многие представители третьего возраста про-

должают пользоваться стационарными средствами связи. Мобильные телефоны, которые устроены по-другому, функционируют без проводов, вызывают тревогу и озабоченность.

«Я как пользователь, я сотик приобрел только под давлением. Если вы разговариваете по сотику больше 3,5 минут, ваш мозжечок разогревается до 39,5 градусов. Эти сведения, в интернете все есть. Но почему-то люди не обращают внимание. А потом говорят: голова болит, и так далее. Вплоть до несварения желудка» (М., 79 л., в. обр., г. Пермь).

В среде пенсионеров часто можно встретить миф о том, что микроволновые печи были запрещены в СССР и данный запрет был снят только в начале 1990-х. Все это объясняется тем, что в СССР знали про вред СВЧ-печей, поэтому решили оградить своих граждан от вредного воздействия микроволнового излучения и обработанной им пищи. Микроволновая печь и теперь вызывает фобии у представителей третьего возраста. Их появление и массовое распространение, по мнению респондентов, заставило исчезнуть всех тараканов, борьба с которыми ранее вызывала немало проблем и усилий.

«Вот микроволновка. Она у меня стоит. Потому что щас уже пошли новые веяния, что это вредно. И фактически она у меня стоит на окне. Я ей не пользуюсь. Че чего, вот, на сковородке подогрел там, и всё». (Ж., 75 л, ср. обр., г. Пермь).

«Тараканы. Они ведь вон какие живучие были! А потом раз и пропали куда-то. Это как? Тараканов эта вся техника истребила. А мы чем хуже?» (М., 80 л., ср. обр., г. Кунгур).

К списку бытовой техники, вызывающей опасения у старшего поколения, можно добавить другие приборы и приспособления, которые вытеснили из повседневного обихода множество привычных подручных инструментов.

«Мясорубку я нашу предпочитаю, механическую. Мне че-то как-то была одна, ну, вот эти новые-то импортные, они хорошие. А мне че-то, не знаю, какая-то попалась. И вот там, вкус мяса не тот уже вроде мне показался» (Ж., 75 л., ср. обр., г. Пермь).

Большинство информантов никогда не пользовались интернетом в повседневной жизни. Сотовые телефоны и смартфоны обросли слухами о пугающих фактах негативного влияния на организм человека, поэтому значительное число информантов отказываются от их приобретения и использования. «Вредным и опасным» устройствам они предпочитают традиционные способы ведения домашнего хозяйства.

Рационализация страхов осуществляется при помощи средств массовой информации, в частности телевидения. Новые знания и представления о современном «пугающем» мире опираются на авторитет профессионалов (эксперты и специалисты из разных областей). Телевизионные программы, призванные раскрыть всю правду о современных гаджетах, используют фактологию, которой приписывается научное происхождение.

Главное, что показало наше исследование, это многослойная природа страхов людей третьего возраста. Пенсионеры боятся не только новой техники и технологий, но также ложной информации о них. Агрессивный маркетинг, реклама, дистрибьютеры дорогих товаров (пылесос за 150 тыс. руб., многофункциональные машины за 90 тыс. руб.) пугают информантов и вызывают недоверие к магазинам и продавцам, к институтам, призванным контролировать и защищать их права. Кроме того, потребительские страхи выражают глубоко укорененные установки и стереотипы в отношении всего нового и чужого. Страхи перед новыми социальными условиями и нормами, в том числе рыночными механизмами производства и распределения благ, перед чуждыми формами и символами общественной и культурной жизни, страхи перед обновлением как таковым находят свое продолжение в целом «букете» конкретных бытовых и потребительских страхов.

Однако рассуждать таким образом, что все пенсионеры одинаковы в своих установках и моделях поведения, было бы большим преувеличением. Новая техника и технологии все больше укореняются в повседневной жизни старшего поколения. Часть из них продолжает бороться с ними, категорически отказываясь от банковских карт, бытовой техники, технологических новинок. Часть респондентов приняла новую реальность, оформили карты с целью получения пенсии, изучают и используют банкоматы, но не хранят свои сбережения на карте, предпочитая снимать всю сумму, чтобы избежать неоправданных рисков. И малая доля участников исследования живет в ногу со временем, пользуется банковскими картами, оформляет на них кредитные лимиты и открывает банковские вклады для получения дивидендов. Кроме того, эта группа начала осваивать современную дорогостоящую бытовую технику. Но кто они, эти пенсионеры? Чем они отличаются от остальных? Каковы их социальные черты? Что помогло им адаптироваться к новым социальным условиям? На эти вопросы нам предстоит ответить в дальнейшем исследовании.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Безрукова В.С. Основы духовной культуры: (Энциклопедический словарь педагога). Екатеринбург, 2000. 620 с.
- Белановский С.А. Глубокое интервью: Учеб. пособие. М.: Никколо-Медиа, 2001. 320 с.
- Гудков Л. Страх как рамка понимания происходящего // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 1999. № 6 (44). С. 46–53.
- Квале С. Исследовательское интервью. М.: Смысл, 2003. 301 с.
- Матвеева С.Я., Шляпентох В.Э. Страхи в России в прошлом и настоящем. Новосибирск: Сиб. хронограф, 2000. 179 с.
- Штомпка П. Социальные изменения как травма: (Статья первая) // Социологические исследования. № 1. 2001. С. 6–16.

N.A. Shirinkina

Perm State Institute of Culture

Gazety «Zvezda» st., 18, Perm, 614000, Russian Federation

E-mail: Zgll.ru@mail.ru

SENIOR CITIZENS OF THE PERM TERRITORY AND FEARS ASSOCIATED WITH NEW TECHNOLOGIES

The present article covers the formation and functioning of socio-cultural fears that have developed among pensioners from the provincial towns of the Perm Territory (Urals). Fears are considered as stable forms of understanding the current social reality. This reality becomes relevant to people whose habitual way of life (work-life balance) has abruptly changed. The author provides an analysis of various methodological approaches to studying fears in the Russian society. In particular, P. Shtompka considered fear to be the primary emotion accompanying cultural trauma. Reference to the concepts of cultural divide, contradiction of old and new meanings is of methodological importance for this study. The empirical study employed a qualitative approach, with semi-structured focused one-to-one interview being chosen as the research method. The empirical base of the study consists of 22 interviews with the senior citizens of Perm and Kungur (Perm Territory). The selection of informants was carried out in 2018–2019 using the snowball method to form the sample population. Using materials of the interview, consumer fears were grouped according to their causes: 1. credit practices and banking products; 2. growing role of modern technologies in everyday life and its consequences; 3. food. The author makes a suggestion about the causes of fears shared by the third generation. Senior citizens are afraid of new payment methods, payment terminals, queue management systems, mobile devices and household appliances. Fears associated with the use of new devices and technologies are complex. Senior citizens are afraid not only of new devices and technologies but also of the unreliability of information about them. The fears are rationalised with the help of the media, in particular, television, where the fears are supported by authority figures (scientists, doctors). Consumer fears stem from a fixed mindset and deep-rooted stereotypes in relation to everything new and alien. The fear of new social conditions and norms finds its continuation in a wide range of specific household and consumer fears.

Key words: consumer practices, social fear, people of the third age, cultural trauma, digital technologies, household appliances.

DOI: 10.20874/2071-0437-2019-46-3-176-180

REFERENCES

- Belanovskiy S.A. (2001). *In-Depth interview: Textbook*. Moscow: Nikkolo-Media. (Rus.).
- Bezrukova V.S. (2000). *Fundamentals of spiritual culture: (Encyclopedic dictionary of the teacher)*. Ekaterinburg. (Rus.).
- Gudkov L. (1999). Fear as a frame of understanding what is happening. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny*, 6(44), 46–53. (Rus.).
- Kvale S. (2003). *Research interview*. Moscow: Smysl. (Rus.).
- Matveeva S.Y., Shlyapentokh V.E. (2000). *Fears in Russia in the past and present*. Novosibirsk: Sibirskii khronograf. (Rus.).
- Sztompka P. (2001). Social change as trauma. *Sotsiologicheskie issledovaniya*, (1), 6–16. (Rus.).

This work is licensed under a [Creative Commons Attribution 4.0 License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/).

Submitted: 21.03.2019

Accepted: 10.06.2019

Article is published: 26.09.2019

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

«Вестник археологии, антропологии и этнографии» публикует работы теоретического, научно-исследовательского и информационного характера по вопросам археологии, антропологии, этнографии и смежных научных дисциплин. Направляемые для публикации материалы должны быть оформлены в соответствии с правилами, принятыми в настоящем издании. Содержание статьи должно соответствовать тематике журнала. Основные разделы «Археология», «Антропология», «Этнология» включают как аналитические работы, так и статьи, представляющие собой исчерпывающие публикации материалов конкретных археологических памятников, антропологических серий, этнографических коллекций и т.д. В отдельные номера журнала включаются рубрики «Рецензии» и «Хроника».

1. Рукопись статьи высылается в адрес редакции по e-mail: vestnik.ipos@inbox.ru в виде:

1) одного файла, включающего сведения об авторе (авторах), название статьи, аннотацию, ключевые слова, список сокращений, основной текст статьи со вставленными иллюстрациями, подписанными подписями, таблицами, названиями таблиц, библиографическим списком в формате *.rtf или *.doc (не в *.docx, чтобы избежать склеивания слов или искажения текста), озаглавленного по фамилии автора(ов) (Романов.doc; Романов и др.doc);

а) сведения об авторе(ах) статей: ФИО (полностью); место работы — название головной организации (подразделения не указываются); адрес учреждения: улица, № дома, город, почтовый индекс; e-mail; телефон;

б) название статьи: строчными буквами; не используйте заглавные буквы для всего названия;

в) аннотация на русском языке **объемом не более 500 знаков**: необходимо четко сформулировать цели, главные положения и результаты работы;

г) таблицы: представляются без разрывов при переходе с одной страницы на другую, должны иметь общую нумерацию арабскими цифрами и заголовки. Диагональное членение ячеек в таблицах не допускается;

д) иллюстрации: должны иметь общую нумерацию в соответствии с порядком их расположения в тексте статьи (рис. 1, 2, 3 и т.д.). **Номера позиций на рисунках набираются курсивом.** В подписанных подписях необходимо расшифровать все условные обозначения на иллюстрациях, соблюдая точное соответствие обозначений и нумерации на рисунках, в подписанных подписях и основном тексте рукописи. Иллюстрации не должны быть перегружены текстовыми пояснениями;

2) дополнительных файлов с иллюстрациями в форматах jpg, tiff, bmp (Романов.jpg, Романов_рис.1.tiff, Романов_рис.2.jpg);

3) файла со сведениями статьи на английском языке;

4) файла со списком возможных рецензентов;

5) одновременно с рукописью высылается заполненное автором/авторами авторское соглашение (публичная оферта).

Сведения статьи на английском языке должны содержать:

— ФИО авторов, место работы, адрес учреждения;

— Article title (название статьи);

— Summary (на русском и английском языках) объемом не менее 2000–2500 знаков с пробелами. Summary не является копией русскоязычной аннотации, должно включать указания: на географическую и хронологическую привязку исследований (если не указано в названии), цель исследования, материалы и источниковую базу, методы исследования, а также основные результаты и выводы. В скобках надо дать перевод на английский язык специфических терминов и названий (например, названия археологических культур, орудий, сырья, методов, технологий и т.д.);

— Key words;

— Figure captions (подписанные подписи);

— Table giving the names (названия таблиц);

— **Acknowledgements** (благодарность за содействие и помощь в подготовке работы, а также спонсорам);

— **Funding (сведения о финансировании проектов);**

— References (список литературы на латинице).

При составлении References нужно воспользоваться автоматическим транслитератором на сайте «Convert Cyrillic»: www.convertcyrillic.com/Convert.aspx. Пошаговая инструкция по оформлению списка литературы на латинице находится на странице журнала: <http://www.ipdn.ru/rics/va>. Список «References» должен быть полным, включать и публикации из библиографического списка на европейских языках, не требующие транслитерации.

При предоставлении некорректных текстов на английском (название статьи, резюме, ключевые слова, переводы для References) редакция отклоняет статью.

Список возможных рецензентов (не менее трех) — квалифицированных специалистов по тематике рецензируемых материалов, имеющих в течение последних трех лет публикации по тематике рецензируемой статьи, должен содержать следующую информацию: ФИО рецензента полностью; место работы; ученая степень; e-mail. Возможные рецензенты не должны работать в одном учреждении с авторами статей.

2. После ознакомления с содержанием статьи, оценки ее соответствия научным направлениям журнала, требованиям к оформлению статьи автору направляется ответ, в котором сообщается о возможности и сроках публикации, либо мотивированный отказ. После проведения внешнего и внутреннего рецензирования в течение 2–3 недель при наличии замечаний редакция направляет рецензию. После доработки статьи авторы направляют печатный вариант статьи по адресу: 625003, а/я 2774, ТюмНЦ СО РАН (ИПОС), редколлегия журнала. Между автором (авторами) и гл. редактором журнала «Вестник археологии...» заключается лицензионный договор на право использования научного произведения в журнале.

3. Общий объем рукописи в одном текстовом файле на русском языке (включая аннотацию, основной текст статьи, таблицы, иллюстрации, библиографический список на русском языке, разделы «Благодарность», «Финансирование») не должен превышать 1 авт. л. (40 тыс. знаков с пробелами) для основных разделов «Вестника...» и 0,3 авт. л. для разделов «Рецензии» и «Хроника». «Summary» и «References» не входят в этот объем, однако не должны превышать 10 тыс. знаков с пробелами. Статья должна содержать не более 5–6 иллюстраций. Одна иллюстрация размером 160×225 мм приравнивается к 1/8 авт. л. **Рукописи объемом свыше 1 авт. л., а также с нарушениями технических требований к оформлению статей не рассматриваются.**

4. Все страницы рукописи должны быть пронумерованы.

5. Не допускается:

— производить табуляцию;

— выделять слова разрядкой (между словами, знаками должен быть один пробел);

— форматировать заголовки, фамилии авторов (должны быть набраны обычным текстом), сам текст, делать принудительные переносы, пользоваться командами, выполняющимися в автоматическом режиме, использовать макросы, сохранять текст в виде шаблона;

6. Сноски к тексту статьи следует размещать внизу соответствующих страниц. Нумерация сносок сквозная, арабскими цифрами.

7. Библиографический список приводится в алфавитном порядке, при этом первыми в нем должны стоять работы, изданные на кириллице. В этот же список при необходимости включаются под заголовком «Источники» публикации документов, архивные материалы, отчеты о полевых исследованиях. Труды одного автора располагаются в хронологической последовательности, а вышедшие в одном и том же году — в алфавитном порядке с добавлением к году издания данной работы соответствующих **латинских литер: a, b, c, d и т.д.** **Для работ, опубликованных в течение последних десятилетий, обязательно указываются издательство и страницы.** Кроме того, следует указать DOI (при наличии соответствующих данных).

Ссылки на использованную литературу приводятся в тексте рукописи в **квадратных скобках** в алфавитном порядке (например: [Деревянко и др., 2000, с. 24; Древние культуры..., 1994, с. 115; Зданович, 1984b, с. 201; Морозов, 1976]).

При оформлении списка литературы нужно придерживаться следующего порядка библиографического описания книг, статей и отчетов (ФИО авторов или название работы набираются курсивом, в инициалах авторов между именем и отчеством пробел не ставится):

Агапов М.Г. «Яптик-сити»: В поисках идентичности северного села // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2018. № 3 (42). С. 181–191. DOI: 10.20874/2071-0437-2018-42-3-181-191.

Анисимов А.Ф. Космогонические представления народов Севера. М.; Л.: Наука, 1966. 243 с.

Зах В.А., Скочина С.Н. Каменное сырье комплексов Тоболо-Ишимья // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2010. № 2. С. 4–11. URL: <http://www.ipdn.ru/rics/va>.

Квашнин Ю.Н. К вопросу о личных именах и связанных с ними обычаях // Словцовские чтения — 2000: Тез. докл. и сообщ. науч.-практ. конф. Тюмень, 2000. С. 235–238.

Кузьмина Е.Е. Материальная культура племен андроновской общности и происхождение индоиранцев: Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Новосибирск, 1988. 34 с.

Матвеева Н.П., Берлина С.В., Чикунова И.Ю. Комплексное изучение условий жизни древнего населения Западной Сибири. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2005. 228 с.

(Необходимо указывать фамилии и инициалы всех авторов монографии; не использовать *и др.* или *et al.*)

Морозов В.М. Отчет об археологических работах, произведенных в Тюменской области в 1975 г. Свердловск, 1976 // Архив ИА РАН. Р-1, № 5278.

Шилов С.Н., Рябинина Е.А. Комплекс памятников «Дачный» в системе взаимодействий культур раннего железного века на правобережье р. Миасс // Этнические взаимодействия на Южном Урале: Материалы III регион. (с междунар. участием) науч.-практ. конф. Челябинск, 2006. С. 102–105.

Budd P. Alloying and metallworking in the copper age of Central Europe // Bull. of the Metals Museum. Sendai, 1992. Vol. 17. P. 3–14.

Radivojevic M., Rehren T., Pernicka E. On the origins of extractive metallurgy: New evidence from Europe // Journal of Archaeol. Science. 2010. № 37. P. 2775–2787. DOI: 10.1016/j.crpv.2014.06.004.

8. Текст статьи должен быть тщательно выверен и подписан (с указанием — перед подписью — фамилии, имени и отчества полностью) каждым из авторов.

Плата за публикацию статей не взимается.

Адрес редакции:

625003, Тюмень, а/я 2774, ТюмНЦ СО РАН (ИПОС)

Тел. (345-2) 22-93-60; 68-87-68

Адрес сайта: <http://www.ipdn.ru>

E-mail: vestnik.ipos@inbox.ru (с указанием в теме письма раздела «Вестника археологии, антропологии и этнографии»)

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АКА УрФУ — Архив кабинета археологии Уральского федерального университета
ВАУ — Вопросы археологии Урала
ИА РАН — Институт археологии РАН
ИАЭТ СО РАН — Институт археологии и этнографии СО РАН
КСИИМК — Краткие сообщения Института истории материальной культуры
МИА — Материалы и исследования по археологии СССР
ПМА — Полевые материалы автора
РА — Российская археология
РАН — Российская академия наук
СА — Советская археология
СМАЭ — Сборник Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
СО РАН — Сибирское отделение РАН
УАЭ — Уральская археологическая экспедиция
УИВ — Уральский исторический вестник
УрО РАН — Уральское отделение РАН
ХМАО — Ханты-Мансийский автономный округ — Югра
ЯНАО — Ямало-Ненецкий автономный округ

Учредитель:
Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Федеральный исследовательский центр
Тюменский научный центр Сибирского отделения Российской академии наук

Издатель:
Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Федеральный исследовательский центр
Тюменский научный центр Сибирского отделения Российской академии наук

Сетевое издание

Вестник археологии, антропологии и этнографии

№ 3 (46)

2019

Главный редактор
доктор исторических наук А.Н. Багашев

Редактор	Е.М. Зах
Верстка	М.В. Крашенинина, С.А. Иларионова
Художник	С.А. Иларионова
Перевод на английский	А.В. Квеглис
Редактор текста на английском	Н.Г. Попова

*Точка зрения авторов публикуемых материалов не всегда отражает точку зрения редакции.
При перепечатке материалов ссылка на статьи журнала
«Вестник археологии, антропологии и этнографии» обязательна*

Подписано в печать 26.09.2019. Уч.-изд. л. 20,7. Объем 57 Mb.
Минимальные системные требования: Pentium 330 МГц, ОС Windows 98 и выше,
ОЗУ 512 МБ, Internet Explorer, Adobe Reader 5.0 и выше

Адрес редакции: 625026, Тюмень, ул. Малыгина, 86, тел. (3452) 406-360

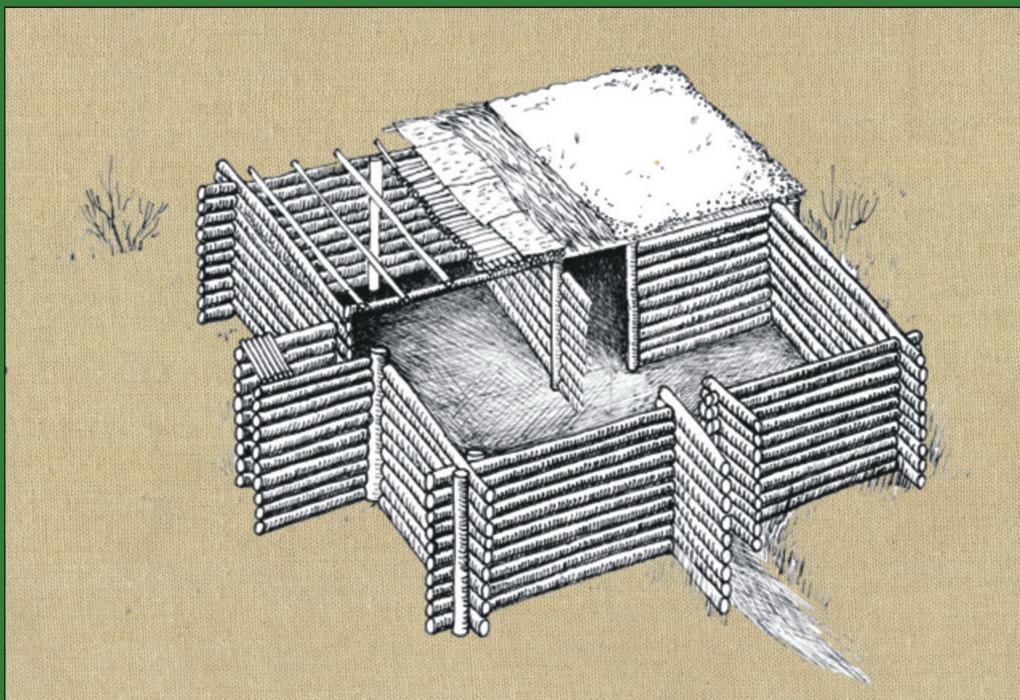
E-mail: vestnik.ipos@inbox.ru

Размещение журнала: <http://www.ipdn.ru>

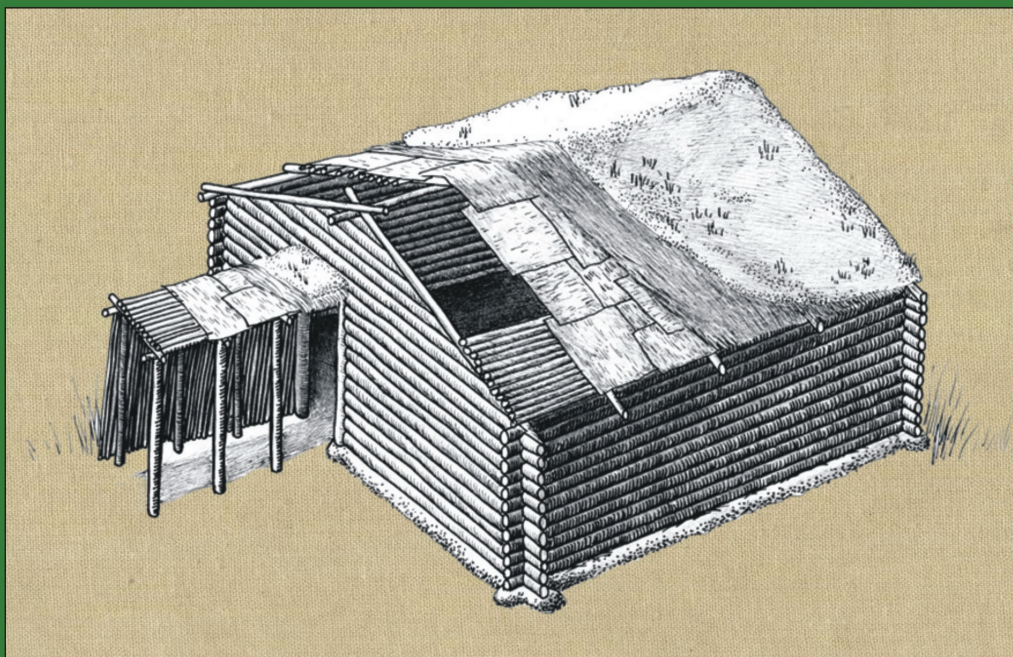
ISSN 977-2071-0437-05

9 772 071 043 705

Воробьевское городище. Реконструкция внешнего жилища р. 8

Катайское селище. Реконструкция внешнего вида жилища